Вестник Московского университета

Lomonosov Philology Journal

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2024

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ–АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatuzzi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš), д.ф.н, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н, профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им.М. Улугбек); ПЕНЧЕВА Антония Иванова, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); РЫЧКОВА Людмила Васильевна, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2024
© «Вестник Московского университета», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Круглова К.В. Профессор И.В. Цветаев и его методы работы с эпиграфическим материалом: интерпретация бронзовой таблички из Falerii Novii 9

СТАТЬИ

Князев С.В., Дьяченко С.В. Среднерусская интонация: Тверские говоры 26

Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 2 60

Беляев О.И., Хомченкова И.А., Синицына Ю.В., Дьячков В.В., Бызова А.А., Бадеев А.О., Алексеев Д.А., Макаров Ю.Ю. Историко-этимологический словарь осетинского языка В.И. Абаева: проблемы создания цифровой двуязычной версии 75

Иванова Е.В. Орфографические регионализмы в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого 87

Ранчин А.М. Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 года? Часть 1 97

Пауткин А.А. К проблеме формирования древнерусской книжной топики 112

Криницын А.Б. Образ Руси-тройки в русской литературе второй половины XIX века 121

Толмачёв В.М. Символизм Джойса 134

Кольцова Н.З., Линьлинь Чжан. Пространственные символы «Острова мертвых» А. Бёклина в романе «Петербург» Андрея Белого . . 155

Лочмелис Е.Р. Реинтерпретация образов романа Достоевского «Преступление и наказание» в русской рок-поэзии 166

САРАТОВСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Дмитриева О.И. Саратовская дериватологическая школа: проблематика, результаты, перспективы 177

Крючкова О.Ю. Синхронно-диахронный анализ усложненных суффиксальных формантов как методика их изучения 188

Семеновская С.А. Динамика научного описания индивидуально-авторских неологизмов: от «нарушения» языковой системы к реализации ее потенциальных возможностей 202

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И.А. БУНИНА

Зайцев Д.В. Очерк в раннем творчестве И.А. Бунина: литературная генеалогия жанра 212

Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения 221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Изотов А.И., Остапчук О.А. Международная конференция «I Широковские чтения» 233

Петрухина Е.В., Теркулов В.И. Межуниверситетский курс лекций «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке» . . 239

Монисова И.В., Руденко М.С., Чжан Л., Лю Ц. Круглый стол «От текста до игры…»: разговор о сегодняшнем и вечном. Репортаж 247

РЕЦЕНЗИИ

Стрижкова Д.А. Рецензия на книгу: Винокурова И. Нина Берберова: известная и неизвестная. СПб.: Academic Studies Press, Библиороссика, 2023. 680 с. 255

Белавина Е.М. Nuova poesia italiana dal 1980 a oggi / Новая итальянская поэзия с 1980-го до наших дней. М.: Типография «Левко», 2023. 295 с. 261

ЮБИЛЕИ

Величко А.В., Красильникова Л.В. Скромный труженик на ниве просвещения и образования: к юбилею Л. П. Юдиной 266

Кикило Н.И. Елена Владимировна Верижникова 272

ПАМЯТИ...

Катаев В.Б. Рольф-Дитер Клюге 26.6.1937–13.3.2024 276

CONTENTS

TO THE 270th ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY

Kruglova K.V. Professor Ivan Tsvetaev and His Methods of the Epigraphic Research: Interpretation of the Bronze from Falerii Novi (CIL I^2.365) . . . 9

ARTICLES

Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Phrase Prosody of a Middle-Russian Dialect: Tver 26

Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. Age Dynamics in Kumyk-Russian Bilingualism and Its Implications for Language Vitality: Linguistic and Sociocultural Dimensions. Part 2 60

Belyaev O.I., Khomchenkova I.A., Sinitsyna Yu.V., Dyachkov V.V., Byzova A.A., Badeev A.O., Alekseev D.A., Makarov Yu.Yu. V.I. Abaev's Historical-Etymological Dictionary: Issues in the Development of a Digital Bilingual Edition 75

Ivanova E.V. Orthographic Regionalisms in the Translation of *Epitomies* Made by Epiphanius Slavinetsky 87

Ranchin A.M. Did the Author of *The Tale of Igor's Campaign* Know the Chronicle Narratives about the Campaign of 1185? Part 1 97

Pautkin A.A. On the Problem of the Formation of the Old Russian Book Topic 112

Krinitsyn A. The Image of Rus' Troika in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century 121

Tolmatchoff V.M. Joyce's Symbolism 134

Koltsova N.Z., Linlin Zhang. Spatial Symbols of A. Böcklin's *The Isle of the Dead* in Andrei Bely's *Petersburg* 155

Lochmelis E. Reinterpretation of Images from Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment* in Russian Rock Poetry 166

SARATOV SCHOOL OF DERIVATOLOGY

Dmitrieva O.I. Saratov School of Derivatology: Problems, Results, Prospects 177

Kryuchkova O.Yu. Synchronous and Diachronic Analysis of Complex Suffixal Formants as a Method of Their Study 188

Semenovskaya S.A. The Dynamics of Scientific Description of Individually Coined Author's Neologisms: From 'Violating' the Language System to Realizing Its Potential 202

FROM THE MATERIALS FOR THE ACADEMIC COLLECTION OF WORKS BY I.A. BUNIN

Zaitsev D. The Sketch Story in the Early Works of I.A. Bunin: Literary Genealogy of the Genre 212

Shavlinsky M. Temple of The Sun by I.A. Bunin and *Syrian Stories* by S.S. Kondurushkin: Intersection Points 221

ACADEMIC LIFE

Izotov A.I., Ostapchuk O.A. International Conference *Shirokova Readings* 233

Petrukhina E.V., Terkulov V.I. Inter-University Lecture Course "Systemic, Discursive, and Cognitive Aspects of Word-formation and Morphological Derivation in Russian" 239

Monisova I.V., Rudenko M.S., L. Zhang, J. Liu. Round Table "From Text to Game...": Talk about Today and Eternal 247

REVIEWS

Strizhkova D. Review of the Book: Vinokurova I. Nina Berberova: Known and Unknown. St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika, 2023. 680 p. 255

Belavina E.M. Nuova oesia italiana dal 1980 a oggi / New Italian Poetry from 1980 to the Present Day. Moscow, 2023. 295 p. 261

ANNIVERSARIES

Velichko A.V., Krasilnikova L.V. A Modest Worker in the Field of Enlightenment and Education: To the Anniversary of L.P. Yudina 266

Kikilo N. Elena Verizhnikova 272

IN MEMORIAM

Kataev V.B. Rolf-Dieter Kluge 26.6.1937–13.3.2024 276

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 9–25
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 9–25

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОФЕССОР И.В. ЦВЕТАЕВ И ЕГО МЕТОДЫ РАБОТЫ С ЭПИГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БРОНЗОВОЙ ТАБЛИЧКИ ИЗ FALERII NOVI (CIL I^2.365)

К.В. Круглова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kapitolina93@gmail.com

Аннотация: Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) — выдающий русский ученый, профессор Московского университета, известный широкой публике как основатель Музея изящных искусств имени императора Александра III. Сферой научных интересов Цветаева были латинская словесность и италийские языки.

В статье содержится образец работы Цветаева с эпиграфическим материалом на примере лингвистического анализа и интерпретации латино-фалискской таблички из Falerii Novi (CIL I^2.365), опубликованный в серии «Италийские надписи» в журнале Министерства народного просвещения в ноябре 1883 г. Текст Цветаева дополнен комментариями современного прочтения надписи с объяснением некоторых языковых особенностей фалискского диалекта, исторической грамматики латинского и других италийских языков. Предлагается современная интерпретация текста и лингвистическая характеристика языка надписи, которая до сих пор является предметом дискуссии.

В статье подчеркивается выдающаяся роль Цветаева в становлении мировой науки об италийских языках.

Ключевые слова: И.В. Цветаев; италийские языки; эпиграфика; фалискский диалект; Falerii Novi

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-1

***Для цитирования*:** *Круглова К.В.* Профессор И.В. Цветаев и его методы работы с эпиграфическим материалом: интерпретация бронзовой таблички из Falerii Novii // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 9–25.

© Круглова К.В., 2024

PROFESSOR IVAN TSVETAEV AND HIS METHODS OF THE EPIGRAPHIC RESEARCH: INTERPRETATION OF THE BRONZE FROM FALERII NOVI (CIL I^2.365)

Kapitolina Kruglova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kapitolina93@gmail.com

***Abstract*:** Ivan Vladimirovich Tsvetaev (1847–1913) was an outstanding Russian classical philologist, art historian and archaeologist, professor at the Moscow State University. He was known as the founder of the Alexander III Museum of Fine Arts. As a researcher, Tsvetaev was interested in Latin literature and Italic languages. The article is based on the linguistic analysis and interpretation of bronze tablet from Falerii Novi (CIL I^2.365), published by Tsvetaev in the Ministry of Public Education journal in November 1883. Tsvetaev's article is supplemented with comments of modern reading and explanation of some linguistic features, the historical grammar of Latin and other Italic languages, as well as a modern interpretation of the text and linguistic characteristics of the inscription language, which is still the subject of discussion.

The article reveals an outstanding role of Tsvetaev in the development of the studies in Italic languages.

Keywords: Tsvetaev; Italic languages; Faliscan; epigraphy; Falerii Novi

For citation: Kruglova K.V. (2024) Professor Ivan Tsvetaev and His Methods of the Epigraphic Research: Interpretation of the Bronze from Falerii Novi (CIL I^2.365). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 9–25.

Преподавание классической филологии в Московском университете берет свое начало с самого учреждения университета императрицей Елизаветой в 1755 г. Одним из трех факультетов университета был философский, на котором была предусмотрена кафедра красноречия. Профессоры красноречия преподавали греческий язык, латинскую стилистику, греческие и римские древности. В 1804 году было создано отделение словесных наук, на котором были учреждены в том числе и две кафедры: греческого языка и словесности греческой, а также древностей и языка латинского. А в 1884 году был принят новый устав Московского университета, по которому на основе двух вышеназванных кафедр была создана кафедра классической филологии. Таким образом, в составе кафедры классической филологии в момент ее формирования оказался выдающийся русский ученый Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), с 1877 г. преподававший в Московском университете на кафедре

римской словесности[1]. Сферой научных интересов И.В. Цветаева, который известен широкой публике как основатель Музея изящных искусств имени императора Александра III, были латинская словесность и италийские языки.

Иван Владимирович Цветаев входил в число первых исследователей и издателей италийских надписей (в том числе и фалискских). Интерес к фалискскому языку в мировом научном сообществе возник после издания в 1854 году ряда поздних латинских и латино-фалискских надписей из Санта Мария ди Фаллери (S. Maria di Falleri), побудивших Гарруччи написать работы *Scoperte falische* [Garrucci 1860] и *Epigrafi etrusche anteaugustanee* [Garrucci 1864], которые положили начало изучению фалискского языка. Надписи, выполненные латинским алфавитом, впоследствии были включены в *Priscae latinitatis monumenta epigraphica* Ричля [Ritschl 1862] и *Corpus inscriptionum Latinarum I* Моммзена и Генцена [Mommsen, Henzen 1863], в то время как фалискские надписи, дополненные возрастающим числом новых находок, нашли свое отражение в *Corpus inscriptionum Italicarum* Фабретти [Fabretti 1867], *Sylloge inscriptionum Latinarum* Гарруччи [Garrucci 1877], *Inscriptiones Italiae* Цветаева [Zvetaieff 1884–1885, 1886], *Dialectorum italicarum aevi vetustioris exempla selecta* Шнейдера [Schneider 1886] и *Corpus inscriptionum Latinarum XI* Бормана [Bormann 1888]. Этот период завершился первой общей работой о фалискском языке и фалисках — книгой Декке *Die Falisker* [Deecke 1888]. Последний, собрав все доступные в то время данные, рассматривал фалискский язык как находящийся под влиянием сабелльских языков, а ager Faliscus — как лингвистически отдельный от Лация регион. Несмотря на то, что его издание не основано на результатах непосредственной работы с эпиграфическим материалом, эта работа послужила основой для последующей публикации фалискских надписей в книге «Италийские диалекты» [Conway 1897].

И.В. Цветаев изучал эпиграфический материал в Италии в 1874–1875 и 1880 гг., основной целью исследования была «эпиграфическая и лингвистическая задача, совсем до сих пор не входившая в круг русского университетского преподавания и нашего отечественного научного исследования» [Каган 1987: 27]. В Италии у него была возможность работать непосредственно с эпиграфическим текстом, тщательно сличать на месте ранее изданные надписи, разыскивать новые, старательно срисовывать и калькировать их для последующего изучения и издания [Цветаев 1883]. Результатом этой работы

[1] В 1889 году И.В. Цветаев перешел на кафедру истории и теории искусств Московского университета. В том же году он получил звание заслуженного профессора Московского университета.

было опубликование ряда сборников эпиграфических памятников, происходящих из Нижней Италии (надписи осков) и Центральной Италии (надписи пиценов, пелигнов, марсов, вольсков, фалисков) [Zvetaieff 1878; 1884–1885; 1886]. К этим изданиям, которые были оценены научной критикой как образцовые[2], примыкают и отдельные исследовательские статьи Цветаева, публиковавшиеся им, начиная с 1883 года, в Журнале министерства народного просвещения (ЖМНП) под общим заголовком «Италийские надписи»[3]. «Все эти труды — и публикации, и исследования — составили важный этап в развитии италийской эпиграфики и диалектологии. Они содействовали углубленному изучению языка и культуры малых италийских народов, а этим, в свою очередь, и более основательному пониманию особенностей собственно латинской, римской культуры» [Фролов 1999: 204].

Рассмотрим пример работы с текстом И.В. Цветаева на материале одной бронзовой таблички из Новых Фалерий (Falerii Novi) с латино-фалискской надписью CIL I^2 365 (рис. 1.).

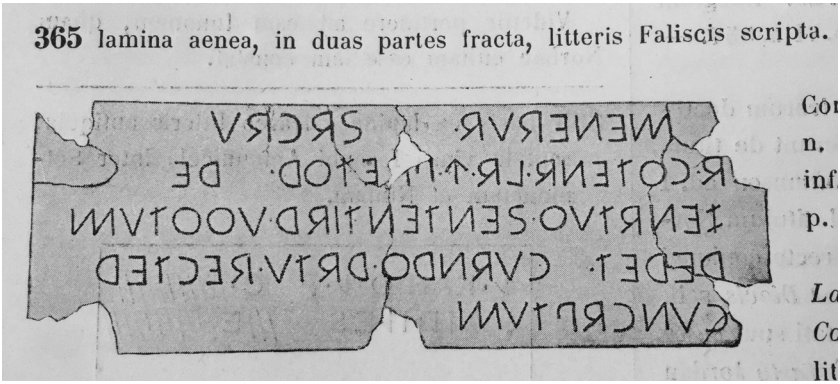

365 lamina aenea, in duas partes fracta, litteris Faliscis scripta.

Рис. 1. *CIL I^2 365.*

Надпись выполнена на первоначально скрепленной заклепками бронзовой табличке (52 × 18 см, высота букв 2 см), половинки которой были найдены в разных местах. Правая половина была найдена в 1860 году недалеко от Порта Чимина. Гарруччи, в чье распоряжение она попала, показал ее Генцену, по чьим заметкам она затем была опубликована Моммзеном без согласия Гарруччи. Другая половина была найдена в 1870 году, после чего надпись была полностью опу-

[2] Рецензии И.В. Помяловского, ЖМНП, 1887, октябрь, отд. 2, с. 125–226; рецензии Ф.Е. Корша, ЖМНП, 1887, август, отд. 2, с. 315–371.

[3] ЖМНП, 1882, март и июль; 1883, ноябрь и декабрь; 1886, январь и сентябрь.

бликована Гарруччи. Надпись датируется приблизительно 150 г. до н. э. [Bakkum 2009: 494]. Так как основание города Falerii Novi, где были обнаружены надписи, исследователи датируют периодом вскоре после 241 г. до н. э., возможно, десятилетием 230–220 гг. до н. э., то все фалискские надписи из города и его окрестностей классифицируются как поздние фалискские или латино-фалискские, и действительно, есть признаки того, что выходцы из Лация поселились в новом городе. В самом городе были обнаружены: одна поздняя фалискская надпись, одна латино-фалискская надпись, четыре латинские надписи, а также рассматриваемая нами латино-фалискская надпись фалискским алфавитом; надписи, по большей части, официальные.

Приведем текст статьи Ивана Владимировича Цветаева с разбором этой надписи по ЖМНП за ноябрь 1883 (стр. 73–79) в современной орфографии и с незначительными сокращениями. Сперва И.В. Цветаев дает характеристику письма надписи, а затем представляет, как он сам называет, «экзегетический анализ» каждого слова. С целью анализа текст Цветаева дополнен комментариями о современном прочтении надписи и языковых особенностях надписи по современным работам — прежде всего, новейшему пособию Габриэля Баккума [Bakkum 2009]:

«(…) Письмо этой бронзы ясное, крупное и даже изящное. И если мы встречаем разногласия издателей относительно начала второй строки, то это объясняется лишь порчей бронзы в этом месте. Моммзен, пользовавшийся для этой надписи только чужим снимком, и по его примеру Фабретти, позднее Руджиеро и Бреаль читали здесь букву A и принимали ее за собственное имя Aulus. Но более тщательное рассмотрение оригинала убедило сначала Гарруччи, при издании надписи в Annali, и позднее нас самих в несомненном существовании здесь наклонной линии буквы L. Ее мы ясно отмечаем и на палеографическом снимке, который вошел в наше другое, специальное издание, имеющее вскоре появиться в Лейпциге под заглавием Sylloge inscriptionum Italicarum. После этого наблюдения, проверенного вместе с нами и художником Ф.П. Рейманом, мы не можем согласиться с замечанием Бреаля, познакомившегося с этой бронзой летом 1881 года, будто здесь нет следа буквы L: «Au sujet du prénom, Garrucci (Sylloge p. 171) fait remarquer, qu' avant la lettre A on aperçoit la partie inférieure d'un L. Le prénom serait dès lors Lars ou Lartius. Cf. — le nom du pére. Dans la copie, que j'ai prise de l' inscription, je ne trouve pas ce L. Je lis donc Aulus» [Bréal 1881: 401][4]. Итак, здесь

[4] «Что касается имени, Гарруччи отмечает, что перед буквой A видна нижняя часть буквы L. Таким образом, имя будет Ларс или Лартиус. Ср. имя отца. В копии, которую я взял с надписи, я не могу найти эту букву L. Поэтому я читаю "Авл"».

нужно читать La — начальные буквы собственного имени Lars, столь распространенного в этрусских надписях (Fabretti Glossarium) равно как известного из латинских надписей этрусской территории. Ср. Например, CIL. I n. 1371 Thannia Ancharia. Lar. f., то есть Lartis filia. Точно также мы не имеем возможности дать веру другому сообщению Бреаля, будто отчество упоминаемого здесь Котены отмечено знаком LR (обращенным влево); оригинал представляет здесь после L (которая вероятно по ошибке резчика у Бреаля передана столь же неправильно) букву той же самой формы, как A слов Menerva, sacru, La, Cotena, zenatuo, sententiad, cuando, datu, cuncaptum. Смешение этого знака Бреалем с буквой D объясняется близким сходством двух этих букв в фалискской письменности».

Современные исследователи и издатели принимают чтение Фабретти и Цветаева имени Lars, чтение Бреаля и Руджиеро, о котором подробно пишет Цветаев, отвергается.

«**Menerva** — dat. sg = Minervae, древ. Menervai (CIL, I n. 129). Образование этой падежной формы без i, принадлежащего суффиксу[5], от основ на -a известно из других латинских надписей, таковы примеры: Minerva, Feronia, Matuta, Loucina и др. (CIL I p. 603, col. 2). Присутствие звука e в корневом слоге нашего слова на месте последующего i доказывается, кроме вышеприведенного случая, еще такими формами, как promenervat Феста (p. 205 M.), menurbid марсийско-латинского бустрофедона, Menerva этрусских надписей [Fabretti 1867][6] и пр. Минерва у Римлян считалась богиней сабинского происхождения: Feronia, Minerva Novensides a Sabinis (Varr. L.L.V 74)».

Эти дативы на -a, по-видимому, распространились из Лация и латиноязычных колоний. Если в этих формах -a обозначает /-ę̄/, то их распространение связано не с морфофонологической интерференцией, а только с распространением другого специфического написания [Bakkum 2009: 494].

«**sacru** — n. sg. = sacrum. Ср. бессуффиксное[7] употребление nom. и acc. от основ на -o в латинских надписях: pocolo, dono (CIL. I Ind. Gramm.). По своему конечному гласному u, этот пример фалискской надписи позднее многих образований латинской эпиграфики; то же самое представляют нам и другие примеры: vootum, datu, cuncaptum».

В средне- и позднефалискских надписях -m всегда опускается после краткого гласного, например, в acc. sg. uino MF 59-60[8], macistratu LF 242, а также в arute MF 269 и larise MF 270, MF 371, 372.

[5] Имеется в виду «флексия».

[6] N. 1019.

[7] Без конечного -m в окончаниях.

[8] Здесь и далее ссылки на фалискские надписи даны по [Bakkum 2009: 631–652] (соответствия).

В gen. pl. -m сохраняется: tulom MF 72 и aciuaiom Cap 465*, но опущено в [fel]cinatiu LF 384.

«**La** = Lars как La. f = Lartis filius.

Cotena — родовое имя nom. sg. m. Ср. этрусск. Cutna в форме gen. sg. Cutnas [Fabretti 1867][9] или Cutana у Deecke [Deecke 1881] и потому вероятно это фалискское имя этрусского происхождения; по основательному суффиксу[10] как Porsena,

pretod — nom. Sg. = praetor, древ. praitor. Пример замечателен как своим конечным d на месте нормального r, так и знаком e там, где мы ожидали бы ai — ae. Замена плавного r зубным d доселе известна только в средине слова Ladinei, Ladinod на латино-оскских надписях города Larinum [Friedlaender 1830: 42]; (CIL I n. 24.506) и в обратном порядке (r вместо d) в префиксе ad и apor вместо apud — факт, касаться которого мы имели случай раньше, — следовательно, в проклитиках; но подобного примера доселе ни в латинских надписях, ни в сообщениях древних грамматиков не существовало. По поводу написания e в pre — невольно припоминаются слова Варрона о провинциальном выговоре ae: In pluribus verbis A ante E alii ponunt, allii non; ut quod partim dicunt sceptrum, partim scaeptrum; alii Plauti Faeneratricem, alii Feneratricem; sic faenisicia ac fenisicia, ac rustici Pappum Mesium, non Maesium, a quo Lucilius scribit; Cecilius Pretor ne rusticus fiat (Varr. L. L. VII 96)».

Монофтонгизация /-ai/ в pretod является обычной в фалискском. В начальных слогах (практически единственной позиции, где дифтонги засвидетельствованы для фалискского) в латинских надписях встречается изначальное написание **ai**, а новое написание **ae** появляется с начала второго века и далее, например, в aedem CHIL I^2.581,1 (186), и, начиная с первой половины II в. до н. э., новое написание **e** в cedito и cedre CIL I^2.366 из Сполето, cesula CIL I^2. 376 из Пезаро, grecia CIL I^2.350 из Пренесте, fedra CIL I^2. 1413 из Рима. Проблема заключается в том, какую фонетическую реальность представляют эти различные варианты написания. Согласно обычной интерпретации [Pfister 1977: 62–63; Meiser 1998: 58, 61–62], ai представляет дифтонг /ai̯/, ae — более открытый дифтонг /ae̯/, а e — монофтонг /-ę̄/. Что касается конечного -d в pretod, то оно рассматривалось как ошибочное использование этрусского -r и как позиционное чередование с -d, но новые подтверждения того же написания в cuestod pi pretod pis LF 242 показывают, что оно скорее может представлять ослабленный /-r/ или, вероятно, слабый одноударный альвеолярный согласный [ɾ] [Peruzzi 1997], хотя М. Манчини предполагает, что это

[9] N. 2236.

[10] По словообразовательной модели.

может быть попыткой передать латинскую реализацию /r#/ [Bakkum 2009: 94].

«**zenatuo** — gen. sg. от основы на u = senatus, форма в высшей степени важная в истории этого падежного образования. Здесь -u- характеристический гласный основы и -o суффикса[11] -os gen. sg. представляются нам еще вполне самостоятельными элементами — пример, которого не имеет ни богатая латинская письменность, ни надписи других италийских народов. Опираясь на этот факт, мы легко теперь определим как, с одной стороны, причину долготы гласного u в gen. senatûs, fructûs и пр., так, с другой, и предшествующие образования. Этими, очевидно, некогда были u-us — u-os. Любопытную особенность встречаем мы и в начальном z=s этого слова, подкрепляемого образованиями Zertenea = Sertinia и Zextoi = Sexti других фалискских надписей (№№ 14, 25)[12]. В латинском языке соответствующих примеров доселе не найдено; не знаем этой замены в начале слов и в других италийских наречиях. Но зато совершенно тождественные явления существуют в этрусском языке: Ramθa Zertnai [Fabretti 1867][13], где последнее женское имя — одного происхождения с нашим Zertenea; или его же в Terzo Suppl. N. 347: ZalviLarθi = Salvia Lartia и др. Если бы в объяснении zenatuo можно было указать на проклитику de, уполномочивающую нас рассматривать звук z стоящим в средине слова между двумя гласными, то никаких пролитик не видим в двух других случаях. Предшествующие слова хотя и там кончаются на гласные звуки: Vipia: Zertenea, Folcozeo | Zextoi; но разделительный знак (:) в одном случае и то обстоятельство, что Zextoi написано с новой строки, наводят на мысль о совершенно отдельном, независимом произношении этих слов писавшими, которые, кроме того, были обитателями разных мест. Что начальный s фалисками произносился как z далеко не повсюду, доказательства представляет нам эта же самая надпись: Menerva. Sacru, zenatuo. Sententiad. (…)»

Окончание -uo(s) — [-uo^{h}] — /-uos/ сформировалось под влиянием окончания gen. sg. -os 3 скл. основ на согласный, также засвидетельствовано в ранних в латинских надписях начала II в. до н. э.: senatuos (CIL I^{2} .581,8, 17, 21, 23). Причем для фалискского языка невозможно сказать, является ли это окончание характерным, так как оно встречается только в этой надписи и в формуле, которая может иметь латинское происхождение, и в этом случае оно могло быть заимствовано (латинское senatuos также встречаются исключительно в формуле). Что касается отсутствия конечного -s, то это

[11] Имеется в виду «окончания».
[12] Нумерация текстов по ЖМНП 1883.
[13] N. 435.

было характерной чертой средне- и позднефалискского языка, и это явление можно рассматривать как одну из наиболее известных особенностей фалискского языка. В ранних фалискских надписях -s всегда пишется и никогда не опускается: zextos EF 1, pra [i]os EF 1, lartos EF 6 и apolonos EF 10, ceres EF 1, fitaidupes EF 1 и (после долгого гласного) tias... duenas EF 3. Однако начиная со среднефалискского периода и далее наблюдается преобладающая тенденция опускать -s[14].

Уже начиная с раннего фалискского периода и далее встречаются случаи, когда z используется вместо s. Это явление обсуждалось Бонфанте [Bonfante 1966], Джакомелли [Giacomelli 1978: 32–43] и Вахтером [Wachter 1987: 43–50], в то время как Ван Гемс [Van Heems 2002] обсуждает очень похожий вариант в этрусских надписях из Вольсиний. Существуют три возможных объяснения: 1) z — это lettre morte в фалискском алфавите, которую можно использовать без разбора вместо s; 2) z обозначает одну конкретную реализацию /s/ и, следовательно, представляет одно и то же фонетическое значение в каждом случае, 3) z может обозначать различные реализации /s/ и, следовательно, может представлять различные фонетические значения в зависимости от контекста. Для начала слова ни одно из объяснений не является полностью удовлетворительным, однако отмечается сходное явление в этрусском [Bakkum 2009: 85].

«**sententiad** — abl. sg. = sententia (древ. sententiad CIL I n 196 v 9, 17, 21) таким образом еще с d на конце этим древним признаком падежного суффикса[15]».

Протоиталийское окончание abl. sg. для первого склонения было */-ād/. Фалискские данные для этого окончания неопределенны или косвенны, но указывают на процесс: -ad */-ād/ —> -a /-ā/. Для позднефалискского окончание -ad, встречаемое в этой надписи, — единственное прямое свидетельство abl. sg. Ср. латинские: sententiad, oquoltod, poplicod CIL I2.581,8, 10, 15 (186). Кажется сомнительным, что эта надпись все еще отражает черты позднефалискского языка: аблатив на -ad к этому времени (середина II до н. э.) является архаизмом. Формула de | zenatuo sententiad, скорее всего, латинская. -d в sententiad и rected является не характерным в этот период времени как для фалискского, так и для латинского, и может быть искусственной архаизацией [Bakkum 2009: 124].

«**vootum** — acc. sg. склонения на o = votum. Способ удвоения буквы o для выражения долготы соответствующего гласного, представляемый нам этим примером, составляет новую особенность фалискской письменности. В латинских надписях, со времени Грак-

[14] Процентное соотношение отсутствия -s в падежных окончаниях после долгих или кратких гласных в надписях см. [Bakkum 2009: 94].

[15] Имеется в виду «окончания».

хов, встречаются лишь случаи удвоения **a**: aara, faato, maanium и др.; **e**: Feelix, leegei, ree и пр.; **u**: fuueit, iuus, luuci, pequlatuu и т.д. (Corssen Aussprache I^2, p. 15 и специальное исследование Ritschl Opusc. Phil. IV p. 142 и след.). Удвоение буквы о встречается один раз на Tab — Iguv VIA 12 в слове ooserclome».

Удвоение знаков для выражения долгого гласного или долгого согласного встречается чрезвычайно редко. Удвоение гласных фактически не засвидетельствовано в надписях фалискским алфавитом, за исключением рассматриваемой здесь надписи, в которой есть uootum: этот случай можно отнести к орфографическому влиянию латинских надписей того времени.

«**dedet** — perf. ind. act. 2 sg. = dedit. Присутствие гласного e в последнем слоге основы перфекта на месте характеристического i для классического периода латинского языка известно из других эпиграфических памятников (dedet, cepet, exemet и пр. CIL I p. 605 col. 1) и составляет общее свойство с другими италийскими наречиями: ср. deded. proffed, profatted и пр. в оскских надписях, умбр. dede. Что касается до смысла этого слова в нашей надписи, то в новейшее время Бреаль отождествляет его с fecit, видя аналогию выражения vootum dedet латинским stragem dare, ruinam dare или греческому ἀρὰς τίθεσθαι. Но что же препятствует принимать его в прямом значении?»

В окончаниях perf. 3 sg. произошел сдвиг: в ранне- и среднефалискском представлены формы, которые продолжают (вторичное) окончание тематического аориста -e-d в раннефалискском, в формах porded, fifiked, faced, но в средне- и позднефалискском встречаются формы facet MF 470* и keset LF242 с окончанием -e-t. Аналогичный сдвиг происходил и в латинском. Ранние латинские надписи отражают окончание префекта 3 sg. как -e-d: vhe : vhaked CIL I^2.3 u feced CIL I^2.4. Это же окончание появляется в более поздней форме на -id: facid (рядом с dedit) CIL I^2 .561. Более древнее окончание -d было заменено на -eit /-ei̯t/ —> -et /-ē̥t/ —> -it /-īt/ —> it /-t/. Это «новое» окончание представляет собой более старое перфектное окончание */-ei̯/, т. е. унаследованное PIE */-e/ с добавлением /-i/, которое перешло с /-t/ на /-ei̯-t/: латинские формы dede CIL I^2.47, 2438 и fece CIL I^2 .416 на самом деле могут отражать окончание */-ei̯/ [Untermann 1968a: 169–70]. Древнейшие латинские свидетельства окончания -et относятся к середине и второй половине III в. до н. э. (cepet CIL I^2 .25, dedet CIL I^2 .48, CIL I 2 .49). Среднефалискские формы faced и facet относятся к концу четвертого века, что свидетельствует о том, что к тому времени происходила замена -ed на -et. Природа нового окончания не ясна: -et может представлять либо /-ē̥t/, и в этом случае окончание такое же, как в латинском, либо /-et/, с заменой /-d/

на основное окончание /-t/, как это засвидетельствовано в южноосском: αφαματετ Lu 18 (вместо αφαματεδ Lu 6), δεδετ Lu 19, and αναφακετ Lu 18 [Bukkam 2009: 160–161].

«**cuando** = quando. Фалиски не имели буквы Q латинского алфавита, и потому они писали на месте его C: cuando, Cavia -cve = Gaviaque (№ 8)[16]. В последнее время высказана Бюхелером мысль, что слово употреблено в значении aliquando (Lexicin Italicum. Bonnae 1881 p XIV s.v.). К сожалению, почтенный автор не подкрепил своей догадки никакими аналогическими примерами. Но если бы таковые нашлись, то нижеприводимая нами интерпретация этого места Бреалем окажется излишней.

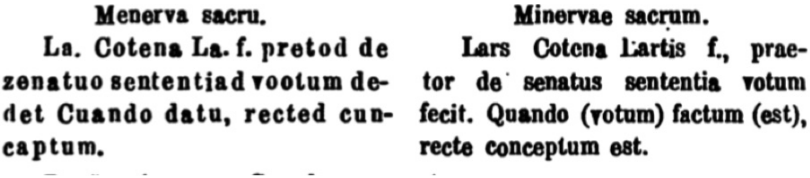
datu — par. t perf. pass. nom. sg. n. = datum. Об отсутствии суффикса -m см. примечание к слову sacru. Смысл требует здесь подразумеваемого est, если толкование Бреаля верно.

rented — наречие, сохраняющее здесь свою древнюю аблативную форму = recte. Ср. оск. amprufid = improbe, лат. facilumed = facillime.

cuncaptum — форма причастия, вместе с подразумеваемым est составляющая perf. ind. pass. 3 sg = conceptum (est).

Последние два слова rected cuncaptum обозначают собою принесение обета в должной, религией установленной форме, потому что только при соблюдении этих формул, verba concepta, обет считался правильно принесенным».

Для этого периода времени (150 г. до н. э.) ожидается редукция гласного в cuncaptum, отсутствие таковой может свидетельствовать о специальной архаизации текста.



Menerva sacru.
La. Cotena La. f. pretod de zenatuo sententiad vootum dedet Cuando datu, rected cuncaptum.

Minervae sacrum.
Lars Cotena Lartis f., praetor de senatus sententia votum fecit. Quando (votum) factum (est), recte conceptum est.

Рис. 2. *ЖМНП 1883, стр. 78*

«После всего вышеизложенного, укажем на два способа объяснения смысла настоящей надписи.

Выделение слов cuando — cuncaptum в самостоятельное предложение, равно как уравнение dedet = fecit и datu = factum принадлежат Бреалю, который по поводу этого говорит нам следующее: La fin de l'inscription falisque nous révèle un detail qui n'était pas connu jusqu'à present: nous voyons qu'une sorte de récépissé est délivré par le dieu ou par son représentant terrestre pour attester que le voeu a été rédigé en bonne et due forme. Tel est le sens de la phrase: cuando datu(m), rected

[16] Нумерация текстов по ЖМНП 1883 (ноябрь).

cuncaptum “quand il a été fait, il a été correctement conçu” [Bréal 1881: 492][17]. Другой способ толкования предложен Бюхелером, по мнению которого наша надпись значит: Minervae sacrum. Lars Cotena Lartis f. Praetor de senatus sententie votum edit. Aliquando datum. Recte conceptum (est). Весь интерес последнего объяснения заключается в том, значит ли cuando = aliquando, как предлагает Бюхелер».

На этом заканчивается «экзегетический анализ» Цветаева в ЖМНП, не дающий окончательное решение в интерпретации текста, однако тот факт, что в латинском издании этой надписи в Inscriptiones Italiae Mediae Dialectae, вышедшей в 1884 году в Лейпциге, он оставляет версию Бреаля, может косвенно доказывать ее приятие. Интерпретация последних четырех слов cuando dato rentes cuncaptum и языковых особенностей надписи является предметом дискуссии и сегодня и заслуживает отдельного разбора.

Многие издатели [Deecke 1888; Herbig 1910; Buonamici 1913; Warmington 1940; G. Giacomelli 1963] последовали за Бреалем, предположив, что datu относится к uotum (“quand il a été fait, il a été correctement conçu” [Bréal 1881: 492]). Cuncaptum обычно употребляется в том же смысле, что и в выражении concipere uerba ‘произносить клятву’ [Norden 1939: 92–96]. Текст надписи был сопоставлен с Liv. 36.2.5 (впервые Dessau), где Маний Ацилий, дающий обет учредить ludi magni, говорит: quisquis magistratus eos ludos quando ubique faxit, hi ludi recte facti, donaque data recte sunto. Вахтер[18] рассматривал текст в свете этого отрывка и, во-первых, справедливо отклонил datu(r) Феттера [Vetter 1953: 308–309], так как, если фраза из Ливия действительно представляет собой параллель, единственной возможностью с datu(r) было бы quando datur, recte conceptum esto, с футуральным значением, которое невозможно в свете vootum dedet в предыдущем предложении. Согласно Вахтеру, cuncaptum относится не только к формулировке обета, но и к фактическому совершению того, что было обещано (как в sacrum и sacrificium concipere): фраза тогда означала бы “es ist richtig und mit den richtigen Worten dargebracht worden”. Вместе это было бы более или менее «сделано при правильных во всех отношениях условиях».

По-видимому, это самая поздняя надпись фалискским алфавитом, и основной предмет научной дискуссии заключается в том,

---

[17] «Окончание фалискской надписи раскрывает нам деталь, которая до настоящего времени была неизвестна: мы видим, что своего рода расписка выдана богом или его земным представителем в подтверждение того, что обет был составлен в надлежащей форме. В этом смысл предложения: cuando datu(m), rected cuncaptum “когда это было сделано, оно было правильно сформулировано”».

[18] «Это было принесено правильно и с правильными словами» [Wachter 1987: 448–453].

насколько надпись на самом деле все еще была фалискской. Это тем более интересно, что надпись представляет собой публичное посвящение и поэтому отражает язык, используемый местными магистратами. Надпись не может быть намного старше 150 г. до н. э., о чем свидетельствует как двойное oo в vootum, так и буквы u в sacru, uootu, datu и cuncaptum, которые также указывают на второй век. Орфографически текст почти полностью фалискский: алфавит, дукт и использование z- в zenatuo. Единственными не фалискскими особенностями являются двойное o в vootum и -a для /-ę/ в menerua.

Лингвистические характеристики текста отражают особенности, встречаемые как в латинских надписях, так и в фалискских. Единственным исключением, по-видимому, является pretod с окончанием -d, хотя и здесь фалискские параллели ограничены одной надписью. Как можно определить, на каком именно языке на самом деле эта надпись? Решение этой проблемы, как предлагает Баккум, в том, что язык, на котором говорили жители ager Faliscus в период ок. 150 г. до н. э., представлял собой смесь из «деревенской латыни» и фалискского языка. Любой текст этого периода не является ни латинским, ни фалискским, но и тем, и другим в определенной степени. Называть этот текст фалискским (как это делают Перуцци, Манчини и Фриман)[19] или латинским (как это делают Вахтер и Адамс)[20] означает не что иное, как придать больший относительный вес одной из двух его «сторон».

Рассмотрев подробно разбор надписи сперва И.В. Цветаевым, а затем современное состояние вопроса, обратим внимание, что чтение Цветаева (140 лет спустя!) остается фундаментальной опорой для современного ученого. Во-первых, работа с текстами «вживую» уточнила чтение надписи, принятое сегодня; во-вторых, анализируя языковые особенности форм, Цветаев подкрепляет выводы обширным материалом италийских и латинских надписей, с которыми он непосредственно работал; в-третьих, Цветаев останавливается на вопросах истории языка — области, в которой произошел наибольший прогресс на сегодняшний день, что представляет интерес для истории науки в целом; и в-четвертых, предлагает чтение текста и его перевод на латинский язык (рис. 2.) — традиция, ушедшая в прошлое: сегодня надписи по большей части переводятся на современные языки.

В заключение приведем слова В.И. Модестова — коллеги и друга Цветаева, который в 1902 году писал о нем и о его эпиграфических книгах: «Ученое значение его измеряется трудами, имеющими впол-

---

[19] [Mancini 2002; Peruzzi 1997; Freeman 2002].
[20] [Adams 2007; Wachter 1987].

не европейское значение. Трудов этих русская публика совершенно не знает, даже не подозревает об их существовании, но их знает весь ученый филологический мир и знает как труды основные в этой области, к которой они относятся. Не появляется ни одной книги, ни одной статьи в Европе и Америке по италийской диалектологии, где бы не было, и притом обыкновенно на первом месте, указания на сборники надписей древних наречий средней и нижней Италии, сделанные Цветаевым» [Соснина 2008: 510]. И сегодня трудно найти работу, посвященную италийским языкам и надписям, без ссылки на труды И.В. Цветаева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М, 1987.
2. *Соснина Е.Б.* Становление италийской эпиграфики в XIX веке: переписка И.В. Цветаева с А. Фабретти в 1875–1885 гг. // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 194–200.
3. *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999.
4. *Цветаев И.В.* Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1877.
5. *Цветаев И.В.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. М., 1883.
6. *Bakkum G. C. L. M.* The Latin dialect of the Ager Faliscus: 150 years of scholarship. Amsterdam, 2009.
7. *Bonfante G.* Il valore della léttera Z in falisco (in màrgine al libro della Dott. G. Giacomelli) // Archivio glottologico italiano N. 51. Firenze, 1966. P. 1–25.
8. *Bormann Eu.* Corpus inscriptionum Latinarum XI: Inscriptiones Aemiliae Etruriae Umbriae Latinae, pars prior: Inscriptiones Aemiliae et Etruriae. Berolini, 1888.
9. *Bréal M.* Épigraphie italique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1881. P. 405.
10. *Bücheler F.* Lexicon italicum. Bonnae, 1881.
11. *Buonamici G.* Il dialetto falisco. Ímola, 1913.
12. *Conway R. S.* The Italic Dialects: Edited with a Grammar and Glossary. Cambridge, 1897. Vol. 1; Vol. 2.
13. *Corssen P. W.* Über Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache. Leipzig, 1868. Vol. 1.
14. *Deecke W.* Jahresbericht über die italienischen Sprachen, auch das Altlateinische und Etruskische für 1879–1881 // Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft N. 28. Berlin, 1881. P. 230–247.
15. *Deecke W.* Die Falisker. Eine geschichtlich-sprachliche Untersuchung, Straßburg, 1888.
16. *Fabretti A.* Corpus inscriptionum Italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum, et Glossarium Italicum in quo omnia vocabula continentur ex Vmbricis Sabinis Oscis Volscis Etruscis aliisque monumentis quae supersunt collecta et cum interpretationibus variorum explicantur. Augustae Taurinorum, 1867.
17. *Fabretti A.* Primo supplemento alla raccolta delle antichissime iscrizioni italiche, con l'aggiunta di alcune osservazioni paleografiche e grammaticali. Torino, 1872.
18. *Freeman Ph.* CIL I2.365 and Faliscan language survival // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 140. Köln, 2002. P. 252.
19. *Friedlaender J.* Die Oskische Münzen. Leipzig, 1830.

20. *Garrucci R.* Epigrafi falische anteaugustanee // Dissertazioni archeologiche di vario argomento. Roma, 1864. P. 59–76.
21. *Garrucci R.* Scoperte falische // Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica 32. Roma, 1860. P. 211–281.
22. *Garrucci R.* Sylloge inscriptionum Latinarum aevi Romanae rei publicae usque ad C. Iulium Caesarem plenissima, Torino, 1877.
23. *Giacomelli G.* La lingua falisca. Firenze, 1963.
24. *Giacomelli R.* Problemi di storia linguistica del latino dialettale I: Ricerche falische // Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Milano, sezione a cura dell'Istituto di Glottologia 5. Firenze, 1978.
25. *Herbig G., Danielsson O. A., Nogara B.* Corpus inscriptionum Etruscarum, volumen II, sectio II, fasciculus 1: Ager Faliscus et Capenas. Lipsiae, 1912 (= G. HERBIG, Tituli Faleriorum veterum, linguis Falisca et Etrusca conscripti, diss. Lipsiae, 1910).
26. *Mancini M.* Tra linguistica ed ermeneutica. Nuove acquisizioni falische // Incontri Linguistici 25. Pisa-Roma, 2002. P. 23–46.
27. *Meiser G.* Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998 (=2006).
28. *Mommsen Th., Henzen W.* Corpus inscriptionum Latinarum I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Berolini, 1863.
29. *Norden E.* Aus altrömischen Priesterbüchern. Lund, 1939.
30. *Peruzzi E.* Il voto falisco a Minerva (CIL I^2.365) // La Parola del Passato 52. Firenze, 1997. P. 61–74.
31. *Pfister R., Sommer F.* Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre I: Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1977.
32. *Ritschl F.* Opuscula philologica. Vol. IV.. Leipzig, 1878.
33. *Ritschl F.* Priscae Latinitatis monumenta epigraphica ad archetyporum fidem exemplis lithographis repraesentata. Berlin, 1862.
34. *Schneider E.* Dialectorum Italicarum aevi vetustioris exempla selecta I: Dialecti Latinae priscae et Faliscae exempla selecta. Lipsiae, 1886.
35. *Untermann J.* Zwei Bemerkungen zur lateinischen Perfektflexion // Mayrhofer, M., Lorchner-Hüttenbach, F., Schmeja, H. (eds.), Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunder: Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein. Innsbruck, 1968. P. 165–171.
36. *Van Heems G.* s/z (à Volsinies) // Studii Etruschi 69. Firenze, 2003. P. 195–219.
37. *Vetter E.* Handbuch der italischen Dialekte I: Texte mit Erklärung, Glossen, Wörterverzeichnis. Heidelberg, 1953.
38. *Wachter R.* Altlateinische Inschriften: Sprachliche und epigrafische Untersuchungen zu den Dokumenten bis etwa 150 v. Chr. Bern / Frankfurt a. M.; N. Y.; Paris, 1987.
39. *Warmington E. H.* Remains of Old Latin IV: Archaic inscriptions. London, 1940.
40. *Zvetaieff I.* Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae. Mosquae, 1886.
41. *Zvetaieff I.* Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. Vol. I–II, Lipsiae; 1884–1885.
42. *Zvetaieff I.* Sylloge inscriptionum oscarum. Pars I–II. Petropoli-Lipsiae, 1878.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ЖМНП = Журнал министерства Народного просвещения, Санкт-Петербург, 1803–1917.
2. CIL I = Mommsen, Th., Henzen, W. Corpus inscriptionum Latinarum I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem, Berolini 1863.
3. CIL I^2 = Lommatzsch, E. Corpus inscriptionum Latinarum I, editio altera: Inscriptiones antiquissimae ad C. Caesaris mortem, pars posterior, fasciculus 1, Berolini 1918; fasciculus 2: Addenda, nummi, indices, ed. Lommatzsch, E., Dessau, H. Berolini 1931; fasciculus 3: Addenda altera, indices, Berolini 1943; fasciculus 4: Addenda

tertia I: Textus, fasciculus 5: Addenda tertia II: Tabulae, ed. Degrassi, A., Krummrey, J., Berolini / Novi Eboraci 1986.

REFERENCES

1. Bakkum G.C.L. M.The Latin dialect of the Ager Faliscus: 150 years of scholarship. Amsterdam University Press, 2009.
2. Bonfante G. Il valore della léttera Z in falisco (in màrgine al libro della Dott. G. Giacomelli) // Archivio glottologico italiano N. 51. Firenze, 1966. P. 1–25.
3. Bormann Eu. Corpus inscriptionum Latinarum XI: Inscriptiones Aemiliae Etruriae Umbriae Latinae, pars prior: Inscriptiones Aemiliae et Etruriae. Berolini, 1888.
4. Bréal M. Épigraphie italique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1881. P. 405.
5. Bücheler F. Lexicon italicum. Bonnae, 1881.
6. Buonamici G. Il dialetto falisco. Ímola, 1913.
7. Conway R.S. The Italic Dialects: Edited with a Grammar and Glossary. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. Vol. 1; Vol. 2.
8. Corssen P.W. Über Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache. Leipzig: Teubner, 1868. Vol. 1.
9. Deecke W. Jahresbericht über die italienischen Sprachen, auch das Altlateinische und Etruskische für 1879–1881 // Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft N. 28. Berlin, 1881. P. 230–247.
10. Deecke W. Die Falisker. Eine geschichtlich-sprachliche Untersuchung, Straßburg, 1888.
11. Fabretti A. Corpus inscriptionum Italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum, et Glossarium Italicum in quo omnia vocabula continentur ex Vmbricis Sabinis Oscis Volscis Etruscis aliisque monumentis quae supersunt collecta et cum interpretationibus variorum explicantur. Augustae Taurinorum, 1867.
12. Fabretti A.Primo supplemento alla raccolta delle antichissime iscrizioni italiche, con l'aggiunta di alcune osservazioni paleografiche e grammaticali. Torino, 1872.
13. Freeman Ph. CIL I2.365 and Faliscan language survival // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 140. Köln, 2002. P. 252.
14. Friedlaender J. Die Oskische Münzen. Leipzig, 1830.
15. Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki [Russian science of antiquity. Historiographical essays]. SPb: SPbGU, 1999.
16. Garrucci R. Scoperte falische // Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica 32. Roma, 1860. P. 211–281.
17. Garrucci R. Sylloge inscriptionum Latinarum aevi Romanae rei publicae usque ad C. Iulium Caesarem plenissima. Torino, 1877.
18. Garrucci R. Epigrafi falische anteaugustanee // Dissertazioni archeologiche di vario argomento. Roma, 1864. P. 59–76
19. Giacomelli G. La lingua falisca. Firenze, 1963.
20. Giacomelli R. Problemi di storia linguistica del latino dialettale I: Ricerche falische // Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Milano, sezione a cura dell'Istituto di Glottologia 5. Firenze, 1978.
21. Herbig G., Danielsson O.A., Nogara B. Corpus inscriptionum Etruscarum, volumen II, sectio II, fasciculus 1: Ager Faliscus et Capenas. Lipsiae, 1912 (= G. HERBIG, Tituli Faleriorum veterum, linguis Falisca et Etrusca conscripti, diss. Lipsiae, 1910).
22. Kagan Yu. M. I.V. Tsvetaev. Zhizn'. Deyatel'nost'. Lichnost' [I.V. Tsvetaev. Life. Activity. Personality]. M.: Nauka, 1987.
23. Mancini M. Tra linguistica ed ermeneutica. Nuove acquisizioni falische // Incontri Linguistici 25. Pisa-Roma, 2002. P. 23–46.

24. Meiser G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998 (=2006).
25. Mommsen Th., Henzen W. Corpus inscriptionum Latinarum I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Berolini, 1863.
26. Norden E. Aus altrömischen Priesterbüchern. Lund, 1939.
27. Peruzzi E. Il voto falisco a Minerva (CIL I^2.365) // La Parola del Passato 52. Firenze, 1997. P. 61–74.
28. Pfister R., Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre I: Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1977.
29. Ritschl F. Opuscula philologica. Vol. IV. Leipzig, 1878.
30. Ritschl F. Priscae Latinitatis monumenta epigraphica ad archetyporum fidem exemplis lithographis repraesentata. Berlin, 1862.
31. Schneider E. Dialectorum Italicarum aevi vetustioris exempla selecta I: Dialecti Latinae priscae et Faliscae exempla selecta. Lipsiae, 1886.
32. Sosnina E. B. Stanovlenie italijskoj epigrafiki v XIX veke : perepiska I.V. Cvetaeva s A. Fabretti v 1875–1885 gg. [The formation of Italian epigraphy in the 19th century: correspondence between I.V. Tsvetaev and A. Fabretti in 1875–1885] // Vestnik drevnej istorii. № 3. P. 194–200.
33. Tsvetaev I.V. Sbornik osskih nadpisej s ocherkom fonetiki, morfologii i glossariem [Collection of oscan inscriptions with an essay on phonetics, morphology and glossary]. Kiev, 1877.
34. Tsvetaev I.V. Puteshestvie po Italii v 1875 i 1880 [A journey to Italy in 1875 and 1880]. Moscow, 1883.
35. Untermann J. Zwei Bemerkungen zur lateinischen Perfektflexion // Mayrhofer M., Lorchner-Hüttenbach F., Schmeja H. (eds.), Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunder: Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein. Innsbruck, 1968. P. 165–171.
36. Van Heems G. s/z (à Volsinies) // Studii Etruschi 69. Firenze, 2003. P. 195–219.
37. Vetter E. Handbuch der italischen Dialekte I: Texte mit Erklärung, Glossen, Wörterverzeichnis. Heidelberg, 1953.
38. Wachter R. Altlateinische Inschriften: Sprachliche und epigrafische Untersuchungen zu den Dokumenten bis etwa 150 v. Chr.. Bern / Frankfurt a. M.; N. Y.; Paris, 1987.
39. Warmington E.H. Remains of Old Latin IV: Archaic inscriptions. London, 1940.
40. Zvetaieff I. Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae. Mosquae, 1886.
41. Zvetaieff I. Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. Vol. I–II, Lipsiae; 1884–1885.
42. Zvetaieff I. Sylloge inscriptionum oscarum. Pars I–II. Petropoli-Lipsiae, 1878.

Поступила в редакцию 12.12.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 07.03.2024

Received 12.12.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 07.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Капитолина Владимировна Круглова — соискатель степени кандидата филологических наук, преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kapitolina93@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kapitolina Kruglova — PhD Student, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kapitolina93@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 26–59
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 26–59

СТАТЬИ

СРЕДНЕРУССКАЯ ИНТОНАЦИЯ: ТВЕРСКИЕ ГОВОРЫ

С.В. Князев, С.В. Дьяченко

Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; svknia@gmail.com; svet-lan-a@list.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию фразовой интонации в среднерусском окающем говоре Калязинского района Тверской области на материале записей 2019 г. общей длительностью 10 часов. Анализ просодической системы тверского говора показал, что она в целом весьма сходна с литературной. Это касается как набора фонологических тональных средств, так и их использования для оформления базовых коммуникативных категорий — общего и частного вопроса, утверждения, незавершенности, императива, обращений. Как и в литературном языке, мы постулируем в ней три основных тональных акцента — восходящий и два нисходящих, а также два конечных пограничных тона — высокий и низкий. Фонологические различия между начальными пограничными тонами в говоре отсутствуют, что отличает его от южнорусских и южных среднерусских диалектов. Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса и утверждения с узким фокусом в тверском говоре по сравнению с другими среднерусскими диалектами и литературным языком является значительная вариативность тайминга восходящего и нисходящего акцентов — от сверхраннего до сверхпозднего — и возможность совмещения различных стратегий таймирования этих тональных движений. На основании приведенных фактов мы считаем, что в говоре происходит перестройка интонационной системы от ориентированной на уровневые тоны к сходному с литературным варианту, в котором используются преимущественно контурные тоны. На этом пути калязинский говор находится несколько впереди своих западных соседей (особенно псковского).

Ключевые слова: восточные среднерусские окающие говоры; фонетика; интонация; тональный акцент

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-2

Для цитирования: *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Среднерусская интонация: тверские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 26–59.

© Князев С.В., Дьяченко С.В., 2024

PHRASE PROSODY OF A MIDDLE-RUSSIAN DIALECT: TVER

Sergey V. Knyazev, Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; svknia@gmail.com; svet-lan-a@list.ru

***Abstract*:** This paper deals with the phrase prosody of Middle-Russian dialect with okan'je spoken in Kal'azin district of Tver region. The study, based on the material of dialectal speech recordings made in the 2019 (eight speakers born in 1933–1955, total duration — 10 hours), reveals that the intonational system of Tver idiom is quite similar to the Standard one in regard to its prosodic constituents as well as to their association to basic communicative categories — yes-no and wh-questions, statements, imperatives and vocatives. We posit in it three pitch accents — one rising L+H* and two falling H*(+L) and H+L* as well as two final boundary tones (L% and H%). There is no phonological contrast between the initial boundary tones in Kal'azin dialect, this differentiates the idiom in question from more southern Russian dialects. The most specific point in the phonetic realization of the melodic contours of the narrow focus statements and the yes-no questions in Tver idiom as compared to other Middle-Russian dialects and Standard Russian is the significant variability in timing of the rising and falling pitch accents — from the very early to the very late. Based on the data studied we claim thus that the Tver dialect demonstrates the transition from the characteristic dialectal prosodic system based on level pitch accents to the standard one with contour tunes being significantly ahead of the neighbouring Pskov and Seliger-Torzhok dialects on this way to Modern Standard Russian.

Keywords: Middle-Russian dialects; phonetics; phrase prosody pitch accent

For citation: Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2024) Phrase Prosody of a Middle-Russian Dialect: Tver. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 26–59.

1. Введение

Предыдущие исследования русской диалектной интонации [Князев 2021; 2022a, b; 2023a, b; 2024a, b; Князев, Дьяченко 2023a, b, c] показали, что различия между просодическими системами русского языка могут заключаться

1) в наборе фонологических тональных средств (тональных акцентов, пограничных и фразовых тонов);

2) в характере их ассоциации с передаваемыми коммуникативными значениями;

3) в фонетической реализации мелодических контуров, в том числе

- месте тонального максимума и минимума восходящего и нисходящего акцентов (тайминге);
- характере движения тона на предакцентных и заакцентных слогах;

- наличии или отсутствии усечения тонального контура;
- наличии или отсутствии промежутка, на котором сохраняется ровный высокий тон, после достижения максимума ЧОТ.

Ниже полученные нами результаты исследования интонации тверского говора представлены в следующей последовательности: общий вопрос, незавершенность, утверждение с широким и узким фокусом, вопрос с вопросительным словом, императив, вокатив. Эти данные предваряются разделом о материале исследования.

2. Материал, информанты и краткая характеристика говора

Материалом исследования служили записи спонтанной речи жителей деревень Охотхозяйство, Коротково, Волнога, Красная Горка и села Капшино Калязинского района Тверской области[1] общим объемом 10 часов звучания.

Все информанты — коренные деревенские жители Калязинского района, родившиеся и всю жизнь прожившие в тех населенных пунктах, где были сделаны аудиозаписи, или в соседних с ними:

1) ВМС1933 — д. Коротково, род. в д. Скнятино (затоплена), образование 8 кл. (вечерняя школа) и курсы трактористов,

2) ВАБ1939 — с. Капшино, род. в д. Плотница, образование 7 кл.,

3) ДКР1939 — д. Красная Горка, образование 7 кл. и курсы трактористов,

4) ВИС1947 — д. Охотхозяйство, образование 10 кл. и финансовый техникум заочно,

5) ИВС1947 — с. Капшино, образование 11 кл.,

6) НВК1955 — д. Волнога, образование 10 кл. и техникум.

Рассматриваемый говор относится к Тверской подгруппе Владимирско-Поволжской группы восточных среднерусских окающих говоров и характеризуется пятифонемным ударным вокализмом, неполным оканьем (впрочем, непоследовательным) и различением [а] на месте /а/ и [е] на месте /е/, /о/ в первом предударном слоге после мягких согласных; образец говора и краткое описание см. в [Дьяченко 2020].

3. Общий вопрос

3.1. В современном русском литературном языке (СРЛЯ) общий вопрос обычно оформляется восходяще-нисходящим движением тона (ИК-3) [Брызгунова 1963: 240, 243]. Этот мелодический контур в СРЛЯ состоит из восходящего тонального акцента и факультатив-

[1] Аудиозаписи говора сделаны С.В. Дьяченко, А.В. Малышевой и А.В. Тер-Аванесовой в экспедиции 2019 года, они хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН; общий объем записанных материалов — около 22 часов.

ного низкого пограничного тона. Восходящий акцент характеризуется при этом **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (ЧОТ) приходится на конец ударного слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]. При этом начало восходящего движения тона (LTP) ассоциируется обычно с инициалью (начальным согласным) ударного слога акцентоносителя [Igarashi 2006: 190]. Если заударные слоги после ударного гласного акцентоносителя во фразе отсутствуют, этот мелодический контур в СРЛЯ подвергается усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не наблюдается [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225].

3.2. Тайминг восходящего акцента

Основная особенность калязинского идиома в этом отношении — чрезвычайно широкая вариативность, не отмеченная нами в других русских диалектах. В говоре представлены все возможные типы восходящего акцента с высокой тональной целью:

- вариант H* с самым ранним таймингом: высшая точка ЧОТ достигается в самом начале ударного гласного или даже раньше (рис. 3.1–3.4);
- совпадающая с литературной разновидность (L+H)* с самым поздним таймингом: тональный максимум достигается в самом конце ударного гласного или даже позже, на согласном следующего слога[2] (рис. 3.5, 3.6);
- два промежуточных типа (L+)H* и L+H*: максимум ЧОТ приходится на середину гласного, после чего сохраняется ровный тон до конца ударного гласного (в первом случае) или сразу начинается падение (во втором) — см. рис. 3.7–3.10;
- иногда после ровного участка в первой половине ударного гласного наблюдается некоторое повышение во второй — то есть, возможно, происходит контаминация ровного (H*) и восходящего (L+H*)[3] акцентов (рис. 3.11);
- наконец, довольно часто отмечаются варианты, которые затруднительно квалифицировать однозначно: на ударном гласном тон преимущественно ровный, но с небольшим восходяще-нисходящим движением, что, по-видимому, свидетельствует о переходном характере подобных случаев (рис. 3.12–3.14); в других случаях движение тона восходяще-нисходящее, но в середине гласного фиксируется ровная часть (рис. 3.15).

---

[2] О фонологической интерпретации этого акцента см. [Князев 2024а].

[3] Соответствующий акцент мы интерпретируем как H* или L+H* в зависимости от того, какая часть тонального акцента длительнее — ровная или восходящая.

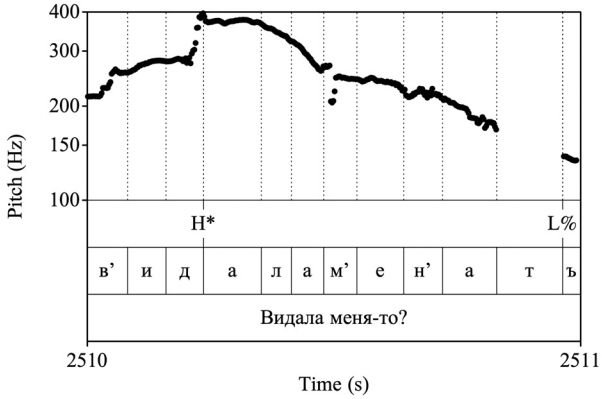


Рис. 3.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Видала меня-то?* ВАБ1939

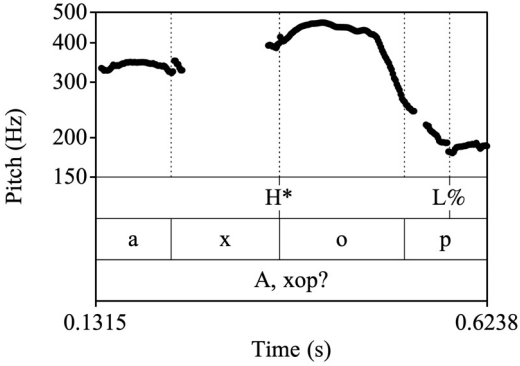


Рис. 3.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *А, хор?* ИВС1947

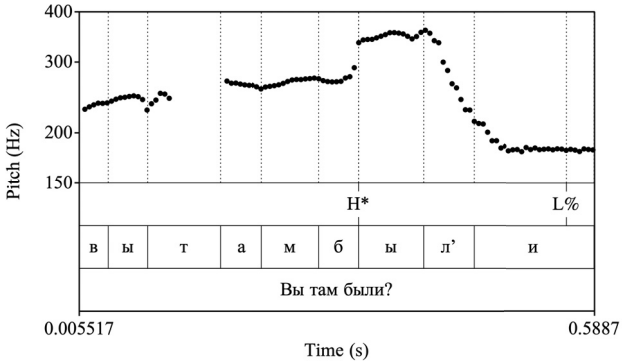


Рис. 3.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы там были?* НВК1955

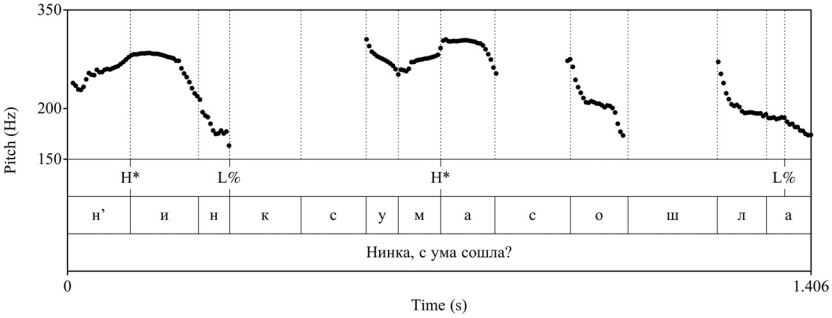


Рис. 3.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Нинка, с ума сошла?*
ВАБ1939

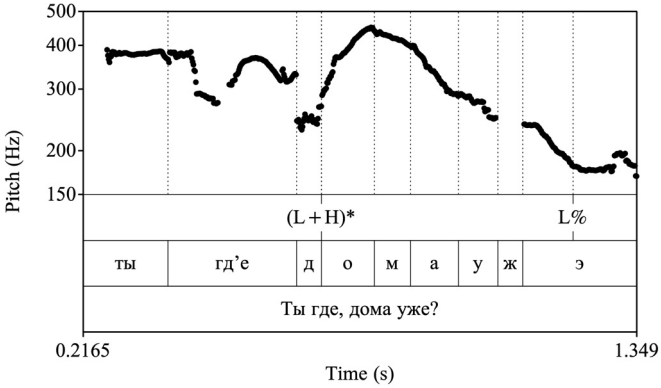


Рис. 3.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты где, дома уже?*
ИВС1947

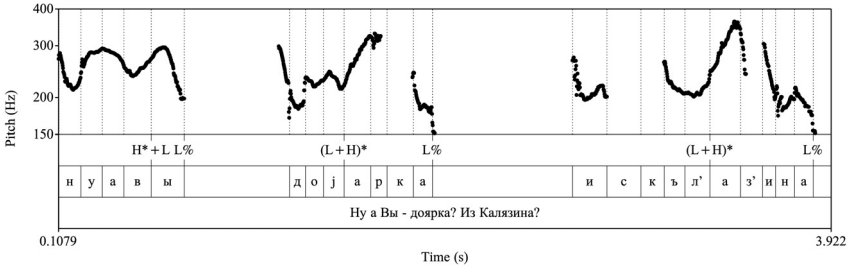


Рис. 3.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ну а Вы — доярка? Из Калязина?*
ВАБ1939

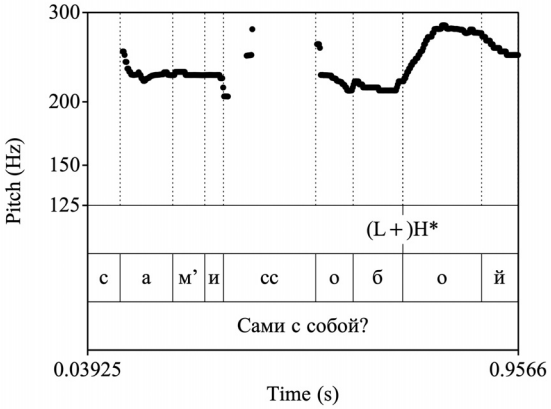


Рис. 3.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Сами с собой?* ВИС1947

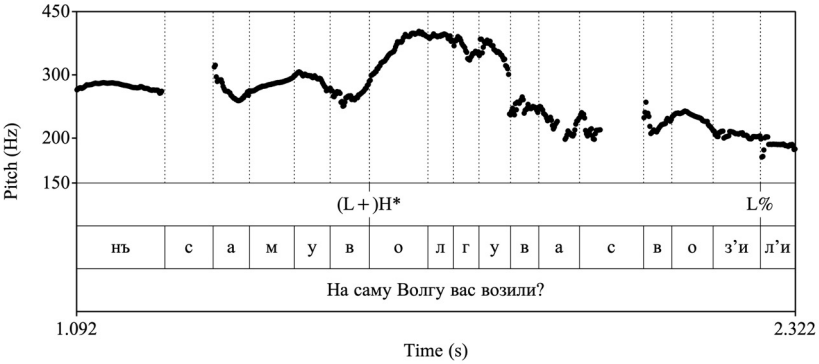


Рис. 3.8. Кривая ЧОТ общего вопроса *На саму Волгу вас возили?* ИВС1947

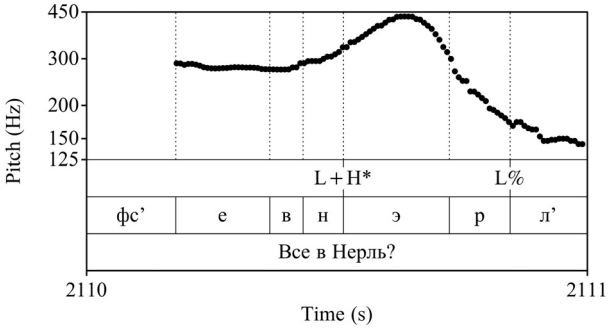


Рис. 3.9. Кривая ЧОТ общего вопроса *Все в Нерль?* ВИС1947

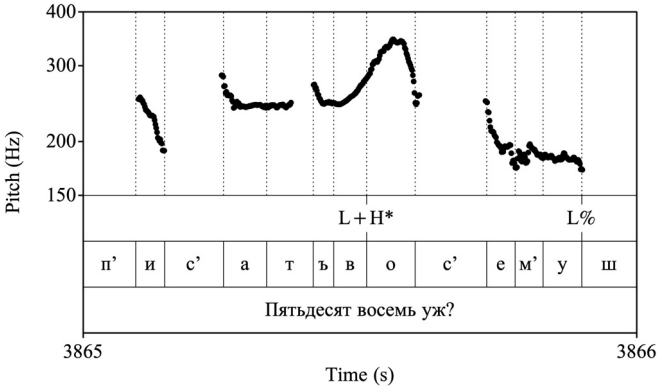


Рис. 3.10. Кривая ЧОТ общего вопроса *Пятьдесят восемь уж?* ВАБ1939

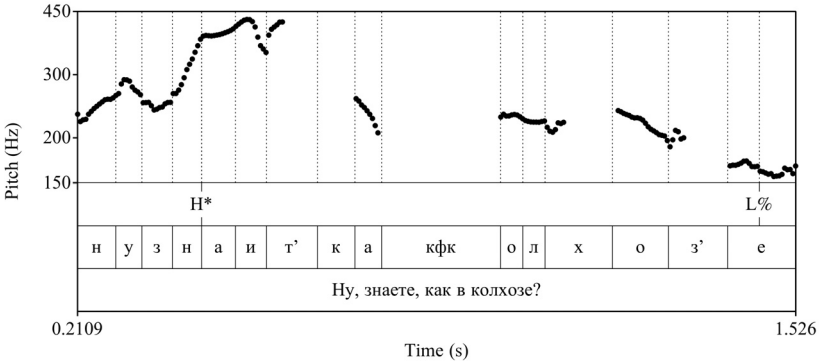


Рис. 3.11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ну, знаете, как в колхозе?* ДКР1939

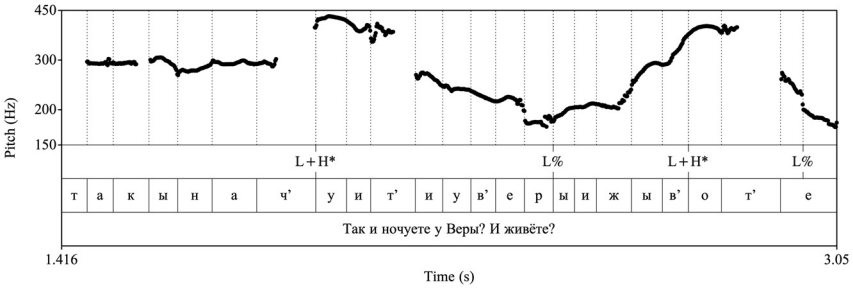


Рис. 3.12. Кривая ЧОТ общего вопроса *Так и ночуете у Веры? И живёте?* ИВС1947

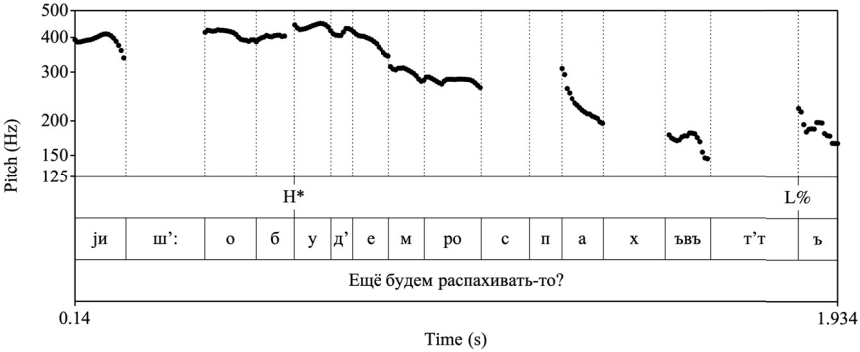


Рис. 3.13. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ещё будем распахивать-то?* ВАБ1939

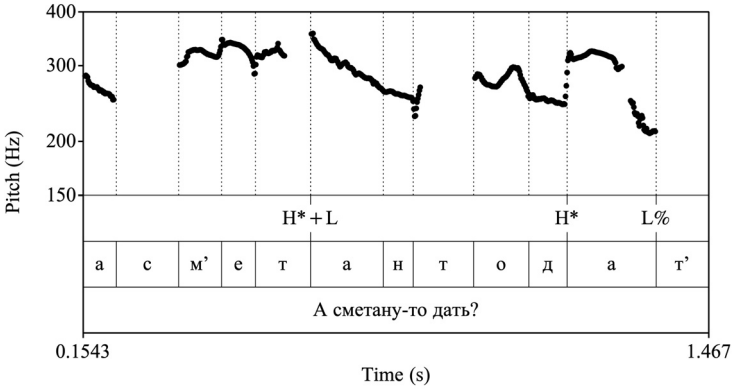


Рис. 3.14. Кривая ЧОТ общего вопроса *А сметану-то дать?* ВАБ1939

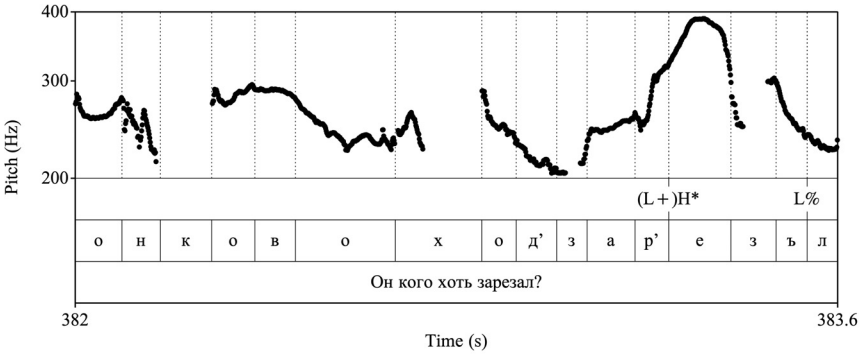


Рис. 3.15. Кривая ЧОТ общего вопроса *Он кого хоть зарезал?* ВАБ1939

Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности удар-

ного гласного акцентоносителя) для каждого информанта приведены ниже на рис. 3.16.

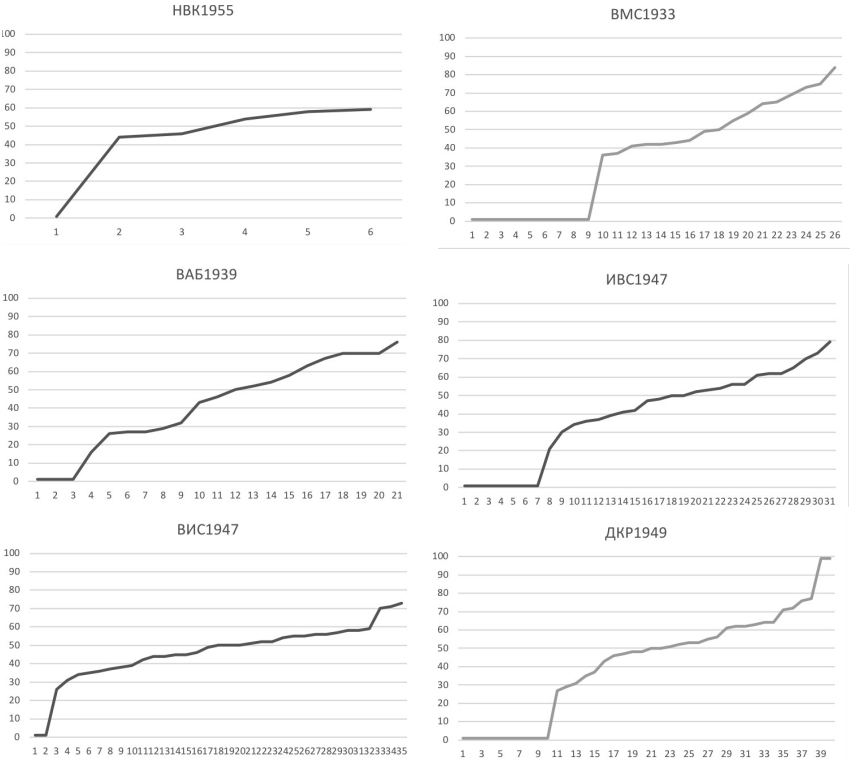


Рис. 3.16. Длительность ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности)

В обобщенном виде эти же данные представлены на диаграмме размаха (рис. 3.17); они свидетельствуют о том, что средние значения положения тонального максимума у тверских информантов расположены весьма компактно в области около 45 % и в области 100 % в СРЛЯ.

Итак, в тверском говоре, как и в западных акающих среднерусских, тональный максимум восходящего акцента может характеризоваться сверхранним таймингом. Эта стратегия чаще встречается у более старших информантов, она зафиксирована в 32 случаях из 154 (20 %) и наиболее типична для переспросов. Возможно, в исходной системе общий вопрос оформлялся высоким ровным тоном (H*), который является одним из наиболее частотных тональных акцентов в современных архангельских говорах [Князев 2022а, б],

а также основным типом тонального акцента общего вопроса в юго-западном говоре села Роговатое [Князев 2024б]; об этом же свидетельствуют отмеченные выше факты «контаминации» ровного и восходящего тонов (рис. 3.11) и переходные случаи, представляющие сложности для фонологической интерпретации (рис. 3.12–3.15).

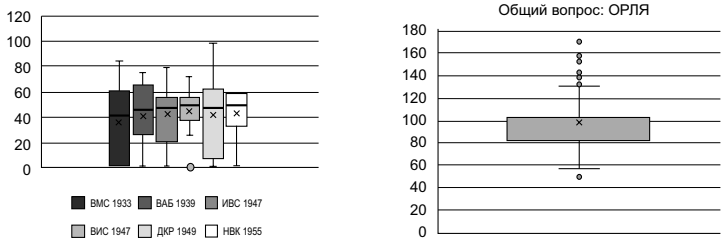


Рис. 3.17. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ в % от общей длительности гласного в общем вопросе: тверской говор (слева) и СРЛЯ[4] (справа)

3.3. Усечение тонального контура

Если после ударного гласного акцентоносителя безударные слоги в высказывании отсутствуют, мелодический контур общего вопроса в тверском говоре, в отличие от литературного русского языка, усечению не подвергается: падение тона после его подъема происходит во второй половине ударного слога и достигает обычно низкого уровня, см. выше рис. 3.2, 3.9, 3.14. В редких случаях это падение представлено только своей начальной частью (рис. 3.7).

3.4. Отрицательный занос

В восточных среднерусских (владимирских) говорах одной из особенностей контура общего вопроса является наличие «отрицательного заноса» — понижения частоты основного тона на предударном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге акцентоносителя. Исследованному нами тверскому говору это явление не свойственно (см. рис. 3.3, 3.8–3.10, 3.13, 3.14), что коррелирует с ранним таймингом достижения максимума ЧОТ восходящего акцента.

3.5. Выводы

В отношении оформления общего вопроса исследованный говор очень близок описанным ранее соседним с ним западным среднерусским новгородскому, селигеро-торжковскому и псковскому диалектам [Князев, Дьяченко 2023a, b, c].

[4] По данным специального эксперимента (13 дикторов, 109 предложений).

Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в тверском говоре по сравнению с другими среднерусскими (западными и восточным владимирско-поволжским) и СРЛЯ является значительная вариативность тайминга восходящего акцента — от сверхраннего до сверхпозднего — и наличие случаев, в которых совмещаются различные стратегии таймирования восходящего тонального движения. Мы считаем на этом основании, что в говоре происходит перестройка интонационной системы от ориентированной на уровневые тоны (типа Роговатого [Князев 2024б]) к сходному с СРЛЯ варианту, в котором используются преимущественно скользящие тоны. На этом пути калязинский говор находится несколько впереди своих западных соседей (псковского и селигеро-торжковского), поэтому мы предлагаем фонологическую интерпретацию восходящего тонального акцента общего вопроса в виде L+H*, эксплицирующей дальнейший отход от использования ровных тонов.

От восточного среднерусского окающего говора Владимирско-Поволжской группы мелодический контур общего вопроса в тверском говоре отличается также отсутствием отрицательного заноса. Отличие от литературного русского языка состоит еще и в отсутствии усечения тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе.

В обобщенном виде данные о сходстве и различии тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских, селигеро-торжковских, псковских и тверских говорах приведены в табл. 1.

4. Незавершенность

Способы выражения незавершенности в тверском говоре сходны с теми, которые представлены в СРЛЯ: 1) «восходящий» акцент с низким (типа ИК-3) или высоким (типа ИК-6) конечным пограничным тоном, 2) «нисходящий» с высоким (типа ИК-4), причем последний вариант встречается довольно редко (см. рис. 4.1, 4.2).

Восходящий тональный акцент при оформлении незавершенности столь же вариативен, что и в общем вопросе, — в говоре представлены все возможные типы тайминга от сверхраннего до сверхпозднего:

- исходный H* (рис. 4.3, 4.4);
- относительно редкий в этой функции «литературный» (L+H)* (рис. 4.5, 4.6);
- промежуточные (L+)H* и L+H* (рис. 4.7; 4.8);
- в сочетании с высоким конечным пограничным тоном последние два акцента нейтрализуются (рис. 4.9; 4.10), этот вариант особенно часто используется при перечислении.

Таблица 1

Основные различия тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских, селигеро-торжковских, псковских и тверских говорах

	СРЛЯ	Арх.	Новг.	Вл.-П.	Сел.-Т.	Пск.	Тврск.
Средняя длительность ударного гласного, мс		116	114	140	123	135	126
Отрезок ударного гласного до тонального максимума	97 %	48 %	47 %	64 %	42 %	43 %	42 %
Поздний тайминг восходящего акцента	+	–	–	–	–	–	–
Ранний тайминг восходящего акцента	–	+/–	–	–	+/–	+/–	+/–
Ровный высокий тон на заударных слогах	–	+	–	–	–	–	–
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	–	–	–	–	–	–
Отрицательный занос	–	–	–	+	–	–	–
Реализация тонального акцента на двух слогах	–	–	–	+	–	–	–
Тип мелодического контура	%L (L+H)*L- L%	%L (L+)H* H- L%	%L L+H* L- L%	%M L+H* L- L%	%L (L+)H* L- L%	%L (L+)H* (L-) L%	%L L+H* (L-) L%

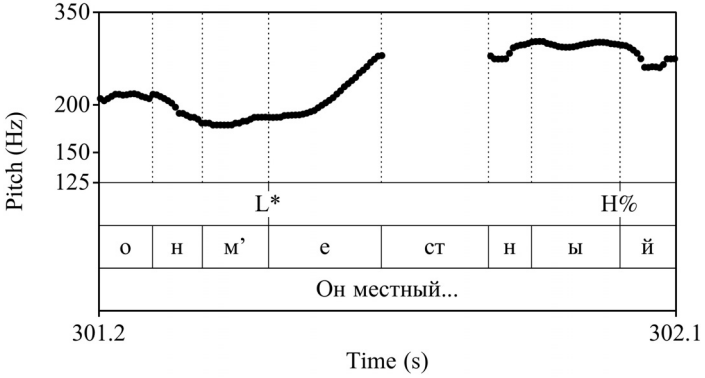


Рис. 4.1. Кривая ЧОТ фрагмента *Он местный…* ВИС1947

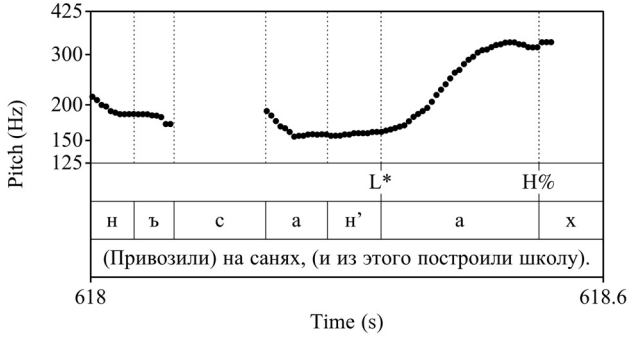


Рис. 4.2. Кривая ЧОТ фрагмента *на санях…* ВИС1947

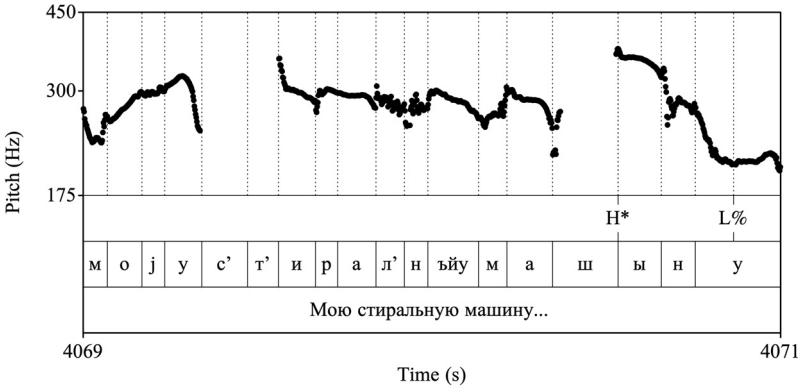


Рис. 4.3. Кривая ЧОТ фрагмента *Мою стиральную машину…* ВАБ1939

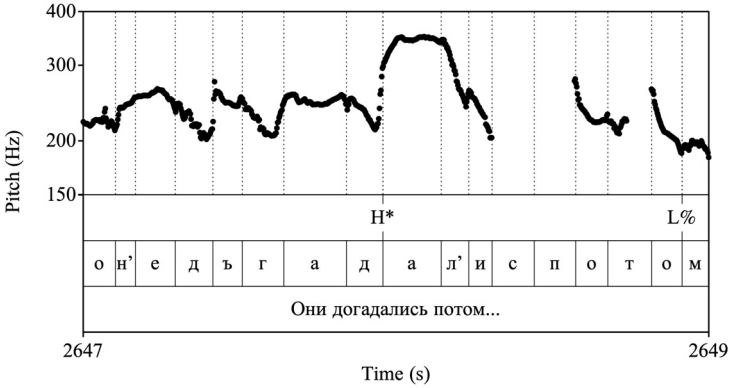


Рис. 4.4. Кривая ЧОТ фрагмента *Они догадались потом…* ВАБ1939

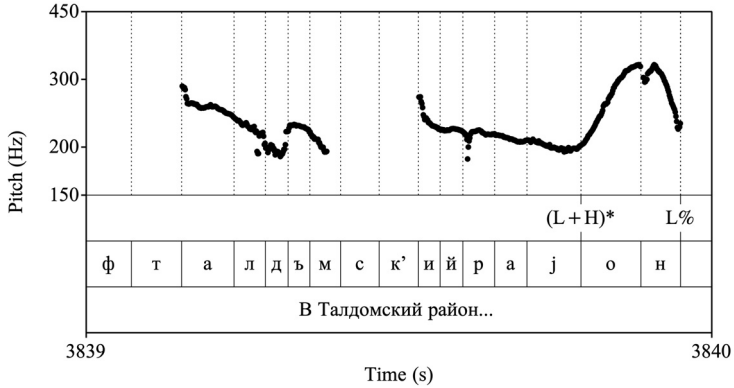


Рис. 4.5. Кривая ЧОТ фрагмента *В Талдомский район…* ВАБ1939

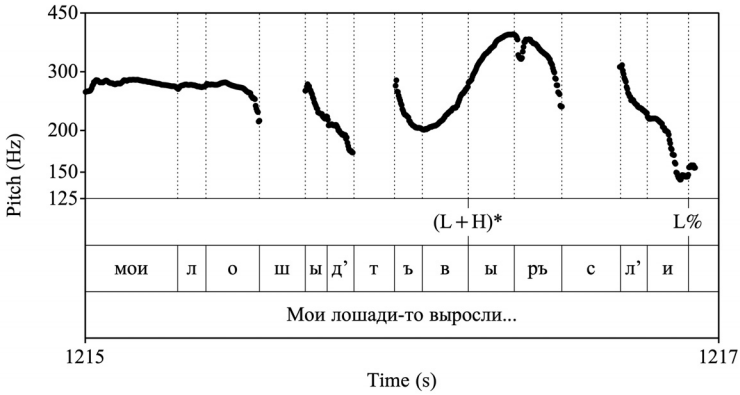


Рис. 4.6. Кривая ЧОТ фрагмента *Мои лошади-то выросли…* ВАБ1939

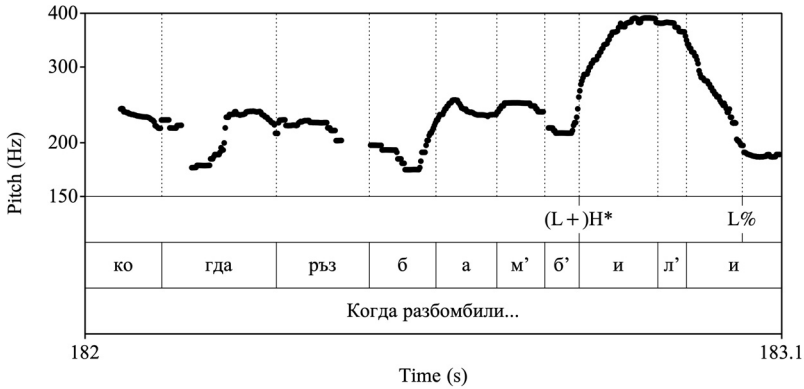


Рис. 4.7. Кривая ЧОТ фрагмента *Когда разбомбили…* ВИС1947

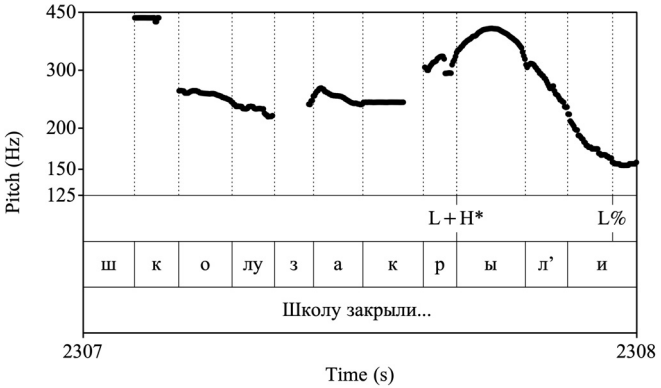


Рис. 4.8. Кривая ЧОТ фрагмента *Школу закрыли…* ВИС1947

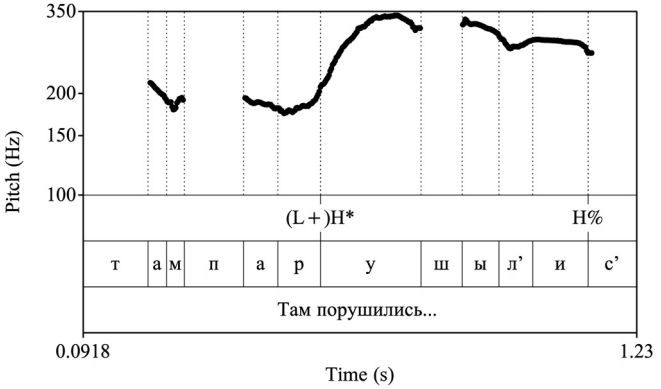


Рис. 4.9. Кривая ЧОТ фрагмента *Там порушились…* НВК1955

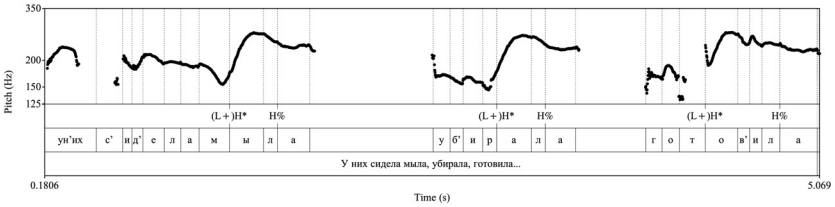


Рис. 4.10. Кривая ЧОТ фрагмента *У них сидела мыла, убирала, готовила…* ДКР1939

Таким образом, при оформлении незавершенности в говоре тот же восходящий тональный акцент, что и в вопросе, может комбинироваться с низким и высоким пограничным тоном; сочетание низкого акцентного тона с высоким пограничным для говора в этой функции не типично.

5. Утверждение

5.1. Утверждение с широким фокусом

В южнорусских и южных среднерусских говорах нейтральные утвердительные высказывания с широким фокусом оформляются обычно мелодическим контуром %H L* L- L%: фраза начинается с высокого пограничного тона (%H), после чего следует немедленное падение на первых слогах, так что на ударном гласном словоформы-акцентоносителя тон ровный низкий (L*) и сохраняется таким до конечного слога во фразе (L%) [Князев 2024б: 97–108]. Ниже приводятся иллюстрации этого типа из южнорусского белгородского говора села Роговатого (рис. 5.1) и среднерусских — владимирского (Лазаревка, рис. 5.2) и псковского (Дарьино, рис. 5.3).

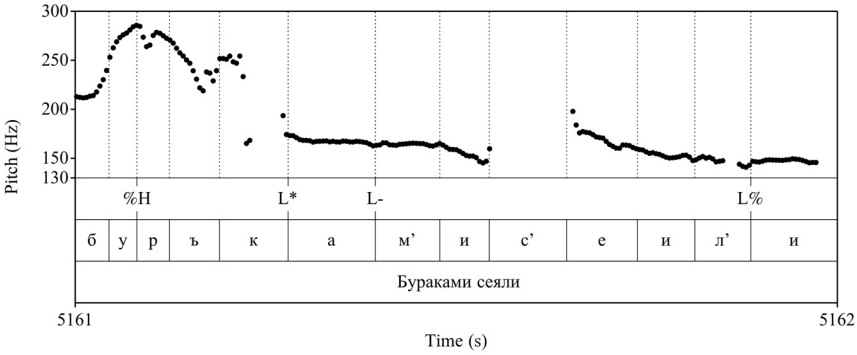


Рис. 5.1. Кривая ЧОТ фразы *Бураками сеяли.* ЕАЖ1939

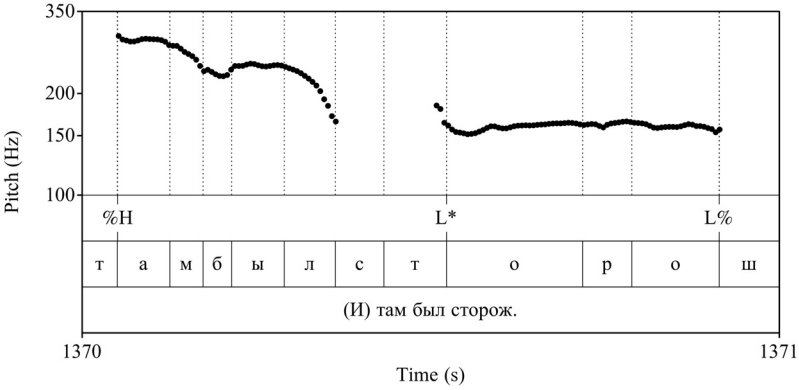


Рис. 5.2. Кривая ЧОТ фразы *(И) там был сторож.* ЕФБ1923

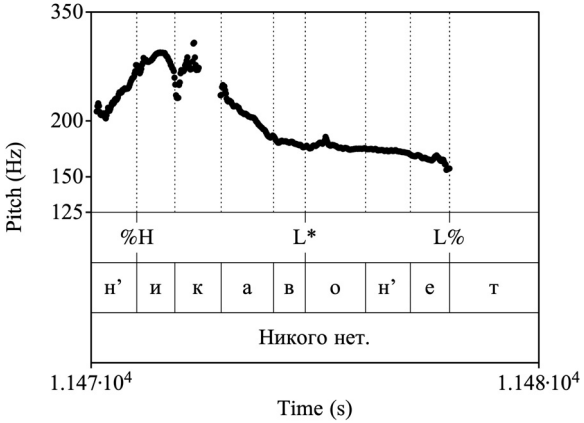


Рис. 5.3. Кривая ЧОТ фразы *Никого нет.* ВИИ1936

В других говорах, как и в литературном языке, этот контур имеет иной вид:

- фраза начинается со среднего тона (в таких системах высокий и низкий начальные пограничные тоны не противопоставлены),
- этот тон сохраняется до ударного слога словоформы-акцентоносителя, на котором происходит падение, начинающееся на согласном инициали и завершающееся обычно за некоторое время до окончания ударного гласного (нисходящий акцент с ранним таймингом, H+L*),
- после чего сохраняется низкий тон до конечного слога во фразе (L%).

На рис. 5.4 приведен пример этого мелодического контура из среднерусского (селигеро-торжковского) говора села Ильинского.

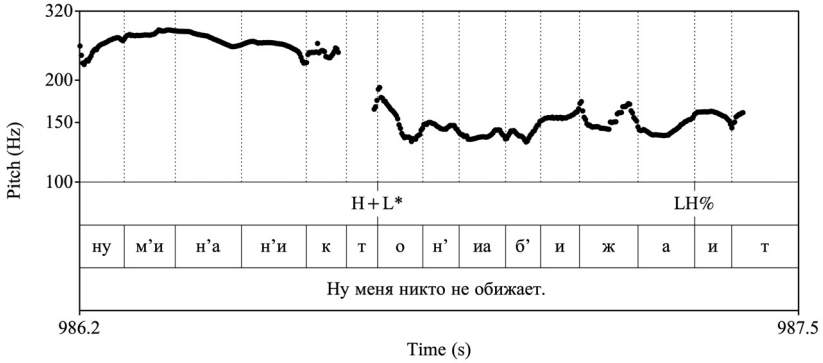


Рис. 5.4. Кривая ЧОТ фразы *Ну меня никто не обижает.* КАП1929

Для калязинского говора в нейтральных утверждениях с широким фокусом характерен мелодический контур второго типа (H+L* L%) — см. рис. 5.5–5.7.

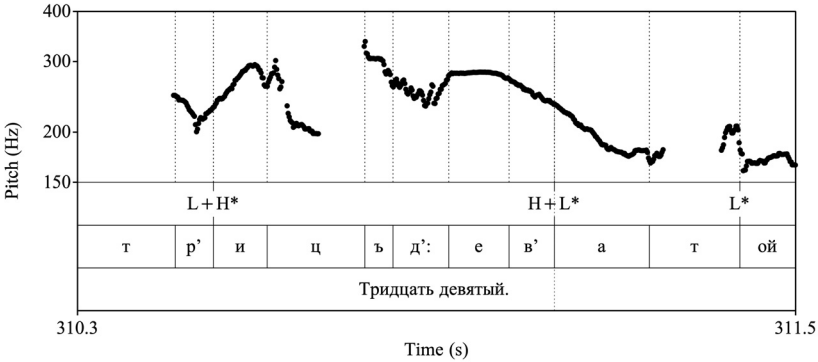


Рис. 5.5. Кривая ЧОТ фразы *Тридцать девятый.* ВАБ1939

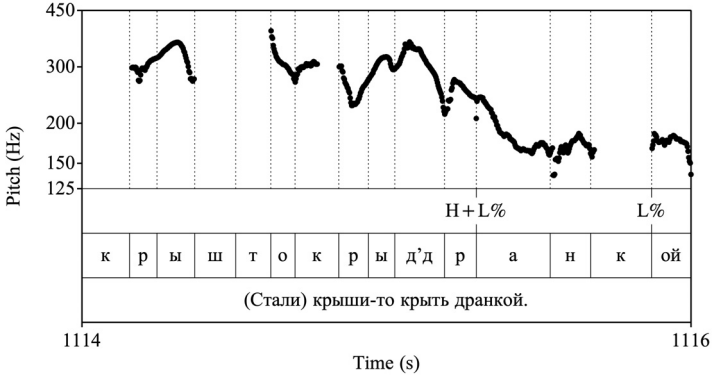


Рис. 5.6. Кривая ЧОТ фразы *(Стали) крыши-то крыть дранкой.* ВАБ1939

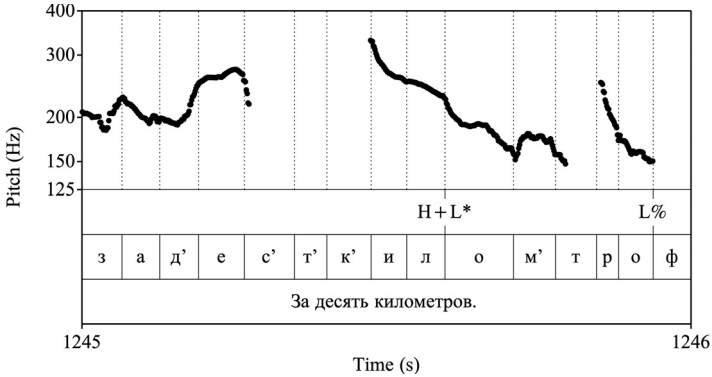


Рис. 5.7. Кривая ЧОТ фразы *За десять километров.* ВАБ1939

В ненейтральных утверждениях с широким фокусом представлен мелодический контур L* H- L% — см. рис. 5.8, 5.9.

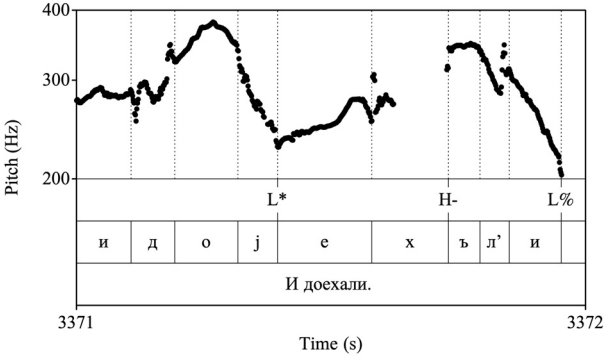


Рис. 5.8. Кривая ЧОТ фразы *И доехали.* ВАБ1939

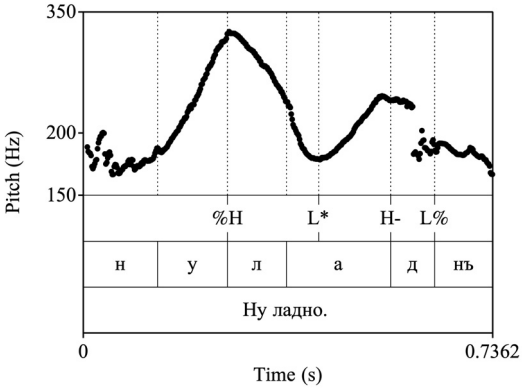


Рис. 5.9. Кривая ЧОТ фразы *Ну ладно.* ДКР1939

5.2. Утверждение с узким фокусом

Утвердительные высказывания с узким фокусом в литературном языке и многих русских говорах оформляются мелодическим контуром с нисходящим тональным акцентом H*+L, который характеризуется нейтральным (но более поздним, чем H+L*) таймингом: падение тона обычно начинается на границе ударного гласного и предшествующего ему согласного [Дурягин 2021; Duryagin, Knyazev 2022], обычно с повышением тона на предударном слоге перед его падением на ударном («заносом»). В калязинском говоре такой тип акцента представлен достаточно широко — см. рис. 5.10–5.12.

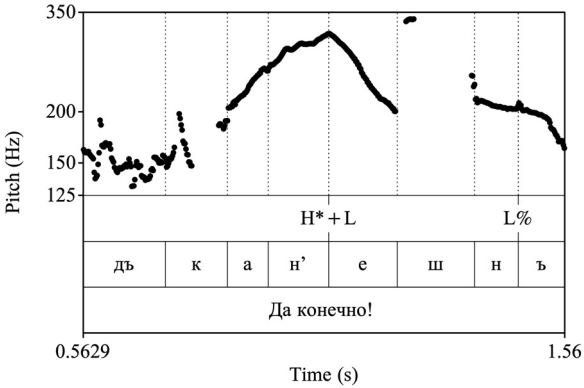


Рис. 5.10. Кривая ЧОТ фразы *Да конечно!* ДКР1939

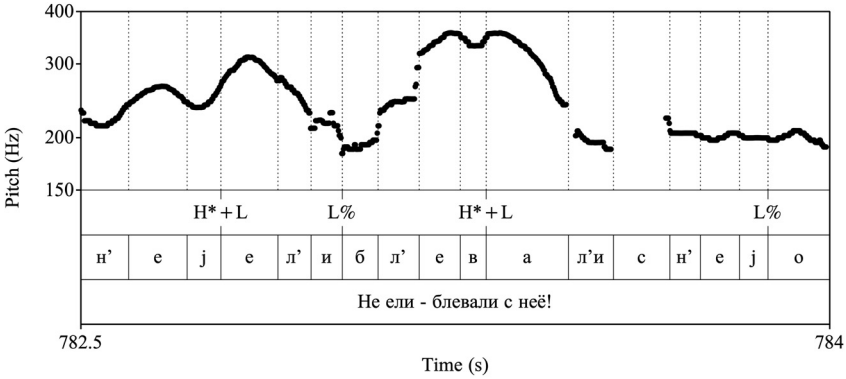


Рис. 5.11. Кривая ЧОТ фразы *Не ели — блевали с неё!* ВИС1947

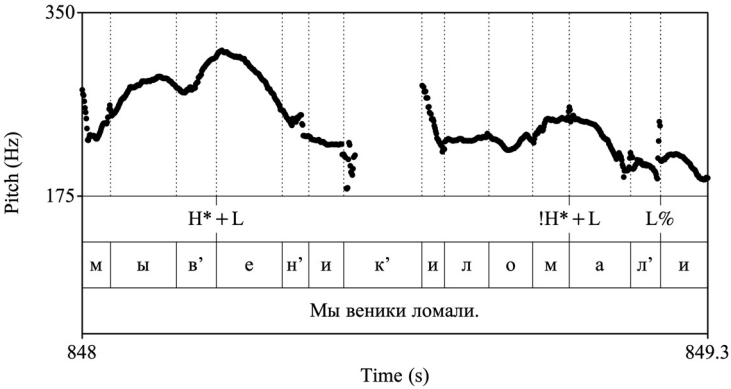


Рис. 5.12. Кривая ЧОТ фразы *Мы веники ломали.* ВАБ1939

Однако и в этом случае, как и в общем вопросе, в тверском говоре наблюдается очень широкая вариативность:

- подъем тона перед последующим падением может происходить не на предударном гласном, а на самом ударном, так что тайминг нисходящего движения оказывается более поздним (см. рис. 5.13);
- более поздний тайминг может наблюдаться и без предварительного повышения тона на ударном гласном, так что этот вариант акцента может быть интерпретирован как H*(+L) или даже H* (см. рис. 5.14–5.16).

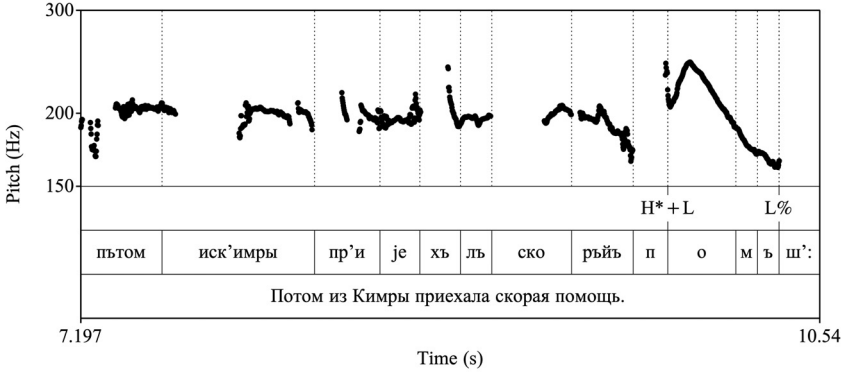


Рис. 5.13. Кривая ЧОТ фразы *Потом из Кимры приехала скорая помощь.* ДКР1939

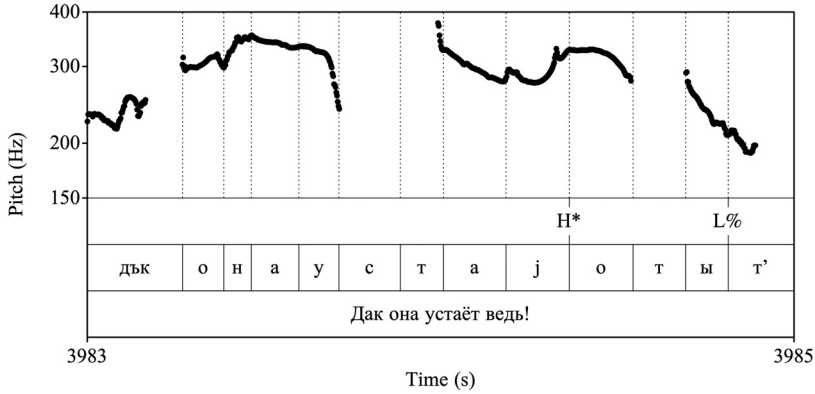


Рис. 5.14. Кривая ЧОТ фразы *Дак она устаёт ведь!* ВАБ1939

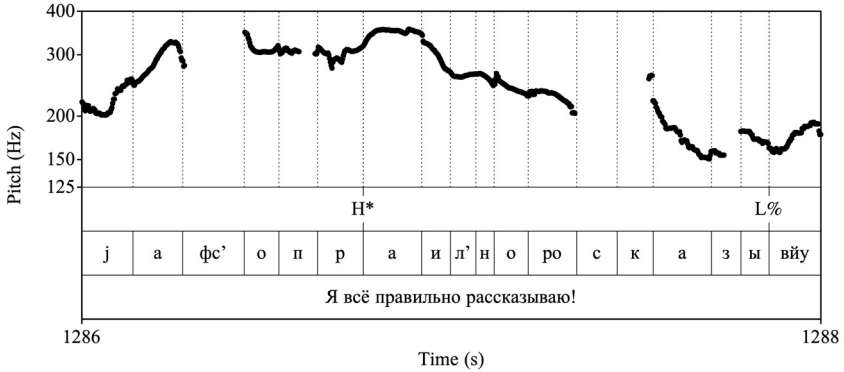


Рис. 5.15. Кривая ЧОТ фразы *Я всё правильно рассказываю!* ВАБ1939

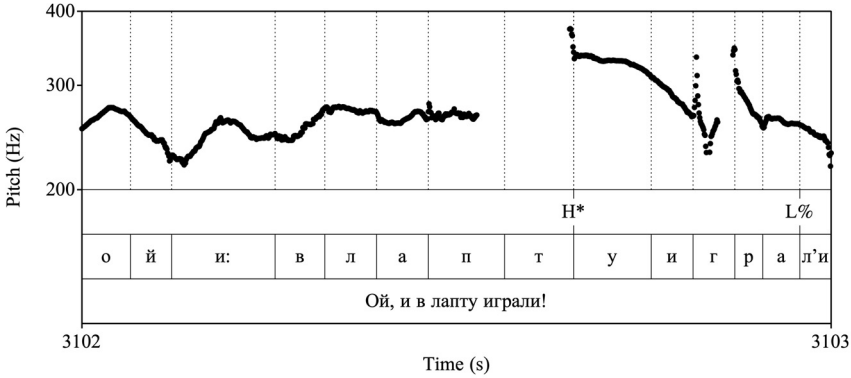


Рис. 5.16. Кривая ЧОТ фразы *Ой, и в лапту играли!* ВАБ1939

5.3. Выводы

Таким образом, важным отличием тверского говора от более южных является отсутствие в нем фонологического противопоставления высокого и низкого начальных пограничных тонов, а также использование нисходящего тонального акцента H+L* в отличие от монотонального L* при оформлении нейтральных утверждений с широким фокусом. В этом отношении говор вместе с соседним селигеро-торжковским сходен с литературным языком. Тем самым, наличие относительно позднего тайминга нисходящего акцента в утверждениях с узким фокусом предопределяется, по всей вероятности, необходимостью более явной дифференциации двух нисходящих акцентов в условиях перестройки интонационной системы в направлении сближения ее с литературной. Мы предлагаем фонологическую интерпретацию H*(+L) для этого типа тонального акцента.

6. Вопрос с вопросительным словом

6.1. Просодическое оформление специальных вопросов вследствие наличия специальных лексических и синтаксических показателей, маркирующих этот тип высказывания, может быть очень вариативным [Haan 2001: 116–117]. В современном русском литературном языке основным способом оформления частного вопроса является сочетание нисходящего тонального акцента и низкого конечного пограничного тона [Дурягин 2021: 149][5]. При этом мелодический контур может содержать

- либо один тональный акцент типа ИК-2 на вопросительном слове с нейтральным таймингом (начало падения ассоциируется с началом ударного гласного)[6], которому обычно предшествует повышение тона на предударном слоге («занос») [Keijsper 1983; Odé 1989; Кодзасов 2009; Дурягин 2021]),
- либо два: восходящий на вопросительном слове и нисходящий с более ранним таймингом[7] [Дурягин 2021: 152] на последнем слове синтагмы, соединенные ровным высоким тоном (ИК-5).

6.2. В исследованном нами тверском говоре в вопросах с одним тональным акцентом, как и в утверждениях с узким фокусом, наблюдается значительная вариативность, связанная с таймингом нисходящего движения тона: оно может начинаться с границы начального согласного и ударного гласного — H*+L (см. рис. 6.1–6.2), с середины ударного гласного — H*(+L) (см. рис. 6.3) или приходиться на самый конец этого гласного — H* (см. рис. 6.4).

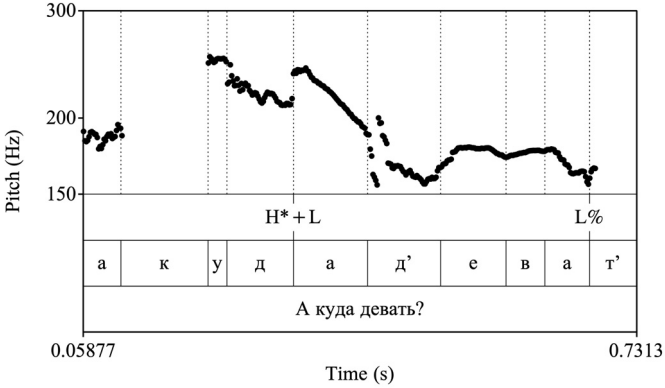


Рис. 6.1. Кривая ЧОТ частного вопроса *А куда девать?* ДКР1939

[5] Еще один, не нейтральный, способ — нисходяще-восходящий контур типа ИК-4, который в этом случае передает «оттенок недовольства» [Брызгунова 1980: 114].

[6] В автосегментно-метрической модели этот акцент обычно интерпретируется как H*+L [Igarashi 2008; Дурягин 2021: 150].

[7] То есть H+L*, как в ИК-1 (в отличие от ИК-2).

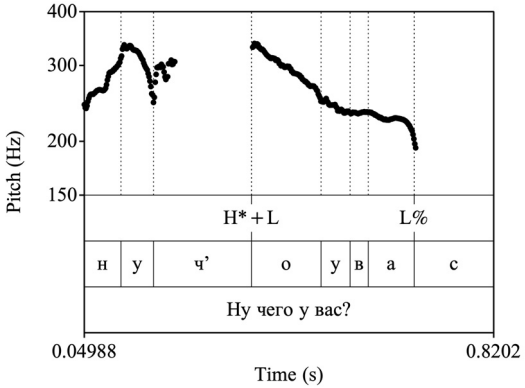


Рис. 6.2. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну чего у вас?* ВАБ1939

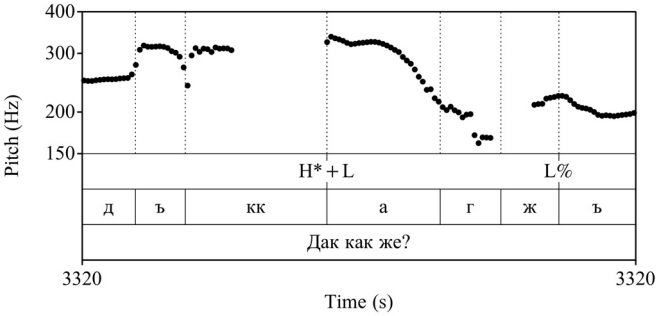


Рис. 6.3. Кривая ЧОТ частного вопроса *Дак как же?* ВАБ1939

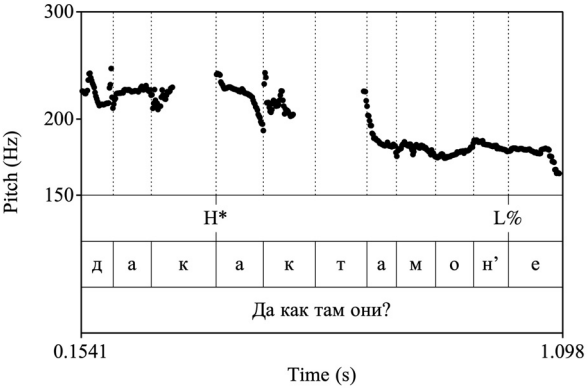


Рис. 6.4. Кривая ЧОТ частного вопроса *Да как там они?* ВАБ1939

6.3. Контур с двумя тональными акцентами в говоре фиксируется несколько реже; следует, однако, иметь в виду, что во многих случаях частные вопросы состоят лишь из одного вопросительного слова. В отношении фонетической реализации этого контура необходимо отметить, что первый тональный акцент в говоре является не восходящим, как в СРЛЯ, а нисходящим (см. рис. 6.5, 6.6), так что сам контур имеет вид H*+L !H*+L L% (реже H* !H*+L L% с более поздним таймингом первого нисходящего акцента — см. рис. 6.7, 6.8).

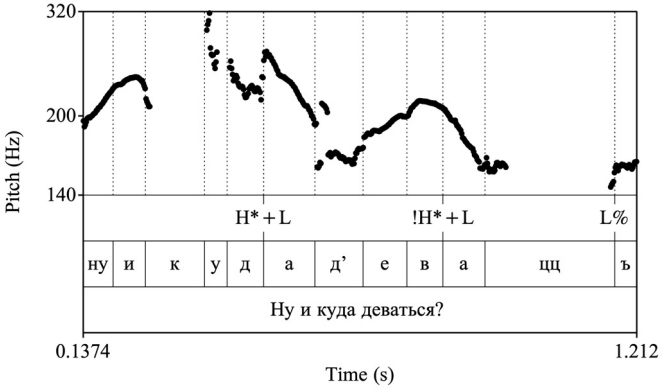


Рис. 6.5. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну и куда деваться?* ДКР1939

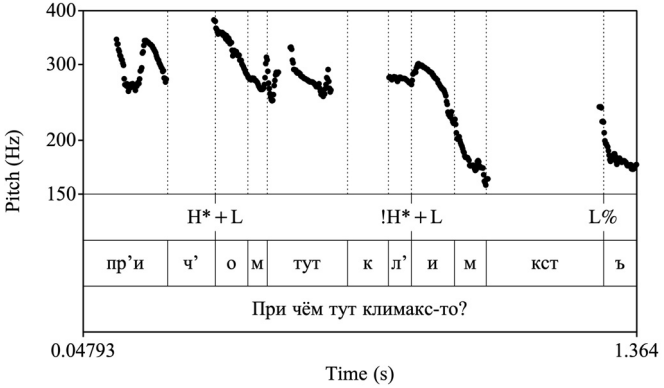


Рис. 6.6. Кривая ЧОТ частного вопроса *При чём тут климакс-то?* ВАБ1939

6.4. Таким образом, в калязинском говоре при оформлении вопросов с вопросительным словом, как и в утверждениях с узким фокусом, наблюдается значительная вариативность тайминга нис-

ходящего тонального движения. Заметной особенностью говора является также нисходящее движение тона в составе первого акцента двуакцентных частных вопросов — в отличие от восходящего в СРЛЯ.

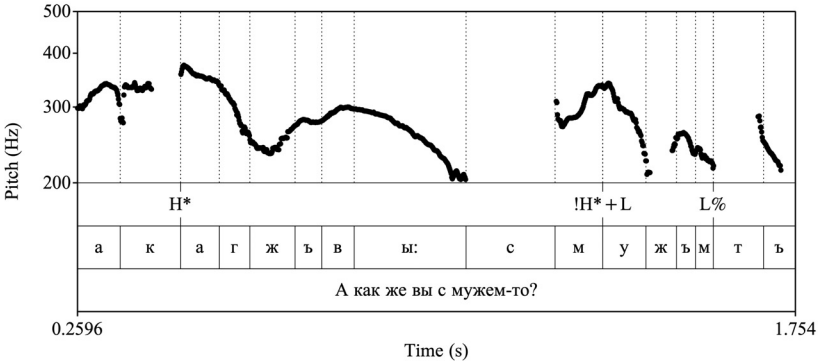


Рис. 6.7. Кривая ЧОТ частного вопроса *А как же вы с мужем-то?* ВАБ1939

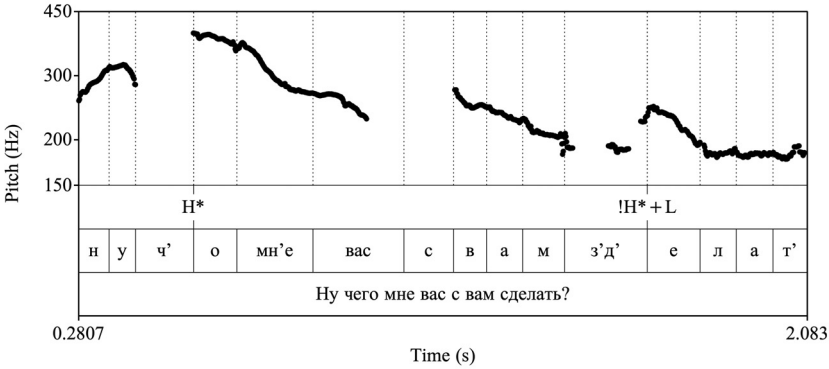


Рис. 6.8. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну чего мне вас с вам сделать?* ВАБ1939

7. Императив

Императивные конструкции представляют собой более или менее непрерывный ряд на шкале от настойчивого требования, почти приказа, до очень вежливой просьбы. Первые, как и утверждения с узким фокусом, обычно оформляются в тверском говоре акцентом H*+L с существенной вариативностью в тайминге — от нейтрального до сверхпозднего (см. ниже рис. 7.1–7.4), для последних характерно использование контура с восходящим тональным акцентом L+H* (см. рис. 7.5). В этом отношении говор, по-видимому, не отличается от СРЛЯ.

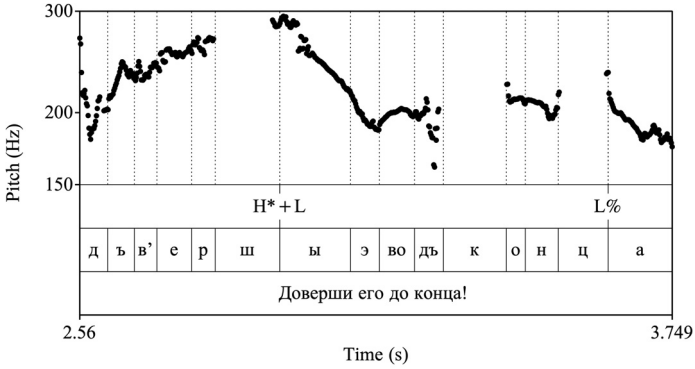


Рис. 7.1. Кривая ЧОТ императива *Доверши его до конца!* ИВС1947

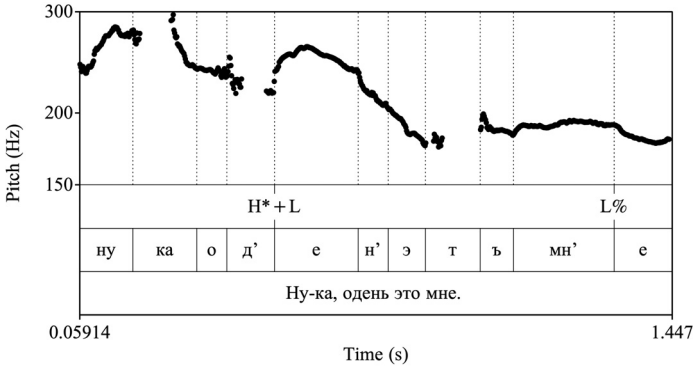


Рис. 7.2. Кривая ЧОТ императива *Ну-ка одень это мне.* ДКР1939

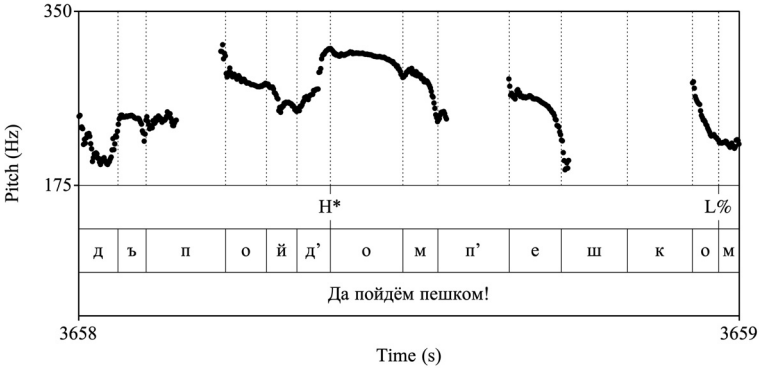


Рис. 7.3. Кривая ЧОТ императива *Да пойдём пешком!* ВАБ1939

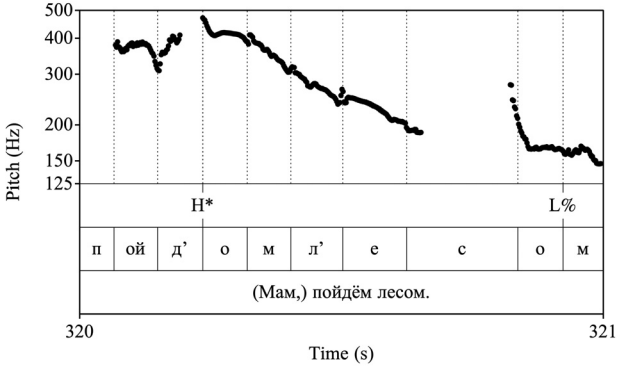


Рис. 7.4. Кривая ЧОТ императива *Мам, пойдём лесом.* ВАБ1939

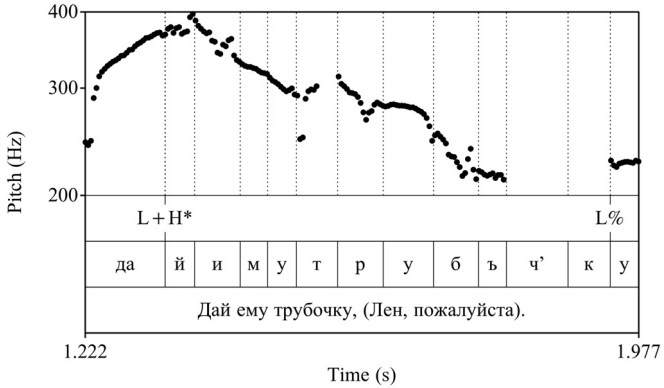


Рис. 7.5. Кривая ЧОТ императива *Дай ему трубочку...* ИВС1947

8. Вокатив

Просодия вокативов в СРЛЯ подробно исследована С.В. Кодазовым [2009: 161–174], который описывает глубинную форму нейтрального обращения («просьба на вступление в контакт») как «восходящий акцент на ударном слоге и нисходящий акцент на конечном, промежуточные слоги, если они есть, имеют ровный тон» [Там же: 162].

К сожалению, в нашем материале встретилось совсем мало примеров с обращениями, по которым можно было бы судить об их просодическом оформлении, поскольку большинство вокативов односложны или двусложны, так что определить, является ли падение тона на заударном гласном после подъема на ударном вторым акцентом или понижением к низкому пограничному, затруднительно (см. рис. 8.1). Однако иногда принять решение все-таки возмож-

но по наличию плато между повышением и падением тона (рис. 8.2). В этих случаях видно, что просодическое оформление обращений в говоре совпадает с литературным.

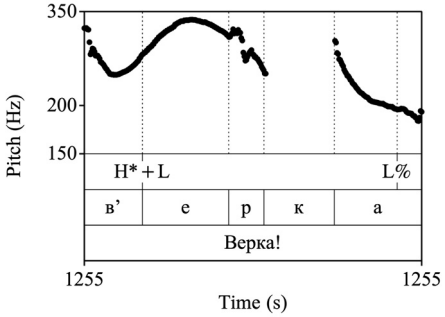


Рис. 8.1. Кривая ЧОТ вокатива *Верка!* ВАБ1939

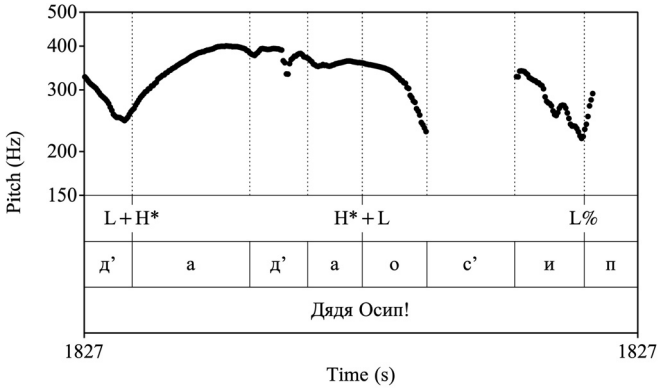


Рис. 8.2. Кривая ЧОТ вокатива *Дядя Осип!* ВАБ1939

9. Заключение

Анализ просодической системы тверского говора показал, что она в целом весьма сходна с литературной. Это касается как набора фонологических тональных средств, так и их использования для оформления базовых коммуникативных категорий — общего и частного вопроса, утверждения, незавершенности, императива, обращений. Как и в литературном языке, мы постулируем в ней три основных тональных акцента — восходящий и два нисходящих, различающихся таймингом, а также два конечных пограничных тона — высокий и низкий. Фонологические различия между начальными пограничными тонами в говоре, как и в СРЛЯ, по-

видимому, отсутствуют, что отличает его от южнорусских и южных среднерусских диалектов.

Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса и утверждения с узким фокусом в тверском говоре по сравнению с другими среднерусскими и СРЛЯ является значительная вариативность тайминга как восходящего, так и нисходящего акцентов и наличие случаев, в которых совмещаются различные стратегии таймирования тонального движения. Специфической особенностью говора является также нисходящий первый акцент в составе двуакцентных специальных вопросов — в отличие от восходящего в СРЛЯ.

На основании приведенных фактов мы считаем, что в говоре происходит перестройка интонационной системы от ориентированной на уровневые тоны к сходному с СРЛЯ варианту, в котором используются преимущественно скользящие акценты. На этом пути калязинский говор находится несколько впереди своих западных соседей (псковского и селигеро-торжковского).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брызгунова Е.А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
2. *Брызгунова Е.А.* Интонация. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Шведова Н.Ю. (ред.). М.: Наука, 1980. С. 103–118.
3. *Дурягин П.В.* Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 137–177.
4. *Дьяченко С.В.* Говор д. Скнятино Калязинского района Тверской области // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2 (40). С. 292–328.
5. *Касаткина Р.Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 134–150.
6. *Князев С.В.* Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. // Труды Института русского языка им.В. В. Виноградова. 2021. № 2 (28). С. 39–65.
7. *Князев С.В.* О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022. Т. 43, № 1. С. 113–153.
8. *Князев С.В.* Интонация юго-западного архангельского говора // Труды Института русского языка им.В.В. Виноградова РАН. 2023a. № 3. С. 175–195.
9. *Князев С.В.* Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023b. Т. 44, № 1. С. 32–65.
10. *Князев С.В.* Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент // Русский язык в научном освещении. 2024a. Т. 45, № 1 (В печати).
11. *Князев С.В.* Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024b. № 1. С. 85–127.

12. *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023a. № 1. С. 50–70.
13. *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть II: Псковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023b. № 2. С. 44–60.
14. *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Интонация западного среднерусского окающего говора // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2023c. № 3. С. 149–174.
15. *Кодзасов С.В.* Исследования в области русской интонации. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.
16. *Янко Т.Е.* Русская интонация в задачах и примерах // РЯНО. 2004. № 2 (8). С. 86–123.
17. *Duryagin P.V., Knyazev S.V.* Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties // Russian linguistics. 2022. Vol. 46, 2. P. 55–77.
18. *Haan J.* Speaking of Questions: An Exploration of Dutch Question Intonation. Utrecht, 2001.
19. *Igarashi Y.* Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (eds.). Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives. Amsterdam, 2006. P. 175–196.
20. *Igarashi Y.* Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (ed.). The discourse potential of underspecified structures. Berlin, 2008. P. 227–269.
21. *Keijsper C.E.* Comparing Dutch and Russian pitch contours // Russian Linguistics. 1983. 7. P. 101–154.
22. *Odé C.* Russian intonation: a perceptual description. Amsterdam, 1989.
23. *Odé C.* Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // Speech Communication. 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
24. *Rathcke T.* How truncating are 'truncating languages'? Evidence from Russian and German // Phonetica. 2017. 73. P. 194–228.

REFERENCES

1. Bryzgunova E.A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow: Moscow State University Publ., 1963. (In Russ.)
2. Bryzgunova E.A. Intonatsiya [Intonation]. *Russkaya grammatika*. Vol. 1: *Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Shvedova N.Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 103–118. (In Russ.)
3. Duryagin P.V. Intonatsiya chastnogo voprosa v russkom yazyke: experimental'noe issledovanie istochnikov variativnosti [Russian *wh*-question intonation: Experimental data on some sources of variation]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 1(41): 137–177. (In Russ.)
4. Duryagin P.V., Knyazev S.V. Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties // *Russian linguistics*, 2022. Vol. 46, 2. C. 55–77.
5. Dyachenko S.V. Govor derevni Sknytino Kalyazinskogo rayona Tverskoy oblasti [The dialect of the village Sknyatino in the Kalyazinsky district, Tver' region] // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii,* №2 (40), 2020. P. 292–328. (In Russ.)
6. Haan J. Speaking of Questions: An Exploration of Dutch Question Intonation. Utrecht: LOT, 2001.

7. Kasatkina R.F. Zametki o južnorusskoj intonacii [Remarks on Southern Russian intonation] // *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii* I (VII). Moscow: Nauka, 2002. pp. 134–150. (In Russ.)
8. Keijsper C.E. (1983). Comparing Dutch and Russian pitch contours. *Russian Linguistics*, 7, 101–154.
9. Knyazev S.V. Poslovny melodichesky kontur i odin iz sposobov oformleniya nezavershennosti v govore sela Tserkovnoe Arkhangel'skoy oblasti [Word-by-word melodic contour and one type of incompleteness marking in Tserkovnoe dialect, Arkhangel'sk Oblast]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2021, № 2 (28). P. 39–65. (In Russ.)
10. Knyazev S.V. O strukture tonal'nogo aktsenta v govorakh s poslovnym melodicheskim konturom [The structure of pitch accent in Russian dialects with "word-by-word" melodic contour]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022a, 1(43), 113–153. (In Russ.)
11. Knyazev S.V. Intonatsiya yugo-zapadnogo Arkhangel'skogo govora [Phrase intonation of a South-West Arkhangelsk dialect]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova*, 2023a, № 3, 175–195. (In Russ.)
12. Knyazev S.V. Frazovy zavershitel' v Arkhangel'skikh govorakh [Phrase finalizer in Archangel'sk dialect]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023b, 1(44), 32–65. (In Russ.)
13. Knyazev S.V. Russkaya dialektnaya prosodiya i intonatsionnaya fonologiya russkogo yazyka: vockhodyshchiy aktsent [Prosody of Russian dialect and the intonational phonology of Russian: the rising accent] // *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2024. V. 45, № 1. (In print)
14. Knyazev S.V. Frazovaya intonatsiya yuzhnorusskogo govora: Rogovatoe [Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024b, 1, 85–127.
15. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Intonatsiya zapadnogo srednerusskogo okajushhego govora [Phrase prosody of a Western Middle-Russian dialect with okan'je]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN.* 2023a, № 3, 149–174. (In Russ.)
16. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2022b) Melodichesky kontur obshchego voprosa v zapadnom srednerusskom akayushchem govore. Chast I: Seligero-Torzhkovskie govory [Melodic contour of yes-no question in Western Middle-Russian dialect with akan'je. Part I: Seliger-Torzhok dialect]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology,* 2023, no. 1. (In Russ.)
17. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2022c) Melodichesky kontur obshchego voprosa v zapadnom srednerusskom akayushchem govore. Chast II: Pskovskie govory Melodic contour of yes-no question in Western Middle-Russian dialect with akan'je. Part II: Pskov dialect *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology,* 2023, no. 2. (In Russ.)
18. Kodzasov S.V. (2009). *Issledovanija v oblasti russkoj prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur. (In Russ.)
19. Yanko T.E. Russkaya intonatsiya v zadachakh i primerakh [Russian intonation in problems and exumples] *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii,* 2004, № 2 (8). P. 86–123. (In Russ.)
20. Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. *Y. Kawaguchi, I. Fónagy,* & *T. Moriguchi (Eds.) Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives* (pp. 175–196). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006.

21. Igarashi Y. Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), The discourse potential of underspecified structures (pp. 227–269). Berlin: De Gruyter, 2008.
22. Odé S. *Russian intonation: a perceptual description*. Amsterdam: Brill, 1989.
23. Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication* 47 (1–2), 2005. P. 71–79.
24. Rathcke T. How truncating are 'truncating languages'? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017, 73, 194–228.

Поступила в редакцию 19.08.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 09.03.2024

Received 19.08.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Князев Сергей Владимирович — главный научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова; svknia@gmail.com

Дьяченко Светлана Владимировна — научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова; svet-lan-a@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey Knyazev — Chief Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svknia@gmail.com

Svetlana Dyachenko — Researcher; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svet-lan-a@list.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 60–74
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 60–74

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА БИЛИНГВИЗМА ТЕРСКИХ КУМЫКОВ КАК ИНДИКАТОР ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ. ЧАСТЬ 2

П.О. Россяйкин, А.И. Груздева, Ю.Р. Камбулатова, Р.Р. Насырова, Г.Ю. Устьянцев, О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье представлена вторая часть исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков, проживающих на территории Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания; данные были собраны в ходе полевого исследования, проводившегося в августе 2023 года в с. Предгорное. Функционирование кумыкского языка проанализировано на материале кумыкско-русского билингвизма, который рассматривается как индикатор языковой витальности. Подробно охарактеризованы билингвальные и социокультурные особенности семи возрастных групп респондентов, анкетированных в ходе работы. Приводятся этнологические данные, демонстрирующие роль кумыкского языка в формировании этнического самосознания и межэтнического взаимодействия. Материал исследования подкрепляет вывод о том, что терские кумыки сохраняют межпоколенческую передачу языка, а функциональный статус языка остается относительно высоким.

Ключевые слова: языковая ситуация; билингвизм; кумыкско-русский билингвизм; социолингвистическое анкетирование; этнологическое анкетирование; межпоколенческая передача языка; языковая витальность

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-3

Для цитирования: *Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В.* Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 60–74.

© Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В., 2024

AGE DYNAMICS IN KUMYK-RUSSIAN BILINGUALISM AND ITS IMPLICATIONS FOR LANGUAGE VITALITY: LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL DIMENSIONS. PART 2

P.O. Rossyaykin, A.I. Gruzdeva, Yu.R. Kambulatova, R.R. Nasyrova, G.Y. Ustyantsev, O.V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This article explores the linguistic and sociocultural situation of the Terek Kumyk linguistic community. Data for the study was collected in the fieldwork expedition in August 2023 in the village of Predgornoye (Mozdok district, North Ossetia — Alania). Vitality of Terek Kumyk is assessed through the age dynamics of Kumyk-Russian bilingualism. For seven age groups, their bilingual and sociocultural profiles have been identified. Linguistic generalizations were supplemented by the ethnological evidence demonstrating the role of Kumyk in establishing ethnic identity of the community. The study has demonstrated a relatively high status of Kumyk, with intergenerational transmission being full retained.

Keywords: language vitality; bilingualism; Kumyk-Russian bilingualism; sociolinguistic questionnaires; ethnological questionnaires; intergenerational language transmission

Funding: The research was supported by the Moscow State University Development Program, project No. 23-Ш02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Centre and South of Russia.”

For citation: Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Ustyantsev G.Y., Fedorova O.V. (2024) Age Dynamics in Kumyk-Russian Bilingualism and Its Implications for Language Vitality: Linguistic and Sociocultural Dimensions. Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 60–74.

Введение

В этой статье излагается вторая часть результатов междисциплинарного полевого исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков, проводившегося в августе 2023 года. Исследование нацелено на сбор и интерпретацию количественных данных, отражающих, во-первых, функционирование родного языка в кумыкском языковом сообществе Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания и его соотношение с другими языками, во-вторых, представления членов сообщества о своей культурной идентичности и, в-третьих, взаимодействие этих двух факторов.

В первой части исследования [Россяйкин и др. 2024] терские кумыки охарактеризованы как языковое и этнокультурное сообще-

ство; здесь же описана методология исследования и представлены эмпирические данные, собранные в ходе полевой работы. Ниже предлагается подробное описание и анализ этих данных. Мы охарактеризуем динамику детского и взрослого билингвизма, проведем статистический анализ материала и сформулируем возможные гипотезы, объясняющие наблюдаемые паттерны. Кроме того, мы проанализируем соотношение языковой и социокультурной ситуации в сообществе терских кумыков и представим обобщения о возможных сценариях развития языковой ситуации.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 4 излагаются основные эмпирические обобщения о возрастной динамике билингвизма. В разделе 5 они дополняются наблюдениями, касающимися социокультурной ситуации в языковом сообществе. Раздел 6 подводит итоги исследования.

4. Билингвизм терских кумыков

4.1. Количественные данные

В ходе анкетирования, проводившегося в с. Предгорное Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания по опроснику, описанному в [Россяйкин и др. 2024], были получены данные 108 человек, в том числе 62 взрослых и 46 детей. Среди детей мы выделяем три возрастные группы: 2–7, 8–12 и 13–15 лет, среди взрослых — четыре: 16–30, 31–40, 41–55 и 55+ лет. Их количественное распределение см. в [Россяйкин и др. 2024].

На основе полученных данных с помощью библиотеки seaborn [Waskom 2021] для языка программирования Python были построены скрипичные диаграммы (англ. *violin plots*), отражающие распределение индекса сбалансированного билингвизма, а также их плотности вероятности, по семи возрастным группам (см. рис. 2 ниже[1]). Понятие индекса доминантности, представленного на диа-

[1] На диаграммах толстая черная полоса в центре показывает межквартильный размах (англ. *Interquartile Range*, далее — IQR): верхняя граница соответствует третьему квартилю, ниже которого находится 75 % данных, нижняя — первому квартилю, ниже которого находится 25 % данных. Исходящая из черной полосы тонкая черная линия показывает доверительные интервалы с 95-процентной вероятностью; значения индекса, не вошедшие в доверительный интервал, считаются статистическими выбросами. Белые точки внутри каждой скрипки указывают на медианные значения. Черные точки показывают конкретные значения индекса, встретившиеся в выборке, причем в районе толстой черной полосы они не видны, а за пределами тонкой черной линии соответствуют статистическим выбросам. Ширина графика плотности отражает частоту встречаемости соответствующего значения индекса в выборке. В эстетических целях скрипичные диаграммы принято не обрезать по значению последнего выброса, а завершать плавно, сохраняя «скрипичную» форму. По этой причине на графике, например, для группы ре-

граммах, подробно описано в [Россяйкин и др. 2024]. Значения индекса выше нуля соответствуют кумыкско-русскому билингвизму, ниже нуля — русско-кумыкскому.

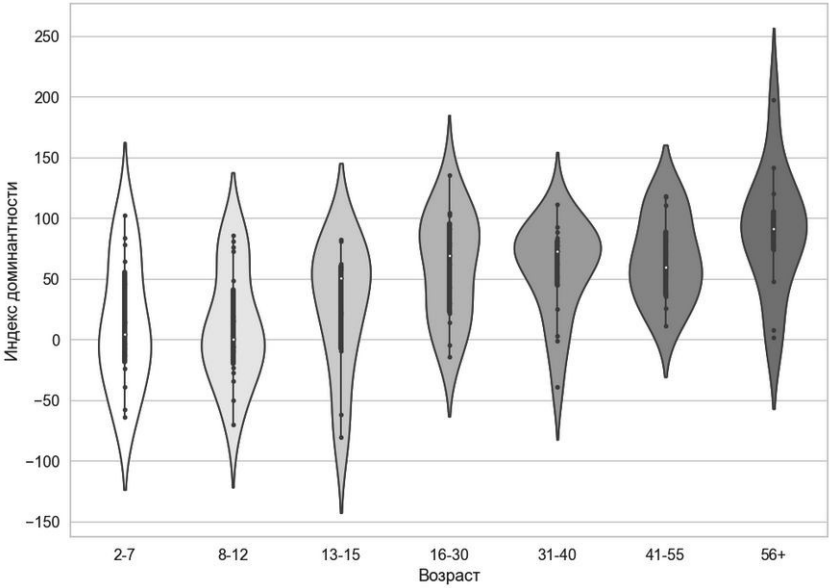


Рис. 2. Распределение индекса языковой доминантности по возрастным группам

4.2. Детский билингвизм

На Рис. 2 показаны данные о билингвизме в семи возрастных группах. Рассмотрим первые три диаграммы, представляющие детский билингвизм.

Как видно из диаграмм, первые две группы более схожи, в то время как медиана последней по шкале доминантности языка существенно ближе к медианам взрослых опрошенных. Это дает основания считать категорию подростков 13–15 лет промежуточной между детским и взрослым билингвизмом.

Медианы индексов языковой доминантности детей до 12 лет очень близки к нулевой отметке — это свидетельствует о максимальной сбалансированности кумыкско-русского билингвизма у современных носителей этого возраста по сравнению с подростками и взрослыми.

спондентов старше 56 лет реальное максимальное значение индекса равно 200, но край диаграммы достигает значения 250.

Интересно, что у детей наблюдается больший разброс значений в кумыкской части шкалы доминантности, чем в русской. Это означает, что уровень владения доминантным языком у кумыкско-русских детей-билингвов разнится сильнее, чем у русско-кумыкских. У подростков картина противоположная: разброс индексов ниже медианного значения значительно больше, чем разброс индексов выше медианы.

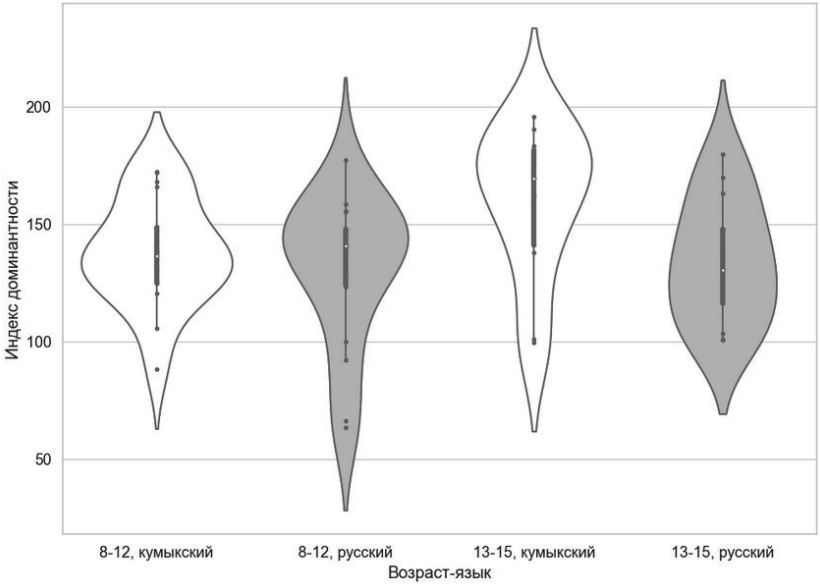


Рис. 3. Интегральные языковые индексы в двух возрастных группах

Рис. 3 показывает индексы по русскому и кумыкскому языкам по отдельности для двух возрастных групп: старшей детской (8–12 лет) и подростковой (13–15 лет). Диаграммы наглядно демонстрируют сдвиг баланса языков у подростков 13–15 лет по сравнению с детьми 8–12 лет: медианы индексов по русскому и кумыкскому у последних находятся почти на одном уровне с незначительным перевесом в сторону русского, в то время как эти же медианы в подростковой группе располагаются на разном уровне, причем индекс владения кумыкским выше индекса владения русским языком более чем на 40 пунктов. Примечательно, что в детской группе 8–12 лет наблюдается заметная разница в разбросе значений индексов по кумыкскому и русскому языкам: дети различаются во владении русским сильнее, чем во владении кумыкским.

4.3. Взрослый билингвизм

Для опрошенных в возрасте от 16 лет характерна доминантность кумыкского языка: медианные значения на шкале доминантности у взрослых находятся в диапазоне от 59 до 92 в зависимости от возрастной группы. Следует отметить две основные тенденции в этой группе опрошенных: (i) большему возрасту соответствует большее смещение в сторону кумыкского языка, о чем свидетельствует повышение медианы; (ii) большему возрасту соответствует большая однородность билингвизма, о чем свидетельствует сужение межквартильного размаха.

Вместе с тем, в самой старшей возрастной группе выделяются выбросы в обе стороны: 3 из 4-х опрошенных с наибольшей доминантностью кумыкского языка (индекс доминантности больше 120) относятся к этой группе; с другой стороны, в группе 56+ существуют и сбалансированные билингвы с индексом, близким к нулю.

Практически все взрослые опрошенные отметили хорошее владение как кумыкским, так и русским языком. Доминантность кумыкского языка возникает за счет ответов в остальных разделах: «Языковая история», «Использование языков» и «Отношение к языкам». В частности, во всех взрослых возрастах кумыкский язык одинаково доминирует над русским в разделе «Отношение к языкам»: почти все опрошенные поставили максимальные оценки для кумыкского языка по всем вопросам этого раздела. Кроме того, большинство опрошенных ответили, что 100 % времени думают на кумыкском языке, минимум 90 % времени разговаривают на кумыкском в семье и как минимум 80 % времени — с друзьями. С другой стороны, русский язык многие опрошенные используют на работе. Для молодых групп (16–30, 31–40) характерно использование обоих языков или даже преимущественно русского при счете. В целом смещение билингвизма в сторону кумыкского языка при повышении возраста, отмеченное в начале этого раздела как (i), связано в первую очередь с большим **использованием** кумыкского языка и меньшим использованием русского языка среди старших возрастов.

4.4. Соотношение детского и взрослого билингвизма

Результаты проведенного опроса показывают, что представители всех возрастных групп — сбалансированные кумыкско-русские билингвы. Во-первых, медианы индексов доминантности ни в одной возрастной группе не поднимаются выше 100 (и не опускаются ниже –100), что говорит о том, что ни один из языков не доминирует слишком сильно, оба используются носителями в достаточно полной мере. Во-вторых, распределение медиан на отрезке от 0 до 100 свидетельствует о том, что билингвизм, который мы наблюдаем у тер-

ских кумыков, — именно кумыкско-русский, то есть в среднем кумыкский язык доминирует над русским у опрошенных носителей любого возраста.

Опираясь на данные, представленные на скрипичных диаграммах (Рис. 2), и в частности на медианные значения по возрастным группам, опрошенных можно разделить на две большие группы: (1) детей от 2 до 12 лет с максимально сбалансированным билингвизмом и (2) взрослых от 16 лет с некоторой доминантностью кумыкского языка. Подростков 13–15 лет можно выделить в качестве переходной группы.

Это подтверждается и следующим статистическим исследованием: мы использовали U-критерий Манна — Уитни для попарного сравнения всех возрастных групп, чтобы определить, являются ли отличия между ними статистически значимыми при уровне значимости, равном 0.05, — такие результаты выделены жирным шрифтом в таблице 1.

Подсчитанные значения p-value показали, что группа «13–15» значимо не отличается от соседних групп («8–12» и «16–30»), в то время как есть значимые различия между всеми детскими группами, кроме третьей, и всеми взрослыми, что позволяет говорить о переходном состоянии третьей группы.

Таблица 1

Результаты попарного сравнения возрастных групп с помощью критерия Манна — Уитни, выявленные статистически значимые отличия выделены жирным

p	2–7	8–12	13–15	16–30	31–40	41–55	56+
2–7	NaN	1.000	0.490	**0.013**	**0.020**	**0.009**	**0.001**
8–12		NaN	0.327	**0.003**	**0.004**	**0.002**	**0.0002**
13–15			NaN	0.072	0.057	0.081	**0.003**
16–30				NaN	0.882	0.738	0.147
31–40					NaN	0.734	**0.029**
41–55						NaN	0.198
56+							NaN

Текущая картина совместима с двумя вариантами развития языковой ситуации в прошлом. С одной стороны, в предыдущем поколении могла иметь место такая же картина: дети — сбалансированные билингвы, взрослые — кумыкско-русские билингвы (то есть с доминантным кумыкским). В таком случае мы должны предполагать, что в ходе жизни нынешние взрослые претерпели процесс сдвига билингвальности в сторону кумыкского языка. Тот факт, что

дети используют русский язык более активно, чем старшие поколения носителей, можно связать с его функционированием в качестве преобладающего языка в образовательных учреждениях, в первую очередь в школах[2]. С возрастом местные жители сокращают использование русского в публичной сфере, коммуницируя в семье и трудовой деятельности в основном на кумыкском.

С другой стороны, текущая ситуация может быть и результатом изменения социолингвистического статуса кумыкского и сокращения сферы его использования, при том что в прошлом поколении у билингвов всех возрастов с детства преобладал кумыкский язык и это с течением жизни не менялось.

Аналогичным образом можно представить несколько вариантов будущего развития языковой ситуации. С одной стороны, билингвизм нынешних детей с течением времени может сместиться в сторону доминантности кумыкского, что снова приведет к распределению, схожему с текущим. С другой стороны, билингвизм младшего поколения может остаться на том же уровне. В таком случае билингвизм их будущих детей, скорее всего, либо будет приблизительно таким же сбалансированным, либо сдвинется в русскую сторону, и билингвизм терских кумыков в целом сместится к середине, а дальше и в сторону доминантности русского языка.

5. Билингвизм и этнологическая ситуация

Для исследования соотношения идентичности и языковых практик важно выявить различные формы проявления этнического самосознания. Эта информация позволяет описать роль кумыкского языка как маркера этничности. Предгорное — моноэтническое поселение, и ожидаемо почти все опрошенные воспринимают и позиционируют себя как этнических кумыков. Анкетируемым был задан вопрос «К какой этнической группе Вы себя относите?». Среди опрошенных взрослых жителей села 13 % отнесли себя к терским кумыкам, 18 % — к «тюркам», 47 % опрошенных — к кумыкам, 23 % не ответили на вопрос. На вопрос «Укажите Вашу национальность» 97 % анкетируемых отнесли себя к кумыкам, один опрошенный указал на смешанную кумыкско-чеченскую идентичность, двое не ответили на этот вопрос. Эти данные иллюстрируют отношение респондентов к концепциям этничности и национальности. Опрошенные в большей степени воспринимают национальность не в гражданско-политических, а в этнических категориях — как синоним слова «народ» или «этническая группа» [Тишков 2023: 12–13].

[2] Следует отметить, что в качестве родного языка терские кумыки Моздокского района изучают литературный кумыкский язык. Осетинский язык в средней школе не преподается.

Под этнической группой опрошенные понимают не только народнацию, но и, во-первых, этнографическую группу — «терские кумыки»; во-вторых, этноязыковую категорию — тюрки (носители тюркских языков). Это подтверждает существенную роль языка в генезисе этнической идентичности. Анкетируемым также был задан вопрос о том, что значит для респондента быть кумыком. «Считать себя кумыком» — 31 % ответов, «хорошо знать кумыкский язык» — 37 % ответов, «хорошо знать кумыкскую культуру и историю» — 32 %, «быть уроженцем кумыкского населенного пункта» — 21 %. Самые популярные ответы: «происходить из кумыкской семьи» (48 %) и «исповедовать ислам» (52 %). Для опрошенных связи с семьей и религией ассоциируются с принадлежностью к кумыкам. Язык в ряду ответов третий по популярности. Примечательно, что вариант «считать себя кумыком» (по сути речь идет о самосознании, о восприятии себя) не является самым популярным: анкетируемые предпочли указать более объективные факторы идентичности. В контексте взаимосвязи языка и идентичности примечательно, что абсолютное большинство — 99 % — максимально оценили для себя важность использования кумыкского языка как родного (по шестибалльной шкале средняя оценка — 5,9).

Анкетируемых попросили оценить по шестибалльной шкале свою принадлежность к кумыкской и русской культурам. Средний показатель по кумыкской культуре — 5,9, по русской — 1,2. Языковое поведение находится в зависимости от социального контекста, отношений между акторами языкового поведения [Hudson 1996: 5–11]. Отношение к языку, по Р. Фасолду, репрезентирует интегрирующую функцию, которую выполняет язык в социокультурном измерении [Fasold 1984: 158]. Приведенные выше данные доказывают, что этническая принадлежность исследуемой группы в ситуации мультилингвизма определяется именно родным (материнским) языком [Trudgill 2000: 45]. Если сравнивать кумыков Предгорного с другим кумыкским населением Северного Кавказа, то определяющим этнолокальную идентичность фактором будет уже вариант (диалект) кумыкского языка [Trudgill 2000: 45–47].

Языковая ситуация в селе связана с фактором межэтнического взаимодействия, см. данные на диаграммах на Рис. 4. Молодые респонденты в возрасте до 30 лет в публичной сфере в основном коммуницируют с кумыками (60 %), русскими (24 %), осетинами (9 %), чеченцами (5 %). Опрошенные 31–40 лет чаще взаимодействуют с кумыками (43 %) и русскими (29 %), осетинами (19 %), реже — с чеченцами (5 %). Большинство кумыкского окружения в публичной сфере характерно и для информантов 41–55 лет (45 %), но в то же время для этой возрастной группы отмечен более высокий процент

в окружении чеченцев (7 %), меньший процент осетин (7 %) и больший — русских (31 %). Для самого старшего поколения опрошенных (старше 56 лет) окружение на 63 % состоит из кумыков, на 22 % из русских, на 6 % из ногайцев, остальных народов — менее 10 %. Ситуация с этническим составом семьи и кругом ближайших друзей более однородна: около 80 % близкого окружения опрошенных составляют кумыки, от 10 до 13 % — русские. Исключением является возрастная группа 41–55 лет, для которых чеченское окружение составляет 13 %, русское — 5 %.

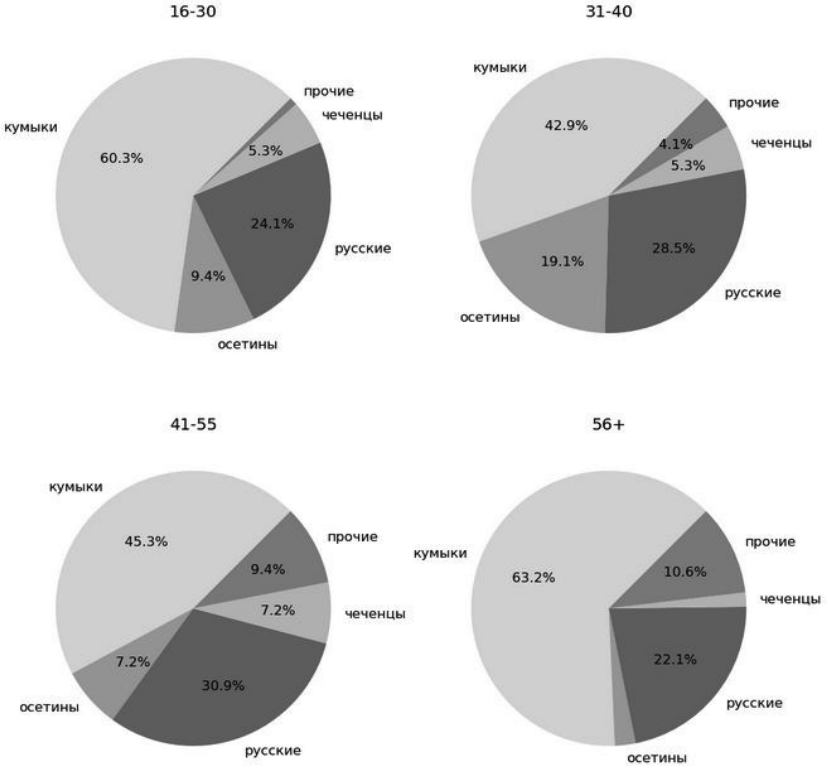


Рис. 4. Межэтнические взаимодействия терских кумыков в публичной сфере

Влияние образовательных институтов и, вероятно, социальных сетей усиливает межэтнические контакты молодых кумыков с русскоязычными, что увеличивает удельный вес в их языковых практиках русского языка. Старшее население интегрировано в локальную рабочую среду, большую роль в их общении играют кумыки, что может определять и значительные показатели кумыкского языка в картине местного билингвизма взрослых. Полученные дан-

ные важны в контексте переключения кодов (code-switching): в разных социальных ситуациях более удобным и статусным оказывается или русский, или кумыкский язык [Wardhaugh, Fuller 2006: 85–86]. Можно предположить, что молодое поколение кумыков чаще использует русский язык вследствие языкового планирования и работы системы образования. По Р. Куперу, языковое планирование (language planning) социально обусловлено, оно связано с действием институтов и положением различных социальных групп [Cooper 1989: 183–185].

В отношении кумыкско-русского билингвизма важным фактором может являться статусность русского как официального государственного языка, который конкурирует с кумыкским в сфере публичной жизни молодежи. Русский язык в Республике Северная Осетия — Алания выполняет функцию межэтнического общения [Бесолова и др. 2021: 1250–1255]. При разности в показателях языкового поведения опрошенные всех возрастов солидарны в определении своей идентичности (большинство определяет себя кумыками по национальности) и в отношении к кумыкскому языку. Эти данные иллюстрируют явление культурной интерференции, используемое исследователем билингвизма и бикультурализма С.А. Арутюновым в описании советских обществ. В ходе этого этнического процесса при сохранении некоторых элементов (идентичность, диалект, искусство) общности А она заимствует особенности культуры общности В [Арутюнов 1978: 5–14]. В данном случае при проникновении русского языка в некоторые сферы общественной жизни (образование, делопроизводство и т. д.), кумыкский сохраняется как основной язык общения при доминантности кумыкской идентичности. Результаты опроса демонстрируют картину единой (кумыкской) культуры при кумыкско-русском двуязычии, что соответствует одной из схем этноязыковых ситуаций, предложенных Э. Хаугеном [Хауген 1972: 64].

6. Заключение

Завершить статью мы хотели бы несколькими соображениями о социолингвистических особенностях языкового сообщества терских кумыков и соотношении лингвистических и социокультурных факторов в развитии языковой ситуации.

Существующие оценки витальности кумыкского языка в целом не рассматривают его как находящийся под непосредственной угрозой исчезновения. По классификации Института языкознания РАН (http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml), кумыкский язык относится к категории 2Б, которая характеризуется наличием межпоколенческой передачи на значительной территории ареала сообщества,

существенной пропорцией носителей языка на территории региона (преимущественно среди сельского населения), относительно развитой языковой инфраструктурой, но при этом определенной функциональной ограниченностью. На шкале EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale [Lewis, Simons 2010]), широко принятой в западных социолингвистических исследованиях, кумыкский язык следует отнести к категории «развивающихся» (developing) и характеризовать как стабильный. Некоторые исследователи, опираясь преимущественно на значительное количество носителей кумыкского, описывают его статус как безопасный [Халидов 2019: 495–496].

Анализ полученных нами данных о языковом сообществе терских кумыков в целом согласуется с этими наблюдениями. С одной стороны, эти данные показывают, что язык играет определяющую роль в конструировании этнической и этнолокальной идентичности, что само по себе следует рассматривать как важный показатель достаточно высокого социолингвистического статуса языка. В то же время институциональная поддержка диалекта терских кумыков, в отличие от литературного кумыкского языка, практически не осуществляется, а языковая инфраструктура остается относительно неразвитой.

Если, далее, опираться на данные о билингвизме и его возрастной динамике как на индикатор языковой витальности, ситуацию в языковом сообществе терских кумыков можно охарактеризовать как относительно благополучную. Терские кумыки (по меньшей мере сельское население) сохраняют межпоколенческую передачу языка в полном объеме, а функциональный статус языка остается относительно высоким.

Вместе с тем обращает на себя внимание последовательное изменение индекса доминантности в зависимости от возраста носителей. У самых возрастных и самых молодых носителей различие медианных значений почти достигает 100 единиц. Это различие, фиксируемое на интервале в 50 лет, допускает более одного объяснения. Как отмечается в разделе 4, наилучший сценарий, на который могут указывать эти данные, состоит в том, что межвозрастные различия остаются стабильными во времени, наихудший — в том, что языковое сообщество эволюционирует в направлении языкового сдвига, при котором межпоколенческая передача языка нарушается. Если верно последнее, можно констатировать, что наблюдающийся дрейф на данный момент не выглядит угрожающим или необратимым, однако ситуация нуждается в постоянном мониторинге со стороны всех, кто заинтересован в сохранении и развитии

терского диалекта, а сам диалект — в усилении институциональной поддержки на всех уровнях.

Благодарности

Авторы статьи выражают бесконечную благодарность Х.У. Ибрагимову, главе администрации местного самоуправления с. Предгорное в 2022 году, А.Б. Кубаеву, главе администрации местного самоуправления в 2023 году, С.А. Яхъяевой, директору средней школы имени военного летчика капитана Р.А. Хордаева, учителям этой школы, всем жителям с. Предгорное, помогавшим нам в работе над материалом терского диалекта и сборе социолингвистической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнов С.А.* Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3–14.
2. *Бесолова Е.Б., Закаева Б.К., Джиоева В.П., Денисенко А.В., Калинина Ю.М.* Языковая ситуация и статус языков в Республике Северная Осетия — Алания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1247–1259.
3. Кумыкский язык // Малые языки России. [Электронный ресурс]. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumykskiy-yazyk (дата обращения: 14.10.2023).
4. *Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В.* Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 1. С. 37–53.
5. *Тишков В.А.* Нация наций: о подходах к пониманию России. М., 2023.
6. *Халидов А.И.* Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. Махачкала, 2019.
7. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. 1972. С. 61–80.
8. *Cooper R.L.* Language Planning and Social Change. Cambridge, 1989.
9. *Fasold R.* Sociolinguistic of society. Oxford, England; New York, NY, USA, 1984.
10. *Hudson R.* Sociolinguistics. Cambridge, 1996.
11. *Lewis M.P., Simons G.F.* Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS // Revue roumaine de linguistique. 2010. № 55(2). P. 103–120.
12. *Trudgill P.* Topics. Sociolinguistics: An introduction to language and society. London; New York, 2000.
13. *Wardhaugh R., Fuller J.* An introduction to sociolinguistics. New York, 2006.
14. *Waskom M.L.* seaborn: statistical data visualization // Journal of Open Source Software. 2021. № 6(60). P. 3021. https://doi.org/10.21105/joss.03021

REFERENCES

1. Arutyunov S.A. Bilingvizm i bikul'turalizm [Bilingualism and biculturalism]. *Sovetskaya ehtnografiya [Soviet ethnography]*. 1978, 2, pp. 3–14. (In Russ.)

2. Besolova E.B., Zakaeva B.K., Dzhioeva V.P., Denisenko A.V., Kalinina Yu.M. Yazykovaya situatsiya i status yazykov v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [Linguistic situation and status of languages in the Republic of North Ossetia–Alania]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]*. 2021. 12, 4. P. 1247–1259. (In Russ.)
3. Cooper R.L. Language Planning and Social Change. Cambridge: *Cambridge University Press*, 1989.
4. Fasold R. Sociolinguistic of society. Oxford, England; New York, NY, USA: *B. Blackwell*, 1984.
5. Hudson R. Sociolinguistics. *Cambridge University Press*, 1996.
6. Khalidov A.I. Yazyki i narody Kavkaza: voprosy istorii i tipologii, sotsio-, ehtno- i ehkolingvistiki [Languages and peoples of Caucasus: issues in history and typology, socio-, ethno- and ecolinguistics]. Makhachkala, *ALEF LLC Publ.*, 2019. 628 p. (In Russ.)
7. Khaugen EH. Yazykovoi kontakt [Language contact]. Novoe v lingvistike [The new in linguistics]. V. 6. Yazykovye kontakty [Language contacts], 1972. P. 61–80. (In Russ.)
8. Kumykskii yazyk [Kumyk]. *Malye yazyki Rossii [Minority languages of Russia]*. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumykskiy-yazyk (accessed: 14.10.2023).
9. Lewis M.P., Simons G.F. Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue roumaine de linguistique*. 2010, 55, 2. P. 103–120.
10. Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. Vozrastnaya dinamika bilingvizma terskih kumykov kak indikator vital'nosti yazyka: yazykovoj i sociokul'turnyj aspekty [Age dynamics in Kumyk-Russian bilingualism and its implications for language vitality: linguistic and sociocultural dimensions. Part 1.] *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9: Filologiya*. 2024. № 1. P. 37–53. (In Russ.)
11. Tishkov V.A. Natsiya natsii: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii [Nation of nations: on approaches to understanding Russia]. Moscow, *IEA RAS Publ.*, 2023. 69 p. (In Russ.).
12. Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction to language and society. London; New York: *Penguin*, 2000.
13. Wardhaugh R., Fuller J. An introduction to sociolinguistics. *Blackwell Pub*, 2006.
14. Waskom M.L. seaborn: statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*, 2021, 6, 60, p. 3021. doi: 10.21105/joss.03021.

Поступила в редакцию 12.08.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 09.03.2024

Received 12.08.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Россяйкин Петр Олегович — инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; petrrossyaykin@gmail.com

Груздева Анастасия Ильинична — младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, аспи-

рант и инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gruzdevaai@my.msu.ru

Камбулатова Юлия Руслановна — специалист по УМР II категории кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени МВ. Ломоносова; ykambulatova@mail.ru

Насырова Регина Руслановна — младший научный сотрудник Института искусственного интеллекта МГУ имени М.В. Ломоносова, студент магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; regina.nasyrova55@gmail.com

Устьянцев Герман Юрьевич — ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ustyan-93@mail.ru

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Petr Rossyaykin — Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; petrrossyaykin@gmail.com

Olga Fedorova — Professor of Linguistics, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

Anastasija Gruzdeva — Junior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; PhD Student and Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gruzdevaai@my.msu.ru

Yuliia Kambulatova — Specialist in educational and methodological work, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ykambulatova@mail.ru

Regina Nasyrova — Junior Researcher, Institute for Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University; Master's student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; regina.nasyrova55@gmail.com

Herman Ustyantsev — Assistant, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ustyan-93@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 75–86
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 75–86

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА В.И. АБАЕВА: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ

О.И. Беляев, И.А. Хомченкова, Ю.В. Синицына, В.В. Дьячков, А.А. Бызова, А.О. Бадеев, Д.А. Алексеев, Ю.Ю. Макаров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; Кембриджский университет, Кембридж, Великобритания

Аннотация: В статье подводится итог проекта по оцифровке и переводу Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева, осуществляемого авторами статьи с 2020 г. По своим глубине и охвату этот словарь является уникальным не только среди словарей иранских языков, но и среди этимологических словарей в целом. По замыслу автора, он объединил в себе черты нескольких типов словарей: не только собственно этимологического, но и, в частности, двуязычного (осетинско-русского), документированного и исторического. В результате словарные статьи содержат информацию нескольких типов: перевод осетинского слова на русский, в ряде случаев — с достаточно подробным толкованием; иллюстрирующие примеры; развернутый исторический и культурологический комментарий (для слов, обозначающих значимые реалии); наконец, собственно этимологию, представляющую собой свободный текст с большим количеством цитируемых иноязычных форм (индоевропейских когнатов, источников заимствований и т. д.). В статье обосновывается необходимость максимального сохранения и кодирования этой информации при создании электронной базы данных. По нашему мнению, оптимальным форматом для таких задач является разметка XML, точнее — ее вариант, специально разработанный для разметки текстовых документов: TEI (Text Encoding Initiative, https://tei-c.org/). Для редактирования словаря была создана специальная модификация этой системы разметки, а также специализированный модуль для редактора Oxygen XML Editor и набор CSS-файлов, обеспечивающий максимальное приближение визуального облика словаря к исходному. Это же сочетание XML и CSS позволяет без дополнительной обработки сгенерировать печатный вариант словаря в русской и английской версиях при помощи системы Prince (https://www.princexml.com/).

Однако, хотя такой формат предпочтителен для максимально полного представления исходных данных, он не очень хорошо подходит для работы

© Беляев О.И., Хомченкова И.А., Синицына Ю.В., Дьячков В.В., Бызова А.А., Бадеев А.О., Алексеев Д.А., Макаров Ю.Ю., 2024

с онлайн-интерфейсом и автоматической обработки данных, а поиск по XML слишком сложен и неоднозначен для обычного пользователя. Поэтому мы предлагаем дополнить XML-базу данных реляционной базой, построенной из словарных статей в автоматическом режиме. В нашем проекте такая база служит основой для электронной «оболочки» этимологического словаря (https://ossetic.iranic.space), построенной с использованием платформы OnLex [Makarov et al. 2022]. Таким образом, проект совмещает в себе черты сразу нескольких типов баз данных, что полностью соответствует многостороннему характеру исходного словаря. Мы надеемся, что опыт этого проекта может быть использован при работе над другими аналогичными словарями.

Ключевые слова: этимология; лексикография; осетинский язык; иранские языки; индоевропейские языки; базы данных

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-4

Для цитирования: *Беляев О.И., Хомченкова И.А., Синицына Ю.В., Дьячков В.В., Бызова А.А., Бадеев А.О., Алексеев Д.А., Макаров Ю.Ю.* Историко-этимологический словарь осетинского языка В.И. Абаева: проблемы создания цифровой двуязычной версии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 75–86.

V. I. ABAEV'S HISTORICAL-ETYMOLOGICAL DICTIONARY: ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF A DIGITAL BILINGUAL EDITION

O.I. Belyaev, I.A. Khomchenkova, J.V. Sinitsyna, V.V. Dyachkov, A.A. Byzova, A.O. Badeev, D.A. Alekseev, Y. Makarov

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS, Vinogradov Russian Language Institute RAS, HSE University, Moscow, Russia; University of Cambridge, Cambridge, UK

Abstract: In this article, we discuss the conclusions of the project on digitizing and translating the Historical-Etymological dictionary of Ossetic by V.I. Abaev, which has been carried out by the authors since 2020. The entries of the original include information of several kinds: Russian translations of an Ossetic word, related examples, usage and etymological notes. The etymological notes are usually free-form texts with a large number of cited forms from other languages (cognates, loanword sources, etc.). We argue for maximal preservation and thorough encoding of this information when creating a digital database. The optimal format for such purposes is XML markup, more specifically its variant intended for annotating text documents, TEI (Text Encoding Initiative, https://tei-c.org/). For digitizing the dictionary, we created a modification of this markup language, a module for Oxygen

XML Editor, and a set of CSS files that ensure maximum similarity between our layout and the original. The same combination of XML and CSS allows generating the print version of the dictionary using the Prince typesetting system (https://www.princexml.com/) without any additional processing. For ease of search and access, we suggest supplementing the XML sources with a relational database automatically created from the lexical entries. In our project, this database serves as the source for the online interface of the dictionary (https://ossetic.iranic.space), powered by the OnLex platform [Makarov et al. 2022]. Hence, the project combines the features of several database types, which fully corresponds to the multi-faceted character of the original dictionary. We hope that our experience can be used for other digital lexicographic projects.

Keywords: etymology; lexicography; Ossetic; Iranian languages; Indo-European languages; databases

Funding: The research is supported by Russian Science Foundation, project No. 22-28-01639 "Developing a Bilingual Digital Version of the Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language by V.I. Abaev."

For citation: Belyaev O.I., Khomchenkova I.A., Sinitsyna Yu.V., Dyachkov V.V., Byzova A.A., Badeev A.O., Alekseev D.A., Makarov Y. (2024) V.I. Abaev's Historical-Etymological Dictionary: Issues in the Development of a Digital Bilingual Edition. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no 2, pp. 75–86.

1. Введение

В настоящей статье описывается методология и результаты проекта по созданию электронной двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева (далее ИЭСОЯ) [Абаев 1958–1989], выполняемого участниками проекта с 2020 г. Наш опыт может быть использован в широком спектре аналогичных проектов по созданию или цифровизации словарей различных типов, так как ИЭСОЯ является редким примером сочетания в одном источнике сразу нескольких видов словарей: по словам самого автора, «двуязычного (осетинско-русского), документированного, этимологического, исторического и реального» [Абаев 1973: 3]; таким образом, и выбранный нами формат его электронного представления должен был быть таким, чтобы органично сочетать в себе кодирование этих типов данных.

2. Историко-этимологический словарь осетинского языка: общий обзор

Статья ИЭСОЯ состоит из двух основных частей: в первой содержится перевод осетинского слова на русский язык, иллюстративные примеры, идиоматические и деривированные формы, а также — зачастую — социокультурные комментарии о функционировании слова или связанных с ним артефактов. Вторая часть представляет собой собственно этимологию — текст в свободной

форме, включающий большое число перекрестных ссылок на другие словарные статьи, цитируемых иноязычных слов (прежде всего, когнатов из иранских и других индоевропейских языков, но также потенциальных источников заимствования, объектов типологического сопоставления и т. п.), библиографических ссылок. Пример словарной статьи, содержащей все эти элементы, представлен на рис. 1. Первая часть начинается с основных форм лексемы (на иронском и дигорском диалектах, разделенные вертикальной чертой) и продолжается до символа «~», за которым следует этимологическая часть.

Формат электронного словаря должен быть выбран так, чтобы вся эта информация была представлена не в виде простого текста, но в структурированной форме в машиночитаемом формате, доступном для последующей обработки.

zærīn | zærīnæ 'золото', 'золотой', 'золотистый'. В самостоятельном употреблении находим обычно в сращении с украшающим эпитетом *syrx* 'красный': *syǧzærīn* (из *syrxzærīn*). Но в сложных словах господствует *zærīn*: *zærīng₀yrd* 'златокузнец', *zærīndag* 'золотая нить', *zærīnbyd* 'золотая тесьма', *zærīnbos* 'золотой шнур', *Xūrzærīn* 'Солнце золотое' (культовое наименование солнца). Ср. также *Zærīn nonyx* 'Золотой ноных' — название праздника (Munk. Blüten 218), *Zrūǧy zærīn Majræm* 'Зругская золотая Богоматерь' (ЮОПам. I 95), *Zærīnæ* женское имя. — *ærttyvtoj ʒykkūtæ zærīnaw* «(ее) косы блестели, как золото» (MD 1958 III 17); *zærīn xūr arvastæw ærttīvy* «золотое солнце сияет посреди неба» (Хар. Уац. 45); *cæj bærc sæ īs ævzīst, yzdy, zærīn!* «сколько в них (в горах) серебра, свинца, золота!» (Хар. Кадæг 5); *dæwæj zærīndær nīkæj yssardton* «более золотого, чем ты, я никого не нашла» (ЮОПам. III 170); д. *zærīn bædtæntæ amonuj* «он (младенец в колыбели) требует золотых повязок» (СОПам. II 156); д. *raburdæj æ c'asæj saw zærīnsær xelagæ* «выползла из своей норы черная с золотистой головой змея» (DZ 204); д. *cæruj sæ xæccæ kalm zærīn* «с ними живет золотистая змея» (Iræf 78).

~ Вместе с железом (*fsæn*) и сталью (*ændon*) относится к древнейшим названиям металлов в осетинском. Восходит к иран. **zaranya-*. Ср. **перс.** *zar(r)* (из **zarna-*) 'золото', *zarrīn* 'золотой', **перс.** **zarn* **в арм.** *zarnavuxt'* 'златотканный' (Hübschmann. PSt. 259), **пехл.** *zarr* 'золото', *zarrēn* 'золотой', **парф.** *zarnēn* id. (AI IXa 105), **пам. ор.** *zarnin*, *zarninin* 'золотой' (Зарубин. Орош. 70), **согд.** **zērn* 'золото', **zērnēnāk* 'золотой' (*zyrn*, *zyrnyn'k*), **хорезм.** *zirni*, **сак.** *ysīrra* (из **zarnya-*) 'золото', *ysarrīnaa-* 'золотой', **ав.** *zaranya-*, **др.перс.** *daraniya-* 'золото'. Сюда же *Zarina* имя сакской царицы (Ктесий). В топонимии Вост. Ирана: *Zarin*, *Zarang* (Daffina. L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967, стр. 90—93). Приводимое Лукианом (Токсарис) *ζιρίν* 'выкуп' есть, вероятно, искаженное *zærīn* и означало 'золото' как выкуп [Schmeja. Iranisches bei Lukian. Serta philologica aenipontana, II, Innsbruck, 1972, стр. 25—27 («Sarmatisch *Ζιρίν*»)]. Содержащаяся в этих словах индоевропейская база *ǵhel-* 'желтый', 'красноватый' распознается также в **ст.слав.** *zlato*, **русск.** *золото*, **нем.** *Gold* и пр. — Из иранского вошло в некоторые угро-финские языки: **венг.** *arany*, **коми, удм.** *zarni*, **морд.** *sirne*, **ханты** *sarna*, **манси** *sarń*, *sorńï*. — См. еще *syǧzærīn*, *zærīnbos*, *zærīndag*, *zærīng₀yrd*, *Xūrzærīn*.

Вс. Миллер. ОЭ II 47, 82, III 138; Gr. 16. — Hübschmann. Oss. 234. — ОЯФ I 33, 39, 52, 83, 190, 200. — Joki. UuI 29, 63, 82, 114, 250. — Bailey. Saka Dictionary 347, 352 sq.

Рис. 1. Словарная статья *zærīn* 'золото' [Абаев 1989: 303]

3. Подходы к созданию цифровых словарей

Самый распространенный формат представления словарных данных — это таблица или система таблиц, например набор текстовых файлов в формате CSV (Comma-separated values) или реляционная база данных [Codd 1970]. Его преимущество — простота редактирования и обработки, поэтому он популярен в типологических и сравнительно-лексикографических проектах, в частности, на базе Cross-Linguistic Linked Data (CLLD) и Cross-Linguistic Data Formats (CLDF) [Forkel et al. 2018]. Для наших задач табличный формат является недостаточно гибким: например, в его рамках никак нельзя передать внутреннюю структуру этимологической части статьи.

Вместо этого мы приняли решение использовать язык разметки TEI XML [The TEI Consortium 2023]. Язык Text Encoding Initiative (TEI) представляет собой набор XML-схем для представления различных типов текстовых данных: книг, словарей, рукописей, лингвистических корпусов; в частности, он используется Британским национальным корпусом (BNC, http://www.natcorp.ox.ac.uk/) [Burnard, Aston 1998]. Для словарей, помимо базовой схемы TEI, существует также набор стандартных практик TEI Lex-0 [Romary, Tasovac 2018]. Архитектура словаря и процесс работы описаны в [Belyaev et al. 2021]; исходные файлы самого словаря и используемой в нем XML-схемы доступны по адресу https://github.com/abaevdict. Начало этимологии приведенной в разделе 2 статьи *zærīn* может служить неплохим примером:

<etym xml:lang=»ru»>Вместе с железом (<ref type=»xr» target=»#entry_7fsæn»><w>fsæn</w></ref>) и сталью (<ref type=»xr» target=»#entry_ændon»/>) относится к древнейшим названиям металлов в осетинском. Восходит к <mentioned xml:lang=”ira”><lang/> <w type=”rec”>zaranya-</w></mentioned>. Ср. <mentioned xml:lang=”fa”><lang/> <w>zar(r)</w> <note type=”comment”>(из <w type=”rec”>zarna-)</w></note> <gloss><q>золото</q></gloss></mentioned>, <mentioned xml:lang=”fa”><w>zarrīn</w> <gloss><q>золотой</q></gloss></mentioned>, <mentioned xml:lang=”fa”><lang/> <w type=”rec”>zarn</w></mentioned> в <mentioned xml:lang=”xcl”><lang/> <w>zaṛnavuxt’</w> <gloss><q>златотканный</q></gloss> <note type=”bibl”><bibl><ref type=”bibl” target=”#ref_Hübschmann._PSt.”/>

(…)

Для непосредственного ввода словарных данных мы разработали набор CSS-стилей для отображения словарного материала, максимально приближенного к исходному форматированию, а также дополнение к популярному редактору Oxygen XML Editor (https://www.oxygenxml.com/), позволяющее редактировать текст в формате,

близком к печатному варианту. Форматирование, таким образом, динамически подбирается в соответствии с ролью и позицией элемента. То, как указанная статья выглядит в интерфейсе редактора с применением CSS-стилей, представлено на рис. 2.

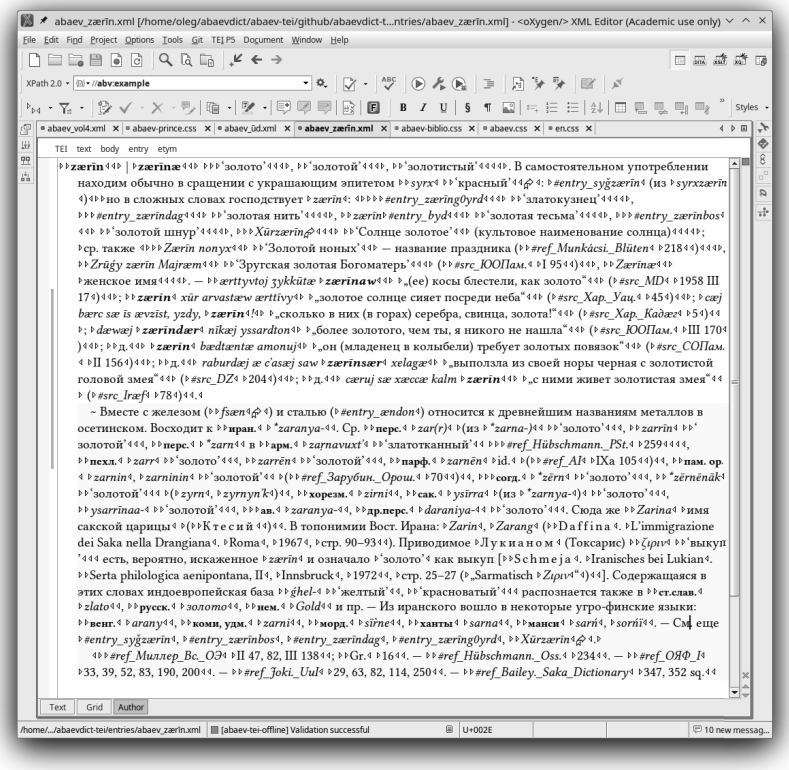


Рис. 2. Вид статьи *zærīn* ‘золото’ в редакторе Oxygen XML

4. XML-разметка и публикация

Сочетание XML и CSS, используемое для редактирования словаря, может практически без изменений применяться для создания его печатной версии. В нашем проекте мы использовали систему CSS-верстки Prince (https://www.princexml.com/). В качестве примера приведем рассматривавшуюся выше словарную статью в сверстанном виде (рис. 3) и ту же статью в английском переводе (с автоматически подставленными названиями языков и ссылками на источники) на рис. 4. Как видно, автоматическое форматирование и подстановка повторяющихся названий значительно облегчает издание словаря и снижает процент ошибок.

zærīn | **zærīnæ** ‘золото’, ‘золотой’, ‘золотистый’. В самостоятельном употреблении находим обычно в сращении с украшающим эпитетом *syrx* ‘красный’: *syǧzærīn* (из *syrxzærīn*)но в сложных словах господствует *zærīn*: *zærīng̣yrd* ‘златокузнец’, *zærīndag* ‘золотая нить’, *zærīnbyd* ‘золотая тесьма’, *zærīnbos* ‘золотой шнур’, *Xūrzærīn* ‘Солнце золотое’ (культовое наименование солнца); ср. также *Zærīn nonyx* ‘Золотой ноных’ — название праздника (Munkácsi. Blüten 218), *Zrūǧy zærīn Majræm* ‘Зругская золотая Богоматерь’ (ЮОПам. I 95), *Zærīnæ* женское имя. — *ærttyvtoj ʒykkūtæ zærīnaw* „(ее) косы блестели, как золото“ (MD 1958 III 17); *zærīn xūr arvastæw ærttīvy* „золотое солнце сияет посреди неба“ (Хар. Уац. 45); *cæj bærc sæ īs ævzīst, yzdy, zærīn!* „сколько в них (в горах) серебра, свинца, золота!“ (Хар. Кадæг 5); *dæwæj zærīndær nīkæj yssardton* „более золотого, чем ты, я никого не нашла“ (ЮОПам. III 170); д. *zærīn bædtæntæ amonuj* „он (младенец в колыбели) требует золотых повязок“ (СОПам. II 156); д. *raburdæj æ c'asæj saw zærīnsær xelagæ* „выползла из своей норы черная с золотистой головой змея“ (DZ 204); д. *cæruj sæ xæccæ kalm zærīn* „с ними живет золотистая змея“ (Iræf 78).

~ Вместе с железом (*fsæn*) и сталью (*ændon*) относится к древнейшим названиям металлов в осетинском. Восходит к **иран.** **zaranya-*. Ср. **перс.** *zar(r)* (из **zarna-)* ‘золото’, *zarrīn* ‘золотой’, **перс.** **zarn* в **арм.** *zaṛnavuxt'* ‘златотканный’ Hübschmann. PSt. 259, **пехл.** *zarr* ‘золото’, *zarrēn* ‘золотой’, **парф.** *zarnēn* id. (AI IXa 105), **пам. ор.** *zarnin*, *zarninin* ‘золотой’ (Зарубин. Орош. 70), **согд.** **zērn* ‘золото’, **zērnēnāk* ‘золотой’ (*zyrn*, *zyrnyn'k*), **хорезм.** *zirni*, **сак.** *ysīrra* (из **zarnya-*) ‘золото’, *ysarrīnaa-* ‘золотой’, **ав.** *zaranya-*, **др.перс.** *daraniya-* ‘золото’. Сюда же *Zarina* имя сакской царицы (Ктесий). В топонимии Вост. Ирана: *Zarin*, *Zarang* (Daffina. L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967, стр. 90–93). Приводимое Лукианом (Токсарис) *ζιριν* ‘выкуп’ есть, вероятно, искаженное *zærīn* и означало ‘золото’ как выкуп [Schmeja. Iranisches bei Lukian. Serta philologica aenipontana, II, Innsbruck, 1972, стр. 25–27 („Sarmatisch *Ζιριν*“)]. Содержащаяся в этих словах индоевропейская база *ǵhel-* ‘желтый’, ‘красноватый’ распознается также в **ст.слав.** *zlato*, **русск.** *золото*, **нем.** *Gold* и пр. — Из иранского вошло в некоторые угро-финские языки: **венг.** *arany*, **коми, удм.** *zarni*, **морд.** *sïr̆ne*, **ханты** *sarna*, **манси** *sarń*, *sorńí*. — См. еще *syǧzærīn*, *zærīnbos*, *zærīndag*, *zærīng̣yrd*, *Xūrzærīn*.

Миллер Вс. ОЭ II 47, 82, III 138; Gr. 16. — Hübschmann. Oss. 234. — ОЯФ I 33, 39, 52, 83, 190, 200. — Joki. UuI 29, 63, 82, 114, 250. — Bailey. Saka Dictionary 347, 352 sq.

Рис. 3. Печатная версия статьи *zærīn* (русский язык)

zærīn | **zærīnæ** ‘gold’, ‘golden’, ‘aureate’. In independent use, it is usually found with the epithet *syrx* ‘red’: *syǧzærīn* (from *syrxzærīn*)but *zærīn* dominates in compound words: *zærīng̣yrd* ‘goldsmith’, *zærīndag* ‘golden thread’, *zærīnbyd* ‘gold lace’, *zærīnbos* ‘golden cord’, *Xūrzærīn* ‘golden sun’ (cult name of the sun); cf. also *Zærīn nonyx* ‘gold nonyx’ – holiday name (Munkácsi. Blüten 218), *Zrūǧy zærīn Majræm* ‘Zrug golden mother of God’ (SOssSrc. I 95), *Zærīnæ* female name. — *ærttyvtoj ʒykkūtæ zærīnaw* ‘(her) braids were shining like gold’ (MD 1958 III 17); *zærīn xūr arvastæw ærttīvy* ‘the golden sun is shining in the middle of the sky’ (Xar. Wac. 45); *cæj bærc sæ īs ævzīst, yzdy, zærīn!* ‘how much silver, lead, gold are in them (in the mountains)!’ (Xar. Kadæg 5); *dæwæj zærīndær nīkæj yssardton* ‘I have not found anyone more golden than you’ (SOssSrc. III 170); Digor *zærīn bædtæntæ amonuj* ‘he (the baby in the cradle) demands gold bandages’ (NOssSrc. II 156); Digor *raburdæj æ c'asæj saw zærīnsær xelagæ* ‘a black snake with a golden head crawled out of its hole’ (DZ 204); Digor *cæruj sæ xæccæ kalm zærīn* ‘a golden snake lives with them’ (Iræf 78).

~ Together with iron (*fsæn*) and steel (*ændon*), belongs to the most ancient names of metals in Ossetic. It goes back to **Iranian** **zaranya-*. Cf. **Persian** *zar(r)* (from **zarna-)* ‘gold’, *zarrīn* ‘golden’, **Persian** **zarn* in **Armenian** *zaṛnavuxt'* ‘golden-woven’ Hübschmann. PSt. 259, **Middle Persian** *zarr* ‘gold’, *zarrēn* ‘golden’, **Parthian** *zarnēn* id. (AI IXa 105), **Oroshori** *zarnin*, *zarninin* ‘golden’ (Zarubin. Orosh. 70), **Sogdian** **zērn* ‘gold’, **zērnēnāk* ‘golden’ (*zyrn*, *zyrnyn'k*), **Khwarezmian** *zirni*, **Saka** *ysīrra* (from **zarnya-*) ‘gold’, *ysarrīnaa-* ‘golden’, **Avestan** *zaranya-*, **Old Persian** *daraniya-* ‘gold’. See here also *Zarina* name of the Saka queen (Ctesias). In the toponymy of Eastern Iran: *Zarin*, *Zarang* (Daffina. *L'immigrazione dei Saka nella Drangiana*. Roma, 1967, p. 90–93). Given by Lucian (Toxaris) *ζιριν* ‘ransom’ is probably a distorted *zærīn* and it meant ‘gold’ as ransom [Schmeja. *Iranisches bei Lukian. Serta philologica aenipontana, II*, Innsbruck, 1972, p. 25–27 (“Sarmatisch *Ζιριν*”)]. The Indo-European base *ǵhel-* ‘yellow’, ‘reddish’ contained in these words is also recognized in **Old Church Slavonic** *zlato*, **Russian** *zoloto*, **German** *Gold* etc. — From Iranian it entered some Finno-Ugric languages: **Hungarian** *arany*, **Komi, Udmurt** *zarni*, **Mordvinic** *sïr̆ne*, **Khanty** *sarna*, **Mansi** *sarń*, *sorńí*. — See also *syǧzærīn*, *zærīnbos*, *zærīndag*, *zærīng̣yrd*, *Xūrzærīn*.

Miller Ws. OÈ II 47, 82, III 138; Gr. 16. — Hübschmann. Oss. 234. — OJaF I 33, 39, 52, 83, 190, 200. — Joki. UuI 29, 63, 82, 114, 250. — Bailey. Saka Dictionary 347, 352 sq.

Рис. 4. Печатная версия статьи *zærīn* (английский язык)

5. Онлайн-интерфейс к базе данных

Одной из задач настоящего проекта было создание электронного веб-интерфейса к словарю. Для этого в нашем проекте на базе XML-кода автоматически генерируется реляционная база данных формата SQLite, совместимая с системой OnLex [Makarov 2023], которая уже успешно применялась для создания электронного словаря памирских языков [Makarov et al. 2022]. Так, в таблицу Units входят все леммы словаря (как осетинские — включая дигорские варианты и дериваты, — так и все иноязычные слова, встретившиеся в этимологиях); она содержит поля для идентификатора леммы, ее основной формы, исходного XML-кода статьи; в таблицы Examples и Meanings входят примеры и значения соответственно, и все три таблицы связаны ссылками через идентификаторы. Такой формат в дальнейшем может быть достаточно легко конвертирован в CSV-формат (например, CLDF) для последующей обработки.

Пилотный вариант основанного на такой базе данных веб-интерфейса доступен онлайн по адресу https://ossetic.iranic.space/dict. В нем возможен поиск по осетинским формам, примерам и переводам. Каждая лемма представлена в виде трех вкладок: «Статья» (структурированное представление тех данных, которые непосредственно представлены в SQLite-базе, рис. 5), «Оригинальный текст» (исходный текст статьи, с возможностью перехода по гиперссылкам на перекрестные ссылки, другие языки и их слова, рис. 6) и «Карта» (карта языков, слова из которых цитируются в этимологии,

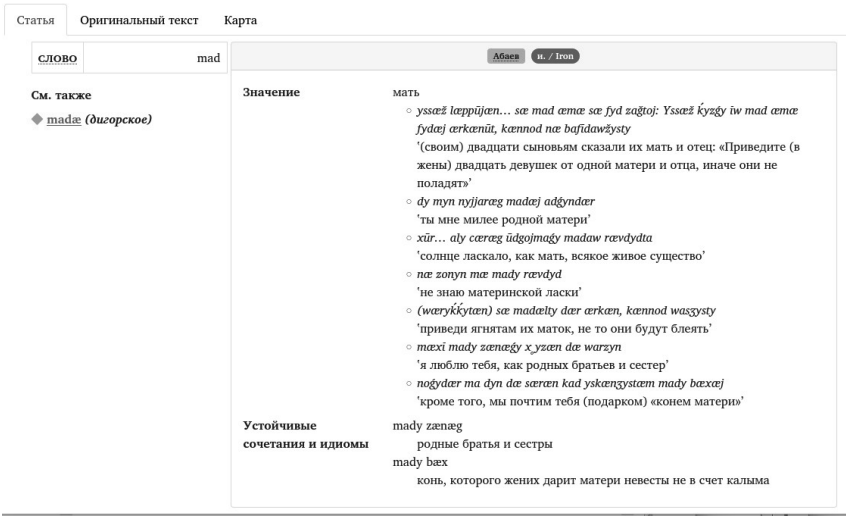


Рис. 5. Структурированный вариант представления статьи

Статья | Оригинальный текст | Карта

mad | **madæ** ‘мать’, мн. ч. *madæltæ* | *maddæltæ*; ***mady*** *zænæg* | ***madi*** *zænæg*, ***madi*** *gubun* ‘родные братья и сестры’; ***mady*** *bæx* ‘конь, которого жених дарит матери невесты не в счет калыма’. — *yssæž kæppüjæn… sæ* ***mad*** *æmæ sæ fyd zaǧtoj: „Yssæž kyzǧy iw* ***mad*** *æmæ fydæj ærkænüt, kænnod næ bafidawžysty“* „(своим) двадцати сыновьям сказали их мать и отец: «Приведите (в жены) двадцать девушек от одной матери и отца, иначе они не поладят»“ (ЮОПам. III 56); ***mady*** *mardæj sizær x̣yz, fydy mardæj mæg̣yr x̣yz* „от смерти матери — сиротский вид, от смерти отца — бедный вид“ (Æмб. 19); *dy myn nyjjaræg* ***madæj*** *aǧyndær* „ты мне милее родной матери“ (Сека 51); *xür… aly cæræg üdgojmaǧy* ***madaw*** *rævdydta* „солнце ласкало, как мать, всякое живое существо“ (Сека 121); *næ zonyn mæ* ***mady*** *rævdyd* „не знаю материнской ласки“ (Коста 31); д. *avd læqwæni æma ewnæg kizgi* ***madæ*** *fæwwo* „стань матерью семи мальчиков и одной девочки“ (MD 1949 II 37); *(wærykkytæn) sæ* ***madælty*** *dær ærkæn, kænnod wasʒysty* „приведи ягнятам их маток, не то они будут блеять“ (Сека 60); д. *wæd ku nimboxuj, ku nizʒinazuj i* ***madi*** *zærond* „тогда как зарыдает, запричитает старая мать“ (Iræf 89); д. *Asægo… ranæxstæræj æ* ***madæ*** *ma æ fidi agorunmæ* „Асаго отправился искать свою мать и отца“ (MSt. 15_1); *mæxi* ***mady zænæǧy*** *x̣yzæn dæ warzyn* „я люблю тебя, как родных братьев и сестер“ (F. 1928 IV 7); д. *warzon* ***madi gubun*** *basabur kodta æ kæwunǧælæs* „любимая сестра приглушила свой плач“ (MD 1937 I 35); *noǧydær ma dyn dæ særæn kad yskænʒystæm* ***mady bæxæj*** „кроме того, мы почтим тебя (подарком) «конем матери»“ (Сека 126)

~ Общеиндоевропейский термин родства. Восходит к иран. **mātar-* (имен. падеж **mātā*), и.е. *māter-*. Форма *madæ* отражает старый имен. падеж **mātā*: основа мн. ч. *madæl-* восходит к **mātar-*. Ср. перс. *mādar* ‘мать’, *mādā* ‘самка’, пехл. *mātar, māt* ‘мать’, *mātak* ‘самка’, *m'd* (Henning. BBB 112), бел. *māt, mās, māθ*, курд. *māk* (из **mādk*), тал. *mo*, афг. *mōr* (← **māθr*), пам. ш. *mād*, пам. руш. *mōd*, мн. ч. *mōdērj*, согд. **māt-* (*m'th-*, *m't-*), парф. *mād*, хорезм. *mād*, сак. *māta-*, ав. *mātar-* ‘мать’, др.перс. *ha-mātā* ‘происходящий от одной матери’, др.инд. *mātar-*, арм. *mair*, ст.слав. *mamu*, мн.ч. *матере*, русск. *мать*, русск. *motė* ‘жена’, латыш. *mâte*, англос. *mōdor*, нем. *Mutter*, гр. *μήτηρ*, *μάτηρ*, лат. *mater*, др.ирл. *māthir*, тохар. A *mācar*, тохар. B *mācer* ‘мать’. — См. *madæl, madard (bæǧnæg)*. Ср. *fyd* ‘отец’.

Рис. 6. Исходный текст статьи в онлайн-базе

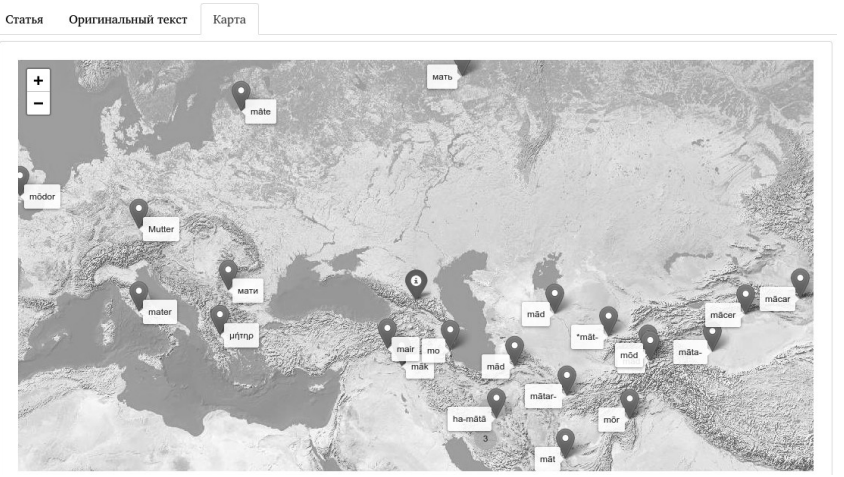


Рис. 7. Карта цитируемых слов в онлайн-версии словаря

рис. 7). Таким образом, не теряя ничего из оригинальных данных словаря (включая авторский порядок элементов и форматирование), онлайн-интерфейс включает все преимущества современных словарных проектов, а интерактивная карта на примере визуализации иллюстрирует богатые возможности работы с электронными лексическими данными.

6. Заключение

В настоящей статье были представлены основные результаты четырехлетнего проекта по созданию электронной двуязычной версии ИЭСОЯ В.И. Абаева. Описан используемый в нашей работе формат на базе TEI XML и система его редактирования в Oxygen

XML; обоснован выбор этого инструметария для такого типа словарей со сложной структурой. На примере печатной версии словаря и онлайн-базы продемонстрированы возможности дальнейшей обработки XML-данных. Представляется, что наш опыт может быть полезен как для других подобных проектов цифровизации печатных словарей, так и для проектов по созданию новых лексикографических ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I: A–K'. М.–Л., 1958. Т. II: L–R. Л., 1973. Т. III: S–T'. Л., 1979. Т. IV: U–Z. Л., 1989. Указатель (сост. Е.Н. Сченснович, А.В. Лушникова, Л.Р. Додыхудоева). М., 1995.
2. *Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Усачёва М.Н., Бирюк О.Л., Идрисов Р.И.* (редакторы-составители). Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. М., 2013.
3. *Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V.* Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project // IWCLUL 2021: The Seventh International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Proceedings of the Workshop. Syktyvkar, 2021.
4. *Burnard L., Aston G.* The BNC handbook: exploring the British National Corpus. Edinburgh, 1998.
5. *Codd E.F.* A relational model of data for large shared data banks // Communications of the ACM. 1970. № 13 (6). P. 377–387.
6. *Forkel R., List J.-M., Greenhill S.J., Rzymski C., Bank S., Cysouw M., Hammarström H., Haspelmath M., Kaiping G.A., Gray R.D.* Cross-Linguistic Data Formats, advancing data sharing and re-use in comparative linguistics // Scientific Data. 2018. № 5, 180205.
7. *Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D.* Digital Resources for the Shughni Language // Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille, 2022. P. 61–64.
8. *Makarov Y.* OnLex: a platform for online lexicography. Рукопись. М., 2023.
9. *Romary L., Tasovac T.* TEI Lex-0: A Target Format for TEI-Encoded Dictionaries and Lexical Resources // Miyazaki T. (ed.). The 18th Annual TEI Conference and Members' Meeting: Book of Abstracts. Tokyo, 2018. P. 274–275.
10. *The TEI Consortium*. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. 2023. URL: https://www.tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/index.html (дата обращения: 5 декабря 2023 г.)

REFERENCES

1. Abaev V.I. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka* [A historical-etymological dictionary of Ossetic]. Vol. I: *A–K'*. Moscow and Leningrad, Nauka Publ., 1958. 655 p. Vol. II: *L–R*. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 448 p. Vol. III: *S–T'*. Leningrad, Nauka Publ., 358 p. 1979. Vol. IV: *U–Z*. Leningrad, Nauka, 1989. 325 p. *Ukazatel'* [Index] (compiled by E. N. Schensnovich, A. V. Lushnikova, L. R. Dodyhudoeva). Moscow, Nauka, 1995. 447 p.

2. Kuznecova A. I., Serdobol'skaja N. V., Usachjova M. N., Birjuk O. L., Idrisov R. I. (eds.). *Slovar' besermjanskogo dialekta udmurtskogo jazyka* [A dictionary of the Besermen dialect of Udmurt]. Moscow, Tezaurus Publ., 2013. 257 p.
3. Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V. Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project. In: *IWCLUL* 2021*: The Seventh International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Proceedings of the Workshop.* Syktyvkar, Association for Computational Linguistics, 2021.
4. Burnard L., Aston G. *The BNC handbook: exploring the British National Corpus*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1998. 256 p.
5. Codd E.F. A relational model of data for large shared data banks. *Communications of the ACM*, 1970, no. 13 (6), pp. 377–387.
6. Forkel R., List J.-M., Greenhill S. J., Rzymski C., Bank S., Cysouw M., Hammarström H., Haspelmath M., Kaiping G. A., Gray R. D. Cross-Linguistic Data Formats, advancing data sharing and re-use in comparative linguistics. *Scientific Data*, 2018, № 5, 180205. https://doi.org/10.1038/sdata.2018.205
7. Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language. In: *Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the* 13*th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille, European Language Resources Association, 2022. P. 61–64.
8. Makarov Y. *OnLex: a platform for online lexicography.* Manuscript. Moscow, 2023.
9. Romary L., Tasovac T. TEI Lex-0: A Target Format for TEI-Encoded Dictionaries and Lexical Resources. In: Miyazaki T. (ed.). *The 18th Annual TEI Conference and Members' Meeting: Book of Abstracts*. Tokyo, 2018. P. 274–275.
10. The TEI Consortium. *TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange*. 2023. URL: https://www.tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/index.html (accessed 5 December 2023)

Поступила в редакцию 12.08.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 09.03.2024

Received 12.08.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Беляев Олег Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; belyaev@ossetic-studies.org

Хомченкова Ирина Андреевна — преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова; irina.khomchenkova@yandex.ru

Синицына Юлия Вячеславовна — преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; jv.sinitsyna@gmail.com

Дьячков Вадим Викторович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН; vadim.dyachkov@iling-ran.ru

Бызова Анна Александровна — студент бакалавриата отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; byzova@iling-ran.ru

Бадеев Артём Олегович — лаборант-исследователь сектора иранских языков Института языкознания РАН, студент магистратуры Школы лингвистики НИУ ВШЭ; badeev@iling-ran.ru

Алексеев Данил Андреевич — лаборант-исследователь сектора иранских языков Института языкознания РАН, студент бакалавриата отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dnl.alksv@gmail.com

Макаров Юрий Юрьевич — младший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова, студент магистратуры Кембриджского университета; yurmak@iling-ran.ru

ABOUT THE AUTHORS

Oleg Belyaev — PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Section of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; belyaev@ossetic-studies.org

Irina Khomchenkova — Teaching Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute RAS; irina.khomchenkova@yandex.ru

Julia Sinitsyna — Teaching Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; jv.sinitsyna@gmail.com

Vadim Dyachkov — PhD, Senior Researcher, Department of African Languages, Institute of Linguistics RAS; vadim.dyachkov@iling-ran.ru

Anna Byzova — BA Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Assistant, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; byzova@iling-ran.ru

Artyom Badeev — Assistant, Section of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; MA Student, School of Linguistics, HSE University; badeev@iling-ran.ru

Danil Alekseev — Assistant, Section of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; BA Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dnl.alksv@gmail.com

Yury Makarov — Junior Researcher, Section of Typology, Institute of Linguistics RAS; Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute RAS; MPhil Student, University of Cambridge; yurmak@iling-ran.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 87–96
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 87–96

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ «ЕПИТОМИЙ» ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО

Е.В. Иванова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; atonical@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые орфографические регионализмы в переводе «Епитомий», выполненном Епифанием Славинецким с греческого во втор. пол. XVII в. В работе дается сопоставление чистового списка и не привлекавшегося ранее для анализа черновика, который может быть автографом самого Епифания. На этом материале показывается, что редакторами устранялись не все из подобных языковых элементов, свойственных юго-западному варианту церковнославянского языка. Некоторые из них с учетом меняющегося языкового осмысления на разных этапах работы могли намеренно сохраняться (мена *ѣ* — *и* в отдельных словах), тогда как другие (написание *ы* после *р*, смешение «иже» и «еры») подвергались редактуре. Описание этих особенностей дает возможность не только через почерк, но и через сам язык атрибутировать Епифанию Славинецкому черновик, т. к. практически для всех описанных языковых явлений находятся параллели в других автографах книжника (в первую очередь в «Атласе Блау»). Помимо этого обращение к черновику позволит уточнить последующее описание текстологии важного церковно-юридического памятника.

Ключевые слова: Епифаний Славинецкий; «Епитомии»; переводы с греческого; церковнославянский язык XVII в.; орфографические регионализмы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-5

Для цитирования: *Иванова Е.В.* Орфографические регионализмы в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 87–96.

ORTHOGRAPHIC REGIONALISMS IN THE TRANSLATION OF *EPITOMIES* MADE BY EPIPHANIUS SLAVINETSKY

E.V. Ivanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; atonical@mail.ru

The article deals with some orthographic regionalisms in the translation of *Epitomii* made by Epiphanius Slavinetsky from Greek in the second half of the 17th

© Иванова Е.В., 2024

century. The paper compares the draft-autograph of Epiphanius Slavinetsky, which has not been previously analysed, and the clean list. On this material it is shown that not all such elements were eliminated by the editors. Some of them, taking into account the changing linguistic comprehension at different stages of the work, could be intentionally preserved (the change of ѣ to и), while others (the writing of s after r, the mixing of 'ige' and 'era') were subjected to editing. The description of these peculiarities makes it possible not only through the handwriting, but also through the language itself to attribute the draft to E. Slavinetsky, taking into account the comparison of the material with the scribe's idiolect.

Keywords: Epiphanius Slavinetsky; Epitomies; translations from Greek; Church Slavonic language of the 17th century; orthographic regionalisms

For citation: Ivanova E.V. (2024) Orthographic Regionalisms in the Translation of *Epitomies* Made by Epiphanius Slavinetsky. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 87–96.

Епитомии, или *Краткое изложение Божественных и святых канонов,* были написаны К. Арменопулом, греческим юристом XIV в., как сокращенный свод правил, сформулированных в канонах церковных соборов. В славянской традиции первый перевод был осуществлен Епифанием Славинецким к 1652–1653 гг. в составе «Левенклавиева сборника», греческо-латинской диглотты. Следовательно, эту работу можно отнести к одним из ранних трудов киевского книжника в Москве.

Если верить предисловию некоторых списков (БАН 16.4.3.), текст был утрачен во время эпидемии чумы, и, т. к. в это время в Московском царстве могла ощущаться потребность в церковно-юридических сочинениях, патриарх Никон требовал, чтобы перевод был выполнен вторично. Епифаний берется за него, и, как считается, эта работа дошла в старшем списке, известном с 1677 года (далее — ГИМ, Син. 129) [Цыпин 2008: 322–323]. Из предисловия узнаем дату окончания редактуры Епифания — 1675 год, год его кончины. Как видим, работа над этим текстом продолжалась значительную часть времени пребывания Епифания Славинецкого в Москве. При этом есть все основания говорить о том, что существенную роль в редактуре текста сыграл Евфимий Чудовский, ученик Епифания. На этой теме мы не будем подробно останавливаться, однако можно с уверенностью судить о том, что Евфимий был переписчиком Син. 129 [Цыпин 2008: 322–323], а также участвовал в составлении предисловия.

Помимо Син. 129 известно еще несколько списков конца XVII в., в первую очередь это три рукописи, сделанные в Холмогорах в 1686–1688 гг., а также черновик Унд. 40. Кроме списка Унд. 40, который значим тем, что представляет активную редакторскую работу и, вероятно, подготовку текста к изданию [Белякова 2023: 43], есть еще

один черновик, на анализе которого мы остановимся в этой работе. Это Усп. 91 (хранится в ГИМ), который может демонстрировать первичный ход работы с переводом. Насколько нам известно, этот список не был освещен в научной литературе за исключением характеристики в описи собрания Успенского собора [Истомин 1895: 118], откуда узнаем, что он XVII века и написан украинской скорописью.

Данная рукопись существенно отличается в языковом аспекте от всех других исследуемых списков и представляет особый интерес, так как она может быть одним из черновых вариантов перевода самого Епифания, в дальнейшем подвергавшихся правке. Поэтому ее анализ может продемонстрировать особенности начального этапа перевода. Заметим, что в рукописи нет оглавления или предисловия от переводчика и проч., отсутствует конец, а первая страница открывает текст «Епитомий». Рукопись не была атрибутирована, но есть все основания полагать, что в ней содержится автограф Епифания Славинецкого. Безусловно, необходим отдельный палеографический анализ почерка, но и языковые особенности могут дать информацию об авторе списка.

Например, в Усп. 91 можно обнаружить большое количество регионализмов, поэтому описание этих особенностей и сопоставление результатов с итоговым вариантом Син. 129 может оказаться существенным по ряду причин. Во-первых, это позволит выявить, какие из подобных элементов могли проникнуть в чистовой вариант, а какие нет. Во-вторых, описание идиолекта Епифания Славинецкого способствует расширению представлений об особенностях языка этого книжника и дает возможность атрибутировать рассматриваемую рукопись не только через почерк, но и через сам язык.

1. История **ѣ** в зоне украинского языка сводится к переходу этой фонемы в **і** [Жовтобрюх 1980: 87], примеров которого с XIII в. становится особенно много, но в первую очередь в грамотах [Там же]. Однако даже к началу XVIII в. во многих простомовных памятниках, например в Конституции Пилипа Орлика [Вовк 2010: 146], наблюдается стремление к сохранению этимологического **ѣ**, который мог выступать признаком книжности. Не отражается данный переход и во многих киевских изданиях XVII в. Вероятно, по этим же причинам в черновике Епифания видим спорадическую частотную, но не регулярную мену **ѣ** и **і**, которая могла происходить из живого языка, поэтому в чистовик она не попадает: **сщ҃енникъ или причетникъ, бе҃з повелїнїѧ еп҃ксплѧ да не пꙋтствꙋе҃т** (Усп. 91, л. 30) — *velěti (велѣти). В других контекстах в том же корне мена **ѣ** — **і** не происходит: **ни дїаконъ неповелѣн҃ный** (Усп. 91, л. 30 об.).

Во всей рукописи дважды встречается мена в корне **лѣт-**: **трелїтїе**м (Усп. 91, л. 34 об.), **десѧтолїтїемъ** (Усп. 91, л. 44). В остальных случаях в этом корне находим **ѣ**: **ꙁатворитисѧ трилѣтїе** <…>, **и лѣто внѣ ꙁатвора претепѣвъ** (Усп. 91, л. 37).

Есть несколько обратных примеров; как кажется, гиперкоррекцией можно объяснить появление следующих чтений: **еппъ чести да лѣшаесѧ** (Усп. 91, л. 10 об.) — *lišiti; **ѵмѣленїемъ** (Усп. 91, л. 30 об.) — *milъ. Трижды за всю рукопись подобная мена встречается в слове *молитва* (чаще оно пишется под титлом): **молѣтви** (Усп. 91, л. 39), **въ молѣтви** (Усп. 91, л. 39 об.), **молѣтви или чести ради** (Усп. 91, л. 41).

То же наблюдается в переводе «Атласа Блау», сделанном Епифанием Славинецким в 1650-е гг.: в черновике изредка встречается мена **ѣ** и **і**, но в чистовик она не попадает [Николенкова 2010: 92].

Отдельного внимания заслуживает написание местоимения *весь*. В косвенных падежах мн. числ., где в окончаниях ожидается **ѣ**, всегда находим **и**. В этом можно видеть выстраивание отдельной парадигмы склонения с учетом подобной фонетической мены. Она, хотя и встречается еще в древнейших восточнославянских памятниках, но для XVII в. в контексте идиолекта киевского книжника является маркером украинского узуса. Из 18-ти подобных форм, отмеченных нами, 4 относятся к дат. п.: **всимъ хрїстианѡмъ** (Усп. 91, л. 28 об.) — **всѣмъ хрстїанѡмъ** (Син. 129, л. 42 об.);

1 — к тв. п.: **всими въгдс твѹет монастиро** (Усп. 91, л. 35) — **всѣми въꙁгосподствѹетъ монастиръ** (Син. 129, л. 48 об.);

7 — к местн. п.: **въꙁдержни въ всих да бѹдѹт** (Усп. 91, л. 19) — **въдержни въ всѣх да бѹдѹт** (Син. 129, л. 33 об.);

6 — к род. п.: **ѿ всихъ сѹщихъ въ епархїи** (Усп. 91, л. 3) — **ѿ всѣхъ сѹщихъ въ епархїи** (Син.129, л. 19).

Подобные формы не характерны для грамматик, к которым обращались чудовские книжники, например, они не встречаются в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого и тем более в московском ее переиздании 1648 г., ни в метаязыковой части, ни в парадигмах. При этом в Усп. 91 такие окончания распространяются и на другие местоимения: **овимъ же** (л. 52) при **овѣмъ же** (Син. 129, л. 65 об.) и **на онихъ** (Усп. 91, л. 25) при **онѣхъ же** (Син. 129, л. 39).

Примечательно, что в черновике «Епитомий» мы не находим ни одного примера этого местоимения с **ѣ** в окончании, но, как видно из контекстов, в чистовой вариант Син. 129 попадают исключительно стандартные формы по типу **всѣхъ**. Отдельного внимания заслуживает анализ других автографов Епифания Славинецкого на наличие подобных написаний. Заметим, что в черновике «Атласа Блау» Син. 779 руки Епифания находим стандартные формы, на-

пример **всѣмъ** (Син. 779, л. 14 об.) и **высочайшыѧ всѣхъ сосни** (Син. 779, л. 17 об.). Это может объясняться в том числе более ранним написанием черновика «Епитомий» по сравнению с «Атласом Блау».

2. Давно отмеченной исследователями особенностью языка Епифания является написание слова **свѣдитель**. Оно же фиксируется в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, в одной из парадигм склонения [Кузьминова 2000: 215].

В употреблении этого корня в трудах киевского книжника прослеживаются колебания. Так, известны «Лексикон латинский» и «Славено-латинский», созданные Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским к 1650 г. [Німчук 1973]. В Лексиконе латинском находим: «Testis. **Свѣдитель**»; «Testimonium. **Свѣдите(л)ство**» [Німчук 1973: 396]. К последнему слову В. Німчук, которым было подготовлено издание этих лексиконов, оставляет комментарий: «після нього пізніше іншим почерком дописано: **свѣдѣнїе**». И именно такой вариант помещен в Лексикон славено-латинский: «**Свѣдѣнїе**. Scientia. Cognitio. Ite(m) testimonium» [Німчук 1973: 504]. И там же: «**Свѣдѣтель**. Testis. Superstes».

Подобная вариативность в лексиконах может объясняться коллективным характером работы. Однако в «Епитомиях» мы снова наблюдаем эти колебания, и именно такого качества. Так как Усп. 91 представляет собой черновик и в нем много зачеркиваний, помарок и т. д., в рукописи наблюдается постоянное исправление в описываемых словах тем же почерком, каким написан текст. В «Епитомиях» нами было отмечено 8 употреблений разных словоформ с указанным корнем. Представим их в виде таблицы 1, где курсивом выделены примеры, в которых автором рукописи проводится правка в первом слоге.

Таблица 1

	Усп. 91	Син. 129
1.	**Свѣдѣтелство** (л. 12)	**Свѣдителство** (л. 27)
2.	**Предсвѣдѣтелствоваши** (л. 23 об.)	**Предсвѣдителствова** (л. 38)
3.	**Свѣдѣтелствовати** (л. 29)	**Въꙁсвѣдителствити** (л. 43)
4.	**Свѣдѣтелство** (л. 29)	**Свѣдителство** (л. 43)
5.	**Свѣдѣтелствꙋемїи** (л. 39) **ѣ/и**	**Свѣдителствꙋемїи** (л. 52 об.)
6.	**При трехъ свидителехъ** (л. 40 об.) **ѣ/и**	**При трех свѣдителехъ** (л. 54)
7.	**Свидѣтелѧ** (л. 42)	**Свѣдителѧ** (л. 55)
8.	**Свѣдѣтелствꙋют** (л. 54 об.) **ѣ/и**	**Свѣдителствꙋютъ** (л. 67)

Во-первых, лишь единожды встречается стандартизированный вариант **свидѣтелѧ**. Во-вторых, как видно из таблицы, в трех слу-

чаях находим неисправленные формы с двумя **ѣ** в корне по типу **свѣдѣтелство**, что может подкрепляться материалом указанных выше лексиконов. При этом в 4 из 8 встреченных примеров в Усп. 91 заметна правка, направление которой не всегда возможно точно определить из-за характера рукописи, т. к. она является не самым аккуратным черновиком. Приведем в пример п. 8 для иллюстрации замены: **ꙗкѡ вси ев҃ ггласти свѣдѣтелствꙋю (свидѣтелствꙋю)** (Усп. 91, л. 54 об.) — **вси ев҃ глїсти свѣдителствꙋютъ** (Син. 129, л. 67).

Важно отметить, что последовательно сохраняется украинизированный вариант в чистовике Син. 129. Это интересно в контексте других работ чудовских книжников. Как отмечает Н.В. Николенкова, московские писцы устраняют вариант **свѣдитель**, который наблюдается в черновиках Атласа Блау, сделанных Епифанием Славинецким. Правка и заключается в изменении **свѣдитель** на **свидѣтель** [Николенкова 2019: 106]. В «Епитомиях» же работа выглядит иначе: в черновике наблюдаем рефлексию и попытку правки данных написаний, а в чистовике однозначный выбор в пользу менее стандартного для Московской Руси слова. Объяснений этому можно найти несколько. С одной стороны, если рассматривать для Усп. 91 раннюю датировку, это можно объяснить стремлением Епифания избавиться в момент перевода от отличительных черт своего языка, которые в более поздних работах были им уже отрефлексированы. А с другой, переписчик и/или редактор, сохраняя это слово в итоговом варианте, мог отдавать дань переводчику, ведь оно непосредственно является отличительной чертой языка Епифания Славинецкого.

К тому же, как известно, в своих личных работах Евфимий Чудовский, который, как мы полагаем, выступал редактором текста, отказывается от подобного словоупотребления. Например, в правке «Андриант», переводе с греческого поучений Иоанна Златоуста (Син. 104, хранится в ГИМ), он заменяет **послꙋси**, имеющееся в предыдущем славянском переводе, на **свидѣтеле** [Иванова 2020: 18].

3. Другой особенностью Юго-западной зоны является смешение **и** (иже) и **ы** (еры), в рукописи Усп. 91 ее можно назвать самой частотной из рассматриваемых. Приведем несколько примеров.

Таблица 2

	Усп. 91	Син. 129
1	**Да не посилаюсѧ** (л. 25 об.)	**Да не послютсѧ** (л. 39 об.)
2	**Кастирствꙋѧ** (л. 27 об.)	**Костырствꙋѧ** (л. 41 об.)
3	**Призиваетъ** (л. 10)	**Призываетъ** (л. 25)
4	**Вынꙋ** (л. 9 об.)	**Вину** (л. 25)

	Усп. 91	Син. 129
5	**Повынѐ**н (л. 10 об.)	**Повиненъ** (л. 25 об.)
6	**ї҆ерей вѣрна или невѣрна бывъ** (л. 18)	**ї҆ерей вѣрнаго или невѣрнаго бивъ** (л. 32 об.)
7	**Неволнѣ ѹбывъ** (л. 47 об.)	**Неволнѡ ѹбивъ** (л. 60 об.)

Особенно характерны примеры, в которых подобная графическая мена может приводить к возникновению омонимии. Ср. п. 6 и 7 в таблице; здесь приведены действительные причастия от глагола **бити**, которые в приведенной орфографии могут совпадать с аналогичными формами от глагола **быти**. Как видим из таблицы, в чистовом варианте указанное смешение отсутствует, что позволяет судить о намеренном устранении редактором данного графического эффекта.

Исправление подобных написаний во второй половине XVII века совершает монах Исайя, автор перевода тома «Италия» из географического сочинения «Атлас Блау», над которым работал в том числе Епифаний Славинецкий. В указанном переводе, по замечанию Н.В. Николенковой, московские писцы производят замены по типу «**высоти** на **высоты**», устраняя регионализмы [Николенкова 2010: 92].

4. К сфере вариативности в рамках рукописи Усп. 91 относится написание глагола **раꙁрѣшити**, которое приобретает три разных облика в связи со стыком префикса и корня: **раꙁрѣшити**; **раꙁдрѣшити**; **раꙁдрышити**.

Если вариант **раꙁдрѣшити** встречается в «Словаре русских народных говоров» с указанием «Дон, 1929 г.» [СРНГ 33: 329], то **раꙁдрышити** ни в нем, ни в «Словаре XI–XVII вв.», ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского не находим. Однако «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» знает помимо *раздрѣшити* вариант *разришити* [ГСБМ 29: 468]. Если появление в «Епитомиях» глагола **раꙁдрѣшити** можно связать с отражением на письме отвердения «р», например, в контексте: **раꙁдрѣшити бракъ** (Усп. 91, л. 57 об.) — **раꙁрѣшити бракъ** (Син. 129, л. 69 об.), то **раꙁдрышити** кажется контаминированным вариантом, не зафиксированным словарями. Он встретился нам 5 раз в тексте «Епитомий» в Усп. 91, например в контексте: **сѹпрѹжествѹ раꙁдрышившѹсѧ** (Усп. 91, л. 20 об.) — **съжителствѹ раꙁрѣшившѹсѧ** (Син. 129, л. 35).

Наличие описанной вариативности в черновике объяснимо самой спецификой первичного этапа работы над переводом. Как видно, к моменту создания Син. 129 глаголы **раꙁдрѣшити** и **раꙁдрышити** на определенном этапе правки были устранены, т. к. могли ощущаться как маркированные регионализмы.

Выводы

Приведенный анализ позволяет судить о том, что в Усп. 91 отражен особый вариант текста, ранее не привлекавший внимания исследователей. Его необходимо учитывать при описании редакций перевода «Епитомий» Епифания Славинецкого и классифицировать с учетом значительных языковых нюансов, не объясняющихся механическими ошибками и проч., либо как отдельную редакцию, либо как извод одной из редакций. Среди особенностей этого списка можно выделить обилие орфографических элементов, характерных для юго-западного варианта церковнославянского языка. Некоторые из них (**раꙁдрышити**, **всихъ**, смешение иже и еры) устранялись редактором и не попали в чистовые списки, а другие, по всей видимости, были намеренно сохранены (**свѣдитель**, **свѣдѣтель**).

К тому же черновики содержат важную лингвистическую информацию и другого характера. Как мы полагаем, Усп. 91 является автографом Епифания Славинецкого и демонстрирует начальный этап перевода, в силу чего анализ этого материала дает возможность описать отличительные черты авторского идиолекта, связанные с украинско-белорусским изводом церковнославянского. Отдельную ценность материал приобретает в контексте атрибуции рукописи Епифанию Славинецкому и последующего описания текстологии памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белякова Е.В.* К вопросу о переводе «Арменопула» на славянский язык в XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Вып. 3. М., 2023. С. 39–52.
2. [*Вовк О.Б.*] Конституція Пилипа Орлика: оригінал та його історія // Архіви України. Київ, 2010. Вип. 3–4 (269): липень–вересень. С. 145–166.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
4. *Жовтобрюх М.А., Волох О.Т., Самойленко С.П., Слинько І.І.* Історична граматика української мови. Київ, 1980.
5. *Иванова Е.В.* Редакторская работа Евфимия Чудовского в переводе «Андриант» Иоанна Златоуста. Маг. дисс.
6. *Истомин Г.И.* Описание рукописей Успенского собора. Кн. 3. М., 1895.
7. *Кузьминова Е.А.* Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000.
8. *Николенкова Н.В.* Церковнославянский перевод Атласа Blaeu: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 6. С. 86–98.
9. *Николенкова Н.В.* Справа киевского издания в Москве в середине XVII в. как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы // Русский язык в научном освещении. М., 2019. С. 102–120.
10. *Німчук В.В.* Лексикони Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підготував до видання В. Німчук. Київ, 1973.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 — наст. время.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52–. М., Л., СПб.: 1965–2021– (продолж.).
13. *Цыпин В.* Арменопул // Православная энциклопедия. Т. 3, 2008. С. 322–323.

REFERENCES

1. Belyakova E.V. K voprosu o perevode "Armenopula" na slavyanskiy yazyk v XVII v. [On the issue of translating "Harmenopoulos" into the Slavic language in the 17th century]. *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya. Vypusk 3.* M., 2023. P. 39–52. (In Russ.)
2. [Wowk O.B.] Konstytutsiya Pylypa Orlyka: oryhinal ta yoho istoriya [The Constitution of Pylyp Orlyk: the original and the history]. *Arkhivy Ukrayiny*. Kyiv, 2010. Vyp. 3–4 (269): lypan–veresen. P. 145–166. (In Ukrainian)
3. Histarychny sloŭnik belaruskaĭ movy [Historical Dictionary of the Belarusian Language]. Vyp. 1–37. Minsk, 1982–2017. (In Belorus.)
4. Zhovtobryukh M.A., Volokh O.T., Samoylenko S.P., Slinko I.I. Istorychna hramatyka ukrayins'koi movy [Historical grammar of the Ukrainian language]. Kyiv, 1980. (In Ukrainian)
5. Ivanova E.V. Redaktorskaya rabota Evfimiya Chudovskogo v perevode "Andriant" Ioanna Zlatousta. Mag. diss. (In Russ.)
6. Istomin G.I. Opisanie rukopisey Uspenskogo sobora. [Description of the manuscripts of the Assumption Cathedral]. Kn. 3. M., 1895. (In Russ.)
7. Kuz'minova E.A. Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammars of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky]. Sost., podg. teksta, nauchnyy kommentariy i ukazateli E.A. Kuz'minovoy. M., 2000. (In Russ.)
8. Nikolenkova N.V. Tserkovnoslavyanskij perevod Atlasa Blaeu: nereshennye voprosy [Church Slavonic translation of the Atlas Blaeu: unresolved issues]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, № 6. M., 2010. P. 86–98. (In Russ.)
9. Nikolenkova N.V. Sprava kievskogo izdaniya v Moskve v seredine XVII v. kak illlyustratsiya etapa formirovaniya moskovskoy orfograficheskoy normy [The book reform of the Kyiv edition in Moscow in the mid-17th century as an illustration of the stage of formation of the Moscow spelling norm]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. M., 2019. P. 102–120. (In Russ.)
10. Nimchuk V.V. Leksikony Ye. Slavynets'koho ta A. Korets'koho-Satanovs'koho [Lexicons by E. Slavinetsky and A. Koretsky-Satanovsky]. Pidhotuvav do vydannya V. Nimchuk. Kyiv, 1973. (In Ukrainian)
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language 11–17 centuries.]. M., 1975 — nast. vremya. (In Russ.)
12. Slovar' russkikh narodnykh govorov. [Dictionary of Russian folk dialects]. Vyp. 1–52–. M., L., SPb.: 1965–2021– (prodolzh.). (In Russ.)
13. Tsypin V. Armenopul. [Harmenopoulos]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. 3, 2008. P. 322–323. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.01.2024
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 10.04.2024

Received 16.01.2024
Accepted 13.02.2024
Revised 10.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Иванова Елизавета Вячеславовна — аспирантка кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; atonical@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Ivanova — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; atonical@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 97–111
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 97–111

ЗНАЛ ЛИ АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ 1185 ГОДА? ЧАСТЬ 1

А.М. Ранчин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; aranchin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме текстуальных связей между «Словом о полку Игореве» и повестями о походе князя Игоря 1185 года, входящими в состав летописей Лаврентьевской группы и в Ипатьевскую летопись. Подробно рассматриваются гипотезы и мнения, принадлежащие различным ученым: идея об отсутствии таких связей, предположение о первичности «Слова» по отношению к повести из Ипатьевской летописи, утверждение о вторичности «песни» об Игоревом походе по отношению к обеим повестям. Предметом внимания являются прежде всего концепции и наблюдения П.Е. Ваденюка, И.П. Хрущова, В.Н. Перетца, А.А. Зимина, Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук, Б.И. Яценко, Л.В. Соколовой, А.Н. Ужанкова. В результате критического разбора имеющихся гипотез и сравнительного анализа «Слова» и двух повестей доказывается, что этот литературный памятник вторичен по отношению к повести, содержащейся в летописях Лаврентьевской группы (видимо, к ее ядру в составе гипотетических переяславской или черниговской летописей), и первичен по отношению к тексту повести из Ипатьевской летописи. Идея о зависимости «Слова о полку Игореве» от повести Лаврентьевской группы оценивается как достаточно убедительная, а соображения в пользу версии о вторичности «Слова» по отношению к повести Ипатьевской летописи признаются противоречащими фактам: характер упоминаний о реке Каяле и о море в обоих текстах свидетельствует, что не летопись была источником «Слова», а, наоборот, «песнь» повлияла на летописную повесть. Полученные выводы подкрепляют раннюю датировку «Слова о полку Игореве» (середина — вторая половина 1180-х годов) и являются косвенными аргументами в пользу подлинности «песни».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; летописные повести о походе 1185 года; Летописец Переяславля Русского, Черниговский летописец; текстуальные связи; история текста; датировка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-6

Для цитирования: *Ранчин А.М.* Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 года? Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2004. № 2. С. 97–111.

© Ранчин А.М., 2024

DID THE AUTHOR OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN* KNOW THE CHRONICLE NARRATIVES ABOUT THE CAMPAIGN OF 1185? PART 1

Andrey Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of textual connections between *The Tale of Igor's Campaign* and the narratives about the campaign of Prince Igor in 1185, which are part of the chronicles of the Laurentian group and the Ipatiev Chronicle. Hypotheses and opinions belonging to various scholars are examined in detail: the idea of the absence of such connections, the assumption of the primacy of the Tale in relation to the narrative from the Ipatiev Chronicle, the statement of the secondary nature of the 'song' about Igor's campaign in relation to both narratives. The subject of attention is primarily the overview of concepts by P.E. Vadenyuk, I.P. Khrushchov, V.N. Peretz, A.A. Zimin, B.A. Rybakov, V.Yu. Franchuk, B.I. Yatsenko, L.V. Sokolova, A.N. Uzhankov. As a result of a critical analysis of the existing hypotheses and a comparative analysis of the *Tale* and two narratives, it is proved that this literary monument is secondary in relation to the narrative contained in the chronicles of the Laurentian group (apparently, to its core as part of the hypothetical Pereyaslav or Chernigov chronicles), and is primary in relation to the text of the narrative from the Ipatiev Chronicle. The idea of the dependence of *The Tale of Igor's Campaign* on the narrative of the Laurentian group is assessed as quite convincing, and considerations in favor of the version of the secondary nature of *The Tale* in relation to the narrative of the Ipatiev Chronicle are recognized as contradicting the facts: the nature of the references to the Kayala River and the sea in both texts indicates that the chronicle was not the source of *The Tale*, but, on the contrary, the 'song' influenced the chronicle narrative. The findings support the early dating of *The Tale of Igor's Campaign* (mid to second half of the 1180s) and are indirect arguments in favor of the authenticity of the 'song'.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*; chronicle narratives about the campaign of 1185; Chronicle of Pereyaslavl the Russian, Chernigov chronicle; textual connections; history of the text; dating

For citation: Ranchin A.M. (2024). Did the Author of *The Tale of Igor's Campaign* Know the Chronicle Narratives about the Campaign of 1185? Part 1. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no 2, pp. 97–111.

Сравнительное изучение «Слова о полку Игореве» (далее — СПИ) и двух летописных повестей о походе 1185 года — так называемой киевской, сохранившейся в списках Ипатьевской летописи (в дальнейшем эта повесть обозначается как ИП), и так называемой суздальской (далее — ЛП), дошедшей до нас в составе Лаврентьевской и текстуально близкой к ней Радзивиловской (Кенигсбергской) летописей, насчитывает уже примерно 180 лет. Охарактеризуем основные вехи в исследовании проблемы возможной взаимосвязи

СПИ и двух летописных повестей. (Проблему связи ИП и ЛП я рассматривать не буду.)

В 1843 году С.П. Шевырев в рецензии на издание Ипатьевской летописи в составе Полного собрания русских летописей предпринял детальное сопоставление СПИ и летописного текста как в плане содержания, так и в плане выражения; особенное внимание, естественно, он уделил сравнительному анализу СПИ и ИП, выделив, в частности, встречающееся и там и тут имя Каяла. От высказывания мнения о наличии или отсутствии связи между текстами рецензент воздержался[1]. В 1868 году К.Н. Бестужев-Рюмин, сопоставив СПИ и обе повести, пришел к выводу, что между «песнью» об Игоревом походе и ИП нет текстуального сходства, в то время как в СПИ и ЛП совпадают сообщение о жажде, испытанной Игоревыми воинами во время трагического сражения: в первом тексте эта информация содержится в Плаче Ярославны, во втором — в повествовании о ходе битвы. Не делая на этом основании заключения о текстуальной связи между СПИ и ЛП, ученый предположил: две летописные повести восходят к общему источнику переяславского происхождения, в пользу чего свидетельствует особая роль переяславского князя Владимира Глебовича, отмеченная и в том и в другом случае[2]. Спустя 6 лет П.Е. Ваденюк скорректировал эти суждения, заметив: «…не только содержание, склад и расположение частей рассказа Ипатьевской летописи, но и отдельные выражения совершенно тождественны с подобными “Слова о полку Игореве”» [Ваденюк 1874: 52]. В качестве примеров он привел выражения и лексемы «братїе и дружино» (СПИ [Ироическая песнь 1800: 5]) и «братья и дроужино» [Полное собрание русских летописей, 2: 638][3]; «ищучи… чти, а Князю славѣ» (СПИ [Ироическая песнь 1800: 8]) и «возложилъ [Бог. — *А.Р.*] <…> на҃ч҃ть и слава» (ИП [Полное собрание русских летописей, 2: 640]); «оступиша» (СПИ [Ироическая песнь 1800: 13]) и «выстоупати» (ИП [Полное собрание русских летописей, 2: 641]), «Загородите полю ворота» (СПИ [Ироическая песнь 1800: 33]) и «wтвориша ворота» половцам (ИП [Полное собрание русских летописей, 2: 645]). Особое внимание он уделил упоминанию в киевской летописной повести реки Каялы, которая многократно встречается в «песни» об Игоревом походе. Исследователь писал: «…река, где совершился этот суд, в поэтическом языке певца “Слова” получила название Каялы — реки суда и осуждения… “Каяла” таким образом название не географическое, оно изобретено художником-

[1] См. [Шевырев 1843: 442–452].

[2] См. [Бестужев-Рюмин 1868: 113–115].

[3] Здесь и далее летописные тексты цитируются в упрощенной орфографии — с заменой аза йотированного на *я*.

певцом “Слова”, и мы напрасно стали бы искать его по созвучию в географических современных нам названиях рек» [Ваденюк 1874: 57]. Эту параллель он признал аргументом в пользу зависимости ИП от СПИ: «Из “Слова” же это название занесено и в Ипатьевскую летопись, где оно встречается всего один раз, и автор рассказа которой как будто бы старается объяснить его значение: после слов “наведе на ня Господь гнѣвъ свой… на рѣцѣ Каялы” следует обширная вставка, где Игорь предается самоосуждению и которая начинается изъяснительно: “рече бо дѣи Игорь”…» [Там же: 57–58].

Независимо от К.Н. Бестужева и П.Е. Ваденюка к сходным выводам пришел И.П. Хрущов, в 1878 году проведший развернутый сопоставительный анализ трех текстов. Он обратил внимание на присутствие и в СПИ, и в ИП не только имени Каяла[4], но и лексемы *жля/желя* ‘скорбь, терзание’: «Ж е л я невольно напоминает: **жля поскочи по Русской земли,** а Каяла и тем более роднит сказание со “Словом”» [Хрущов 1878: 200] (выделено в оригинале). Одновременно И.П. Хрущов, тоже отметивший общий для СПИ и ЛП мотив жажды, от которой страдали воины Игоря, указал и на новые переклички этих двух текстов: сообщение о похвальбе Ольговичей перед походом в летописи «возме҃м до конца свою славу и чть» [Полное собрание русских летописей, 1–2: 398] и реплика Святослава Киевского «Нъ рекосте мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ» об умысле Игоря и Всеволода в СПИ [Ироическая песнь 1800: 27]; упоминание о желании Ольговичей достичь лукоморья («луку морѧ» [Полное собрание русских летописей, 1–2: 397]) как главной цели в ЛП и упоминание о лукоморье как достигнутой цели в коалиционном походе 1184 года в СПИ; упоминание о взятии половцами городов по реке Суле — в ЛП в форме фактического известия, а в СПИ в виде метафоры «Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ Переяславлю» [Там же: 33].

Сопоставляя СПИ и летописи, ученый заключил: «Таким образом ясно, что песнопевец Игоря не принимал участия в самом походе и не находился с Игорем в плену, ибо в “Слове” нет черт, переданных очевидцем. “Слово” не дополняет сказаний живыми подробностями» [Хрущов 1878: 211–212]. Отмечая сходство СПИ, ИП и ЛП, И.П. Хрущов, однако, не утверждал, что обе летописные повести текстуально связаны с «песнью» об Игоревом походе, и полагал, что две повести возникли независимо друг от друга.

Через 11 лет после И.П. Хрущова Е.В. Барсов в связи с упоминанием Каялы, которую считал символическим названием, и в СПИ,

[4] Однако, как раз исходя из упоминания Каялы и в СПИ, и в ИП, исследователь сделал вывод, что это «степная, а не вымышленная, как думают некоторые комментаторы, река» [Хрущов 1878: 200].

и в ИП осторожно указал на преемственность киевской летописной повести по отношению к «песни» о князе Игоре: «…Каяла есть не собственное, а символическое имя, означающее “жаль”. <…> …автор “Слова” и Сююрлий называет не иначе, как *Каялой*. Замечательно, что символизм этот проник и в Летописный рассказ о походе Игоря» [Барсов, 2: 188–189] (выделено в оригинале). Спустя примерно 40 лет В.Н. Перетц, заметивший, что автор ИП знал СПИ, так как следовал в композиции событий плану «песни», определил сходство двух памятников как не столько фактическое, сколько литературное, стилистическое и лексическое. Свидетельство их связи для В.Н. Перетца — общие лексемы *желя/жля* и Каяла, которую ученый был склонен трактовать как реку с символической семантикой. Рассматривая два варианта текстуальной зависимости — 1) общий источник для СПИ и ИП и 2) влияние непосредственно СПИ на киевскую летописную повесть, исследователь склонялся ко второй версии[5]. Зависимость ИП от СПИ признавал и М.С. Грушевский, высказавший сходную идею за три года до В.Н. Перетца[6].

В 1938 году историк М.Д. Приселков проанализировал СПИ как источник фактических сведений о походе 1185 года, сопоставив с обеими летописными повестями. Он высказал идею о первичности ЛП (точнее, ее ядра, заимствованного владимирским летописанием из южнорусского, переяславского летописца князя Владимира Глебовича), вернее отражающей реалии похода, и о вторичности ИП (использовавшей Черниговский летописец Игоря Святославича[7]), с ней полемизировавшей. Обратив внимание на сходство СПИ с ИП в указании на дни недели, на которые пришлись первая и вторая битвы Игоря с половцами, ученый вместе с тем отметил, что «песнь» совпадает с ЛП в сообщении о конечной точке похода (Тмуторокань/лукоморье) и в упоминании о трех днях, которые длилось второе сражение. Совпадения между СПИ и ЛП М.Д. Приселков объяснял тем, что оба памятника здесь отразили реальные факты, а более многочисленные переклички СПИ и ИП — тем, что автор «песни» знал киевскую летописную повесть или ее первоначальную версию, заимствовав из нее как многие фактические известия, так и общую идею апологии Игоря Святославича[8].

---

[5] См. [Перетц 1926: 36–37].

[6] См. [Грушевський, 2: 202–203].

[7] О том, что «к вспомогательным источникам Ипатьевской летописи должна быть отнесена какая-то черниговская летопись, сочувственная Ольговичам» и что к ней восходит рассказ о «несчастном походе Игоревом на половцев», раньше писал А.А. Шахматов в опубликованной посмертно книге; см. [Шахматов 1938: 72; ср. 364].

[8] См. [Приселков 1938].

Выводы М.Д. Приселкова были в целом приняты Д.С. Лихачевым, который, однако, предположил, что Черниговский летописец Игоря Святославича, судя по рассказу о походе 1185 года, был полноценной летописью и что включение в состав ЛП рассказа о ратном мужестве Владимира Глебовича Переяславского было сделано не позднейшим владимирским сводчиком-редактором, а уже книжником — составителем Черниговского летописца между 1187 и 1198 годами[9]. В ответе на вопрос о соотношении СПИ и двух летописных повестей Д.С. Лихачев не был последователен. В ранней работе, изданной в 1950 г., он утверждал, что у СПИ и ИП был общий фольклорный источник[10]; в статье 1962 г. объяснял совпадение двух текстов «очень просто: оба произведения имели своим сюжетом один и тот же поход Игоря Святославича» [Лихачев 1962: 69], а в более позднем исследовании утверждал: «…по-видимому, рассказ о походе Игоря 1185 г., позднее включенный в состав Ипатьевской летописи, только испытал влияние “Слова” либо какой-то песни или рассказа о походе Игоря, который послужил основой и для “Слова”» [Лихачев 1978: 297, примеч. 2].

В 1960-х гг. к сопоставлению СПИ, ИП и ЛП (точнее, текста летописной повести о походе Игоря в составе изданной еще в XVIII веке Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи, тождественного ЛП) обратился А.А. Зимин, чьи разыскания в полном объеме были опубликованы посмертно в 2006 г.[11] В качестве доказательств знакомства автора СПИ с текстом Кенигсбергской летописи историк тоже указал на известия, что битва Игоря с половцами длилась три дня (а не неполных два, как в ИП) и что русское войско страдало от жары. Также он признал аргументом в пользу вторичности СПИ по отношению к рассказу Кенигсбергской летописи сообщение о выступлении Игоря в поход с двумя сыновьями, не названными по именам: «Ирь (так! — *А.Р.*) со 2-ма с(ы)н(о)ма из Новагорода Сѣверьскаго, ис Трубьча Всеволо*д* бра*т е*г(о), Олгови*ч* С(вя)тославъ из Рыльска» [Полное собрание русских летописей, 38: 151]. Фрагмент СПИ «молодая мѣсяца, Олег и Святослав тъмою ся поволокоста» [Ироическая песнь 1800: 25] А.А. Зимин считал неудачной интерпретацией автором СПИ этого известия: создатель «песни» отождествил этих двух сыновей с младшими Игоревыми детьми — княжичами, старшему из которых было 10 или 11 лет, а младшему — 8; в действительности по малолетству оба или один Святослав в походе, видимо, не участвовали. Еще одним свидетель-

[9] См. [Лихачев 1985: 150–165].

[10] См. [Лихачев 1950: 37–38].

[11] Кратко основные наблюдения и выводы ученого представлены в его статье 1968 года; см. [Зимин 1968].

ством зависимости СПИ от ЛП (от Кенигсбергской летописи) исследователь посчитал высказывание СПИ «по Рсіи (принятая конъектура: по Рсі и. — *А.Р.*), по Сули гради подѣлиша» [Там же: 32]: в отличие от ИП, сообщающей о завоевании степняками после поражения Игоря городов по Роси, ЛП и рассказ Кенигсбергская летописи упоминают Сулу. Ученый указал несколько совпадений в лексике СПИ и ЛП, по его мнению, свидетельствующих об использовании летописного текста автором «песни». Что касается знакомства автора СПИ с ИП, то А.А. Зимин повторил традиционные аргументы (упоминание о желе и реке Каяле), добавив к ним известие о половецком набеге на земли по реке Рось, о котором пишет и создатель «песни»[12].

«В ходе этого сопоставления установлено, что вся фактическая основа рассказа Слова о походе 1185 г. и сведения по истории Руси X–XII вв. восходят к Ипатьевской и Кенигсбергской летописям. <…> В Слове о полку Игореве нет достоверного исторического материала, который бы выходил за рамки названных летописей, нет никаких следов того, что автор был современником описанных им событий», — резюмировал ученый [Зимин 2006: 224]. Для историка результаты сопоставительного анализа были одним из оснований считать СПИ фальсификацией, созданной в XVIII веке. Аргументы А.А. Зимина и ученых более раннего времени были приняты и обобщены Б.И. Яценко, заметившим: из ЛП (точнее, из ее основы — переяславской повести) в СПИ взяты сообщения о безводье, зное, «туге» и Доне как итоговой цели похода, известия «о сборах половцев против Игоря, о стрелах во время второго боя, о гибели русского воинства от безводья, о печали русских князей и бояр после разгрома северян, об обращении Святослава ко всем князьям, о тяжелом положении русских пленников, о погоне за Игорем» [Яценко 1985: 40]. Правда, Б.И. Яценко допускал, что автор мог знать переяславскую повесть в некоей «устной <…> форме» [Яценко 1985: 40].

Ряд наблюдений в ходе сравнительного анализа СПИ и ИП сделал Б.А. Рыбаков. Он указал на некоторые лексические совпадения между СПИ и ИП (текст которой считал многослойным, возникшим в результате неоднократного редактирования), заключив: «…в дополнениях редактора к киевской летописной хронике 1185 г., написанных около 1188 г., мы встречаемся с тремя случаями уникального словоупотребления, *случаями, не знающими аналогий во всех киевских летописях XII в.,* — “внук Олгов”, “отвориша ворота на Русьскую землю” и “желя на рѣцѣ Каялы”. И мы не имеем права

[12] См. [Зимин 2006: 181–224]. Более подробный список параллелей между СПИ и ИП см. на с. 187–188.

пройти мимо того, что за три года до этого в великолепной киевской поэме, посвященной именно этому событию, другой автор писал о внуке Ольговом, о необходимости загородить Полю ворота и о том, что тьма свет покрыла на рѣцѣ на Каялѣ и "Жля поскочи по Руськой земли"» [Рыбаков 1971: 194] (курсив в оригинале).

Наблюдения Б.А. Рыбакова развила В.Ю. Франчук, которая свела обнаруженные ею переклички между СПИ и ИП в таблицу, содержащую 30 примеров[13].

Принципиально новый аргумент в пользу зависимости СПИ и от ИП, и от ЛП выдвинула Л.В. Соколова[14]. Она проанализировала начальные фразы «песни» об Игоревом походе «Не лѣполи ны бяшетъ, братїе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїй о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленїю Бояню» [Ироическая песнь 1800: 1–2]. Принимая многократно высказывавшееся мнение, что вторая фраза не отвечает на первую, которая не является вопросительным высказыванием, исследовательница предлагает такую интерпретацию: «старыми» здесь значит не 'старинными', 'а прежде, ранее сказанными, известными' [Соколова 1987: 214]. А «старыми словесы трудных повѣстий» — «одна синтагма, относящаяся к глаголу "начяти"» [Там же]. «В таком случае перевод данной фразы будет: Не следует ли нам, братья, начать (как?) старыми (то есть известными, прежде сказанными) словами (чего?) воинских повестей (каких?) о походе Игоря, Игоря Святославича?» [Там же]. «Трудные повести» — это ИП и ЛП, которые знал автор СПИ [Там же]. Л.В. Соколова полагает: «Воинские повести о походе Игоря автор "Слова" мог знать как по текстам Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, так и по их (летописным же) источникам. Возможно также, что эти повести существовали как самостоятельные произведения, позднее включенные в указанные летописи» [Там же: 215].

Особенную позицию занимает А.Н. Ужанков, считающий, что автор СПИ и составитель ИП — одно лицо, которым он называет составителя Киевского летописного свода конца XII в. выдубицкого игумена Моисея, отождествляемого с неким Беловодом, или Беловолодом Просовичем, согласно ИП принесшим на Русь известие о пленении новгород-северского князя и о разгроме его войска. Обнаруженные А.А. Зиминым, Б.А. Рыбаковым, В.Ю. Франчук и другими учеными переклички между СПИ и ИП он трактует как доказательство принадлежности обоих текстов одному лицу[15]. СПИ,

[13] См. [Літописні оповіді 1988: 38–40]. Ср. модификацию этой таблицы в книге А.Н. Ужанкова [Ужанков 2022: 327–329].

[14] См. [Соколова 1986; Соколова 1987].

[15] См. [Ужанков 2022: 271–331].

по его мнению, вторично и по отношению к ИП, и по отношению к ЛП: А.Н. Ужанков датирует СПИ временем «не ранее осени-зимы 1200 г., поскольку автор знает о произошедших тогда событиях» [Ужанков 2022: 276–277]. Соответственно, СПИ написано позже ИП и ЛП. Особенно значимыми аргументами в пользу текстуальной связи между СПИ и ИП он признает общую для них лексему *желя/жля*: она якобы употребляется только в этих двух памятниках[16]. Признаком зависимости СПИ от ЛП, прежде не упоминавшимся учеными, он считает указание составителя этой летописной повести на церковный праздник, в который произошло солнечное затмение: 1 мая, день пророка Иеремии. Именно это указание побудило автора «песни» напитать текст реминисценциями из Книги пророка Иеремии, которые усматривает в СПИ А.Н. Ужанков[17]. Зависимость СПИ и от ЛП, и от ИП, как считает ученый, является доказательством того, что «песнь» об Игоревом походе была создана в Выдубицком монастыре, который был в конце XII века главным центром южнорусского летописания: «Где Автор “Слова” мог *одновременно* познакомиться с двумя летописными рукописями? Само собой напрашивается вывод, что *только* в Выдубицком монастыре» [Ужанков 2022: 477] (выделено в оригинале).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <*Барсов Е.В.*> Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинный Руси / Исследование Е.В. Барсова. М., 1887–1890. Т. 1–3.
2. *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
3. <*Бестужев-Рюмин К.Н.*> О составе русских летописей до конца XIV века. 1. Повесть временных лет. 2. Летописи южно-русские / Исследование К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1868. (Летопись занятий Археографической комиссии за 1865–1866 гг. Вып. 4).
4. *Бобров А.Г.* Каяла (Каялы) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 31–36.
5. *Ваденюк П.Е.* Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5 мая 1185 года был разбит Игорь Святославич Новгородсеверский и которая названа Каялой? // Труды Третьего археологического съезда. Бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 51–58.
6. *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 12).
7. *Демкова Н.С.* Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома). Л., 1990. Т. 43. С. 114–123.
8. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
9. *Зимин А.А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64.

[16] См. [Ужанков 2022: 307].
[17] См. [Ужанков 2022: 294].

10. *Зимин А.А.* «Слово о полку Игореве». СПб., 2006.
11. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.
12. *Лихачев Д.С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник статей и исследований / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 37–38.
13. *Лихачев Д.С.* Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1962. С. 5–52.
14. *Лихачев Д.С.* «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина» (К текстологическим замечаниям проф. Дж. Феннелла) // Он же. Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 296–309.
15. *Лихачев Д.С.* Летописный свод Игоря Святославича и «Слово о полку Игореве» // Он же. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 145–175.
16. *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 269–292.
17. *Моисеева Г.Н.* О времени создания «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 15–20.
18. Полное собрание русских летописей. СПб: Типография М.А. Александрова; Л.; СПб.; М, 1908–2018–. Т. 1–46.
19. *Приселков М.Д.* «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. 1938. Кн. 6 (70). С. 112–133.
20. *Ранчин А.М.* О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.
21. *Ранчин А.М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». СПб., 2019.
22. *Ранчин А.М.* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» и об авторской позиции в памятнике // Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (58). С. 65–80.
23. *Ранчин А.М.* Крайности, которые сходятся [рец. на книги: Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М., 2022; Уткин А.А. Магия и религия в «Слове о полку Игореве». СПб., 2022] // Новый мир. 2022. № 10. С. 202–207.
24. *Рыбаков Б.А.* Киевская летопись о походе Игоря в 1185 г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л., 1969. Т. 24. С. 58–63.
25. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
26. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб., 1975–2015–. Вып. 1–30– (издание продолжается).
28. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1984.
29. «Слово о полку Игореве»: 800 лет / Гл. ред. И.И. Шкляревский; Сост. Л.И. Сазонова. М., 1986.
30. *Соколова Л.В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1986. С. 65–74.
31. *Соколова Л.В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210–215.
32. *Соколова Л.В.* Новая книга — старые идеи (Рецензия на книгу: *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020) // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2022. Т. 10. С. 407–430.

33. *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
34. *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. 2-е изд. М., 2022.
35. *Успенский Ф.Б.* Овлур (Влур) — Лавр (Лавор). Еще раз о древнерусской двуименности и о человеке, спасшем князя Игоря из половецкого плена // Собрание сочинений. К шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. М., 2006. С. 577–591.
36. *Франчук В.Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
37. *Франчук В.Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев 1185 г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб., 2006. Т. 57. С. 79–90.
38. <Хрущов И.П.> О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие / [сочинение] И.П. Хрущова, магистра русской словесности. Киев, 1878.
39. *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
40. *Шевырев С.* Полное Собрание Русских Летописей. Том второй. Ипатьевская летопись // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. Отд. Критика. Книги исторические и статистические. С. 425–453.
41. *Якобсон Р.О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л., 1958: Т. 14. С. 102–121.
42. *Яценко Б.И.* Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. 1985. № 3. С. 31–42.
43. *Грушевський М.* Історія української літератури: В 6 т. В 9 кн. Київ, 1993.
44. Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослидження та переклади В.Ю. Франчук. Київ, 1988.
45. *Перетц В.* Слово о полку Ігоревім — пам'ятка феодальної України — Руси XII віку: Вступ. текст. Коментар. Київ, 1926. (Українска академія наук. Збірник історично-філологічного відділу. № 33).

REFERENCES

1. Barsov E.V. *Slovo o polku Igoreve kak khudozhestvennyi pamyatnik Kievskoi druzhinnyi Rusi* [The Tale of Igor's Campaign as an Artistic Monument of the Kievan Druzhina Rus]. Moscow, *Universitetskaya tipografiya,* 1887–1890, vols 1–3. (In Russ.)
2. Baskakov N.A. Tyurkskaya leksika v "Slove o polku Igoreve" [Turkic vocabulary in "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, *Nauka Publ.,* 1985. 155 p. (In Russ.)
3. Bestuzhev-Ryumin K.N. *O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka.* 1. *Povest' vremennykh let.* 2. *Letopisi yuzhno-russkie* [On the Composition of Russian Chronicles until the End of the 14th Century. 1. The Tale of Bygone Years. 2. Southern Russian Chronicles]. St. Petersburg, *Tipografiya Transhelya,* 1868. VI+158+378 p. (In Russ.)
4. Bobrov A.G. *Kayala (Kayaly)*, in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"], in 5 vols. St. Petersburg, *Dmitrii Bulanin Publ.,* 1995. T. 3. pp. 31–36. (In Russ.)
5. Vadenyuk P.E. *Gde nuzhno iskat' tu reku, na beregakh kotoroi* 5 *maya* 1185 *goda byl razbit Igor' Svyatoslavich Novgorodseverskii i kotoraya nazvana Kayaloi?* [Where to Look for the River on Whose Banks on May 5, 1185 Igor Svyatoslavich Novgorod-

Seversky Lost the Battle, the River Called Kayala?]. Trudy Tret'ego arkheologicheskogo s"ezda. Byvshego v Kieve v avguste 1874 g. [Proceedings of the Third Archaeological Congress in Kyiv in August 1874. Kyiv]. Kiev, *Tipografiya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira,* 1878. T. 2, pp. 51–58. (In Russ.)

6. Gasparov B.M. *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of "Tales of Igor's Campaign"]. Wien, Verlag Otto Sagner Publ., 1984. 405 p. (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 12). (In Russ.)
7. Demkova N.S. Iz kommentariev k tekstu "Slova o polku Igoreve" [From Comments to the Text "The Tale of Igor's Campaign"], in: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma). [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)*] Leningrad, *Nauka Publ.,* 1990. T. 43, pp. 114–123. (In Russ.)
8. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Ancient Novgorodian Dialect]. 2nd ed., revised taking into account the material of finds from 1995–2003. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.,* 2004. 872 p. (In Russ.)
9. Zimin A.A. Ipat'evskaya letopis' i "Slovo o polku Igoreve" [The Ipatiev Chronicle and "The Tale of Igor's Campaign"]. *Istoriya SSSR*. 1968. № 6, pp. 43–64. (In Russ.)
10. Zimin A.A. "Slovo o polku Igoreve" ["The Tale of Igor's Campaign"]. St. Petersburg, *Dmitrii Bulanin,* 2006. 516 p. (In Russ.)
11. *Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazya Novagoroda-Severskogo Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinnym russkim yazykom v iskhode XII stoletiya s perelozheniem na upotreblyaemoe nyne narechie* [A Heroic Song about the Campaign against the Polovtsians of the Appanage Prince of Novagorod-Seversky Igor Svyatoslavich, Written in Old Russian at the End of the 12th Century with Translation into the Currently Used Dialect]. Moscow, *Senatskaya tipografiya,* 1800. VIII+46 p. (In Russ.)
12. Likhachev D.S. *Istoricheskii i politicheskii krugozor avtora "Slova o polku Igoreve"* [Historical and Political Outlook of the Author of "The Tale of Igor's Campaign"], in: *Slovo o polku Igoreve. Sbornik statei i issledovanii* [The Tale of Igor's Campaign: Collection of Articles and Studies], ed. by V.P. Adrianova-Peretts. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo AN SSSR,* 1950, pp. 37–38. (In Russ.)
13. Likhachev D.S. *Izuchenie "Slova o polku Igoreve" i vopros o ego podlinnosti* [Study of "The Tale of Igor's Campaign" and the question of its authenticity], in: *Slovo o polku Igoreve — pamyatnik XII veka* [The Tale of Igor's Campaign — a Monument of the 12th Century], ed. by D.S. Likhachev. Moscow, Leningrad, *Izdatel'vo AN SSSR,* 1962, pp. 5–52. (In Russ.)
14. Likhachev D.S. *"Tekstologicheskii treugol'nik": "Slovo o polku Igoreve", rasskaz Ipat'evskoi letopisi o pokhode knyazya Igorya v* 1185 *g. i "Zadonshchina" (K tekstologicheskim zamechaniyam prof. Dzh. Fennella)* ["Textological triangle": "The Tale of Igor's Campaign", the narrative of the Ipatiev Chronicle about the Campaign of Prince Igor in 1185 and "Zadonshchina" (On the Textual Comments of Prof. J. Fennell)], in: Likhachev D.S. *"Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni* ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of His Time]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literature Publ.,* 1978, pp. 296–309. (In Russ.)
15. Likhachev D.S. Letopisnyi svod Igorya Svyatoslavicha i "Slovo o polku Igoreve" [The chronicle of Igor Svyatoslavich and "The Tale of Igor's Campaign"], in: Likhachev D.S. *"Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni* ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of His Time]. 2nd ed., suppl. Leningrad, *Khudozhestvennaya literature Publ.,* 1985, pp. 145–175. (In Russ.)

16. Likhachev D.S. “Slovo o polku Igoreve” kak khudozhestvennoe tseloe [“The Tale of Igor’s Campaign” as an Artistic Whole], in: Al’manakh bibliofila [Bibliophile’s Almanac]. Moscow, *Kniga Publ.,* 1986, issue 21, pp. 269–292. (In Russ.)
17. Moiseeva G.N. O vremeni sozdaniya “Slova o polku Igoreve” [About the Time of Creation of “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Russkaya literatura*. 1986. № 4, pp. 15–20. (In Russ.)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 2nd ed. St. Petersburg, *Tipografiya M.A. Aleksandrova*, Leningrad, *Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR,* St. Petersburg, *Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta,* Moscow, *Nauka Publ.,* Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ.,* 1908–2018–. T. 1–46. (In Russ.)
19. Priselkov M.D. «Slovo o polku Igoreve» kak istoricheskii istochnik [“The Tale of Igor’s Campaign” as a Historical Source]. *Istorik-marksist*. 1938. Book. 6 (70), pp. 112–133. (In Russ.)
20. Ranchin A.M. O novoi knige A.N. Uzhankova i o problemakh izucheniya “Slova o polku Igoreve”[About the New Book by A.N. Uzhankov and about the Problems of Studying “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Literaturnyi fakt*. 2017. № 4, pp. 358–376. (In Russ.)
21. Ranchin A.M. *Putevoditel’ po “Slovu o polku Igoreve”* [Guide to “The Tale of Igor’s Campaign”]. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2019. 272 p. (In Russ.)
22. Ranchin A.M. Eshche raz o datirovke “Slova o polku Igoreve” i ob avtorskoi pozitsii v pamyatnike [Once again about the dating of “The Tale of Igor’s Campaign” and about the author’s position in the monument]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 2022. № 4 (58), pp. 65–80. (In Russ.)
23. Ranchin A.M. Krainosti, kotorye skhodyatsya [Extremes that Converge]. *Novyi mir.* 2022. № 10, pp. 202–207. (In Russ.)
24. Rybakov B.A. Kievskaya letopis’ o pokhode Igorya v 1185 g. [Kiev Chronicle about Igor’s Campaign in 1185], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, *Nauka Publ.,* 1969, vol. 24, pp. 58–63. (In Russ.)
25. Rybakov B.A. *“Slovo o polku Igoreve” i ego sovremenniki* [“The Tale of Igor’s Campaign” and Its Contemporaries]. Moscow, *Nauka Publ.,* 1971. 296 p. (In Russ.)
26. Rybakov B.A. Russkie letopistsy i avtor “Slova o polku Igoreve” [Russian Chroniclers and Author of “The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, *Nauka Publ.,* 1972. 521 p. (In Russ.)
27. *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, *Nauka Publ.,* St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.,* 1975–2015–. Vyp. 1–30– (to be continued). (In Russ.)
28. *Slovar’-spravochnik “Slova o polku Igoreve”* [Dictionary-reference Book “Tales of Igor’s Campaign”], in 6 issues, ed. by V.L. Vinogradova. Moscow, Leningrad, *Nauka Publ.,* 1965—1984. (In Russ.)
29. *“Slovo o polku Igoreve”*: 800 *let* [“The Tale of Igor’s Campaign”: 800 years], ed. by I.I. Shklyarevskii, L.I. Sazonova. Moscow, *Sovetskii pisatel’ Publ.,* 1986. 575 p. (In Russ.)
30. Sokolova L.V. *Zachin v “Slove o polku Igoreve”* [Beginning in “The Tale of Igor’s Campaign”], in: *Issledovaniya “Slova o polku Igoreve”* [Researches on “The Tale of Igor’s Campaign”], ed. by D.S. Likhachev. Leningrad, *Nauka Publ.,* 1986, pp. 65–74. (In Russ.)
31. Sokolova L.V. *Dve pervye frazy “Slova o polku Igoreve”* [The First Two Phrases of “The Tale of Igor’s Campaign”], in: Issledovaniya po drevnei i novoi literature [Studies in Old and Modern Literature]. Leningrad, *Nauka Publ.,* 1987, pp. 210–215. (In Russ.)

32. Sokolova L.V. Novaya kniga — starye idei (Retsenziya na knigu: Uzhankov A.N. "Slovo o polku Igoreve" i ego avtor. M.: Soglasie, 2020) [New book — old ideas (Book review: Uzhankov A. N. "The Tale of Igor's Campaign" and Its Author. Moscow, Soglasie Publ., 2020], in: *Tekst i traditsiya. Al'manakh* [Text and Tradition. Almanac]. St. Petersburg, *Rostok Publ.,* 2022, vol. 10, pp. 407–430. (In Russ.)
33. Tolochko P.P. *Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv.* [Russian Chronicles and Chroniclers of the X–XIII centuries]. St. Petersburg, *Aleteiya Publ.,* 2003. 296 p. (In Russ.)
34. Uzhankov A.N. *"Slovo o polku Igoreve": Istoriko-filologicheskoe issledovanie* ["The Tale of Igor's Campaign". Historical and philological research]. 2nd ed. Moscow, *Izdatel'skii dom YaSK*, 2022. 744 p. (In Russ.)
35. Uspenskii F.B. *Ovlur (Vlur) — Lavr (Lavor). Eshche raz o drevnerusskoi dvuimennosti i o cheloveke, spasshem knyazya Igorya iz polovetskogo plena* [Ovlur (Vlur) — Laurel (Lavor). Once Again about the Old Russian Duality of names and about the Man Who Saved Prince Igor from Polovtsian Captivity], in: *Sobranie sochinenii. K shestidesyatiletiyu L'va Iosifovicha Soboleva* [Collected Works. On the Occasion of the Sixtieth Birthday of Lev Iosifovich Sobolev]. Moscow, *Vremya Publ.,* 2006, pp. 577–591. (In Russ.)
36. Franchuk V.Yu. *Kievskaya letopis': Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii* [Kievan Chronicle. Composition and Sources in Linguistic Coverage]. Kiev, *Naukova dumka Publ.,* 1986. 184 p. (In Russ.)
37. Franchuk V.Yu. *Formirovanie teksta letopisnogo rasskaza Ipat'evskoi letopisi o pokhode knyazya Igorya na polovtsev* 1185 *g.* [Formation of the Text of the Chronicle narrative of the Ipatiev Chronicle about Prince Igor's Campaign against the Polovtsians in 1185], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, vol. 57, pp. 79–90. (In Russ.)
38. Khrushchov I.P. *O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh. XI–XII stoletie* [About Old Russian Historical Narratives and Legends. XI–XII Century]. Kiev, *Universitetskaya tipografiya Publ.,* 1878. X+212 p. (In Russ.)
39. Shakhmatov A.A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* [Review of Russian Chronicles of the XIV–XVI Centuries]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR,* 1938. 372 p. (In Russ.)
40. Shevyrev S. Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. Tom vtoroi. Ipat'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Volume Two. Ipatiev Chronicle]. *Moskvityanin*. 1843. № 12, pp. 425–453. (In Russ.)
41. Yakobson R.O. *Izuchenie "Slova o polku Igoreve" v Soedinennykh Shtatakh Ameriki* [Study of "The Tale of Igor's Campaign" in the United States of America], in: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo AN SSSR,* 1958, vol. 14, pp. 102–121.
42. Yatsenko B.I. Lavrent'evskaya povest' o pokhode Igorya Svyatoslavicha v 1185 godu [Laurentian Narrative about the Campaign of Igor Svyatoslavich in 1185]. *Russkaya literatura*. 1985. № 3, pp. 31–42. (In Russ.)
43. Grushevs'kii M. *Istoriya ukraïns'koï literatury* [History of Ukrainian Literature], in 6 vols. Kiïv, *Naukova dumka Publ.,* 1993. (In Ukrainian)
44. *Litopisni opovidi pro pokhid knyazya Igorya* [Chronicle Narratives about Prince Igor's Campaign], ed. by V.Yu. Franchuk. Kiïv, *Naukova dumka Publ.,* 1988. 191 p. (In Ukrainian)

45. Peretts V. *Slovo o polku Igorevim — pam'yatka feodal'noï Ukraïni — Rusi XII viku: Vstup. Tekst. Komentar* [The Tale about Igor's Campaign — a Monument of Feudal Ukraine — Russia of the 12th Century. Introduction. Text. Comment]. Kiïv, *Drukarnia Ukraïnskoï akademiï nauk Publ.,* 1926. IX+354 p. (In Ukrainian)

Поступила в редакцию 16.10.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 09.03.2024

Received 16.10.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ranchin — Prof. Dr. in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 112–120
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 112–120

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОПИКИ

А.А. Пауткин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; apautkin@yandex.ru

Аннотация: Одной из характерных особенностей поэтики средневековых текстов является широкое использование традиционных словосочетаний и семантических общих мест, которые с разных позиций рассматриваются медиевистами с начала XX в. Уже в «Повести временных лет» эти элементы поэтики явлены со всей очевидностью, хотя жанровое оформление исторического повествования на этом раннем этапе еще не завершено. Неоднозначен ответ на вопрос о путях сложения корпуса топосов, круге его источников. В статье предпринята попытка проследить проникновение в древнерусское историческое повествование ряда устойчивых стилистических формул. Их следует отнести к лаконичным непоэтическим традиционным словосочетаниям, лишенным эпитетов или сравнений, придающих высказыванию определенную эмоциональность. Данный элемент воинской поэтики одновременно обладает явной терминологичностью, сформировавшейся в профессиональной дружинной среде, и имеет в своей основе определенные знаковые жесты. В работе высказывается мысль о связи подобных книжных топосов с кинетическими проявлениями. Это прежде всего жесты князей как предводителей дружин, а также иные элементы невербальной коммуникации. Рассматриваемое явление — лишь одна из сторон поэтики воинского повествования древнерусских текстов, возникшая под влиянием внелитературной действительности.

***Ключевые слова*:** поэтика; книжная топика; воинская повесть; знаковый жест; невербальная коммуникация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-7

Для цитирования: *Пауткин А.А.* К проблеме формирования древнерусской книжной топики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 112–120.

ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE OLD RUSSIAN BOOK TOPIC

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

© Пауткин А.А., 2024

***Abstract*:** One of the characteristic features of the poetics of medieval texts is the widespread use of traditional phrases and semantic commonplaces, which have been considered from different positions by medievalists since the beginning of the 20th century. Already in *The Tale of Bygone Years* (the oldest Russian chronicle) these elements of poetics are clearly revealed, although the genre design of the historical narrative at this early stage is not yet completed. The answer to the question about how the body of topoi was composed and the range of its sources is ambiguous. The article attempts to trace the penetration of a number of stable stylistic formulas into the ancient Russian historical narrative. They should be classified as laconic, non-poetic traditional phrases, devoid of epithets or comparisons that give the statement a certain emotionality. This element of military poetics simultaneously has a clear terminology, formed in a professional military environment, and is based on certain iconic gestures. The work expresses the idea of a connection between such book topoi and kinetic manifestations. These are, first of all, the gestures of princes as leaders of squads, as well as other elements of nonverbal communication. The phenomenon under consideration is only one aspect of the poetics of the military narrative of ancient Russian texts, which arose under the influence of extraliterary reality.

Keywords: poetics; book topic; military story; iconic gesture; nonverbal communication

For citation: Pautkin A.A. (2024) On the Problem of the Formation of the Old Russian Book Topic. *Lomonosov Philology Journal. Series 9*, no. 2, pp. 112–120.

Средневековые тексты, как и иные стороны культуры Древней Руси, обладают значительным набором топосов. На протяжении XX в. в научной литературе их именовали по-разному: трафареты, loci communes, устойчивые словосочетания, стилистические формулы. Как известно, природа этого явления неоднородна. Так, О.В. Творогов справедливо разделял словесные константы и смысловые или композиционные стереотипные компоненты текста [Творогов 1962; Творогов 1964]. Но и среди первых, собственно стилистических формул, заметны существенные несходства. Ведь далеко не все они могут именоваться «поэтическими». Лаконизм и даже некоторая метафоричность не всегда подкрепляются наличием эпитета или сравнения.

Несмотря на длительность изучения топики, начиная с новаторских для своего времени исследований А.С. Орлова по так называемой «воинской поэтике» древнерусских исторических повествований [Орлов 1902], нет однозначного ответа на вопрос об истоках, происхождении данного элемента литературного обычая прошлого. Значительная часть работ медиевистов посвящена выявлению, систематизации и эволюции топосов воинского содержания [Пауткин 1981; Прохазка 1989; Трофимова 2017; Соколова 2021; Ивано-

ва 2021]. Мы застаем устойчивые выражения как бы уже в готовом виде. Сама воинская повесть в начальной печерской летописи еще не оформилась окончательно, а важнейшая составляющая ее поэтики весомо представлена.

Попытаемся взглянуть на конкретную часть топики воинского содержания со стороны внелитературных возможностей ее зарождения. Взгляд изнутри книжной традиции побуждает искать только сугубо литературные источники топики. Применительно к воинским формулам это переводные, светские по содержанию произведения, пришедшие на Русь в ранний период становления книжности, например «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Однако датировки славянских переводов этих важных памятников расплывчаты, а сама переводческая деятельность в данном случае выглядит своеобразным сотворчеством, изобилующим всевозможными вольностями [Мещерский 1958].

Если же предположить, что происхождение и пути проникновения стилистических формул в древнерусские тексты исторического содержания различались, то, не претендуя на всеохватность, можно попытаться объяснить природу некоторой части «непоэтических» топосов внелитературными обстоятельствами. Вспомним, что Д.С. Лихачев, характеризуя развитость устной речевой культуры Древней Руси, возводил некоторые воинские формулы к терминологии [Лихачев 1975: 41–42]. Этого нельзя исключать. Правда, в отдельных случаях подобная терминологичность небезусловна. В стороне остается и механизм возникновения топоса, просто перекочевавшего из речи профессиональных дружинников в арсенал приемов монахов-летописцев.

Французский историк Ж. ле Гофф назвал средневековую культуру западной Европы «культурой жестов» [Ле Гофф 1992: 333]. На Руси стремление к символическому обобщению в литературе и искусстве сводило передачу кинетических проявлений человека к минимуму, будь то детали коммуникативного события или иные невербальные действия. И тем не менее, игнорировать роль жеста в древнерусской культуре было бы неверно. В отличие от письменной фиксации высказывания или реплики, имеющее смысл телодвижение не может быть искажено. Это зрительно воспринимаемый знак. И его учет не противоречит поэтике символического правдоподобия средневековых текстов. Однако знак необходимо верно истолковать, вскрыть его имплицитные смыслы. Этикетный жест распознается и ценится прежде всего определенной социальной группой. Таков, например, переданный в «Повести временных лет» под 946 г. поступок ребенка Святослава, бросающего копье в начале битвы с древлянами: «Сꙋнꙋ копьемъ С(вя)т(о)славъ на Деревлѧны

и копье летѣвъ сквози уши коневи и удари в ногы коневи кѣ во велми детѣскъ» (II, 46)[1]. А жест уникальный может быть неверно истолкован представителями иной культуры. Вспомним описание хитрости Василька Романовича, специально набравшего и бросающего камешки под стенами осажденного татарами Холма. Посланный для контроля насильственно организованных татарами переговоров русского князя с осажденными толмач оценивает лишь вербальную их составляющую. Жесты, противоречащие призывам сдаваться, остаются не понятыми врагом (II, 851–852). Как видим, вокруг княжеского действия подчас выстраивается целый микросюжет. Невербальная коммуникация находит свое отражение в ряде летописных текстов — можно привести и иные примеры. Опираясь на теоретические положения Г.Б. Крейдлина [Крейдлин 2002], историк Д.А. Голубовский показал значение отдельных жестов в ряде древнерусских источников [Голубовский 2008].

Уже в «Повести временных лет» под 970 г. сообщается о переговорах греков со знаменитым воителем Святославом. Летописец специально акцентирует внимание на стремлении византийцев составить свое представление о предводителе русичей по особенностям его поведения. Представители более высокой христианской культуры пытаются анализировать сложившуюся ситуацию, прибегнув к тонким приемам психологических наблюдений. Они посылают к русскому князю «мудрого мужа» с дарами. Ему предписывается следить за взором, лицом и мыслями грозного противника (II, 58). То есть опытный наблюдатель должен делать свои выводы на основе мимических и жестовых реакций Святослава на подношение. Подчеркнем, важнее слов и дипломатии оказывается невербальный аспект.

Если поэтика «готового слова» опирается на внелитературную действительность, может ли жест быть отправной точкой на пути возникновения книжного топоса? Кинетическое проявление, будучи исходно формой невербальной коммуникации, в определенный момент перестает быть конкретным ситуативным призывом, побуждением к некоему действию, обращением, приказанием, угрозой и т. д. В средневековой культуре с ее эстетикой подобия, тяготеющей к обобщению и символизации, заложены благоприятные условия для придания некоторым этикетным телодвижениям знаковой функции.

Топос, как известно, живет повторениями. Он используется для обозначения типичной, многократно возникающей жизненной

[1] Здесь и далее текст летописи цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей: Т. I, Т. II, Т. III, Т. VI.

ситуации. В случае с элементами так называемой «воинской поэтики» мы имеем дело с отражением наиболее существенных и неизменно повторяющихся событий: начало военных действий, кульминация боя, его финал, итоги и т. д. И здесь немало топосов восходит к кинетическим проявлениям. Лаконичные выражения «всесть на конь», «ступить в стремень» (выступить в поход); «изломить копие» (начать встречный бой, которому предшествует перестрелка лучников); «взять градъ копьемь» (штурмовать город); «взять/дать градъ на щитъ» (разорить плененный город) — являются словесным отображением своеобразного знака, подаваемого предводителем дружины, постепенно приобретающего абстрактно-обобщенный характер. Здесь нет никаких особых проявлений изобразительности, но наличествует метафорический смысл, расширяющий семантику речевого оборота. Примечательно, что две последние формулы используются и в прямой речи. «Ты... ни копьемь мя еси добылъ», — укоряет партнера по переговорам обиженный князь (II, 900). Другой алчно требует серебра, иначе «пакы ли ꙗ възму вы на щитъ» (II, 417). Горожане говорят Вячеславу Владимировичу Смоленскому: «Призови ны Б(ог)а ꙗко на(с) не даси на щитъ» (то есть «поклянись», «обещай» — *А.П.*; II, 292). Игорь Святославич Новгород-Северский кается в том, что «взялъ на щитъ город Глековъ» (II, 643). При этом летописец может вкладывать подобный оборот не только в уста князя, что вполне естественно. Удивительно, но он звучит и в обращении духовного лица к своим прихожанам: «Аще и градъ нашь пленьше копиемь возмуть...» (II, 780). Это увещевание епископа Митрофана. Получается, топос давно вышел за рамки узкопрофессиональной среды воинов.

Словосочетание «утереть пота», обладающее особой наглядностью, знаменует, как известно, победный финал битвы или похода. Его трудно отнести к высокочастотным. И тем не менее это топос. Так, в «Повести временных лет» Ярослав «утер пота с дружиною своею» (I, 146). Позднее можно встретить эту формулу уже с добавлением эпитета, например Владимир Глебович Переяславский «утеръ мужественого поту своего за отчину свою» (II, 647). И хотя в первом случае упомянута дружина, все-таки сам жест окончания ратных трудов — княжеский, он приписывается конкретному предводителю. В тексте XVI в., «Казанской истории», можно наблюдать интересный пример эволюции топоса, где выражение применено к Ивану IV: «И тако сѣд на престолѣ своем великаго царства Руского, правя скипетръ державы своея, утер кровавый пот свой...» [Памятники литературы Древней Руси 1985: 560].

В новгородских текстах военные описания часто завершаются другой формулой: «Придоша здрави вси» (напр. III, 53). Она, безуслов-

но, связана с иной ролью князя на севере Руси. Как тут не вспомнить столь характерную для новгородских летописцев формулу «не хочемъ тебе поиди камо хочеши» (напр. III, 60). И это еще не самый резкий по звучанию топос. Пожалуй, эта же севернорусская традиция сказывается и в обезличивании жеста или знакового телодвижения. Его совершает не предводитель, а все участники боя.

В свое время А.С. Орлов отнес к топосам фразу: «Рукама живых поимаша» (VI, вып. 2: 196) [Орлов 1902: 4]. Это тоже финал битвы. Столь же показательна и фраза, демонстрирующая изнеможение победителей: «Не могуще ни рукою двигнути, ни же главу обратити» (VI, вып. 2: 206), на которую тоже обратил внимание Орлов [Орлов 1902, 26–27]. Он сравнивал это выражение с встречающимся в повествовании Нестора Искандера иным выражением смертельной усталости. Заметим, что даже такая архаическая формула, как «удари имъ о землю», неоднократно встречающаяся в «Повести временных лет» в различных комбинациях построения фразы, несмотря на свой фольклоризм, указывает на скоротечное действие участника поединка (юноша кожемяка, одолевший могучего печенежина, или Мстислав Владимирович в поединке с Редедей).

Не всякий, даже весьма выразительный, жест или, как писал А.С. Орлов, «простое физическое действие» [Орлов 1902: 4], будучи вербализованным, превращается в топос. Таких формул не так уж много. Вот, например, сцена прощания великой княгини Евдокии с Дмитрием Ивановичем в «Сказании о Мамаевом побоище»: она плачет «приложивъ руцѣ свои къ персем» [Памятники литературы Древней Руси 1981: 152]. Этот оборот не станет частотным, как и в чем-то сходный из «Слова о житии и преставлении Дмитрия Ивановича»: «перси своя рукама бьюши». Иное дело — жест моления («воздѣвъ руцѣ на неко» — напр. II, 916), нередко соотносимый в летописных некрологах и агиографии с внутренней монологической речью. О.Ю. Клаутова называет данное словосочетание фиксацией «канонических жестов» [Клаутова 1993: 265], которые можно нередко наблюдать и в иконописи. Они, по мнению исследовательницы, обладают «вневременным» и «внепространственным» качеством. Правда, всякий стилистический топос по самой своей природе лишен пространственно-временных параметров, универсален в этом качестве.

В Новгородской I летописи читается единичное в своем роде словосочетание, образованное по стандартной модели. Оно близко к уже упоминавшемуся топосу «взять градъ на щит», но имеет иной смысл: «Седя на щите» (III, 28). Так лаконично обозначено бездействие, сдержанное поведение переяславцев, наблюдающих происходящее со стороны. Это словосочетание тоже не получило даль-

нейшего распространения в книжной традиции. Вероятно, положенная в его основу ситуация — явление редкое, и потому подобное обозначение вооруженного нейтралитета не стало востребованным летописцами в дальнейшем.

В заключение отметим: судя по всему, данный вид топосов, восходящих к статусным, многократно повторяющимся жестам, имел в арсенале древнерусских книжников скорее практическое, инструментальное предназначение. Для придания описанию событий эмоциональности служили другие элементы традиционной поэтики. Поэтические формулы продержатся на страницах исторических повествований вплоть до XVII столетия, когда дадут о себе знать первые черты индивидуальных авторских стилей. А рассмотренные топосы, вызванные к жизни жестом/телодвижением, постепенно утрачивают свою актуальность и влиятельность. Этому способствовали социально-исторические процессы, перемены в самой внелитературной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голубовский Д.А.* Семантика поклонов и поцелуев в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике // Славяноведение. 2008. № 5. С. 50–61.
2. *Иванова Т.Г.* Трансформация топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков // Русская литература. 2021. № 4. С. 77–89.
3. *Клаутова О.Ю.* Жест в древнерусской литературе и иконописи XI–XIII вв. К постановке вопроса // ТОДРЛ, Т.XLVI, 1993. С. 256–269.
4. *Крейдлин Г.Б.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
5. *Ле Гофф Ж.* Культура средневекового Запада. М., 1992.
6. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.
7. *Мещерский Н.А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
8. *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
9. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
10. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.
11. *Пауткин А.А.* Батальные описания «Повести временных лет» (своеобразие и разновидности) // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. М., 1981. № 5. С. 13–21.
12. Полное собрание русских летописей:
    Т. I Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. II Ипатьевская летопись. М., 1998.
    Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
    Т. VI. Вып. I. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
13. *Прохазка Е.А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Т. XLII, 1989. С. 228–240.
14. *Соколова Л.В.* Топос «стояние на костях» в древнерусских повествованиях о битвах // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 105–148.

15. *Творогов О.В.* Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ, М.; Л. Т. XVIII, Изд-во АН СССР, 1962. С. 277–284.
16. *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ, 1964. Т. XX. С. 29–41.
17. *Трофимова Н.В.* Поэтика древнерусского воинского повествования. М., 2017.

REFERENCES

1. Golubovsky D.A. *Semantika poklonov i potseluev v «Povesti vremennykh let» i Kievo – Pecherskom paterike* [Semantics of bows and kisses in the "Tale of Bygone Years" and the Kiev–Pechersk paterik]. *Slavjanovedenie.* [Slavonic studies], 2008, No. 5, pp. 50–61. (In Russ.)
2. Ivanova T.G. *Transformatsiya toposa «bitva kak pir» v istoricheskikh pesnyakh XVIII – XIX vekov* [Transformation of the battle as a feast topos in historical songs of the 18–19 centuries]. *Russkaja literature.* [Russian Literature], 2021, No. 4, pp. 77–89. (In Russ.)
3. Klautova O.Yu. *Zhest v drevnerusskoi literature i ikonopisi XI — XIII vv. K postanovke voprosa* [Gesture in ancient Russian literature and iconography of the XI–XIII centuries. To the formulation of the question]. *TODRL*, 1993, T. XLVI, pp. 256–269. (In Russ.)
4. Kreidlin G.B. *Neverbal'naja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2002. 592 p.
5. Le Goff J. *Kul'tura srednevekovogo Zapada* [Culture of the medieval West]. Moscow, *Progress Publ.*, 1992. 376 p.
6. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnei Rusi* [Great Heritage. Classical works of literature of Ancient Russia]. Moscow, *Sovremennik Publ.*, 1975. 367 p.
7. Meshchersky N.A. *Istoriya iudeiskoi voiny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode* [The History of the Jewish War of Josephus in the Old Russian translation]. Moscow, Leningrad, *Akad. nauk SSSR Publ. [Leningr. otd-nie]*, 1958. 578 p.
8. Orlov A.S. *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaya XVII v.)* [About the peculiarities of the form of Russian military stories (ending the XVII century)]. Moscow, *Izdanie Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*, 1902. 51 p.
9. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIV — seredina XV veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. XIV — the middle of the XV cent.]. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura Publ.*, 1981. 606 p.
10. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi.Seredina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. The middle of the XVI century]. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura Publ.*, 1985.
11. Pautkin A.A. *Batal'nye opisaniya «Povesti vremennykh leT» (svoeobrazie i raznovidnosti)* [Battle descriptions of the "Tale of bygone years" (originality and varieties)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.* 9. *Filologija.* [Lomonosov Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology], 1981. No. 5, pp. 13–21. (In Russ.).
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian Chronicles]:
Vol. I. *Lavrent'evskaya letopis'* [Lavrentievskaya Chronicle]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 1997. 496 p
Vol. II *Ipat'evskaya letopis'* [Ipatievskaya chronicle]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*,1998. 648 p.

Vol. III. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod first chronicle of the elder and younger izvod]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.,* 2000. 720 p.
Vol. VI Issue I. *Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda* [Sofia first Chronicle of the elder izvod]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ*., 2000. 312 p.
13. Prokhazka E.A. *O roli «obshchikh mest» v opredelenii zhanra drevnerusskikh voinskikh povestei* [On the role of "common places" in determining the genre of Old Russian military stories]. *TODRL.* T. XLII, 1989, pp. 228–240. (In Russ.)
14. Sokolova L.V. *Topos «stoyanie na kostyakh» v drevnerusskikh povestvovaniyakh o bitvakh* [Topos "standing on bones" in Old Russian narratives about battles]. *Problemy istoricheskoj pojetiki.* [Problems of historical poetics]. 2021. Vol. 19. No. 4, pp. 105–148. (In Russ.)
15. Tvorogov O.V. *Traditsionnye ustoichivye slovosochetaniya v «Povesti vremennykh let»* [Traditional stable phrases in the "Tale of bygone years"]. *TODRL,* Vol. XVIII, 1962, pp. 277–284. (In Russ.).
16. Tvorogov O.V. *Zadachi izucheniya ustoichivykh literaturnykh formul Drevnei Rusi* [Problems of studying stable literary formulas of Ancient Russia]. *TODRL,* 1964. Vol. XX, pp. 29–41. (In Russ.)
17. Trofimova N.V. *Poehtika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya* [Poetics of the Old Russian military narrative]. Moscow, *MPSU Publ*., 2017. 276 p.

Поступила в редакцию 08.10.2023
Принята к публикации 10.12.2023
Отредактирована 10.01.2024

Received 08.10.2023
Accepted 10.12.2023
Revised 10.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 121–133
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 121–133

ОБРАЗ РУСИ-ТРОЙКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А.Б. Криницын

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; derselbe@list.ru

Аннотация: В статье анализируется философско-культурологический смысл символа Руси-тройки в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя как русского логоса. Феномен русского «необъятного» пространства оказывается метафизически загадочным и аксиологически амбивалентным. В метафизике Гоголя смерть мыслится как застылость, неподвижность («Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир»), а жизнь — как движение. Бескрайние просторы открывают бесконечную возможность движения, более того — порождают его. Поэтому дорога «спасает» [Гоголь 1951: 222], а быстрая езда на тройке, укорененная в русской натуре, становится символом жизни души, воскресения и обновления.

В статье разбирается несколько произведений, где тройка осмысляется как архетип России. Это поэма «Поля» А.Н. Майкова, где бешеная езда на тройке символизирует устремленность русского народа к новому неизведанному будущему после отмены крепостного права. Наоборот, в стихотворении Добролюбова «В прусском вагоне» за ироническим противопоставлением русской «живой» тройки «мертвой машине» Запада прочитывается критика гоголевской историософской концепции неиссякаемой «живости» России, воплощенной в свободном движении тройки.

Достоевский возмущается карикатурой на образ Руси-тройки в устах прокурора, но соглашается с верностью обрисованной им структуры. Метафизические черты гоголевского символа ложатся в основу определения «карамазовщины» как «русской натуры» с ее «широтой», страстью во всем до «последних пределов доходить» и переходить «последнюю черту», а русская любовь к «быстрой езде» у Гоголя оборачивается тягой к стремительному полету и падению у героев Достоевского. Показывается, насколько последовательно Достоевский воспроизводит «русскую метафизику» Гоголя, придавая ей роковой, катастрофический пафос, но сохраняя ее мессианскую интенцию.

***Ключевые слова*:** Достоевский; Гоголь; «Мертвые души»; «Братья Карамазовы»; тройка; русский национальный характер; карамазовщина; метафизика пространства и движения

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-8

Для цитирования: *Криницын А.Б.* Образ Руси-тройки в русской литературе второй половины XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 121–133.

© Криницын А.Б., 2024

THE IMAGE OF RUS' TROIKA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Alexandr Krinitsyn

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; derselbe@list.ru

Abstract: The article examines the philosophical and cultural meaning of the symbol of Russian troika in the *Dead Souls* of N.V. Gogol as the Russian logos. The phenomenon of the 'vast' Russian space turns out to be metaphysically mysterious and axiologically ambivalent. In Gogol's metaphysics, death is thought of as stillness, immobility ("They don't move. Death strikes the unmoving world"), and life is like movement. Vast expanses open up an endless possibility of movement, moreover, they generate it. Therefore, the road 'saves' [Gogol 1951: 222], and fast riding on a troika, rooted in Russian nature, becomes a symbol of the life of the soul, resurrection and renewal.

The article examines several works where the troika is understood as the archetype of Russia. This is the poem *Fields* by A.N. Maikov, where a frenzied ride on a troika symbolizes the aspiration of the Russian people to enter a new unexplored future after the abolition of serfdom. On the contrary, in N.A. Dobrolyubov's poem *In the Prussian Carriage*, behind the ironic opposition of the Russian 'living' troika to the 'dead machine' of the West, one reads the criticism of Gogol's historiosophical concept of inexhaustible 'liveliness' of Russia, embodied in the free movement of the troika.

Although Dostoevsky is outraged by a caricature of the image of Russia-troika presented by the prosecutor in *The Brothers Karamazov*, he agrees that the structure depicted is true to life. Metaphysically, the phenomenon of 'karamazovschina' understood as Russian nature with its width, passionate desire to transgress all boundaries in everything, is based on Gogol's symbol, whereas Russian love of fast ride, also noted by Gogol, in Dostoevsky's novel turns out to be a desire for violent flight and come-downs of his characters. The article aims to show how consistent Dostoevsky was in his reproduction of the Russian metaphysics in Gogol's sense, giving it a fatal, catastrophic character, yet retaining its positive sense and salvatory intention.

Keywords: Dostoevsky; Gogol; *Dead Souls*; *The Brothers Karamazov*; troika; Russian national character; karamazovschina; metaphysics of space and motion

For citation: Krinitsyn A. (2024) The Image of Rus' Troika in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 121–133.

Образ Руси-тройки в финале первого тома «Мертвых душ» Гоголя — один из самых важных архетипических символов России в литературе XIX века. Он неотделим от образа бескрайних русских просторов и прочерчивающих их дорог как символа жизненного и духовного пути. Это триединство символов (тоже своего рода «троица» или «тройка»), оживленное и наполненное русским на-

родом, представляет собой для Гоголя Россию феноменальную, парадоксальным образом интегрирующую в себе необъятность пространства, стремительность движения и бесконечность пути — не всегда прямого и часто непредсказуемого. При ближайшем рассмотрении феномен русского пространства оказывается метафизически загадочным («Чего пророчит сей необъятный простор?») и аксиологически амбивалентным. С одной стороны, он пуст, нищ, тоскливо однообразен, в противоположность богатству живописных и культурных ландшафтов Европы («Открыто-пустынно все в тебе <...> ничто не обольстит и не очарует взора»). По мнению М. Вайскопфа, «отрицательный ландшафт» у Гоголя возник под воздействием историософии Чаадаева и Каткова [Вайскопф 2003: 219–234]. Действительно, сам Гоголь в черновиках к «Мертвым душам» связывал пустоту со смертью[1].

С другой стороны, скудная пустыня в православной традиции обладает бесконечным духовным притяжением («Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?»), а бескрайность русского хронотопа «пророчит» о рождении в его пределах великой силы («Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?»). В итоге ноуменальный образ России (ее незримая духовная сущность) оказывается положительным, невзирая на внешнее несовершенство (вплоть до крайностей уродства). Согласно такому представлению, России предстоит великое будущее: она, в отличие от Европы, еще не реализовала себя, не сказала своего «слова» (как это формулировал и Чаадаев в «Апологии сумасшедшего»).

Схожим образом трактует эту тему А.В. Михайлов: в русской действительности, по Гоголю, действует «высшее и руководящее начало, которое можно назвать и неземным, и небесным, <...> как мощная энергия, не чуждая самой этой действительности, но всецело присущая, принадлежащая ей в глубинах ее, и способна преобразовать саму себя» [Михайлов 2000: 212].

«Оживляет» пустую широту русский логос — от низкого, «метко сказанного» «русского слова» до высокой песни («Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?») — и стремительно несущаяся по своему неведомому пути тройка.

В метафизике Гоголя смерть мыслится как застылость, неподвижность, соответственно жизнь — как движение, в двух возможных его измерениях: в пространстве (дорога) и во времени (эволюция,

[1] «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. <...> Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. <...> Не трогаются. Смерть поражает нетрогающий мир».

жизненный путь), которые метафорически переходят одно в другое. Жизнь интенсифицируется пропорционально скорости (автор обозревает «всю громадно несущуюся жизнь»). Поэтому дорога «спасает», и должен воскреснуть духовно находящийся в постоянном странствии Чичиков. Бескрайние просторы открывают бесконечную возможность движения, более того — порождают его («Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?») и наконец «разрешаются» в движение. Говоря языком физики, потенциальная энергия духа претворяется в кинетическую энергию движения (= жизни). Таким образом, феноменальное и ноуменальное незаметно переходят друг в друга в гоголевской России, вследствие чего она предстает стремительно летящей, в отличие от прочих географически статичных народов и государств, которые «посторaниваются и дают ей дорогу».

Однако смысл и природа этого движения в поэтическом строе Гоголя так же амбивалентны. С одной стороны, он видит высшее божественное предназначение России и ее пути: тройка названа «Божьим чудом», ее бег уподобляется полету: «…почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом!..»

С другой стороны, много в описании тройки и чисто романтических коннотаций (овеянность тайной, в ее скорости «слышится что-то восторженно-чудное»). Можно уловить и античные языческие: так, она уподобляется «молнии, сброшенной с неба» (что можно ассоциировать как с библейским Яхве, так и, вероятнее, с Зевсом-громовержцем), а «медные груди» коней уподобляют ее римским монументам триумфальных колесниц. М. Вайскопф склонен возводить символику тройки к платоновской «колеснице души» из диалога «Федр» [Вайскопф 2003: 219–234].

Наконец, в силу романтического дуализма, в тройке сквозит и нечто темное, демоническое. Бесконечное и чистое становление в движении ведет к нивелированию твердых очертаний реальности, что «наводит ужас» не только на созерцателей, но и на седока: «**Дымом дымится** под тобою дорога», «летит с обеих сторон лес с **темными строями** елей и сосен, с **топорным стуком и вороньим криком**, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и **что-то страшное** заключено в сем быстром мельканьи, где не успевает означиться пропадающий предмет».

Темный лес елей и сосен (деревья с народной коннотацией смерти: «под елью — удавиться», а из сосен сбивают гроба), стук топора и зловещий вороний крик, ощущение провала дороги из видимого мира в страшное неведомое предвещают трагический и «страшный» конец пути. Возникает ассоциация с «Бесами» Пушкина, где тройку

в пустом поле сбивает с дороги бес, а затем сонм «безобразных» духов неотступно сопровождает ее скачку.

Образ тройки в русской поэзии необозрим по контекстам, и рассмотреть его не входит в нашу задачу. Мы сознательно уходим от фольклорных «дорожных» мотивов его бытования и даже от философского аллегорического как «колесницы жизни» («Мечты» Жуковского, «Дорога жизни» Баратынского, «Жизнь» Веневитинова, «Телега жизни» Пушкина) и сосредотачиваемся на тех, где она задается как архетип России. Из последних хотелось бы отметить поэму «Поля» Майкова, где бешеная езда на тройке символизирует устремленность русского народа к новому неизведанному будущему после отмены крепостного права. Молодой парень-ямщик, не в силах сформулировать своих представлений о будущем, вместо ответа пускает коней вскачь:

…И тройка ринулась вперед!
Вперед — в пространство без конца!
Вперед — не внемля ничему!
То был ответ ли молодца,
И кони ль вторили ему, —
Но мы неслись, как от волков,
Как из-под тучи грозовой,
Как бы мучителей-бесов
Погоню слыша за собой...
<...>
Неслись... «Куда ж те дьявол мчит!»
Вдруг сорвалось у старика.
А тот летит, лишь вдаль глядит,
А даль-то, даль — как широка!..
1861

Интересно отметить, что при доминирующем развитии гоголевской символики («в пространство без конца», «грозовая туча»[2], «поля мелькали» и т. д.), у Майкова очевидны и аллюзии на «Бесов» Пушкина (угрожающие тучи, волки, погоня «мучителей-бесов», восклицание: «Куда ж те дьявол мчит!»), хотя общий смысл поэмы сводится к вере в Русь-тройку. Майков, как мы помним, был ближайшим другом Достоевского и его единомышленником.

Деятели революционно-демократического литературного лагеря также использовали образ тройки, полемически переосмысляя его, несмотря на весь свой пиетет перед наследием Гоголя, чтобы выразить собственный взгляд на пути развития России. Так, уже в 1846 году появляется стихотворение Некрасова «Тройка», где тройка-«жизнь» проносится мимо порабощенного русского народа: «Не нагнать тебе бешеной тройки...».

В 1860 г. Добролюбов, почти одновременно с Майковым, использует образ Руси-тройки в стихотворении «В прусском вагоне», вы-

[2] Ср. у Гоголя: «И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством».

смеивая техническую отсталость России от Запада, в которой славянофилы якобы усматривают провиденциальный смысл:

То ли дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосуя.
Не хочу я прямо —
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посевы.

Но, увы, уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполина.
Но не поддадимся
Мы слепой рутине:
Мы дадим дух жизни
И самой машине.

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;
<...>
Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполина.
Верю: все машины
С русскою природой
Сами оживятся
Духом и свободой!

За противопоставлением «живой» тройки «мертвой машине» Запада у Добролюбова прочитывается ироническое снижение гоголевской историософской концепции.

Таков был социокультурный контекст образа тройки к 1860–1870-м годам, когда Достоевский создавал романы «пятикнижия».

Значение творчества Гоголя для Достоевского не нуждается в специальном обосновании [см. Фридлендер 1987; Фридлендер 1996]. В позднем творчестве Достоевского, в романах «пятикнижия», на первый план выступают не художественные, а идеологические пересечения, которые мы и намерены разобрать подробнее (рассмотрение публицистики Достоевского не вместилось бы в рамки данной статьи). Достоевский согласен с Гоголем в главном: у России становящейся, России будущей есть мессианское культурно-цивилизационное предназначение, каковые идеи писатель наиболее полно выразил в Пушкинской речи, а в «Братьях Карамазовых» они проводятся имплицитно, выводятся из характерологии семейства Карамазовых, символически представляющих проекцию духовной жизни России.

В константах русского характера у Достоевского мы без труда узнаем гоголевские идеологемы. Прежде всего, Гоголь подчеркивал в русской натуре желание «развернуться», соответствующее бескрайности русских просторов. Так, при знакомстве читателя с Плюшкиным, автор замечает: «Подобное явление редко попадается на Руси, где **все любит скорее развернуться, нежели съежиться**, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется

помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь».

В каждом из героев 1 тома «Мертвых душ» присутствует и действует русский логос, пусть искаженный и опошленный, с его интенцией «развертывания»: у Манилова — в его прожектах, у Ноздрева — в кутеже и отрицании границ своих владений, у Собакевича — в еде; один Плюшкин, напротив, стремится съежиться, но при этом возникает чудовищный оксюморон, ибо съежиться желает громадное состояние. Желание развернуться прорывается наружу и в натуре расчетливого Чичикова, разрушая его проекты обогащения: из-за стремления к наполеоновским масштабам он раз за разом приходил к краху и начинал все сначала: «И вот решился он сызнова начать карьер, <...> вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было **развернулся** прежде».

В знаменитом отступлении XI главы сказано, что именно здесь, на Руси, должен народиться богатырь, «когда есть место, где **развернуться** и пройтись ему». Та же черта отражается и в комической фигуре Мокия Кифовича, который был «то, что называют на Руси богатырь, <...> натура его так и порывалась **развернуться**».

Интенции «развернуться» у Гоголя соответствует метафора «расшириться» — у Достоевского. Первое, что мы узнаем о русской натуре от Достоевского, — ее безмерная широта. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил». Именно широту натуры выделяет на суде прокурор как основную черту Мити, равно как и всей России: «…он как бы изображает собою Россию непосредственную <...> мы зло и добро в удивительнейшем смешении», «Мы широки, широки как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся!».

Таким образом, широта натуры входит в определение «карамазовщины», «карамазовского безудержа», и приобретает (в речи прокурора) явно отрицательные коннотации, такие как страстность, разнузданность и беспорядочность. Стремление к «широте» влечет за собой жажду переступания всех границ, подобно тому как «разом до последних столбов дошел» Раскольников.

Наиболее отчетливо писатель сформулировал свое представление об этой черте русской натуры в очерке «Влас» (в «Дневнике писателя» за 1973 г.): «Это потребность <...> заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой. <...> Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до **последней черты**, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок,

толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения». В этой модели опасность (якобы) коренной русской черты высказывается до конца и усугубляется по сравнению с романтизацией ее у Гоголя, но одновременно указывается и на спасительное противодействие, коренящееся в натуре не менее глубоко.

Отметим, кстати, что стремлению русской души «развернуться» прямо противоречит нарочитая стесненность и закрытость городских пространств как в «петербургских» повестях Гоголя, так и в прозе Достоевского (ср. образы «угла», «подполья», «каморки» и их «адскую» философскую проекцию — «баньки с пауками» или «вечности на аршине пространства» [Топоров 1995]). Петербургские герои Гоголя преодолевают противоестественную «ограниченность» обыденного бытия только через смерть (Башмачкин) или безумие (фантастический полет на тройке «домой» Поприщина). У Достоевского не находится места подобным фантасмагориям: его герои «раздвигают» свое пространство виртуально — через мечты и идеи, возносясь до ощущения себя вершителями мироздания. Мы не можем себе представить «мчащегося» Раскольникова. Наоборот, Миколка из его сна забивает лошаденку за то, что «вскачь не шла». Пьяного Мармеладова давят еле идущие лошади. Все это можно воспринять как «обращение» гоголевских мотивов. При этом душевное воскресение Раскольникова совершается при перемещении его из петербургской замкнутости на бескрайние степные просторы. Тем самым Достоевский воспроизводит гоголевскую пространственную дихотомию.

С желанием развернуться прямо связана и любовь к стремительному движению, которая уже у Гоголя означает захваченность неведомой силой, **полет**, превращающийся в **падение,** переживаемое как «восторженно-чудное» и «**страшное»**, вплоть до гибели: «Кажись, **неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе**, и сам летишь, и все летит: <...> **летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье**».

Название роману «Бесы», как известно, было дано по пушкинскому стихотворению, взятому в эпиграф. Угрожающая скачка тройки проецируется в романе на судьбу России, подвергаемую гибельной опасности от «бесов»-нигилистов. Так же, как и у Гоголя, стремительная езда означает здесь предание себя неведомым стихиям, одержимость, но роковой характер и катастрофичность ее усилены. Данный мотив в антропологии Достоевского трансформируется, как мы видим, в порыв и тягу к падению.

Особенно данное ощущение охватывает его героев во время исповедальных монологов — редких после долгого молчания, но отчаянных, как «потребность поиграть с огнем или слететь с башни».

Ипполит читает свою исповедь, как будто «летит с колокольни»[3]. «С тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни», признается Соне в убийстве Раскольников. Аглая перед Настасьей Филипповной, «решительно была увлечена порывом в одну минуту, точно падала с горы». То же сравнение употребляет и Митя: «Тебе одному все скажу, <...> потому что завтра лечу с облаков, потому что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывал ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну, так я теперь не во сне лечу и не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, но мне сладко». Грушенька на суде «говорила так, как будто летела в какую-то пропасть». В «Подростке» юный Аркадий всякий откровенный разговор воспринимает как полет, срыв или падение: «Я весь как бы **летел**»; «**Я разом сломал все заборы и полетел в пространство**». То же сравнение используется для описания азарта в «Игроке» — полета «воздушного шара на землю».

Метафора падения может быть переведена в план морально-этический, как это делает на суде прокурор: «**Ощущение низости падения** так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства». В том же духе трактует характер героев Достоевского Н.Д. Арутюнова: «При таком мироощущении жизнь представляется не как движение к цели, <...> а как стихийный поток, несущий человека в неведомом направлении и грозящий катастрофой, но, думает человек, авось пронесет» [Арутюнова 1999: 846].

Однако при учете гоголевских претекстов мотив приобретает изначальную полноту: полет вдаль (в структуре горизонтального хронотопа) и полет вниз (падение или взлет, вертикальный хронотоп) у Достоевского совмещаются в русском логосе. Движение вниз — лишь одно из проявлений стихийности русской «живой жизни», не лишающее ее силы и инстинкта самосохранения. И уж безусловно не означающее конца.

Езда на тройках в «пятикнижии» всегда символизирует поворотный момент в жизни героев, с решимостью броситься в бездну, сжигая мосты за собой. Так, Настасья Филипповна уезжает со своих именин на тройках с Рогожиным, сжегши сто тысяч и отказавши князю. Этот неожиданный поступок выглядит как невозможность противостоять искушению гибели, представшему перед ней как бешеная езда на тройке в неизвестность. («— Тройки ждут с колокольчиками! Настасья Филипповна схватила в руки пачку»). Точно так же и Грушенька уезжает к жениху поляку, когда тот присылает за ней тройку («…вдруг кровь бросилась в ее голову и залила ее щеки

[3] В связи с этим можно вспомнить аналогичный мотив в «Мертвых душах», когда Чичиков представляет безвременную кончину Пробки Степана при падении с колокольни, что живописует у Гоголя лихость и живость русской натуры.

огнем. — Еду! — воскликнула она вдруг. — Пять моих лет! Прощайте! Прощай, Алеша, решена судьба... <...> Полетела Грушенька в новую жизнь... <...> Может на смерть иду! Ух! Словно пьяная!»).

Но самая отчаянная и философски значимая езда во всем «пятикнижии» — это погоня Дмитрия за Грушенькой в Мокрое. В этот момент он уже узнает, что она уехала к своему «бывшему», и в его душе наступает неожиданный для читателя перелом. Он едет не мстить, а… попросить прощения и покончить с собой на ее глазах, «отстраниться и дать дорогу!» (опять метафора освобождения пути). Голова его кружится от отчаяния и вместе с тем «истерического восторга». Пока он «летит» на самом быстром ямщике, «**быстрая езда** как бы вдруг освежает» его. Ямщик изо всех сил гонит тройку, но осуждает в разговоре ямщиков, мучащих лошадей (антитеза Миколке из сна Раскольникова): «... **И удержу ему нет, так он и прет, прямо тебе так и прет. — Во ад? —** перебил вдруг Митя и захохотал своим неожиданным коротким смехом». Так вводятся в повествование уже знакомые нам «катастрофические» гоголевско-пушкинские коннотации мотива.

Однако в итоге он разрешается совсем в иную тональность.

Пока «**тройка летела, "пожирая пространство**"», любовь к Грушеньке «всё сильнее и сильнее захватывала ему дух» и «отгоняла все остальные страшные призраки от его сердца». Однако настоящие «мытарства» его еще только начинаются. Не успевший насладиться внезапно обретенной любовью Грушеньки, Дмитрий оказывается арестован по ложному подозрению и по ходу допроса понимает, что вряд ли избежит каторги. Когда, утомленный потрясением, он забывается сном, ему вновь снится скачка на тройке — мимо погорелой деревни: «виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна». И Митя отчаянно восклицает, обращаясь больше сам к себе: «…почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не накормят дитё? <...> И чувствует он еще, <...> что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, <...> чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого, и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским <...> и идти в какой-то путь, **к новому зовущему свету, и скорее, скорее, теперь же, сейчас**!»

Здесь узнается архетипический ландшафт России из гоголевского отступления XI главы «Мертвых душ»: голая, «неприютная» и «бедная» равнина (усугубленная, в духе Некрасова, черным горем погорельцев). Полет на тройке остается символическим прообразом духовного пути Мити, стихией его бытия. Стремительная езда ин-

туитивно обуславливает поднимающуюся в его душе волну жалости и умиления (ср. у Гоголя: «Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?»), и он отдается новому жертвенному порыву с тем же страстным «безудержем карамазовским», который, как оказалось, может вывести на путь «к новому, зовущему свету»!

Так безумная скачка в Мокрое, символически продолженная в сне о «дите», становится спасительной и прямо в *гоголевском* ключе «воскрешает» Митю. На тройке Грушенька готова следовать за ним и в Сибирь: «А что ж, и в Сибирь, коли хочешь <...> ...Я по снегу люблю ехать... и чтобы колокольчик был...».

В свете вышеозначенных мотивов гораздо понятнее становится обращение к образу гоголевской тройки «либерально» настроенного прокурора на суде. Вначале прокурор, подобно Добролюбову, сатирически снижает образ гоголевской тройки в знак того, что вряд ли от России стоит ожидать великих свершений и что если сторонятся ее в Европе, то не от почтения, а от ужаса и омерзения. Затем он образно отождествляет хаос «карамазовщины» с мчащейся гоголевской Русью-тройкой. Завершает свою речь прокурор призывом осудить Дмитрия, символически видя в этом возможность остановить скачку Руси-тройки — как ради ее же спасения, так и ради спасения от нее всего «цивилизованного» мира: «…роковая тройка наша несется стремглав и может к погибели. И давно уже в целой России простирают руки и взывают остановить бешеную, беспардонную скачку. И если сторонятся пока еще другие народы от скачущей сломя голову тройки, то может быть вовсе не от почтения к ней, как хотелось поэту, а просто от ужаса — это заметьте. От ужаса, а может и от омерзения к ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а пожалуй возьмут да и перестанут сторониться и станут твердою стеной перед стремящимся видением и сами остановят сумасшедшую скачку нашей разнузданности, в видах спасения себя, просвещения и цивилизации! Эти тревожные голоса из Европы мы уже слышали...»

Разумеется, Достоевский склонен скорее согласиться с адвокатом Фетюковичем, воспринимающим Россию с христианских позиций: «Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, **спасение и возрождение погибших**. И если так, если действительно такова Россия и суд ее, то — вперед Россия, и не пугайте, о не пугайте нас вашими бешеными тройками, от которых омерзительно сторонятся все народы! **Не бешеная тройка, а величавая русская колесница** торжественно и спокойно прибудет к цели».

В «восстановлении погибшего человека» Достоевский действительно видел «христианскую и высоконравственную» «основную мысль всего искусства 19 столетия» (из отзыва о В. Гюго [Достоевский, 20: 28–29]). Вполне по-славянофильски Фетюкович противополагает

здесь милость и благодать закону (как бы не веря лично в невиновность Дмитрия). Но апология образа гоголевской Руси-тройки самим Достоевским заключена не в стилистической переакцентуации ее аллюра с бешеной скачки на величавый ход «колесницы» (о символике образа колесницы см. [Тарасов 2011]). Она произошла уже ранее на идеологическом уровне — в момент истолкования «карамазовского безудержа» Дмитрия как спасительной полноты «живой жизни» (3 ч. 9 кн. VIII «Показание свидетелей. Дитё»). Амбивалентность страстных порывов и стремления расшириться за все пространственные и идейные горизонты относится Достоевским, вслед за Гоголем, к сущности русского логоса и рассматривается им как неповторимый метафизический русский путь к идеалу.

Итак, работая на мотивном уровне, мы с удивлением видим, как много Достоевский берет от Гоголя при построении символического образа Руси и разработки черт русского характера, вплоть до того, что к Гоголю восходит генезис «карамазовщины». Достоевский воспроизводит гоголевский идеал России — как противоречивый, но сохраняющий свою мессианскую интенцию, однако еще больше акцентирует хаотичность русской натуры. И в этом смысле сам переходит, как идеолог, за «последнюю черту», намеченную, но так и не форсированную Гоголем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Язык и мир человека. М., 1999. С. 846–869.
2. *Вайскопф М.* Отрицательный ландшафт: имперская мифология в «Мертвых душах» // Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 219–234.
3. *Вайскопф М.* Птица тройка и колесница души: Платон и Гоголь // Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 219–234.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание соч. в 30 т. Л., 1971–1990. (при цитировании указывается том и страница).
5. *Михайлов А.В.* Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000.
6. *Тарасов Ф.Б.* Речь Ф.М. Достоевского о Пушкине: между «тройкой» и «колесницей» // Знание. Понимание. Умение. М., 2011. № 3. С. 155–161.
7. *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 193–258.
8. *Треногина Е.В.* Пространство дороги в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: («Мертвые души» и «Бесы») // Внутренний строй литературного произведения: Сб. научных статей. Владимир, 2001. С. 72–83.
9. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Гоголь // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. С. 3–21.
10. *Фридлендер Г.М.* От «Мертвых душ» к «Братьям Карамазовым» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 16–22.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Stil' Dostoevskogo v ramke russkoj kartiny mira [Dostoevsky's style in the frame of the Russian worldview]. In: Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, *Yazyki russkoj kul'tury*, 1999, pp. 846–869.
2. Wajskopf M. Otricatel'nyj landshaft: imperskaya mifologiya v «Mertvyh dushah» [Negative landscape: Imperial mythology in the "Dead Souls"]. In: Wajskopf M. *Ptica trojka i kolesnica dushi: Raboty* 1978–2003 *godov* [*The bird troika and the chariot of the soul: Works* 1978–2003]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, pp. 219–234.
3. Wajskopf M. Ptica trojka i kolesnica dushi: Platon i Gogol' [The bird troika and the chariot of the soul: Plato and Gogol]. In: Wajskopf M. *Ptica trojka i kolesnica dushi: Raboty* 1978–2003 *godov* [*The bird troika and the chariot of the soul: Works* 1978–2003]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003. pp. 219–234.
4. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij in* 30 *v.* [*Complete Works in* 30 *vol.*]. Leningrad, *Nauka*, 1971–1990.
5. Fridlender G.M. Dostoevskij i Gogol' [Dostoevsky and Gogol]. In: *Dostoevskij: Materialy i issledovaniya*. Leningrad, *Nauka*, 1987. V. 7, pp. 3–21.
6. Fridlender G.M. Ot «Mertvyh dush» k «Brat'yam Karamazovym» [From «Dead Souls» to «The Brothers Karamazov»] In: *Dostoevskij: Materialy i issledovaniya*. Saint-Petersbourg, *Nauka*, 1996. V. 13. pp. 16–22.
7. Mihajlov A.V. Gogol' v svoej literaturnoj epohe [Gogol in his literary era]. In: Mihajlov A.V. *Obratnyj perevod* [*Reverse translation*]. Moscow, *Yazyki russkoj kul'tury*, 2000.
8. Tarasov F.B. Rech' F.M. Dostoevskogo o Pushkine: mezhdu «trojkoj» i «kolesnicej» [Dostoevsky's speech about Pushkin: between the «troika» and the «chariot»]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011. № 3, pp. 155–161.
9. Toporov V.N. O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya [On the structure of Dostoevsky's novel in connection with archaic schemes of mythological thinking]. In: Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [*Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic*]. Moscow, *Progress: Kul'tura*, 1995, pp. 193–258.
10. Trenogina E.V. Prostranstvo dorogi v proizvedeniyah N.V. Gogolya i F.M. Dostoevskogo: («Mertvye dushi» i «Besy») [The space of the road in the works of N.V. Gogol and F.M. Dostoevsky: ("Dead souls" and "Demons")]. In: *Vnutrennij stroj literaturnogo proizvedeniya: Sbornik nauchnyh statej* [*The inner structure of a literary work: Collection of scientific articles*]. Vladimir, *VGPU*, 2001, pp. 72–83.

Поступила в редакцию 22.12.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 11.03.2024

Received 22.12.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 11.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Криницын Александр Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; derselbe@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Krinitsyn — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; derselbe@list.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 134–154
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 134–154

СИМВОЛИЗМ ДЖОЙСА

В.М. Толмачёв

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tolmatchoff @hotmail.com

Аннотация: В статье дается интерпретация творчества Джойса как символистского. После изложения истории кодификации джойсовских произведений В.М. Толмачёв предложил вернуться к преимуществам видения Джойса как символиста, предложенного в общих чертах Э. Уилсоном в 1931 году. Этот символизм, заявленный ирландским писателем в XX в. и системно им реализованный, генетически восходит не только к практике французских поэтов-символистов, У.Б. Йейтса, а также к переживанию «смерти Бога», заявленной Ницше (который перенес понимание символизма с реформы устаревшей поэтики на «кризис европейского духа» и соответствующее абсолютное назначение художника, чье сугубо индивидуальное поэтическое видение формирует новые границы мира, вещей), но — шире — и к романтическим истокам неклассической культуры. Мечту Ф. Шлегеля о безграничности поэзии Джойс распространяет на роман. В его исполнении тот становится сложной суммой личной биографии, чтения символистов (и авторов, втянутых ими в свою орбиту), обработки имеющихся к началу XX в. вариантов символизма, синтетичности личного символизма, в чьих рамках снимаются противоречия между натурализмом, символизмом как таковым, авангардизмами, массовой культурой и подчеркивается центральная символистская проблематика по преображению ветхого мира витальностью творчества. Применительно к данной интерпретации символизма в статье рассмотрен роман «Улисс»: джойсовская интерпретация пародии сакрального профанным, эротики, проблемы пола, люциферианства, ибсеновского материала и того соотношения между главными персонажами, которое позволяет видеть в «Улиссе» символистский роман о творчестве.

***Ключевые слова*:** Джойс; символизм; «Улисс» как символистский роман о творчестве; тотализация поэзии; художник в ситуации «конца века»; пародия сакрального профанным; символистская интерпретация эротики, пола, люциферианства, ибсеновских мотивов; Стивен, Блум, Молли как символистские персонажи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-9

Для цитирования: *Толмачёв В.М.* Символизм Джойса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 134–154.

© Толмачёв В.М., 2024

JOYCE'S SYMBOLISM

V.M. Tolmatchoff

Moscow State University, Moscow, Russia; tolmatchoff@hotmail.com

Abstract: The paper presents an interpretation of Joyce's work as symbolist. After outlining the history of the codification of Joyce's works, V.M. Tolmatchoff proposed to return to the advantages of Joyce's vision as a symbolist, proposed in general terms by E. Wilson in 1931. This symbolism, declared by Irish authors in the twentieth century and systematically realized by Joyce, genetically goes back not only to the practice of the French Symbolist poets, W.B. Yeats, as well as to the experience of the 'death of God' declared by Nietzsche (who shifted the understanding of symbolism from the reform of obsolete poetics to the "crisis of the European spirit" and the corresponding absolute purpose of the artist whose purely individual poetic vision forms new boundaries of the world, of things), but — more broadly — to the Romantic origins of non-classical culture. Joyce extends F. Schlegel's dream of the boundlessness of poetry to the novel. In his performance it becomes a complex sum of personal biography, reading of symbolists (and authors drawn by them into their orbit), processing of the variants of symbolism available at the beginning of the twentieth century, synthetics of personal symbolism, in whose framework the contradictions between naturalism, symbolism as such, avant-gardisms, mass culture are removed and the central symbolist problematic of the transformation of the old world by the vitality of creativity is emphasized. In the framework of this interpretation of symbolism, the paper considers *Ulysses*: Joyce's interpretation of the parody of sacred by profane, erotics, the problem of sex, luciferianism, Ibsen's material and the relationship between the main characters, which allows us to see *Ulysses* as a symbolist novel on creativity.

Keywords: Joyce; symbolism; *Ulysses* as symbolist novel; totalization of poetry; artist in the situation of 'fin de siècle'; parody of sacred by profane; symbolist interpretation of erotics, sex, luciferianism, Ibsenist motives; Stepnen, Bloom, Molly as symbolist characters

For citation: Tolmatchoff V.M. (2024) Joyce's Symbolism. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 134–154.

Хотя в 1960-е годы сформировался литературоведческий миф о Джеймсе Джойсе (1882–1941) как «модернисте», создателе именно «модернистской» техники «потока сознания»[1], разрушителе тех или иных литературных конвенций, Джойс реализовался в действительности как писатель в рамках последовательно усложнявшихся им

[1] В 1920-е годы Валери Ларбо, переводчик «Улисса» на французский язык, говорил лишь о джойсовской технике «внутреннего монолога»; сорок лет спустя техника Джойса стала устойчиво соотноситься с чем-то явно иным, пассажем из трактата «Принципы психологии» (1890) У. Джеймса о непрерывности, текучести сознания.

символистских принципов творчества. Джойсовский символизм возник под влиянием различных факторов: особенностей биографии, индивидуальных творческих запросов, литературной среды Дублина 1890 –1900-х годов (прежде всего Дж. Мур и У.Б. Йейтс), где главенствовали символистская поэзия и драма; чтения втянутых символизмом в свою орбиту авторов (Гомер, Вергилий, Петроний, Данте, Рабле, Шекспир, Вико, Гёте, Блейк, Байрон, Флобер, Бодлер, Ибсен) и самих символистов, весьма разнообразных (Г. Гауптманн, Г. Д'Аннунцио, Э. Дюжарден, П. Верлен, С. Малларме, Й.К. Гюисманс, М. Метерлинк, А. Франс, Л. фон Захер-Мазох и др.). Хотя Джойс оспаривал это, его интеллектуализм подпитывался символистским потенциалом идей Р. Штайнера, З. Фрейда, К.Г. Юнга, а также авторов герметической традиции. Отвлекаясь от интеллектуального измерения творчества Джойса, следует сказать, что для него как символиста важна не столько собственная рефлексия на тему символизма (хотя разрозненные суждения на этот счет и имеются в его переписке), сколько оригинальная художественная обработка ключевой символистской мифологии (с Джойсом проблематизация символизма, заявившего о себе к началу 1910-х годов в самых разных индивидуальных, национальных, международных проявлениях, достигает своего апогея) и, в еще большей степени, поэтика символистской прозы.

Не удивляет, что авторов ирландского символизма (в его развитии от профранцузскости к «ирландскости» и от постижения национального начала к выявлению в ирландском мирового смысла), Джойса в терминах символизма, тех или иных аспектов символистской теории, поэтологии стали оценивать историки литературы, из которых следует выделить Э. Уилсона («Замок Акселя», 1931), С. Боуру («Наследие символизма», 1943; «Основание современной поэзии», 1946), Р. Уэллека («История современной критики», раздел «Символизм на английском» в т. 5 «Английская критика 1900–1950», 1986). В особенности это касается Эдмунда Уилсона, новаторски для своего времени указавшего на связь французской символистской поэзии XIX в. с творчеством М. Пруста, П. Валери, У.Б. Йейтса, Т.С. Элиота, Г. Стайн, Джойса и поставившего вопрос об адаптации Джойсом натурализма к запросам символизма. Для Уилсона, профессионально владевшего материалом четырех-пяти литератур (в том числе русской), «символизм» Джойса — не инструмент начетнической атрибуции материала, а способ описания взаимодействия персонажей и ряда конкретных приемов, направленных на изощренную поэтизацию тривиального. Вслед за Уилсоном о многоаспектности символизма, его проявлениях в литературе XX в. начали писать французские исследователи («Поэтическое послание

символизма» Г. Мишо, 1947). Вместе с появлением труда «Символизм и американская литература» (1956) американца Ч. Файделсона-младшего наметилась перспектива расширительного толкования символизма, распространенного на весь XIX век. Подобное толкование термина было поддержано Х. Левином («Символизм и проза», 1956), Н. Фраем («Анатомия критики», 1957). Однако в данных трудах развернутое прочтение Джойса как символиста, вопреки интуициям Уилсона, так и не было предпринято. Параллельно в 1960–1970-е годы постепенно заявил о себе отказ от понятия «символизм» в пользу более «современного», но также расширительно толкуемого обозначения.

Таким понятием, имеющим англо-американское происхождение и выдвигающим в центр культуры уже подчеркнуто XX века главным образом англо-американский литературный материал, стал «модернизм»[2], концепт, отражающий представление о трагическом гуманизме — свободе творчества вопреки устрашающему давлению на нее неконтролируемого насилия и тоталитарных институтов власти, общественного сознания. В работах 1960–1970-х годов (Л. Триллинг, Ф. Кермоуд, Х. Кеннер, Р. Эллманн, М. Брэдбери) и исследованиях, создавших историю термина («Пять ликов современности: модернизм, авангард, декаданс, китч, постмодернизм» М. Калинеску, 1987), истоки литературного «модернизма» возводились к Ш. Бодлеру, А. Рембо. В рамках новой конфигурации (модернизм 1890–1950-х годов как совокупность авангардов, получивших к этому времени общественную и университетскую легитимацию: «высокого модернизма», экзистенциализма, театра абсурда, «антиромана») символистский материал сохранил некоторую значимость, но в роли системообразующего фактора постепенно сведен к минимуму (главными «модернистами» помимо Ф. Кафки были объявлены Э. Паунд, Т.С. Элиот, Дж. Джойс, В. Вулф), тогда как роль главного «предтечи» модернизма оказалось отведена уже не французскому символизму, а англо-американскому поэтическому романтизму (влиятельные работы П. де Мана, Х. Блума, Х. Миллера).

[2] Подобное наполнение термина не следует смешивать с его эпизодическим прочтением символистами (речь идет о ценностной для русского символизма оппозиции «декадентизм» / «модернизм»; на этой антитезе основана классификация символистского материала в влиятельном словаре «Русская литература XX века (1890–1910)» под редакцией С.А. Венгерова, 1914–1918), а также с термином «модерн», обозначающим в ряде европейских стран вариант символистской культуры, желавший размежеваться, как в Австро-Венгрии или Германии, с французским. Позднейшее обыгрывание термина «модерн» (в буквальном русском переводе) у Ж.-Ф. Лиотара («Состояние постмодерна», 1979) имеет совсем иное значение, восходящее к марксистской периодизации мировой истории («Новое время»).

С 1970-х годов ситуация кардинально не менялась, и к вопросу о символизме Джойса зарубежные исследователи практически не возвращаются (показательна монография Д.Р. Шворца «Прочтение современного британского и ирландского романа», 2005). Если же говорить об отечественных работах о Джойсе (принадлежащих, к примеру, Е.Ю. Гениевой, И.И. Гарину), то они немногочисленны и в них безраздельно господствует миф о «модернизме» Джойса и соответствующие акценты (исключение из правила — написанное С.С. Хоружим). Попробуем восполнить этот пробел — и тем более, что литературоведческие и культурологические штампы, связанные с оценкой Джойса как «модерниста», не затрагивают, на наш взгляд, сути художественного видения Джойса. Основным материалом данной статьи станет роман «Улисс» (*Ulysses*, 1922)[3]. Понимание символистского романа в целом, символизма в Великобритании, «Портрета художника в юности» (1916) как символистского романа уже были предложены нами ранее[4].

Начнем с важнейшего для символизма 1880–1930-х годов, для неклассического искусства XIX–XX вв. в целом тезиса о тотализации (всеохватывающем характере) поэзии. Что означает эта восходящая к Ф. Шлегелю[5], а затем усиленная Р. Вагнером[6] и П. Валери[7] формула применительно к джойсовскому творчеству? Во-первых, означает веру в личное поэтическое самовыражение как сущностный источник всякой креативности, квинтэссенцию мира во всех его проявлениях, а также постепенное расширение его возможностей — начиная с использования ранее непоэтического материала, «высвобождения стиха» (реформа «устаревших» поэтических словаря, техник) и заканчивая выявлением через мирочувствование, самовыражение поэта-гения кризиса мира. Речь идет о том угадываемом кризисе слова, авторства, художественной коммуникации, который отождествляется с глубинным кризисом современности, охватывающим не только сферы религии, морали, общественного поведения,

---

[3] Далее английский и русский текст романа «Улисс» с указанием страницы в скобках цит. по изд.: *Joyce* [1971]; *Джойс* [1993].

[4] *Толмачёв В.М.* Границы творчества в художественных исканиях рубежа веков (опыт понимания символистского романа) // Разрыв и связь времен: Проблемы изучения литературы рубежа XIX–XX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С.734–765; *Толмачёв В.М.* Т.С. Элиот, поэт «Бесплодной земли» // Элиот Т.С. Бесплодная земля. М.: Ладомир, Наука, 2014. С. 273–378; *Толмачёв В.М.* Символизм и английский роман начала XX века: Д.Г. Лоренс, Дж. Джойс // Зарубежная литература конца XIX — начала XX века. Изд. 4-е, перераб. и дополн. М.: Юрайт, 2013. С. 446–490.

[5] «Фрагменты», в особенности фрагмент 116, 1798.

[6] «Gesamtkunstwerk», «общее», или «синтетическое произведение искусства», из статьи «Произведение искусства будущего», 1850.

[7] См. его рассуждения об «абсолютной поэзии», начиная с эссе «Положение Бодлера» (1924).

но и все аспекты повседневности, включая плоть, эрос, материальную среду. Расширительно понимаемые поэзия и творчество призваны не только выявить кризис мира, имеющий как бы вербальный источник, но и преобразить косный, ветшающий мир, сформировать его через новую поэзию заново. Во-вторых, означает последовательное расширение на поэтологической основе (сознание «новейшего» поэта, где непредсказуемо увязываются элементы прошлого и настоящего, различные «я» и «не-я», воображение и действительность, индивидуальное слово и цитаты) специализаций символизма как писательского самовыражения (от поэзии к драме, эссеистике и затем к роману, автобиографии, мемуаристике). В-третьих, означает создание последовательно символистского романа (романа о глубинной поэзии мира, о невыразимом, так или иначе открывающемся художнику), что предполагает веру в высшую объектность поэзии, пусть она и порождается субъектом (гением) исключительно на субъективной основе, своевольно, во имя абсолютной творческой свободы. Эта «объективированная» субъективность может опираться в слове и на идеи вещей, и на вещи как данность, и на тени вещей, и на их отсутствие (след, пустоту, оставленную ими, то есть на особую форму присутствия).

Сущностно являясь именно романом о безграничности поэзии, творчества, о дерзновении «субъективной эпопеи» (здесь уместно вспомнить выражение Гёте из «Максим и рефлексий» 1820-х годов, определяющего таким образом всеохватывающий характер поэтического «лада» у романиста, в соответствии с которым тот «перетолковывает мир») и о художнике, их воплощающем, символистский роман с позиций некоего нормативного представления об авторе, стиле, композиции, жанре и т. п. авторски, стилистически, жанрово неуловим — помимо неразличения субъекта и объекта, поисков в исключительно субъективном поэтическом слове хотя бы проблесков Объектности, он прихотливо смешивает под знаком субъективности писателя (как человека, идеолога) и его язык (языки, манеры), «автора» и повествователя, целостность формы и ее фрагментарность, отдельную точку зрения и множественность нарративных позиций, единство и множественность письма, наконец, смешивает поэзию и прозу, поэзию и драму, поэзию и эссеистику.

До Джойса задача по созданию символистского романа, для писателя, согласно видению романтика Шлегеля, самая непростая, даже дерзновенная, не была всесторонне проблематизирована и реализована (хотя из-под пера Новалиса, Тика вышли романтические романы о творчестве и поэзии творчества; кроме того, следует говорить и о «Чайлде Хэролде» Байрона как прототипе романа, употребим выражение А.Д. Синявского, обо всем и ни о чем), а если

и была поставлена, то все же, скорее, идейно (назовем выборочно «Заратустру» Ф. Ницше, 1883–1885; «Наоборот» Й.К. Гюисманса, 1884; «Голод» К. Гамсуна, 1890; «Портрет Дориана Грея» О. Уайлда, 1891; «Пламя» Д'Аннунцио, 1900), чем осмысленно поэтологически (определенным конкурентом ирландца видится лишь Андрей Белый с его «Симфониями», 1902–1908, «Петербургом», 1916). У Джойса, иными словами, абсолютизация поэзии в высшей степени изощренно распространена на прозу, «пеструю» прозу, самые разные, и в том числе явно несимволистские (прежде всего натурализм, массовая литература), разновидности художественной литературы, а также на вкрапление в подчеркнуто бытовой, вроде бы, предсказуемо однотонный текст не только мифа, богословия или произведений «вечных спутников» мировой литературы (Гомер, Вергилий, Данте, Рабле, Шекспир, Гёте и т. д.), но и возможностей синестезии, метафорического смешения визуального и аудиального — звучащего (оперетта, варьете, карнавал, уличная разговорная речь), печатного (включая заголовки газет, рекламу), низового (городской жаргон, обсценная речь) слова, звуков современного города.

При создании книги об одном дне из жизни заурядного горожанина как носителя вечности и всечеловечества (то есть Книги или Книги книг) Джойс заявляет о себе как предельно субъективный поэт и, параллельно, поэт-«эпик» (в духе гётевского высказывания). «Улисс» становится романом, созданным если не поэтом в точном смысле слова (Джойс, тем не менее, писал в молодости стихи и не переставал создавать их до середины 1920-х годов), то во всяком случае личностью безусловно музыкальной и поэтически ориентированной — с одной стороны, поющей, музицирующей, танцующей, актерствующей, а также заряженной эротически, с другой же — находящей возможность метафорически увязывать, сталкивать сейчасное, повседневное, порой вульгарное и непоэтичное (различный «мусор»), с принадлежащим музыке и числу, стукам крови и метра. Поэтому данный роман — и алиби абсолютной свободы символистского творчества, применительно к которой любые проявления стихии жизни способны трансформироваться в материю искусства, и самовыражение художника, стремящегося стать всем, проникнуть за границу данности (современные варианты Прометея, Протея, Фауста, Дон Жуана и т. п.), и опыт странствий, паломничеств, фланирования и даже кутежей, оргий как предтекстов «музыки», бесконечно варьируемой индивидуальной мелодии. Большинство самых значимых символистских романов так или иначе посвящены инициации, введению творческой личности в подобие поэтического храма творчества и этапам ее дальнейшего «жертвоприношения», что подразумевает отречение от жизни вне поэзии (начала заведомо

буржуазного, косного, безмузыкального и т. п.) ради жизни как Поэзии и, следовательно, метаморфозы всего сотворенного, «ставшего» — в творимое заново, длящееся, в музыку.

Одна из властных символистских эмблем подобной Музыки благодаря С. Малларме или Ф. Ницше (автору символистских стихов) — Рихард Вагнер, в одном лице поэт и композитор, отрицатель христианства и мистик, революционер и контрреволюционер, автор музыки и тотального художественного языка, любовник и мифолог, инициатор нового мифа и теургии. Большинство символистских романов о творчестве — особые мистериальные драмы, хотя описанные в них перевоплощения художника, находящегося в поисках своего Абсолюта через творчество, порой предстают по ходу его «странствий» и «выяснений отношений с самим собой» комедийно, в ситуации карнавала и остранения. Символистский роман, вроде бы, отчасти христианский генетически (он о задачах расширения святости и новом типе святого — мученика и апостола нового искусства), по своей творческо-религиозной задаче — вне христианства, хотя и нуждается в нем как точке отталкивания и материале для специфического пародирования. Самые знаменитые из символистских романов написаны именно поэтами (от «Наоборот», «Портрета Дориана Грея» и «Записок Мальте Лауридса Бригге» до «Гамлета» Дёблина и «Доктора Живаго» Пастернака).

Быть может, Томас Манн с его «Доктором Фаустусом» (1947) — одно из немногих исключений из этого правила, что компенсируется в манновском случае вагнерианством, ницшеанством, гётеанством, играми пола (дополняющими друг друга), а также как бы поэтически-эссеистическим чутьем на то, о чем пишут его более поэтически продвинутые, чем он, современники. Тем не менее, отметим это. «Доктор Фаустус» — одно из возможных, и важных, зеркал «Улисса» и той артистической мифологии, согласно которой Пастернак в письме Т.С. Элиоту 14 января 1960 года квалифицирует навеянное вагнерианством произведение символистского искусства как «случайно выломанный кусок самой плотности бытия, формообразующей сути существования» [Пастернак 1990: 366–367].

Символизм джойсовский в отличие от предшествующих ему символизмов С. Малларме (развоплощение материальных смыслов слов ради их несколько абстрактного «чистого звучания») или О. Уайлда (эстетская апология превосходства всего искусственного над естественным) подчеркнуто материален, физиологичен, эротичен. Происходит полное овнешнение внутреннего человека, того, что никогда в полном объеме не зримо и не слышно. Именно в бесконечных фрагментах *camera obscura*, рассмотренных предельно близко, через «микроскоп», Джойс ищет основания для дальнего

зрения и угадывания в текучести пятен и пятнышек проблесков некоего Целого. Оказывается, сознание, рассмотренное так близко и вырвавшееся благодаря «факиру» из-под спуда тех или иных ограничений зрения, сколь конкретно, столь и фантастично, сколь чисто, столь и греховно, порнографично. Джойс, и это новизна Джойса-поэта, не желает сочинять даже в самых, казалось бы, фантастичных эпизодах романа. В основу материала «Улисса» положены детали жизни самого Джойса, членов его семьи, толп джойсовского Дублина, городских справочников, круга джойсовского чтения, а также некоего подпольного, ватерклозетного человека (одновременно справляющего нужду и читающего, грезящего, поющего). Нашлось в нем место и для Норы Джойс (отличной по интеллекту от мужа, но эротически притягательной для него), изобильного тела и самой богини писательского плодородия. В символизме Джойса сошлись, скрестились доведенные до предела натурализм (в конце концов, «поток сознания» — это натурализм, отбросивший, насколько возможно, всякие правила литературной конвенциональности) и символизм, сошлись быт, еда, физиология и цепкая уникальная память на прочитанное, самые неожиданные ее комбинации (добавим сюда и декламацию, а также передразнивание прочитанного, когда поэзия памяти уступает место стилизациям, пародиям, провокациям!). Перед читателем глаз или Гулливера, путешествующего по лежащему телу великанши, или вечного подростка, сжигаемого неудовлетворенным желанием, или современного алхимика, ищущего в грязи, мусоре золото. Ум Джойса, как выразилась некогда В. Вулф, хищный, грязный — ничего не упускает, все хранит в *газохранилищах* своих кишок, легких, сознания, памяти. Здесь, разумеется, не только музыка плоти, вплоть до испускания газов, но и своего рода кривой глаз. Куда бы ни взирал «всевидящий», везде он различает одно, реже вечно женское, несопоставимо чаще — «вечно бабье». Поэзия романа супер-эротична.

Независимо от личных эротических комплексов писателя (о которых немало написано в знаменитой биографии Р. Эллманна), тут впору вспомнить о кьеркегоровском Дон Жуане («Или-или»). С. Кьеркегор через своего персонажа, целую систему взаимосвязанных проекций своего «я» (эстетическое и религиозное у него не разобщены!), ставит, как известно, очень личный вопрос и об эстетизме, абсолютных правах художника как любовника в отношении любого материала, и о его импотенции, ибо намерение излить свое семя на всё так или иначе делает его, вечно неудовлетворенного, «хромым», носителем сексуальной раны. Джойсовский Стивен Дедал — потенциальный гений, не прямо, но позволяющий вспомнить о Кьеркегоре и его понимании моцартовского героя. Стивену как

эротику и поэту в одном лице целого мира мало. Но он, скорее, теоретик, чем практик эротики, хотя и посещает публичные дома. Более того, он наделен сложными комплексами сына, подростка, любовника, покупателя продажной любви. Поэтому при всем запросе на эрос он предстает эротически неполноценным. Ему бы быть Бойланом (любовником Молли Блум), но он остается «ужасным ребенком», вечным сыном. То или иное нагнетание физиологической и эротической детали толкает Джойса к символизму. Речь идет не только о символике низа, соития, о мистически важных органах тела, что в принципе может отсылать, и отсылает (см. комментарии С.С. Хоружего в изданиях русского перевода романа), к каббале и алхимии, не только о пародии сакрального профанным и низовым (в составе особых метафор), но и об играх пола.

Пол в романе — поле символа. И Стивен «Улисса», рискнем сказать, многопол, андрогинен. В роли потенциального поэта он в особом смысле женщина и нуждается в оплодотворении (Стивен неслучайно посещает родильный дом перед посещением борделя), в мужчине (тема эта в романе развивается довольно последовательно). Художник в чем-то не может не быть женщиной, вынашивать и мучительно рождать свое детище. В то же время, художник-мужчина отчуждает у вечно женского (в данном случае у всеобщей природы) вечно мужское. В этом поединке заключено нечто противоестественное, антиприродное, что вызывает у женского начала, материала, сопротивление и ревность. Параллельно следовало бы порассуждать о символике, как выразился бы Д. Мережковский, «тайны трех», тройной любви в «Улиссе» как предмете специфического эротизированного «богословия», но мы уклонимся от этой задачи. В свою очередь Блум женственен, по-мужски неполноценен, и ему требуется если не Молли (ищущая любовников), то новый сын, вместо умершего Руди. Однако утверждая от лица и Стивена, и Блума, и Молли натурализм, который был очевиден в «Дублинцах», «Портрете художника в юности», некое оргиастическое «да…да…да….да…да…» этому и только этому бытию, Джойс в роли своего рода барочного художника одновременно занят обратным, доведением эроса до состояния «нет-нет-нет», до отражения в неких глумливых зеркалах.

Иными словами, символизм «Улисса» ведет через гипертрофию эроса и плоти к созданию нарратива *ни о чем*, то есть роману, который не просто утверждает бытие вымысла, лжи как равного и сверхравного бытию, но и от лица максималистски понимаемого творчества спорит с бытием как дурно-материальным, косным, плоским началом и противопоставляет ему творимое художником в виде музыки Великое Ничто. Автобиографический роман о герое, о «я»,

«низовом я», становится понемногу безгеройным романом об искусстве (гениальный его носитель, в восприятии Стивена, цитирующего С.Т. Колриджа, — «несметноликий Шекспир»), о преодолении «слишком человеческого» и о порождении многообразных языков «других я», «не-я», целой констелляции «масок» и «анти-масок» «я». Роман как жизнь, длиною в жизнь, начинает закручиваться и углубляться, а через одно в нем начинает проступать другое. Однако это воронкообразное, вспомним о Данте, вихревое углубление свидетельствует как о том, что всякое, даже заурядное, сознание имеет множество измерений и составляет страницу, листок искусства, бумажку в «книге книг», в некоей мировой библиотеке (допустим, Молли — Пенелопа), так и о наличии анти-книги, некоего отрицательно представленного Абсолюта. Какие бы символические фигуры ни всплывали в углубляемом автором сознании персонажей, все они при возникающем и весьма изобретательном, остроумном, порой смешном и буффонном, скрещении мифа и быта, плоти и духа, литературы и жизни, относительно условны, являются специфическим необарочным украшательством. Условны они в той степени, в какой неусловно в «Улиссе» все, что связано с эротикой, а также с продолжающим ее последовательным отрицанием христианства.

«Улисс» как книга книг, или, скорее, антикнига — несомненно, опыт шутовской Библии, или антибиблии (по аналогии с «Фаустом» и «Заратустрой»). Такая книга могла быть написана только полноценным католиком, который прошел через отречение от веры, но католицизм слишком «въелся» в его натуру, и поэтому он весьма изобретательно сделал и этот обмирщенный католицизм, и конкретные человеческие грехи или босховидными, или полем очень личной ереси или игры. Разнообразие, изобретательность кощунственного в «Улиссе» зашкаливает и опирается не только на личную утрату веры Джойсом, на прекрасное знание им всевозможных ересей, антихристианских авторов (от Маймонида до Ницше), оккультно-эзотерических сочинений (от Гермеса Трисмегиста до Р. Штайнера), на пародию сакрального профанным (Джойс особо гордился «Итакой», XVII эпизодом как квазикатехизисом), но и на буквально культ люциферовского начала. Мотто самого Дедала от финала «Портрета художника в юности» до финала «Улисса» остается неизменным: «Non serviam!» («Не буду служить»). Напомним, что первый смысловой отрезок романа (эпизоды I–III) завершается символическим самоубийством — Стивен в роли своего рода Иуды (отказ совместно помолиться с умирающей матерью) готов броситься со скалы в море, но его, потенциально нового утопленника, как бы подхватывает летающий бог и Дедал отправляется в плавание на некоем воздушном корабле. О море, море! Его цель отныне — служение

новому отцу, в данном случае не Блуму, а отцу лжи, вымысла и его *служителям*, тем или иным носителям религии книги, *многоликим морестранникам* и *гениям метаморфозы, перевоплощения.*

В мире джойсовского романа таковы Гомер, Шекспир, Гёте, Байрон, Ибсен. Падение, закат, путь в ночь становятся полетом — и этот парадоксальный мотив, позволяющий вспомнить об ибсеновских Бранде или Сольнесе (Ибсен — любимец молодого Джойса), при развертывании романа не исчезает: в XIII эпизоде описываются восхождение черного солнца, возникают картины шутовского апокалипсиса в духе второй части «Фауста» или эпизодов похождений Пера Гюнта. Затем эта фантасмагория духовности, наоборот, развеивается, чтобы герой, взлетевший «высоко», истощивший креативную энергию, вновь припал к земле и, потенциально, к телу Мэрион (Молли) Блум, своего рода «богине» земли и эроса. Из ада жизни в «рай», в раек, к райским девочкам (сцены в борделе), к великой блуднице, затем снова к земле и новой встрече с жизнью, оргией жизнетворчества. Символически наличие именно Молли, а не, скажем, Зои (греческое имя, обозначающее Жизнь, Еву), в финале «Улисса» не удивляет.

Фигура, возникающая на скале за спиной готового упасть в бездну Стивена и подхватывающая его, спасающая для запутанных лабиринтов творчества, остается в романе не названной. Это символ невыразимого, того, выразимся по-набоковски, бледного огня, который у Джойса ведет художника в ночи жизни за собой. Впрочем, ее «светоносное» имя очевидно, как понятен и легион имен, с ним в романе ассоциируемых. Имя Ноланца (Джордано Бруно), философа и поэта, автора изящно написанных трактатов, не последнее в этом ряду, поскольку тот стал, как известно, создателем символического учения о магически-космической силе памяти, согласно которому в индивидуальное сознание (монаду, микрокосм), одно из бесконечных духовных «солнц» вселенной, впечатано все многообразие исторически и реально сущего в виде образов, символов и идей. Благодаря любви творчески настроенного индивида к космической мудрости, «Anima Mundi» (эта тема интересовала и У.Б. Йейтса), они через особую технику, искусство припоминания (в джойсовском романе «Ars memoriae» — это и аналогии, ассоциации, скачки, танцы, броски мысли, и метафорические, порой очень темные, кластеры) могут быть активированы ради восстановления в человеке Всечеловека, занимающего вездесущее положение в бесконечности.

Стивен — некоторое подобие нового Ноланца, источник магической, эротической силы собирания и оживления всего, что есть всюду и всегда. В роли героя духа, своего рода мага и, потенциально, современного творца он становится носителем бесконечности кос-

моса в единстве художника, являясь архетипическим странником, одновременно Одиссеем и пьяным дублинским студентом, блуждающим по паутине улиц Дублина, готовым обрести Душу Мира отнюдь не на небесах, а «там, внизу». Дублин романа при всей своей конкретности — не столько место, пространство, сколько время, память, динамическое средоточие мировой истории, проходящей через сознание Стивена в виде потока, вечности длиною в один день.

Креативность желаний Дедалуса как эротической личности — оборотная сторона его ненависти к догматике, догматическому, «безлюбовному». Искание абсолюта через отрицание — отправной импульс странствования героя как варианта Вечного Жида (Агасфера): он покидает башню на берегу, где проживает, и, миновав падение со скалы, отправляется в мир, чтобы подобно черепахе, опережающей бегуна у Зенона Элейского, продефилировать по Дублину, впитать в себя его цвета, звуки, шумы, запахи и сами по себе, и как некую космическую мелодию, которую ему предстоит выносить в себе с тем, чтобы со временем выразить как дрожь бесконечной, вечно трансформирующейся вселенной. Негативизм героя все же несводим к отречению от веры матери, несводим к фантастической творческой гордыне или к его опыту постоянного самоанатомирования и самопурификации (достаточно очевидно, что от «Дублинцев» к «Портрету», затем к «Улиссу» и «Поминкам по Финнегану» — это прогрессия нарастания эффектов чистой поэзии, дематериализации слова, о которых мечтали Эдгар По, Малларме и Валери; заманчиво сравнение «Улисса» и «Морского кладбища»).

Здесь в романе символически начинает проступать нечто, что связано с загадкой греха (весьма неоднозначная тема Дж. Милтона), сакрального по сути преступления, что так или иначе дает о себе знать в случаях Фауста, Древнего Морехода, Манфреда, Френхофера или Дориана Грея, Лорда Джима, Мишеля («Имморалист»), булгаковского Мастера и Адриана Леверкюна. Однако какими бы ни были отзвуки этого акта (мы помним, что мастер Дедал из ревности убил юного Зуйка и был изгнан из Афин еще до того, как построил лабиринт, слепил из перьев крылья), он, составляя по преимуществу фигуру умолчания, приводит к становлению героя с незаживающей метафизической раной, которая, как и у большинства символистов (проблема пола — не изобретение Д. Мережковского!), дополнена раной эротического характера. В Блуме она открыта, в Стивене затушевана. Тем ярче пламя оргиазма, «il fuoco», особой эротики творчества (Т. Манн в «Докторе Фаустусе» метафорически увязал ее с венериной болезнью, сифилисом, той «инъекцией» гениальности, которая в «Улиссе» остается фигурой умолчания).

Собственно, так выходит на подмостки театра одного актера художник: гений страдания, Агасфер, изгнанник, странник, некто и никто, человек играющий, лицедей, примеряющей различные маски, посвященный, проходящий через те или иные ступени инициации, от себя уходящий и к себе возвращающийся. Путь Дедала, этого искателя с тросточкой в руках (кадуцей — атрибут Гермеса), пролегает через различные станции — от земных и предельно земных (здесь все приметы новейшего города, дневного и ночного, подпольного) до «горних», где разворачивается в борделе новая вальпургиева ночь — без приуменьшения, «черная месса», вслед за которой словно в фантасмагорическом видении «евангелиста наоборот» возникают калейдоскопические картинки конца империи (британской и всякой), явления антихриста. Помимо шутовского апокалипсического в романе имеется и символический, обращенный именно к творчеству, финал. Встреча произошла. Это *невстреча* (имеются в виду Блум как «отец» и Стивен как «сын») лишь в поверхностном смысле. В действительности же плод творчества зачат. Черная месса, родильный дом дополнены образом Мэрион-Молли и ее пространного внутреннего монолога (эпизод XVIII, заключительный в романе), подразумеваемого триумфа всего плотского и чувственного, тех моря, реки, земли, богини, которых хватит на всех мужчин. Блум как Одиссей возвращается к своей Пенелопе (благо она не понесла от Бойлана), Стивен же продолжит свое странствие. И он, изгнанник (решение покинуть Ирландию принято), когда-то вернется, припадет к *телу*, сольется с ним, допишет книгу книг. Дедал-художник, иными словами, готов родиться и переродиться, чтобы в очередной, «миллионный раз» (усиление мотива «Портрета») вернуться к себе самому.

При этом Джойс-символист как метафизик отрицания вовсе не порывает с Джойсом-поэтом и грезой о безграничных, по джойсовской вере, возможностях поэзии как музыки, числа, шифра. В его исполнении «Улисс» с его сложнейшими ритмами и комбинациями чисел — симфония и полифония, поэма экстаза и эпифании, текст и пратексты. Но в любом случае эта музыка предполагает наличие Абсолюта, встречу с неким богом неведомым, богом прозы и поэзии Джойса, то есть с отцом, отличным от Джона Джойса. А может, даже и встречу с матерью, отличной от Мей Джойс, а также с возлюбленной, отличной от Норы Барнакл. В любом случае, от Леопольда (Блум нуждается в сыне) и Молли (нуждается в любовниках) Стивен получает важнейший импульс, он в составе «троицы» (муж-жена-сын) готов стать новым Орфеем. Подобно «Портрету», «Улисс» — растянутый пролог на тему ибсенического парадокса «быть собой значит быть не собой» (Пер Гюнт), опыт «введения» на территорию

того невыразимого, что в мире Стивена движет солнцем и звездами. И при всей важности люциферианства без Мэрион-Молли, какой бы эта «антимадонна» ни была по сюжету, Стивеново желание видеть все наоборот (оно распространяется и на Молли) художественно бесплодно. На монологе Молли-Сольвейг в кровати последний эпизод романа не столько обрывается, возвещая смерть героя как сына, сколько, словно становясь рапсодией Афродите, вышедшей из моря, сигнализирует о его вечном возвращении как любовника, писателя, творца слова: и море, и Гомер, всё движется любовью (Э. Паунд в «Песни I» не без влияния «Улисса» предложил свое видение творца в роли вечного Одиссея и вечного переводчика архетипического текста о страннике). Стивен-изгнанник вернется в град, от которого отрекся, в виде поэта. В граде его души он будет и собой (сыном), и Блумом (отцом, мужем), и Молли (плотяным духом творчества). «Смерть героя» ради триумфа Вечно женского в финале романа — высшая объективация поэзии.

Итак, наличие важнейшего для символизма мифа «конца века» в романе очевидно. Во-первых, оно касается навеянной Ф. Ницше (чьи сочинения были известны Джойсу с 1903 года) тотальной переоценки ценностей, которую берется выполнить художник-демиург, параллельно субъект, поэт, носитель всего в себе, комедиограф-трикстер и объект. В одном лице Стивен — богоборец, усложнитель или разрушитель романного слова, старик, и юный, вездесущий, *самопорождающийся*, неуловимый, трансгендерный бог романа. Чтобы стать собой, *богом*, как бы породившим себя ничьим (собственно поэтическим) бытием, Стивен-герой устраняется из нарратива, чтобы восстать в нем в виде субъективности как великого многоликого анонима. Во-вторых, имеется в виду декларируемый Джойсом кризис романа — и шире — кризис современной поэзии. «Улисс» — роман романов и антироман, трагедия и комедия, драматический театр и балаган, нарратив и разрозненные поэтические миги. Какие только тексты, в том числе сакральные, не спародированы Джойсом, «не переведены» на язык буффонады, полуабсурдного действа, уличной и даже обсценной речи! Причем это вдвойне касается английской литературы, а также ирландских современников. В-третьих, декларируемый от лица символизма кризис поэтического слова совмещен у Джойса с его переживанием «смерти Бога». Получается, что Стивен и богоборец, то есть разрушитель «старого» (М. Бахтин сказал бы — монологического) романного слова, и создатель нового, немонологического, стремящегося к самообъективации, полифонического романа, тот неуловимый мужской бог прозы, который готов, когда требуется, стать *женщиной* (эти специфические гендерные метаморфозы налицо в Тиресии, лирическом нарраторе

«Бесплодной земли» Т.С. Элиота, говорящем на разные голоса). Не исключено, что именно джойсовский опыт в сочетании с кьеркегоровским («Или-или») и ницшевским подвиг Михаила Бахтина на его интерпретацию поэтик Достоевского и Рабле.

Здесь имеет смысл лишний раз обозначить важнейший источник джойсовского романа. Это мистериальная драма «Пер Гюнт» Ибсена, также темный, загадочный текст, до сих пор не опознанный в качестве пратекста «Улисса». Герой-трикстер, три встречи, парадокс «быть собой значит быть не собой», путешествие «личности-ртути» длиною в жизнь со сменой множества масок (при парадоксальном сохранении тождества самому себе), стран (включая посещение троллей, пирамид), сакральное преступление, возвращение к великой жене и матери, парадокс умереть-проснуться — вот, для краткости, литературный, да и не только литературный, материал, который у Джойса (см. эпизод «Цирцея») становится фоном странствования Стивена Дедала «на край света» с целью максимально удалиться от себя (предел этого очуждения — Молли и ее поток сознания) и стать собою — как всеединством своих дел, творений, масок, так и всем во всем.

«Конец века» — утрата «сыновства», «отцовства», «материнства», «духа родного языка» (темный язык романа как бы всемирен, принадлежит тому великому «оракулу бутылки», который вещает городу и миру, но при этом не вполне знает, на каком языке говорит) — становится в «Улиссе» не только атрибутом религиозной драмы (без данного трагического измерения этот роман был бы, по меньшей мере, экзистенциально легковесным), следствием если не серьезного, тщательно продуманного, последовательно реализованного кощунственного пародирования сакрального профанным, то во всяком случае цепочкой экспромтов, шутовства, «епифаний» на ниве *веселой* пикарески. Образно говоря, трагедия творчества у Джойса то и дело перемещается на подмостки мюзик-холла, театра варьете, театра-кабаре: Дон-Кихота нет без Санчо Пансы, Гамлета — без Розенкранца и Гилденстерна, Фауста — без Вагнера, Адриана Леверкюна — без Цайтблома. Да, богоборчество Джойса в романе имеет изощренный характер (очевидно, что для этого помимо начитанности, прекрасной памяти, знания богословских сочинений потребовалось особое вдохновение злого пародиста). Параллельно оно предстает как квазибогоборчество, некая гениальная провокация комедиографа. В конце концов, не каждый читатель пожелает прозреть в Молли Блум Пенелопу, Великую Матерь, великую блудницу последних времен, мать антихриста. В этом случае в запасе у факира смехового начала имеется наготове вариант «Венеры в мехах», свифтовской великанши, чего-то разнузданно раблезиан-

ского, а также «катехизиса» (эпизод XVII). Вино, маски, эротические фантазии — Книга книг, Вечный город Джойса, они же и стихия вечного карнавала.

Итак, «Улисс» об абсолютной свободе поэтического творчества. Символистская тотализация поэзии подчеркивает в случае Джойса сущностную неразличимость всех неклассических разновидностей письма, не только символизма, натурализма, но и символизма и его радикальных (так называемых авангардистских!) заострений. У некоторых современников Джойса больший или меньший авангардизм становится следствием их осознанного или неосознанного символизма (Валери, Рильке, Цветаева), у некоторых — исходный авангардизм постепенно уступает место символизму (Паунд, Элиот, Кокто, Пастернак, Бенн, Дёблин, Брох). В романе Джойса же источник «многоокого» поэтизма — Стивен, хотя Джойс намеренно попытался затушевать его роль как героя романа о художнике (хотя в концовке эпизода XVII Стивен назван Блумом «автором», 'author'), а также поэтологического и формообразующего источника «Улисса». Отсутствие Стивена в последнем, XVIII эпизоде романа (казалось бы, посвященном только и только Молли), о чем уже говорилось, кажущееся. Зазор между поэзией и жизнью, эросом и стихами, мифом и поэзией здесь минимальный. Таковы *рай*, *остров Цитеры*, *Беатриче*, пришедшие на смену бесконечным странствованиям, аду и чистилищу. Подразумевается, что Стивену предстоит вернуться из изгнания домой не буквально и фигурально, подобно Одиссею (*домой* возврата у Джойса, как и у Данте, нет), а в виде commedia, кристаллического моря стихов, скрещения самых разных повествовательных тропок, некой плывущей, смещающейся точки зрения, а также вопрошаний, имеющих отношение как к телам, так и к нарратору, наррации (слова 'narrator', 'narration' появляются под занавес XVII эпизода), выстраивающим некий незримый, таинственный объект, что-то в высшей степени *иностранное*.

Уже в романе-лабиринте, романе-храме он, великий *Никто*, строитель, везде и нигде — центральная точка, единица, и периферия, множество (по крайней мере, один в трех лицах), отвечающий и вопрошающий: участник событий и его отражение в сознании Блума (отвечающего на пытливые вопросы жены о потенциальном любовнике), Молли, своем собственном (теперь уже режиссерском, конструктивистском). Полифонию XVII эпизода составляют не только два плана (Стивен, Блум), их отражение в третьем плане (Молли; казалось бы, именно на ее вопросы о Стивене отвечает Блум), но и финальное проступание в этом отражении отражений некоего «четвертого измерения». Оно сигнализирует о себе вопрошаниями не столько женского, телесно-эротического, сколько по-

вествовательного и даже сакрального характера. Путешествие за Абсолютом достигло кульминации. И вот, подразумеваемый искатель перед вратами призрачного храма, храма-Книги, он слышит целых 9 вопросов к себе как страннику-рыцарю-финикийцу и как храмовнику-повествователю («Каким образом?», «Что зримо витало над незримыми мыслями слушательницы и повествователя?» ['listener', 'narrator' в оригинале неоднозначны, 657], «В каком состоянии покоя или движения?», «В каком положении?», «С кем?», «Когда?» и т. п., пер. С. Хоружего, 513–514), которые лишь отчасти способны принадлежать сексуально одержимой Молли и ответы на которые, тем более, не всегда в ее компетенции или компетенции Блума («…нерегулярный ряд концентрических кругов с различными градациями света и тени»; «…по вечно изменяющимся путям в вечно неизменном пространстве», 514). Правда, последний, и явно риторический, вопрос остается без всякого ответа («Куда?», 514). Чтобы снизить эффект вступления посвященного в пределы незримого храма, XVIII эпизод на все эти вопросы отвечает многократным, громовым «да» Молли. И тело, подобно духу, — храм, на сей раз источник глубинных вод поэзии, самого неразборчивого, всеохватывающего поэтического желания и его радуги. Т.С. Элиот явно уловил все эти смыслы, дав им в заключительной части «Бесплодной земли» (1922) свое символическое прочтение («Что сказал Гром»).

«Улисс», как и «Портрет художника в юности», — о непрекращающемся творчестве. Дедал проводится по пути все углубляющегося падения как полета и плавания. Он порывает со всем и вся — с родителями, патриотизмом, религией, университетом, дублинской богемой (прежде всего Йейтс), полом и, наконец, самим *собой*, чтобы стать многоликим Не-собой. В любом случае имя этого ирландца, Стивен Дедал, маска. Как маска и несколько непонятное, на наш взгляд, название романа. Ему бы называться «Протей» или «Гермес», поскольку Стивен со своей вечной тросточкой — именно бог с кадуцеем в руках, бог искусства как лжи (покровитель обманщиков, заимствований), изобретатель дублинской музыки, арий и музыкальных инструментов последних времен. Отсылка через название, надо сказать, негреческое, негомеровское, к буквальному вчитыванию в роман «Одиссеи» является, на наш взгляд, инструментом джойсовской мистификации, что позволяет вспомнить о последующих опытах символистского мифологизирования («Бесплодная земля»). В конце концов истинный миф у последовательного символиста есть жизнь, жизнь, ставшая поэзией. Вместе с тем, Гомер у Джойса — это намек на наличие в романе ключа, текста в тексте или длящегося в разрезе мировой истории особого сакрального, «путешествующего» сквозь время, письма, которое, имея отношение

к Гомеру, шире гомеровского! Так и рассуждения о Гамлете у Стивена в конечном счете уходят от Шекспира, становятся предлогом для развития оккультной темы — темы принадлежащих к великой традиции «бессмертных» мастеров (обыграно Г. Гессе в «Степном волке» или У.Б. Йейтсом в «Возвращении в Византий»). Аналогичным образом, Блум — это *жизнь*, высший тип поэзии. Но также он, далекий от религиозности, способен предстать как специфическим эквивалентом Адама, изгнанного из рая, небесного и земного (семейного), так и «последним человеком», Геронтионом, предлогом для построения негативистской метафизики о ничто, об утрате субъективностью, усталой и изношенной, чувства реальности чего бы то ни было. Ему бы *цвести*, стать Розой мира, любить, плодиться и размножаться (и в принципе Блум полон эротических грез; по иронии его заново родит Стивен-поэт), а не являться дурным повторением («это блум это блум это блум это блум», так, думается, можно было бы переделать знаменитую формулу поэзии Г. Стайн), индивидом без индивидуальности, балаганным актером в отношении всего, что проносится через «эолову арфу» его сознания. Впрочем, еврейство в романе способно быть не только проекцией художника-изгнанника в зрелости (отец, ревнивый муж, автор бесконечно пишущегося в разных городах романа), но и взглядом вспять — маской иностранца, вечного постороннего на улицах родного города, носителя специфической *латыни*. Кроме того, Джойсу были известны сочинения об интерпретации Одиссея как финикийца и семита. Гений — это тот, кто не может быть ассимилирован…

Один день, микрокосм, как тема всечеловеческого, макрокосма, также атрибут джойсовского символизма. Тему эту в связи с Ирландией и ее словесностью затронул Йейтс (например, эссе «Кельтский элемент в литературе», 1898), но обыграл с максимальным эффектом именно Джойс. Блум благодаря своему еврейству — и еврей с присущими ему национальными свойствами, пристрастиями, и всечеловек, и ирландец, и вечный изгой, и иностранец в отношении всего, в том числе в отношении своей жены, своего пола. Блумова тема в «Улиссе» очень сложна. Здесь, как в случае с Стивеном, причудливо смешиваются поэзия и правда, литература и жизнь. С одной стороны, этот 38-летний дублинец, переживший самоубийство отца, смерть сына, измену жены, обретение нового сына, он же любитель почек, оперетты, литератор, масон и т. п. — полноценный персонаж. С другой, его еврейство — особый джойсовский символ. То есть Блум — еврей в особом смысле, это ипостась самого Стивена, его внегендерной и вненациональной гениальности, а также сам Джойс в годы уже не стивеновой юности, а зрелости. То есть Блум, как

и Молли, — составная часть «тринитарной» метафоры художника. Символическое решение Джойса не единично. В «Докторе Фаустусе» Леверкюн, являясь согласно своей генеалогии немцем из немцев, в то же время является в каком-то особом сокровенном смысле евреем — тем же люциферианцем, вечным изгнанником, Агасфером, Дедалом, Шекспиром, Фаустом, Манфредом, а также подразумеваемым носителем сакрального и эротического преступления. Однако Адриан холоден и музыка его астрально холодна, тогда как Блум вопреки его оценке Молли как несостоятельного любовника по-своему тепел, музыка его сознания его тепла, и он неожиданно даже претендует у Джойса на роль культурного героя, который как стихийный поэт (карнавальный Одиссей, Улисс) представляет не крайности (дух Стивена, плоть Молли), а некую середину жизни. Роман мог бы называться и «Блум», то есть «Цветок», некий «пуп», середина земли.

Подведем итог. В символизме романа «Улисс» отражены все грани поздней символистской культуры. Так называемый авангардизм Джойса в действительности — это доведение до предела символизма с его мифами «конца века», «смерти Бога», богоравного художника. «Улисс» — новый «Фауст», роман о максималистски понимаемом творчестве и о демоничности творчества, перерастающего в «религию», загадки которой еще в полной мере применительно к символистским романам (в их число необходимо включить «Мастера и Маргариту») не разгаданы. В центре символизма Джойса, имеющего автобиографический характер («Портрет художника в юности», «Улисс», «Поминки по Финнегану» составляют трилогию об этапах жизни Джойса в творчестве и его «других я» как творцов), — преображение косного мира поэзией, которая позиционируется в виде религии наоборот. Ее носитель — поэт-изгнанник, в упрямых поисках Метаязыка проходящий через серию инициаций, ритуализованных приближений к самому себе как источнику в слове всего и вся. Творчество Джойса фактически истощило возможности символистской прозы, однако после Джойса символистские романы продолжали создаваться и ожидают своего адекватного описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джойс Дж.* Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М., 1993.
2. *Пастернак Б.* Об искусстве / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. М., 1990.
3. *Joyce J.* Ulysses. Harmondsworth, 1971.

REFERENCES

1. Joyce J. *Ulysses.* Transl. by V. Hinkis, S. Horuzhij. Moscow, *Respublika,* 1993. 671 p. (In Russ.)

2. Pasternak B. *Ob iskusstve* [On Art]. Ed. by E.B. Pasternak, E.V. Pasternak. Moscow, *Iskusstvo,* 1990, 399 p. (In Russ.)
3. Joyce James. *Ulysses*. Harmondsworth (Mx.): *Penguin Books, The Bodley Head,* 1971. 720 p.

Поступила в редакцию 13.12.2023
Принята к публикации 20.02.2024
Отредактирована 25.02.2024

Received 13.12.2023
Accepted 20.02.2024
Revised 25.02.2024

ОБ АВТОРЕ

Толмачёв Василий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tolmatchoff@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vasily M. Tolmatchoff — Prof. Dr., Chairman, Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tolmatchoff@hotmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 155–165
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 155–165

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ «ОСТРОВА МЕРТВЫХ» А. БЁКЛИНА В РОМАНЕ «ПЕТЕРБУРГ» АНДРЕЯ БЕЛОГО

Н.З. Кольцова, Линьлинь Чжан

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; koltsovaru@rambler.ru, zllsaryy@gmail.com

Аннотация: Предпринимается попытка исследовать структурные элементы ландшафта романа Андрея Белого в соотнесении с пространственными координатами и символическими образами картины А. Бёклина «Остров мертвых». Отмечаются приемы художника, использованные в романе: цветопись и светопись, техника обратной и совмещенной перспективы. Кроме того, микросюжеты тумана, паруса и Медного всадника подаются в романе как «картинки с движением», благодаря чему визуальные образы-символы плавно «перетекают» друг в друга, образуя единое целое, что отвечает стремлению воспроизвести объемную мифопоэтическую модель мира, основанную на единении макрокосма и микрокосма, природы и человека.

Своеобразными осями координат картины Бёклина для Белого являются мрачные скалы, небо, белые одежды, кипарисы — ими заданы горизонтальный и вертикальный уровни вселенной. На картине «Остров мертвых» горизонталь — это Стикс и кажущееся ярким небо; вертикаль — кипарисы и скала. В романе «Петербург» в функции вертикали выступает шпиль (шпили). Шпиль не только является связующей линией, протянувшейся от города к небу, но и составляющей символики креста: в функции горизонтали выступают прежде всего Нева и городские улицы — петербургские линии. Кроме того, образ шпиля несет на себе психологическую и композиционную нагрузку, привлекая внимание к кульминационным моментам той или иной сюжетной линии: как правило, пик психологического напряжения (идет ли речь о сенаторе, террористе Дудкине, Анне Петровне или др.) маркирован упоминанием «иглы», и развернутая интроспекция часто замещается «точечным» указанием на эту деталь городской панорамы, оказывающейся в фокусе восприятия персонажа.

Ключевые слова: Андрей Белый; А. Бёклин; «Остров мертвых»; «Петербург»; Медный всадник; парус; шпиль

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-10

Для цитирования: *Кольцова Н.З., Линьлинь Чжан.* Пространственные символы «Острова мертвых» А. Бёклина в романе «Петербург» Андрея Белого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 155–165.

© Кольцова Н.З., Линьлинь Чжан, 2024

SPATIAL SYMBOLS OF A. BÖCKLIN'S *THE ISLE OF THE DEAD* IN ANDREI BELY'S *PETERSBURG*

N.Z. Koltsova, Linlin Zhang

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; koltsovaru@rambler.ru; zllsaryy@gmail.com

***Abstract*:** The paper attempts to explore the structural elements of the landscape of Andrei Bely's novel in correlation with the spatial coordinates and symbolic images of A. Böcklin's painting *The Isle of the Dead*. The Swiss artist's techniques used in the novel are highlighted: color and light painting, the technique of inverse and combined perspective. In addition, microplots of fog, sails and the Bronze Horseman are presented in the novel as 'pictures with motion', due to which the visual images-symbols smoothly 'flow' into each other, forming a single whole, which meets the author's desire to reproduce a three-dimensional mythopoetic model of the world based on the unity of macrocosm and microcosm, nature and man.

From Bely's point of view, gloomy rocks, the sky, white clothes, cypresses are a kind of coordinate axes of Böcklin's painting — they set the horizontal and vertical levels of the universe. In the painting *The Isle of the Dead*, the horizontal is the Styx and the sky that seems bright; the vertical is shaped by the cypress and the rock. In the novel *Petersburg* the spire(s) acts as a vertical. The spire is not only a connecting line stretching from the city to the sky, but also a component of the symbolism of the cross: the Neva and the city streets, Petersburg lines, primarily act as a horizontal line. In addition, the image of the spire also fulfils a psychological and compositional function by drawing attention to the climaxes of a particular storyline: as a rule, the moment of the highest psychological tension (whether we are talking about the senator, the terrorist Dudkin, Anna Petrovna, or others) is marked by the mention of the 'needle', and extended introspection is often replaced by a 'point' indication of this detail of the city panorama, which turns out to be the focus of the character's perception.

***Keywords*:** Andrei Bely; A. Böcklin; *The Isle of the Dead*; *Petersburg*; The Bronze Horseman; sail; spire

***For citation**:* Koltsova N.Z., Linlin Zhang. (2024) Spatial Symbols of A. Böcklin's *The Isle of the Dead* in Andrei Bely's *Petersburg. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 155–165.

Андрей Белый является ярчайшим представителем русского модернизма и преемником мирового модернистского искусства XX века в целом — в том числе музыки и живописи. Как и художники и композиторы, он «запечатлевает мгновения глубокого соприкосновения человека со своей внутренней сутью» [Михайлова 2005: 228], что влечет за собою радикальные изменения в самих принципах организации текста — и прежде всего хронотопа. Т. н. «пространственная форма» (в терминах Дж. Фрэнка, the spatialization

of form [Frank 1945: 231]), утвердившаяся в русской литературе позже (прежде всего в творчестве Платонова и Булгакова), уже в «Петербурге» получает яркое воплощение. Андрей Белый пытается освободить «Петербург» от ограничений времени и пространства, рисуя мир, в котором переплетаются фантазия и реальность, а внешнее пространство воспринимается как проекция внутреннего мира автора-повествователя и персонажей, реализация психологических процессов.

Безусловно, призрачный городской ландшафт «Петербурга» не раз становился предметом научной рефлексии: уже современники писателя (Н. Бердяев, П. Флоренский и др.) отмечали роль «мозговой игры» в создании образа мира — прежде всего Петербурга. Традиция изучения романного хронотопа с точки зрения петербургского мифа, заданная работами Н. Анциферова, В. Топорова, З. Минц и др., получила развитие в работах современных авторов (Л. Кихней, Д.Х.К. Маджди. А. Вовны, Н. Шарапенковой, Ли Хюн Сук и др.). С другой стороны, ярко выраженное визуальное начало текста инициировало интермедиальный подход к его изучению: так, уже Н. Бердяев сравнивал метод Андрея Белого с кубистической техникой Пикассо: «В его романе “Петербург” можно открыть тот же процесс распластования, расслоения космической жизни, что и в картине Пикассо. В его изумительных и кошмарных словосочетаниях распыляются кристаллы слова» [Бердяев 1914: 59]. Параллели между романом и авангардистской живописью отмечают и современные исследователи — Оге Ханзен-Лёве, Ж. Хетени, Л. Геллер, Н. Брагинская, Н. Панфилова. Так, Н. Панфилова, выявляя типологические схождения между «Петербургом» и картинами И. Пуни, П. Филонова, М. Шагала, пишет: «Диалог романа Андрея Белого и русского художественного авангарда возможен по той причине, что это явления, порожденные одним “рубежным сознанием”» [Панфилова 2001: 244].

Диалог Андрея Белого с «мирискусниками» интересен Т. Левой, проницательно подметившей, что в сфере т. н. арлекинады «живописцы порой лидировали, воздействуя на своих собратьев по искусству. Так, Андрей Белый признавал, что многие страницы его поэзии и прозы навеяны полотнами К. Сомова и В. Борисова-Мусатова» [Левая 1991: 118]. Сам Андрей Белый утверждал, что новая школа в искусстве XX в. «сменила тенденции русской живописи конца столетия, вызвав движение воды (Бакст, Бенуа, Сомов)» [Белый 1934: 175]. Бёклина писатель воспринимал не только как выразителя духа эпохи, но и как провозвестника будущего: «к этому будущему призывали нас и Бёклин, и Швинд, и Клингер, и Штук» [Белый 2012: 279]. В нашей работе предпринимается попытка ис-

следовать структурные элементы ландшафта романа Андрея Белого в соотнесении с пространственными координатами и символическими образами картины Бёклина «Остров мертвых».

О влиянии живописи Бёклина на творчество Андрея Белого, как правило, рассуждают в связи с ранней поэзией и «Симфониями»: «его “симфония” может быть осмыслена как многофункциональная система разнообразных повторов и лейтмотивов… Мифологические персонажи стихов вдохновлены в значительной мере творчеством А. Бёклина, Ф. Штука, М. Клингера… отдельные стихотворения впрямую ассоциируются с конкретными живописными работами» [Лавров 2007: 27].

Думается, однако, что влияние живописи Бёклина прослеживается от ранних произведений («Симфоний») до более поздних — «Котика Летаева» и др., затрагивая в них прежде всего «персонажную» сферу (при условии, что можно включать в этот план метафорические образы кентавров и других мифологических существ). Однако полотно Бёклина для Андрея Белого важно прежде всего как единая и целостная картина мироздания. В работе «Символизм» он подчеркивал: «мы касаемся идейности искусства… с точки зрения формы и содержания», а в разделе «Формы искусства» отмечал: «в “Острове мертвых” А. Бёклина нас поражает соответствие между фигурой, замкнутой в белую одежду, скалами, кипарисами и мрачным небом. Этим выбором только определенных предметов выражается стремление выразить нечто однородное» [Белый 2010: 139]. Итак, своеобразными осями координат картины, с точки зрения Андрея Белого, являются мрачные скалы, небо, белые одежды, кипарисы — и именно эти образы оказываются «в сильном положении» в структуре романа. Более того, лексический строй «Петербурга» во многом сформирован образным рядом картины Бёклина (в восприятии Белого): слова «скалы», «небо», «кипарис» рассыпаны по тексту: «мрачные земли уползают под небо» [Белый 2004: 100][1], «побежало в небо стрелой золотое Адмиралтейство… И конь слетел со скалы» [Белый 2004: 301], «печальной фигурой подпоручика в темно-зеленом мундире… будто вырезанного из пахучего кипариса» (191). Мы видим рассеяние по пространству романа тех деталей, которыми маркированы определенные сюжетные линии, ситуации, сцены (линии белого домино, неба и даже кипариса — вспомним и «кипарисовый кулак» Сергея Сергеевича Лихутина). Иными словами, не экфрасис находится внутри произведения, но произведение «вписано» в него — и, думается, с оглядкой

[1] Далее ссылки на страницы этого издания романа «Петербург» указываются в тексте в круглых скобках.

на полотно швейцарского художника Андрей Белый выстраивает образ городского пространства — загадочного и зловещего.

Пейзажные зарисовки в романе москвича не столько отвечают зрительным впечатлениям, сколько отражают его представления о Петербурге как о средоточии неких сил, управляющих Россией. Многочисленные неточности в воссоздании топографии города — далеко не случайность: Андрей Белый, очевидно, стремился изобразить не столько феноменальный, сколько ноуменальный Петербург. При всей конкретности, зримости картины детали панорамы (скалы, деревья, водная гладь) и у Бёклина, и у Андрея Белого обретают символическое содержание и психологическое наполнение — даже при отсутствии явно выраженного субъекта восприятия. Психологизм XX столетия умеет передавать состояние в отрыве от «носителя переживания». Василий Поленов писал: «Бёклин по преимуществу пейзажист, но пейзаж у него тесно связан с человеком, в нем находящимся, так что все вместе составляет общее целое, выражающее всегда какое-либо душевное состояние» [Сахарова 1964: 109]. В «Петербурге» пейзаж не только задает пространственные координаты событий, но и формирует образ пространства, «заряженного» страхом, ожиданием катастрофы, рисует образ мира, жаждущего обновления, — или, если пользоваться определением Ю. Лотмана, являет собой особую «семиотическую систему»: «С одной стороны, тот или иной частный текст может выполнять по отношению к культурному контексту роль описывающего механизма, с другой, он, в свою очередь, может вступать в дешифрующие и структурирующие отношения с некоторым метаязыковым образованием» [Лотман 2002: 89].

Безусловно, подобное восприятие города Андрею Белому «предзадано» А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, а точнее, тем «мифом» о Петербурге, который формировался одновременно с возникновением самого города. Так, В.Н. Топоров отмечает: «*креативный* и эсхатологический мифы не только возникли в одно и то же время (при самом начале города), но и взаимоориентировались друг на друга, выстраивая — каждый себя — как анти-миф по отношению к другому, имеющий с ним, однако же, общий корень. Это явление “обратной” зеркальности более всего говорит о внутренней антитетической напряженности ситуации, в которой происходила мифологизация петербургских данностей» [Топоров 2003: 23]. Такое же внутреннее напряжение между жизнью и смертью отражено и в пространстве «Острова мертвых»: при всей конкретности пейзажной зарисовки зрителя не оставляет ощущение соприкосновения с потусторонним миром, ощущение, которое достигается не только

«сюжетом» и образным рядом, но и — прежде всего — перспективой, актуализацией точки зрения реципиента.

Бёклин опирается на традицию, используя мифологические образы и сюжеты: кипарисы, небо, гребец, стоящая перед ним фигура в белом, водное пространство, которое пересекает лодка (река Стикс), — все эти детали складываются в узнаваемый сюжет о Хароне, переправляющем души в царство мертвых. Возможно, однако, что у «Острова мертвых» есть конкретные географические координаты, поскольку страна мертвых в древнегреческой мифологии часто ассоциативно связывалась с островом Огигия, располагавшимся на Западе. Тема Запада в соединении с рассуждениями о жизни и смерти, безусловно, является центральной и в романе, более того, конфликт, основанный на противостоянии западного и восточного начал, решается на языке античных аллюзий, поскольку миф о Петербурге неотделим от древнегреческой мифологии — и традиция закреплена уже «Медным всадником»: «И всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен». В сознании современников Андрея Белого с Петербургом соотнесены Аид, Стикс, Некрополь, Царство мертвых и бездна.

В «Петербурге» тема смерти тесно переплетена с образом Невы и акцентируется светописью — пугающей фосфоресценцией: «мокрое изваяние Всадника со скалы все так же кидало тяжелую позеленевшую медь… взгляд Николая был устремлен на мутную невскую воду… И бурлила Нева, и кричала отчаянно там свистком загудевшего пароходика» (46). Возвращаясь домой, Дудкин замечает, что «навстречу ему полетело сквозь тучи пятно горящего фосфора... вспыхнули — Всадниково чело, меднолавровый венец… а двусмысленное судно с середины Невы обернулося простой рыболовною шхуною» (100). Анна Петровна наблюдает из окна, как «клочковатые облачка вырывались из труб убегающих пароходиков… Выше — легчайшие пламена опепелялись на тучах… огоньки, огонечки; огоньки, огонечки наливалися силой и бросались из тьмы после рыжими пятнами» (149). Во время «острейшей мозговой боли» Сергей Сергеевич Лихутин видит, как «по стене ползли отсветы: это, верно, какой-нибудь пароходик проносился мимо по Мойке, оставляя на водах светлейшие полосы» (192).

Приемы цветописи и светописи «обнажаются» в кульминационной сцене романа — убийства Липпанченко безумным Дудкиным. Андрей Белый виртуозно владеет техникой «вспышки», «затемнения», высвечивая отдельные детали-«кадры», складывающиеся в объемную картину, нагнетающую ощущение ужаса: «Куст кипел… луна освещала их, за полосой полоса там вскипала вдали и там громыхала… черноватенькая фигурка тут вскрикнула и побежала

в пространство» (379). Прием светописи здесь ассоциируется с фотографической техникой контрастной съемки. Ужас («чудовищные невыразимые смыслы, которые не существуют нигде» (380)) достигает апогея в тот момент, когда читатель видит Дудкина, сидящего верхом на трупе убитого провокатора. Абсурдное и в то же время запрограммированное пушкинским «Медным всадником» двойничество статуи Петра и бедного Евгения, во время наводнения сидящего «на льве мраморном верхом», автором «Петербурга» не просто заостряется, но в буквальном смысле слова «высвечивается» с помощью художественных приемов — и прежде всего мотива «адского» света, ведущего тему Петра.

Белый в первую очередь подчеркивает злую силу, которую несет с собою Медный всадник: «на теневых своих парусах полетел к Петербургу оттуда Летучий Голландец из свинцовых пространств балтийских и немецких морей, чтобы здесь воздвигнуть обманом свои туманные земли… Адские огоньки кабачков двухсотлетие зажигал отсюда Голландец, а народ православный валил и валил в эти адские кабачки, разнося гнилую заразу… Поотплывали темные тени. Адские кабачки же остались» (20). Адские кабачки и зеленые, кишащие бациллами воды превратили жителей города в «котелок, трость, пальто, уши, нос и усы» (56), что связано с рядом библейских сюжетов: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» [Откр. 20:13]. Появление пароходика в «Петербурге» также обрастает отрицательными коннотациями. Читатель видит пароходик глазами разных героев: Николая Аполлоновича, Дудкина, Анны Петровны и Сергея Сергеевича Лихутина — и благодаря «сопоставлению их углов зрения» (в терминах Дж. Фрэнка: these word-groups must be juxtaposed with one another and perceived simultaneously [Frank 1945: 229]) организуется единый поток текстовой структуры, разрушающий оковы линейного времени.

Итак, в ключевые моменты вокруг героев появляются пароходики и фосфоресценция, предвещающие приход Петра (Медного всадника, «Крепкого гостя», Летучего голландца). Наконец, повинуясь законам «мозговой игры», динамическая ситуация наблюдения смещается к полюсу автора-повествователя, а «фасеточное зрение» уступает место взгляду из одной (удаленной от предмета наблюдения) точки: «откуда — из далей, проницая мозглый и зеленоватый туман, на теневых больших парусах к Петербургу опять полетели судна осмоленные снасти» (205). В данном случае можно рассуждать не о принципе *ведуты* (как в случае с Анной Петровной и Дудкиным, часто видящим мир из окна), но о т. н. «обратной перспективе», благодаря которой читатель оказывается не за пределами картины,

но внутри нее. В другом эпизоде романа благодаря выдвижению на передний план сознания повествователя вновь актуализируется прием обратной или даже совмещенной перспективы: в закрытом кабачке повествователь «видит» далекий парус вблизи — и ощущение ирреальности происходящего достигается именно соблюдением законов оптики. В данном эпизоде совмещение прямой и обратной перспективы оказывается возможным за счет использования несобственно-прямой речи, благодаря чему читатель видит происходящее и извне (глазами автора-повествователя), и изнутри (с точки зрения Николая Аполлоновича). С одной стороны, нагнетается эффект присутствия читателя в кабачке, с другой — сохраняется дистанция между читателем и пространством героев. Наблюдатель (читатель), как участник, видит панорамное развертывание изображения — этот прием, апробированный мировой литературой, безусловно, восходит к живописи: «подобный широкий охват всей сцены предполагает вынесение точки зрения наблюдателя высоко вверх» [Успенский 1995: 88]. Заметим, что именно с такой «оптикой» мы встречается и у Бёклина.

Кроме того, микросюжеты тумана, паруса и Медного всадника подаются в романе как «картинки с движением». Это не конкретный ландшафт, а пейзаж мира вообще. Образы-символы соотносятся друг с другом, образуя единое целое. И когда читатель видит эти символы, у него формируется единое впечатление, что отвечает стремлению автора воспроизвести объемную мифопоэтическую модель мира, основанную на единении природы и человека.

Как уже подчеркивалось, на картине «Остров мертвых» в сильной позиции оказываются образы воды, скал, кипарисов — именно ими заданы горизонтальный и вертикальный уровни вселенной. Горизонталь — это Стикс и кажущееся ярким небо; вертикаль — кипарис, сквозь который видно небо.

В романе в функции вертикали (кипариса Бёклина) выступает шпиль. Он не только является связующей линией, протянувшейся от города к небу, но и определяет структуру романа. В.Н. Топоров считает шпили важнейшей принадлежностью петербургского пейзажа: «При существенной важности любой значительной вертикали в Петербурге и ее организующе-собирающей роли для ориентации в пространстве города, шпиль вместе с тем то, что выводит из этого профанического пространства, вовлекает в сакральное пространство небесного, “космического”, надмирного, божественного» [Топоров 2003: 100].

В романе герои постоянно могут видеть шпили — будь то «шпиц» Петропавловской крепости или стрела золотого Адмиралтейства, упоминающиеся в ключевые моменты. Сюжет, связанный со шпи-

лем, развивается одновременно на нескольких уровнях, при этом каждый из них отражает состояние того или иного героя. Так, Аполлон Аполлонович впервые видит золотую иглу после того, как встречает взгляд Дудкина, когда они сталкиваются на Невском проспекте, и этот момент можно считать завязкой сюжета. На протяжении всего романа герои замечают «золотую иглу»: Липпанченко «посмотрел рассеянно на Петропавловский шпиц» (39); Николай увидел, как «вычернялся и опять в туман уходил Петропавловский шпиц» (122); Анна Петровна замечает из окна, что «все небесные просветы засыпались пеплом, будто серая вереница из линий, шпицев и стен с чуть слетающей теневой темнотою» (149); Дудкин видит, как «побежало в небо стрелой золотое Адмиралтейство» (301). Еще раз отметим, что шпили фиксируют кульминационные моменты произведения: «Где-то сбоку на небе брызнули легчайшие пламена... Отяжелела и очертилась вереница линий и стен... но на окнах, на шпицах замечался все более трепет; и от окон, от шпицев зарубинился блеск» (201). Более того, образ шпиля играет композиционную роль, стягивая к некоему центру и сюжетные линии романа, и внешне не связанные друг с другом топонимы и точки в пространстве.

Кроме того, шпили Петербурга имеют символическое значение. В.Н. Топоров полагает, что «петербургские шпили функционально отчасти соответствуют московским крестам: нечто “вещественно-материальное”, что служит для ретрансляции природно-космического, надмирного в сферу духовного» [Топоров 2003: 63]. Не следует игнорировать и тот факт, что и на картине кипарис ассоциируется с крестом: совмещение горизонтали и вертикали складывается именно в этот образ-символ. Кроме того, кипарис — одно из трех деревьев, из которых был сделан крест Иисуса Христа. Для символиста Бёклина подобная деталь, безусловно, исполнена глубокого смысла. В романе образ кипариса появляется не единожды. Так, «кипарисовый кулак» Сергея Сергеевича Лихутина ассоциативно связывает образ героя с фигурой «Белого домино». Думается, в подтексте произведения, полного аллюзий на произведения Достоевского, присутствует и образ «кипарисового крестика» Сони Мармеладовой. Белый — наряду с символикой цвета — использует и символику материала (камня, мрамора, гранита, дерева, ткани и пр.).

Вечность, неподвижность, смерть — вот те категории, которые раскрывает зрителю картина Бёклина, и само движение лодки кажется застывшим. Столь же парадоксально сочетаются поистине броуновское движение героев и ощущение статики в романе: революция — разрыв в непрерывном движении — не отменяет законов бытия, но является неотъемлемой частью потока времени. Разуме-

ется, реминисцентный фон романа столь плотен, что выделить одну составляющую — будь то интертекстуальные или интермедиальные совпадения — не представляется возможным. Но, думается, не следует игнорировать диалог Андрея Белого с Бёклином: параллели между Петербургом как миром, в котором соприкасаются жизнь и смерть, и «Островом мертвых» выходят за пределы типологических схождений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Мастерство Гоголя. Л., 1934.
2. *Белый А.* Петербург. 2-е изд. СПб., 2004.
3. *Белый А.* Собрание сочинений. Символизм. М., 2010.
4. *Белый А.* Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.А. Сугай. М., 2012.
5. *Бердяев Н.* Пикассо // София. 1914. № 3. С. 57–62.
6. *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007.
7. *Левая Т.* Русская музыка в начале XX века в художественном контексте эпохи. М., 1991.
8. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С.М. Даниэля, сост. Р.Г. Григорьева. СПб., 2002.
9. *Михайлова М.В.* Елена и Андрей Мунтян. Рыцарь и ангел // Знамя. 2005. № 4. С. 227–229.
10. *Панфилова Н.А.* Роман Андрея Белого «Петербург» и русский художественный авангард // Дергачевские чтения. 2001. № 5. С. 244–246. [Электронный ресурс]. URL:https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49798/1/dc-2000-2-060.pdf (дата обращения: 11.02.2024)
11. *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964.
12. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
13. *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. М., 1995.
14. *Frank J.* Spatial form in modern literature: An essay in two parts // The Sewanee Review,1945, № 53 (2), pp. 221–240.

REFERENCES

1. Bely A. *Masterstvo Gogolja* [Gogol's skill]. Leningrad: *Ogiz.* 1934. 322 p. (In Russ.)
2. Bely A. Petersburg. 2nd ed. Saint Petersburg: *Nauka,* 2004. 699 p. (In Russ.)
3. Bely A. *Sobranie sochinenij. Simvolizm* [Collected works. Symbolism]. Moscow: *Kul'turnaja revoljucija; Respublika,* 2010. 527 p. (In Russ.)
4. Bely Andrei. *Sobranie sochinenij. Arabeski. Kniga statej. Lug zelenyj. Kniga statej* [Collected works. Arabesques. Book of articles. The meadow is green. Book of articles. gen. ed., after and comment. L.A. Sugay]. Moscow: *Respublika; Dmitrij Sechin.* 2012. 590 p. (In Russ.)
5. Berdyaev N. Picasso. *Sofija.*1914. № 3, pp. 57–62. (In Russ.)
6. Lavrov L.V. *Andrej Belyj: Razyskanija i etjudy* [Andrey Bely: Researches and studies]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2007. 520 p. (In Russ.)
7. Levaya T. *Russkaja muzyka v nachale XX veka v hudozhestvennom kontekste epohi* [Russian music at the beginning of the 20th century in the artistic context of the era]. Moscow: *Muzyka.* 1991. 166 p. (In Russ.)

8. Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art / Foreword. S.M. Daniel, comp. R.G. Grigoryva]. Saint Petersburg: *Akademicheskij proekt.* 2002. 543 p. (In Russ.)
9. Mikhailova M.V. *Elena i Andrej Muntjan.* Rycar' i angel [Elena and Andrey Muntyan. The Knight and the Angel]. *Znamja.* 2005. № 4, pp. 227–229. (In Russ.)
10. Panfilova N.A. *Roman Andreja Belogo «Peterburg» i russkij hudozhestvennyj avangard* [Andrei Bely's novel *Petersburg* and the Russian artistic avant-garde]. *Dergachev readings.* 2001. № 5, pp. 244–246. [Electronic source]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49798/1/dc-2000-2-060.pdf (accessed: 12.02.2024) (In Russ.)
11. Sakharova E.V. *Vasilij Dmitrievich Polenov. Elena Dmitrievna Polenova. Hronika sem'i hudozhnikov* [Vasily Dmitrievich Polenov. Elena Dmitrievna Polenova. Chronicle of a family of artists]. Moscow: *Iskusstvo.* 1964. 840 p. (In Russ.)
12. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury.* [Petersburg text of Russian literature]. Saint Petersburg: *Iskusstvo,* 2003. 616 p. (In Russ.)
13. Uspensky B.A. *Semiotika iskusstva.* [Semiotics of art]. Moscow: *Shkola Jazyki russkoj kul'tury,* 1995. 414 p. (In Russ.)
14. Frank J. Spatial form in modern literature: An essay in two parts. *The Sewanee Review,* 1945, № 53(2), pp. 221–240.

Поступила в редакцию 22.05.2023
Принята к публикации 29.08.2023
Отредактирована 31.10.2023

Received 22.05.2023
Accepted 29.08.2023
Revised 31.10.2023

ОБ АВТОРАХ

Кольцова Наталья Зиновьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; koltsovaru@rambler.ru

Чжан Линьлинь — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zllsaryy@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Natalia Z. Koltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; koltsovaru@rambler.ru

Zhang Linlin — PhD Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zllsaryy@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 166–176
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 166–176

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Е.Р. Лочмелис

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dostfm182181@mail.ru

Аннотация: В центре внимания рок-поэтов оказывается программный текст Достоевского — роман «Преступление и наказание» — и его герои: старуха-процентщица, Свидригайлов и сам Раскольников.

Герой рок-поэзии живет в изначально заданном антипространстве, где государство — хорошо организованная структура, существующая за счет подавления личности. Классическая интерпретация смысла романа — падение и последующее воскрешение души человеческой — оказывается невозможной в рамках этого направления: рок-поэт болезненно сосредотачивается на первопричине социальной несправедливости, символически воплощенной в «вечном» образе старухи-процентщицы. Акцентированный мотив ее бессмертия делает конфликт личности и существующей системы трагически неразрешимым.

«Я» лирического героя совпадает с сознанием Раскольникова. Главный герой романа оказывается всего лишь «одним из», всяким и каждым, кто решится бросить вызов системе — и проиграет. Нравственный смысл романа реинтерпретируется: он только поддерживает существующий порядок, показывая невозможность борьбы, потому что преступление оборачивается против самого восставшего, который не способен выдержать мук совести.

Происходит перераспределение «веса» персонажей. Обостренное переживание бессмысленности борьбы с существующим миропорядком и социальной несправедливостью толкает рок-поэтов к антигероям Достоевского, в частности к Свидригайлову, который становится самостоятельной фигурой, исполненной высокого трагизма. Он, как и все, грешен, в своем крайнем цинизме лишен даже возможности обманываться, и последнее, что ему остается, — горькая ирония над собой, жизнью и даже экзистенциальной проблемой посмертного бытия человека.

При этом Сонечка Мармеладова — нравственный антипод Раскольникова — встречается в текстах лишь единожды, поскольку не включена в конфликт личности и общества, а выступает его жертвой, как и сам Раскольников (следовательно, это место в системе персонажей уже занято героем, характер которого тождественен лирическому «я» рок-поэта, более выразителен и схож с демоническими образами мрачного, готического романтизма).

© Лочмелис Е.Р., 2024

Ключевые слова: русский рок; рок-поэзия; Достоевский; «Преступление и наказание»; система персонажей; реинтерпретация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-11

Для цитирования: *Лочмелис Е.Р.* Реинтерпретация образов романа Достоевского «Преступление и наказание» в русской рок-поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 166–176.

REINTERPRETATION OF IMAGES FROM DOSTOEVSKY'S NOVEL *CRIME AND PUNISHMENT* IN RUSSIAN ROCK POETRY

E. Lochmelis

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dostfm182181@mail.ru

Abstract: Russian rock poets focus on Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* and its characters: the old woman pawnbroker, Svidrigailov and Raskolnikov.

The hero of rock poetry lives in the initially given anti-space, where the state is a well-organized structure that exists due to the suppression of personality. The classic interpretation of the novel's idea — the fall and subsequent resurrection of the human soul — is impossible for the rock poet, who is painfully focused on the root cause of social injustice, symbolically embodied in the 'eternal' image of the old woman pawnbroker. The emphasized motive of her immortality makes the conflict of personality and the existing system tragically insoluble.

The 'self' of the lyrical hero coincides with the consciousness of Raskolnikov. The main character of the novel turns out to be only 'one of many', any of those who decide to challenge the system — and lose. The moral meaning of the novel is reinterpreted: it only maintains the existing order, showing the impossibility of struggle, because the crime turns against the rebel himself, who is not able to withstand the torment of conscience.

There is a redistribution of the 'weight' between the characters. The heightened experience of the meaningless struggle with the existing world order and social injustice pushes rock poets to Dostoevsky's anti-heroes, in particular to Svidrigailov, who becomes an independent tragic figure. He, like everyone, is sinful, in his extreme cynicism he is even deprived of the opportunity to deceive himself — and the last thing remaining for him is bitter irony of himself, life and even the existential problem of human afterlife.

At the same time, Sonya Marmeladova — the moral antipode of Raskolnikov — is mentioned in the texts only once, since she is not included in the conflict of personality and society, but acts as its victim, like Raskolnikov himself (therefore, this place in the system of characters is already occupied by a hero, whose nature is identical to that of the rock poet, more expressive, and similar to the demonic images of gloomy, gothic romanticism).

Keywords: Russian rock; rock poetry; Dostoevsky; *Crime and Punishment*; character system; reinterpretation

For citation: Lochmelis E. (2024) Reinterpretation of Images from Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment* in Russian Rock Poetry. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 166–176.

Содержание русского рока варьируется от легкого до мрачного и философского, но тяготеет к последнему, именно поэтому идеологичность и философичность романов Достоевского служит источником вдохновения для рок-поэтов: их роднит не только тема одиночества личности, выступившей против системы, но и трагизм мироощущения, связанный с невозможностью устроения лучшей жизни при постоянном нарастании негативных тенденций в обществе.

Творчество Достоевского характеризуется оксюморонным совмещением противоположных начал, несоответствием внешнего и внутреннего, что оказывается парадоксально созвучным поэтике рок-текстов, в пространстве которых совмещаются «приемы и массовой культуры, и культуры элитарной» [Доманский 2010: 9].

В центре внимания рок-поэтов оказывается программный текст Достоевского — роман «Преступление и наказание» — и его герои: *старуха-процентщица, Свидригайлов и сам Раскольников*. Интересно, что в списке выявленных текстов (как и среди анализируемых предшественниками) практически отсутствуют даже упоминания Сони Мармеладовой, тогда как старуха-процентщица делается, напротив, центральной фигурой и воплощает «неустранимое социальное зло» [Ильин 2012], что говорит о произошедшем семантическом сдвиге.

Герой рок-поэзии существует в изначально заданном антипространстве, где «государство — это аллегория системности» [Авилова, Васильчук 2013: 57], хорошо организованная структура, существующая за счет подавления личности.

Таков художественный мир поэзии А.Е. Непомнящего (1968–2007), чей лирический герой вынужден действовать в ситуации отсутствия нравственных ориентиров, а значит, и возможности найти путь спасения. Ему открыта истина: это ад, раскинувшийся как снаружи, так и внутри людей, зараженных «ядом разъединения» [Непомнящий 2001]. Между ними «стекло отчуждения» [Там же], а всем руководит «министерство путей разобщения» [Там же] (ср. с «департаментом подлостей и вздоров» [Гоголь 1938: 446]), то же и у Достоевского: Петербург — город одиноких и чуждых, враждебных друг другу людей.

В своей «борьбе за жизнь» нравственную, ценностно содержательную лирическое «я» Непомнящего совпадает с Раскольниковым как жертвой социальной несправедливости, но при этом обладает

большей полнотой знания (строки «Есть искушенье, что поможет обрез» или «топор», перечеркнутые категорическим «больше не поможет ничто» [Непомнящий 2001]), ведь из классической литературы уже вынесен урок. Нравственный смысл романа оказывается реинтерпретирован: он только поддерживает существующий порядок, показывая невозможность борьбы, ведь преступление обернется против самого восставшего. Обе дороги — самоубийство и самосуд — ни к чему не приведут, поскольку механизм действующей системы отлажен и перемелет каждого, кто решится на индивидуалистический протест:

Старушка-процентщица живей всех живых —
Её больше, чем нас, её больше, чем их.
И *все мы* пожизненно ей что-то должны
И ещё *должны чуйствовать чуйство вины.*

[Непомнящий 2001]

Издевательская интонация связана с тем, что пытка совестью — это не то «наказание», которого заслуживает герой как жертва системы. В этом прочитывается полемически заостренный диалог поэта с Достоевским, в массовом сознании оставшимся «защитником униженных и оскорбленных», «великим гуманистом».

Схоже образ старухи-процентщицы обрисован и в «Куплетах старухи-процентщицы» группы «Зимовье зверей» (К.Ю. Арбенин, род. 1968).

Так, жанровое определение «куплеты» подчеркивает соотнесенность песни с частушкой, которая прослеживается на всем протяжении текста, откликнувшегося на социальную новизну («дивиденды», «сберкнижка») и наполненного энергией живой разговорной речи («опосля», «квартера», «шпиён», «топор не нужён» и т. д.) [Арбенин 2006].

В жанре частушки значительная роль отводится четкости оценок, подчеркнутой эмоциональности, шутке: комизм «Куплетов» строится на смене точки зрения и системном смещении оценок, поскольку вся песня — лирический монолог старухи-процентщицы, а для монолога характера модальность самооправдания. Ср.: «Это была крошечная, сухая старушонка» [Достоевский 1989: 8–9] и характеристики «дама в годах», «вполне компанейская тётушка», которая «практична, умна, обязательна» [Арбенин 2006]. Она не лишена обаяния и некоторой доли кокетства: «Я стара, но ко мне, тем не менее, / Иногда даже ходют студенты». (Ср.: «Родион Романыч стоит на углу, <…> / Он точит топоры, он правит бритву, / Он *охоч до престарелых дам*» [Науменко 1983]).

В содержательно-композиционном отношении монолог делится на две части. В первой рассказывается о приходе Раскольникова: здесь заметно расширение объема знаний персонажа — процентщице известно, что Раскольников прячет под мышкой топор (поначалу интрига сохраняется: «*Нечто* прятал, бродяга, под мышкою» [Арбенин 2006]), она выдворяет его из квартиры — и трагедия оборачивается выдумкой. Во второй же говорится о том, что на пороге появляется сам Достоевский: «Приходил тут один, / С головой не в ладах, / Описать обещался в романчике» [Там же], — здесь реализуется одно из распространенных в массовом сознании представлений о Достоевском как о «юродивом», «припадочном», «сумасшедшем» [Загидуллина 1999: 86].

Однако за внешним комизмом интонаций и положений звучит важная для романистики XIX в. тема денег, лежащих в основе межчеловеческих отношений: люди расплачиваются векселями, за счет чего расширяется сеть взаимных обязательств. Потому и слова старухи-процентщицы производят пугающее впечатление: «Мне милей векселя — в них иная строка / Посильнее любого там Фауста» [Арбенин 2006] или «Хоть ножом меня режь, / Хоть сатирой сражай, / Всё одно — ничего не изменится. / Я опять соберу / Ваших душ урожай / А *шарманка* их смелет, как мельница!» [Там же]. Аккомпанемент шарманки («раздаются стенанья шарманки» [Там же]) не случаен — эта контрастно звучащая деталь привносит в текст песни отзвуки трагедии, развернувшейся в романе: «<…> звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок» [Достоевский 1989: 21].

Образ старухи-процентщицы сопоставляется с такими фольклорными персонажами, как Кощей Бессмертный («Я над златом цвету, а не чахну») и Баба-Яга: «двор петербургский колодезный» — «болотистый полумрак» — «болото» [Арбенин 2006], в которое «только ступишь ногой — и вовек не уйдёшь, не отцепишься» [Там же]. Наличие таких отсылок вкупе с литературными говорит о гетерогенном характере текста, опирающегося на индивидуально-авторскую и фольклорную традиции.

Старуха-процентщица оказывается наделенной неограниченной властью над человеческими душами, которые заносит к ней «лысый чертушка» [Там же], и так сближается не только с сатирическим типом ростовщика, но и с «вечными образами» русской и зарубежной литературы: «не зря изучают писатели» ее «вечно живую натуру» [Там же].

Следовательно, мотив бессмертия старухи-процентщицы должен трактоваться следующим образом: в восприятии рок-поэта Алена Ивановна становится «право имеющей» [Достоевский 1989: 244–248], и деньги дают ей власть «над всею дрожащею тварью и над всем

муравейником» [Там же: 311], тогда как его [поэта] лирическое «я» *совпадает с сознанием Раскольникова*: «Я для них тварь дрожащая, / Остальные вообще никто» (В.Е. Скородед, род. 1965) [Скородед 2011], в «Уездном городе N» Раскольников напрямую называется «молодежным героем», «затеявшим битву с дураками» (М.В. Науменко, 1955–1991) [Науменко 1983], но парадоксально впавшим в конфликт с самим собой. Крах его теории предрешен, главным дураком оказывается сам герой — решивший позволить себе преступление по совести и не выдержавший мучений последней.

Итак, классическая интерпретация смысла романа — падение и последующее воскрешение души человеческой — оказывается невозможной в рамках русской рок-поэзии. Поскольку поэтический текст не предполагает объективного взгляда со стороны, ситуация показана «изнутри»: поэт болезненно сосредотачивается на первопричине социальной несправедливости, символически воплощенной в «вечном» образе старухи-процентщицы, заостряет противоречия и представляет конфликт личности и существующей системы трагически неразрешимым. Последнее делает *старуху-процентщицу — наравне с Раскольниковым — центральным персонажем лирики этого направления*.

Раскольников в сознании рок-поэта предстает человеком, бросившим вызов существующей системе, но не понимающим, что его замысел заведомо обречен, при этом нередко подчеркивается почти комическое противоречие между социальной униженностью героя и владеющей им идеей («Вы — развратнейший тип, я тебя зарублю, / Вот только встану с постели и займу два рубля» [Киселев 1999]).

Примерно так же этот образ осмысляется и в песне «Умки и Броневичка» (А.Г. Герасимова, род. 1961) «Раскольников» [Герасимова 1986]. Обращает на себя внимание характер исполнения — женский вокал и печальные, почти медитативные интонации, только усиливающие впечатление от трансформации философской проблематики романа. Раскольников здесь называется «самым главным психом» и «автором множества покойников / Метафизических».

С одной стороны, он — «горестный комик» [Герасимова 1986], который как-то странно и вдруг обнаружил, что он «такая же точно вошь, как и все» [Достоевский 1989: 397]. Раскольников, по Писареву, «был слишком хорошим критиком, чтобы быть хорошим актером» [Писарев 1894: 337], потому ему и кричат: «Кончай!» [Герасимова 1986].

С другой стороны, герой — явление, пропущенное психиатрией. Писарев отрицает сумасшествие Раскольникова и выводит формулу: «Корень его болезни таился не в мозгу, а в кармане. Он был беден, <…> озлоблен, но нисколько не помешан» [Писарев 1894: 292]. Ум же его — «казуистический» [Там же: 329].

В этом контексте уточнение про «метафизических» покойников получает горько-ироническое звучание: и теория, и простая «арифметика» оказались не приложимы к жизни, а сам Раскольников выступил как автор отвлеченной абстракции и «больше ничего» [Герасимова 1986]. Отсюда и апатия («Он пьет остывший чай» [Там же], ср.: «Он лежал как давеча. Чай стоял нетронутый» [Достоевский 1989: 67]), и одиночество («И только Соня Мармеладова / На коленях перед ним» [Герасимова 1986]), которое усиливается за счет повторяющегося «они».

Очевидно, что эти номинации Раскольникова — разноголосица мнений-выкриков, доносящихся откуда-то со стороны, нарушающих одиночество и оттого ненавистных, через них воссоздается образ Петербурга, а оппозиция «я — другой», «свой — чужой» делается еще более устойчивой. Не случайно при всей синтаксической неоднозначности именно к этим «другим» обращены рефреном повторяющиеся строки: «Но я не верю им» и «Я ненавижу их», т. е. «стритовых алкоголиков», пророчащих героям «муку адову», связанную рифмой с именем Сони Мармеладовой [Там же]. Внутренняя убежденность в правомерности подчеркнутого «неверия» основывается на смысле эпилога и евангельском сюжете о воскрешении Лазаря.

Другим персонажем, имеющим надежду на возрождение, является *Свидригайлов* — двойник Раскольникова, конченый человек, чья последняя и единственная надежда на перерождение — Авдотья Романовна. Свидригайлов в разговоре с Раскольниковым, утверждающим, что «не верит в будущую жизнь» [Достоевский 1989: 272], вдруг говорит: «<…> будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [Там же: 272].

При этом на вопрос Раскольникова («А вы могли бы застрелиться?») Свидригайлов отвечает: «…боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней. Знаете ли, что я мистик отчасти?»

Свидригайлов действительно мистик, и стремление уравновесить свои грехи предсмертными благодеяниями вкупе с видениями и кошмарами тому подтверждение, иначе «*для чего* <…> *тогда* <…> *делать добро, если я умру на земле совсем?*» [Достоевский 1996: 550–551].

Следовательно, Свидригайлов верует в Бога, высшую справедливость и в воздаяние за грехи, а значит, боится смерти, потому и выдумывает для нее шуточный эвфемизм — «вояж» в Америку:

Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

[Непомнящий 1999b]

Рассмотренный комплекс мотивов составляет «ядро» характеристики Свидригайлова, при этом название альбома Непомнящего «Новые Похождения А.И. Свидригайлова (1968–1994)» задает лирического субъекта всего цикла.

«Свидригайловская банька» открывается образом «скользкой, крутой в небо лесенки» [Непомнящий 1999b], который задает вертикальную оппозицию «верха» (ценностно значимое, Рай) и «низа» (отторгаемое лирическим героем настоящее, Ад). Человек вправе сам сделать выбор между Раем и Адом, но ему «полчуда не хватает до вечности», а потому и «свидригайловская банька» раскидывается «от земли до звезд» и становится метафорой не только загробной, но и действительной жизни, Ада на земле «с пауками по углам да с чертями по дверям», где «вечно душно и тепло, свечку сажей замело».

Ограниченное — тупиковое — пространство тюрьмы и бани претерпевает гротескные трансформации, одновременно расширяясь и сужаясь до размеров комнаты.

«Вояж» Свидригайлова — следствие утраченных надежд; мотив принципиальной невозможности достичь мудрости, радости, неба у Непомнящего усиливается троичным повтором («полпяди-вдоха-чуда») и глаголами совершенного вида («не хватило»).

Свидригайлов надеялся на спасение: в системе персонажей романа Дуня может рассматриваться как функциональный двойник Сони Мармеладовой, поскольку ей также надлежало спасти «великого грешника». Однако, в отличие от Раскольникова, Свидригайлов оказывается недостоин «воскрешения»; его преступление («больные радости» и «невольные гадости») страшно тем, что совершено против ребенка. Детскость черт — признак душевной чистоты, искренности, невинности:

> А лицо у Христа было детское,
> Но морщинкой сквозь лицо — одиночество.
>
> [Непомнящий 1999b]

«Песенка про Аркадия Ивановича Свидригайлова» строится как прощание с жизнью: «Давай устроим шикарные проводы». Земная жизнь лишена содержания и красок: «Пустые улицы в даль без надежд», «А мир какой-то замызганный, серенькой» — и все же страх перед уходом из жизни слишком силен: «Руки попросит *душонка* в истерике» [Непомнящий 1999a].

Лирическому герою и Свидригайлову, оказавшимся на перепутье («На перекрестке внезапные стрелочки — / Кому домой, а *нам*, *грешным*, в объезд»), нет дороги к Богу («Кисель вранья о прекрасных мирах») и нет жизни на земле: земное существование — тюрьма («нас

забыли в тюрьме»), вечность же для них — банька с пауками, «симпатично зелеными чертиками» и «разговорами о чем-то святом».

В песне Е. Летова (И.Ф. Летов, 1964–2008) «Сто лет одиночества» «развеселый анекдотец про то, как Свидригайлов собра́лся в Америку» [Летов 1993] появляется уже после того, как «на седьмой день» [Бог] «махнул рукой», и становится приметой готовящегося самоубийства в оставленном Богом мире, из которого исчезают субституты категории прекрасного в поэтике Достоевского (красота, Иисус Христос, ребенок).

Таким образом, обостренное переживание бессмысленности борьбы с существующим миропорядком и социальной несправедливостью, государством, подавляющим любые попытки личности отстоять самое себя, толкает рок-поэтов к антигероям Достоевского.

Происходит перераспределение «веса» персонажей. Главный герой романа оказывается всего лишь «одним из», всяким и каждым, кто решится бросить вызов системе — и проиграет, тогда как значимость фигур Алены Ивановны и Свидригайлова, напротив, возрастает. Так, старуха-процентщица — аллегорическое воплощение государственности; Свидригайлов не двойник Раскольникова, а самостоятельная фигура, исполненная высокого трагизма: он, как и все, грешен, отрезан от Рая, в своем крайнем цинизме лишен даже возможности обманываться, и последнее, что ему остается, — горькая ирония над собой, жизнью и даже экзистенциальной проблемой посмертного бытия человека.

При этом Сонечка Мармеладова — нравственный антипод Раскольникова и один из центральных образов романа — встречается в текстах лишь единожды, поскольку не включена в конфликт личности и общества, а выступает его жертвой, как и сам Раскольников (следовательно, это место в системе персонажей уже занято героем, характер которого тождественен лирическому «я» рок-поэта, более выразителен и схож с демоническими образами мрачного, готического романтизма).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авилова Е.Р., Васильчук Е.О.* Категория абсурда в идейном базисе панк-субкультуры // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Вып. 14. Тверь, 2013. С. 53–61.
2. *Арбенин К.* («Зимовье зверей»). «Куплеты старухи-процентщицы», 2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=385 (дата обращения: 08.10.2023).
3. *Герасимова А.* («Умка и Броневичок»). «Раскольников», 1986. [Электронный ресурс] URL: https://teksty-pesenok.ru/rus-umka-i-bronevichok/tekst-pesni-raskolnikov/1939017/ (дата обращения: 08.10.2023).

4. *Гоголь Н.В.* Шинель. I. Повесть о чиновнике крадущем шинели // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. Повести. М.; Л., 1938. С. 446–450.
5. *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия: текст и контекст. М., 2010.
6. *Достоевский Ф.М.* «Преступление и наказание» // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Л., 1989.
7. *Достоевский Ф.М.* Письма. 190. Н.Л. Озмидову. Февраль 1878. Петербург // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 550–551.
8. *Загидуллина М.В.* Пушкин и Достоевский как народные герои (к вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения) // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1999. № 1. С. 84–90.
9. *Ильин А.* («План Ломоносова») «Киберпанк», 2012. [Электронный ресурс] URL: https://genius.com/Plan-lomonosova-cyberpunk-lyrics (дата обращения: 08.10.2023).
10. *Киселев В.* (Василий К.). «Достоевский жив», 1999. [Электронный ресурс] URL: http://vassilyk.ru/dostoevskiy/ (дата обращения: 08.10.2023).
11. *Науменко М.* («Зоопарк»). «Уездный город N», 1983. [Электронный ресурс] URL: https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html (дата обращения: 08.10.2023).
12. *Непомнящий А.* «Песенка про Аркадия Ивановича Свидригайлова» // Новые похождения А. И. Свидригайлова (1968–1994), 1999a. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (дата обращения: 08.10.2023).
13. *Непомнящий А.* «Свидригайловская банька» // Новые похождения А.И. Свидригайлова (1968–1994), 1999b. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=222 (дата обращения: 08.10.2023).
14. *Непомнящий А.* «Стекло (Отчуждение)», 2001. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=270 (дата обращения: 08.10.2023).
15. *Писарев Д. И.* Борьба за жизнь // Писарев Д.И. Сочинения: полное собрание в 6 т. Т. 6. СПб., 1894. С. 283–345.
16. *Скородед В.* («Монгол Шуудан»). «Любо, любо мне» (альбом «Естественный отбор»), 2011. [Электронный ресурс] URL: https://genius.com/Mongol-shuudan-nicely-to-me-nicely-lyrics (дата обращения: 08.10.2023).

REFERENCES

1. Arbenin K. ("Zimov'e zverej"). *Kuplety staruhi-procentshhicy* [Verses of the old woman pawnbroker], 2006. [Electronic resource] URL: http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=385 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
2. Avilova E.R., Vasil'chuk E.O. *Kategoriya absurda v ideynom bazise pank-subkul'tury.* [The category of the absurd in the ideological basis of the punk subculture]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. №14. Tver', 2013. P. 53–61. (In Russ.)
3. Domanskiy Yu.V. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. Moscow, *Intrada — Izdatel'stvo Kulaginoy,* 2010. 230 p. (In Russ.)
4. Dostoevsky F.M. *Pis'ma.* 190. *N.L. Ozmidovu. Fevral'* 1878. *Peterburg* [Letters. 190. To N.L. Ozmidov. February 1878. Petersburg]. Dostoevsky F.M. Collected Works: in 15 vol. T. 15. St. Petersburg: *Nauka,* 1996. P. 550–551.
5. Dostoevsky F.M., *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Dostoevsky F.M. Collected works in 15 vol. Leningrad, *Nauka,* 1989. T. 5. 575 p. (In Russ.)

6. Gerasimova A. (“Umka i Bronevichok”). *Raskolnikov* [Raskolnikov], 1986. [Electronic resource] URL: https://teksty-pesenok.ru/rus-umka-i-bronevichok/tekst-pesni-raskolnikov/1939017/ (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
7. Gogol N.V. *Shinel I. Povest’ o chinovnike kradushhem shineli* [Overcoat. I. The story of the clerk who steals overcoats] // Gogol N.V. Complete works: in 14 vols. T. 3. Tales. Moscow, Leningrad, *USSR Academy of Sciences Publishing House,* 1938. P. 446–450. (In Russ.)
8. Il’in A. (“Plan Lomonosova”) *Kiberpank* [Cyberpunk], 2012. [Electronic resource] URL: https://genius.com/Plan-lomonosova-cyberpunk-lyrics (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
9. Kiselev V. (Vasily K.), *Dostoevskij zhiv* [Dostoevsky is alive], 1999. URL: http://vassilyk.ru/dostoevskiy/ (accessed: 18.09.2023) (In Russ.)
10. Naumenko M. (“Zoopark”), *Uezdnyj gorod N* [District town N], 1983. URL: https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html (accessed: 18.09.2023) (In Russ.)
11. Nepomnyashchij A. *Pesnja pro Arkadija Ivanovicha Svidrigajlova* [Song about Arkady Ivanovich Svidrigailov] // New Adventures of A.I. Svidrigailov (1968–1994), 1999a. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
12. Nepomnyashchij A. *Steklo (Otchuzhdenie)* [Glass (alienation)], 2001. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=270 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
13. Nepomnyashchij A. *Svidrigajlovskaja ban’ka* [Svidrigailov’s bathhouse]. New Adventures of A. I. Svidrigailov (1968–1994), 1999b. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=222 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
14. Pisarev D.I. *Bor’ba za zhizn’* [The struggle for life]. Pisarev D.I. Complete Works in 6 vol. Vol. 6. St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1894. P. 283–345. (In Russ.)
15. Skoroded V. (“Mongol Shuudan”). *Ljubo, ljubo mne* [Lovely, lovely to me] (album “Natural selection”), 2011. [Electronic resource] URL: https://genius.com/mongol-shuudan-nicly-to-me-nicly-lyrics (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
16. Zagidullina M.V. *Pushkin i Dostoevskij kak narodnye geroi (k voprosu o massovom vosprijatii lichnosti i sud’by genija)* [Pushkin and Dostoevsky as folk heroes (on the issue of mass perception of the personality and fate of a genius)]. *Bulletin of Chelyabinsk University. Ser.* 2, 1999. P. 84–90. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.10.2023
Принята к публикации 10.12.2023
Отредактирована 10.01.2024

Received 13.10.2023
Accepted 10.12.2023
Revised 10.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Лочмелис Елизавета Романовна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dostfm182181@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Lochmelis — PhD Candidate, Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dostfm182181@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 177–187
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 177–187

САРАТОВСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

САРАТОВСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ПРОБЛЕМАТИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

О.И. Дмитриева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; oidmitrieva55@yandex.ru

Аннотация: В статье представлена проблематика исследований саратовских дериватологов, описаны основные результаты работы участников Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», функционирующего на базе Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (СГУ) с 2008 года под руководством профессоров О.И. Дмитриевой и О.Ю. Крючковой, обозначены научные перспективы дальнейшей деятельности семинара. Показано, что исследовательские традиции в области словообразовательной дериватологии складывались в Саратовском университете в русле разработки синхронно-диахронного метода анализа семантико-словообразовательных подсистем и словообразовательных процессов. Его применение способствует осмыслению механизма словопроизводства, выявлению словообразовательного потенциала языка. В рамках дериватологической проблематики в СГУ сложился основной состав ее разработчиков, определены научные направления исследования в области словообразовательной и лексико-семантической динамики, опубликовано 7 сборников научных статей, 8 монографий (2 из которых — коллективные), защищено 3 докторские и 6 кандидатских диссертаций. Научная деятельность осуществляется в нескольких направлениях: 1) разработана общая методика синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем и процессов, обоснованы принципы синхронно-диахронного анализа семантико-словообразовательных подсистем, выявлены и описаны основные тенденции языковой динамики; 2) осуществлены комплексные синхронно-диахронные описания ряда словообразовательных процессов (внутриглагольная префиксация, редупликация), семантико-словообразовательных подсистем (отвлеченные существительные, агентивные глаголы, эволютивные глаголы); 3) уточнена и систематизирована общая методика синхронно-диахронного исследования коренных словообразовательных гнезд, выполнено синхронно-диахронное описание гнезд с отдельными этимологическими корнями; 4) выявлены ведущие тенденции неологизации как синхронно-диахронного процесса в системе глагольной лексики русского языка; 5) поставлена проблема исследования метафоризации как деривационного процесса; 6) актуальным

© Дмитриева О.И., 2024

для саратовских дериватологов остается вопрос о динамике соотношения системно-языкового и индивидуально-авторского в процессе словотворчества, а также системно-языкового и функционального, определяющегося спецификой использования словообразовательных и лексических средств в тексте.

Дальнейшую перспективу определяет исследование семантико-словообразовательной специфики процесса неологизации глагольной лексики с позиций языковой диахронии, выявление факторов когнитивного моделирования языкового сознания носителей языка средствами словообразования, описание эволюции макроединиц словообразовательной системы: словообразовательных категорий и словообразовательных гнезд, их синхронно-диахронный анализ. Наряду с уже имеющимися синхронно-диахронными описаниями других семантико-словообразовательных подсистем это должно в конечном счете способствовать выработке концепции исторической дериватологии.

Ключевые слова: дериватология; синхронно-диахронный анализ; динамика семантико-словообразовательных подсистем и словообразовательных процессов; динамика неологизации языка; эволюция макроединиц словообразования

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-12

Для цитирования: *Дмитриева О.И.* Саратовская дериватологическая школа: проблематика, результаты, перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 177–187.

SARATOV SCHOOL OF DERIVATOLOGY: PROBLEMS, RESULTS, PROSPECTS

O.I. Dmitrieva

Chernyshevskij Saratov State University, Saratov, Russia; oidmitrieva55@yandex.ru

Abstract: The article presents the leading issues of research by Saratov derivatologists, describes the main results of the joint scientific search of the participants of the International Scientific Seminar “Development of the word-formation and lexical system of the Russian language”, functioning on the basis of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (SGU) since 2008 under the guidance of professors O.I. Dmitrieva and O.Y. Kryuchkova, scientific prospects for further work are indicated. It is shown that research traditions in the field of word-formation derivatology developed at Saratov University in line with the development of a synchronous-diachronic method for analyzing semantic-word-forming subsystems and word-forming processes. Its application contributes to the understanding of the mechanism of word production, the identification of the word-formation potential of the language. Within the framework of derivatological issues, SGU has formed the main staff of its developers, identified scientific areas of research in the field of word-formation and lexico-semantic dynamics, published 7 collections of scientific articles, 8 monographs (2 of which are collective), 3 doctoral and 6 candidate dissertations were defended. Scientific activity is carried out in several direc-

tions: 1) a general methodology for the synchronous-diachronic study of word-formation subsystems and processes has been developed, the principles of synchronous-diachronic analysis of semantic-word-formation subsystems have been substantiated, the main trends in language dynamics have been identified and described; 2) complex synchronous-diachronic descriptions of a number of word-formation processes (intraverbal prefixation, reduplication), semantic-word-formation subsystems (abstract nouns, agentive verbs, evolutive verbs) were carried out; 3) diachronic description of word families with separate etymological roots; 4) the leading tendencies of neologization as a synchronous-diachronic process in the system of verbal vocabulary of the Russian language have been identified; 5) the problem of studying metaphorization as a derivational process is posed; 6) for Saratov derivatologists, the issue of the dynamics of the correlation of system-linguistic and individual-authorial in the process of word creation, as well as system-linguistic and functional, determined by the specifics of the use of word-building and lexical means in the text, remains relevant.

The further perspective is determined by the study of the semantic and derivational specifics of the process of neologization of verbal vocabulary from the standpoint of linguistic diachrony, the identification of factors of cognitive modeling of the linguistic consciousness of native speakers by means of word formation, the description of the evolution of macro-units of the word-formation system: word-formation categories and word-formation families, their synchronous-diachronic analysis. Along with the already available synchronous-diachronic descriptions of other semantic-derivative subsystems, this should ultimately contribute to the development of the concept of historical derivatology.

Keywords: derivatology; synchronous-diachronic analysis; dynamics of semantic-word-formation subsystems and word-formation processes; dynamics of language neologization; evolution of word-formation macro-units

For citation: Dmitrieva O.I. (2024) Saratov School of Derivatology: Problems, Results, Prospects. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 177–187.

Исследования в области русского словообразования в Саратовском университете получили системный и коллективный характер с начала двухтысячных годов, причем как исследования преимущественно исторической направленности. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, по итогам конференции в Звенигороде в 1989 году, в которой участвовали саратовские дериватологи М.В. Черепанов, Э.П. Кадькалова и Ю.Г. Кадькалов, были определены общие направления и задачи исторической дериватологии, изложенные в программной статье И.С. Улуханова «Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка» [Улуханов 1994]. Во-вторых, в работах Л.И. Баранниковой, основоположника Саратовской лингвистической школы, была обоснована возможность синхронно-диахронного исследования словообразовательных процессов как способа преодоления разрыва

между синхронным и диахроническим словообразованием, между общей теорией и описанием отдельных фактов: «Сам факт признания двух разных подходов к языку: синхронного, опирающегося на системный анализ языковых фактов, и диахронного, лишенного будто бы такой опоры, вызвал необходимость преодоления существующего противопоставления и прежде всего использования системных связей в диахронических исследованиях» [Баранникова 1997: 5]. Правомерен динамический подход и к синхронному изучению деривационных процессов, когда особенно важны факты разграничения продуктивных, непродуктивных и малопродуктивных, регулярных и нерегулярных словообразовательных типов и моделей. Такой подход был успешно применен М.В. Черепановым к изучению динамики глагольных словообразовательных типов и отражен в монографии «Очерк словообразовательной типологии русского глагола» [Черепанов 2004].

Методика синхронно-диахронного анализа была разработана и представлена в ряде монографий саратовских дериватологов: Л.В. Балашовой «Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков) [Балашова 1998], О.Ю. Крючковой «Редупликация как явление словообразования» [Крючкова 2000], О.И. Дмитриевой «Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации» [Дмитриева 2005], Э.П. Кадькаловой «К изучению законов словопроизводства: агентивные глаголы в русском языке» [Кадькалова 2007], Ю.Г. Кадькалова «Из истории отвлеченных существительных: имена с суффиксом –uj-(-j) в русском языке» [Кадькалов 2007].

В основе синхронно-диахронного анализа лежит представление о словообразовательной диахронии как непрерывном процессе. Синхронно-диахронное исследование словообразовательных подсистем (например, русских агентивных глаголов), словообразовательных процессов (например, глагольной префиксации, редупликации) дает возможность охватить весь письменный период истории русского языка с целью выявления закономерностей формирования словообразовательных связей и отношений. Ключевым принципом синхронно-диахронного метода является принцип последовательного исторического подхода к исследуемому объекту, что достигается максимально полным включением в систему анализа языкового материала лексикографических, текстовых и корпусных источников на каждом из выделенных для синхронно-диахронного анализа исторических языковых срезов. Этапы языковой эволюции в синхронно-диахронных исследованиях, как правило, соответствуют основным периодам письменной истории русского языка: древнерусский (XI–XIV вв.), старорусский (XV–XVII вв.), период форми-

рования единого национального литературного русского языка (XVIII — н. XIX вв.), современный русский язык. Обозначенные этапы языковой эволюции обладают значительной протяженностью, поэтому на каждом из них анализируемые процессы претерпевают как структурные, так и семантические изменения. Были определены основные *принципы синхронно-диахронного анализа*, к которым относятся: 1) принцип системности, позволяющий опираться на положения общей теории языка и использовать разные приемы анализа языкового материала (например, создания динамической модели исследуемого процесса); 2) принцип комплексного и многоаспектного подхода к исследованию семантико-словообразовательных подсистем (структурного, семантико-когнитивного, жанрово-стилистического); 3) принцип последовательного исторического подхода к изучаемому объекту с опорой на большой языковой материал, достаточный для выявления тенденций языковой динамики.

Проблемы словообразовательной динамики и развития лексико-семантической системы русского языка, дальнейшая разработка синхронно-диахронного анализа словообразовательных процессов определили главный вектор исследований саратовских дериватологов. Эти проблемы находятся в центре внимания участников семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы языка», который начал работать на базе Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского с 2008 года [далее — словообразовательного семинара][1]. В 2010 году он стал международным, так как в его работу включились дериватологи из Белоруссии и Казахстана. Постоянными участниками научного сообщества являются исследователи из университетов Саратова, Казани, Волгограда, Нижнего Новгорода, Самары, Донецка. В разные годы в работу семинара включались дериватологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга и Красноярска. Материалы семинара публиковались как раздел сборника «Предложение и Слово» [Материалы 2008; 2010], в даль-

[1] См.: *Дмитриева О.И.* VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 238–241; *Она же*. Актуальные проблемы современной дериватологии в трудах научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой (Саратов, 27–28 октября 2016 г.) / Отв. ред. О.И. Дмитриева, С.А. Семеновская. Саратов: Амирит, 2016. С. 5–12; *Она же*. III Республиканский научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов. 18–21 ноября 2010 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. С. 74–75.

нейшем регулярно издаются как отдельный сборник научных статей «Развитие словообразовательной и лексической системы языка» [Развитие 2009; 2016; 2020; 2021].

В монографии О.И. Дмитриевой и О.Ю. Крючковой «Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты» обозначены основные тенденции и факторы языковой динамики, выявленные в ходе синхронно-диахронного анализа языкового материала. К ним относятся жанрово-стилистическая дифференциация словообразовательных средств; развитие оценочности и качественности; образование и устранение словообразовательной синонимии и дублетности; аффиксальное усложнение как путь пополнения словообразовательного словаря [Дмитриева, Крючкова 2010]. В коллективной монографии «Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка» [Динамика 2010], издание которой было осуществлено при поддержке РГНФ, основное внимание дериватологов было направлено на изучение эволюции макроединиц словообразования, прежде всего этимолого-словообразовательных гнезд и словообразовательных типов, исследовались проблемы системно-языковой и национально-культурной динамики деривационных процессов, динамики соотношения системно-языкового и индивидуально-авторского в связи с использованием окказиональной лексики в художественной речи.

Значительная теоретико-систематизирующая роль в определении направления деятельности семинара, в осмыслении его фундаментальных позиций принадлежит работам Э.П. Кадькаловой. XVI Международный научный семинар «Развитие лексической и словообразовательной системы русского языка» (Саратов, СГУ, октябрь 2016 г.) был посвящен памяти этого глубокого исследователя. Опубликованная уже после ее ухода из жизни книга «Выход в теорию словообразования: к соотношению понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность» [Кадькалова 2015], подготовленная к изданию Ю.Г. Кадькаловым, дает целостное представление о концептуальности исследований ученого в области русской дериватологии. Многие перспективные и основополагающие ее идеи были высказаны в разные годы в трудах научного семинара.

Э.П. Кадькаловой как ученому было свойственно стремление не просто к детальному анализу языковых фактов, но и к объяснению этих фактов в соотнесении с другими. Системный подход к объекту изучения, объяснительность в подходе к его интерпретации — основополагающие черты ее научной методологии. Важная для ученого мысль о том, что процесс образования новых слов разверты-

вается во времени, что словообразование в своей сущности исторично, что реальное словопроизводство всегда диахронно, является ключевой для участников словообразовательного семинара.

Различные аспекты анализа динамических тенденций в области русской словообразовательной деривации, исследование динамики средств и моделей деривации, комплексных единиц словообразования оказались в центре внимания авторов еще одной коллективной монографии, «Динамические аспекты русского словообразования», опубликованной в 2021 году [Динамические аспекты 2021].

Как одна из исследовательских задач в последние годы обозначилось динамическое изучение процесса неологизации отдельных семантико-словообразовательных подсистем языка в широкой исторической перспективе и в наиболее динамичные периоды языковой истории, что способствует выявлению общих закономерностей активного пополнения словаря новообразованиями. Изучение словообразовательной динамики определяет в значительной степени возможность выявления динамики языковой картины мира. Сложная система единиц и способов словообразования не складывается однажды и навсегда, она находится в состоянии постоянного развития, взаимодействия ее элементов, поэтому динамический анализ производного слова, структурных компонентов производного слова дает представление о закономерностях эволюции тех или иных базовых концептов. Особенности словообразовательной деривации, определяющие эвристическую ценность данных словообразования для исследований когнитивной направленности, постоянно находятся в сфере внимания многих участников словообразовательного семинара.

Актуальным для саратовских дериватологов остается и вопрос о соотношении системно-языкового и индивидуально-авторского в процессе словотворчества, а также соотношения системно-языкового и функционального, то есть определяющегося спецификой использования словообразовательных и лексических средств в тексте. Несомненно, в дальнейшей деятельности участников словообразовательного семинара должны появиться и новые интересные аспекты исследования.

30–31 октября 2023 года в Саратове прошел IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», в котором приняли участие такие видные отечественные дериватологи, как Е.В. Петрухина (Москва), Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород), А.Л. Шарандин (Тамбов), В.И. Теркулов (Донецк), М.В. Косова и Е.М. Шептухина (Волгоград).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998. 216 с.
2. *Баранникова Л.И.* О соотношении системного и диахронического подхода к языку [из истории вопроса] // Язык и общество. Вып 11. Саратов, 1997. С. 3–6.
3. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: Коллективная монография / Под ред. О.И. Дмитриевой. Саратов, 2010. 370 с.
4. Динамические аспекты русского словообразования / О.Ю. Крючкова, Л.В. Балашова, О.И. Дмитриева и др. / Под ред. О.И. Дмитриевой и О.Ю. Крючковой. Саратов, 2021. 228 с.
5. *Дмитриева О.И.* Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / Под ред. О.Ю. Крючковой. Саратов, 2005. 224 с.
6. *Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю.* Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов, 2010. 364 с.
7. *Дмитриева О.И.* VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 238–241.
8. *Дмитриева О.И.* Актуальные проблемы современной дериватологии в трудах научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой (Саратов, 27–28 октября 2016 г.) / Отв. ред. О.И. Дмитриева, С.А. Семеновская. Саратов, 2016. С. 5–12.
9. *Дмитриева О.И.* III Республиканский научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов. 18–21 ноября 2010 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. С. 74–75.
10. *Кадькалов Ю.Г.* Из истории отвлеченных существительных: имена с суффиксом –uj-(-j) в русском языке. Саратов, 2007. 120 с.
11. *Кадькалова Э.П.* К изучению законов словопроизводства: агентивные глаголы в русском языке. Саратов, 2007. 216 с.
12. *Кадькалова Э.П.* Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов, 2015. 341 с.
13. *Крючкова О.Ю.* Редупликация как явление русского словообразования / Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов, 2000. 264 с.
14. Материалы второго научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», посвященного 80-летию профессора М.В. Черепанова // Предложение и слово. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2008. С. 402–505 [Материалы 2008].
15. Предложение и слово. Книга 2. Материалы IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», Саратов, 14–16 октября 2010 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов: Издательство, 2010. 328 с. [Материалы 2010]
16. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы III Республиканского научного семинара 18–21 ноября 2009 г. Саратов, 2009. 300 с. [Развитие 2009]

17. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой. Саратов, 27–28 октября 2016 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева, С.А. Семеновская. Саратов, 2016. 273 с. [Развитие 2016]
18. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета. Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов, 2020. 152 с. [Развитие 2020]
19. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы VIII Международного научного семинара. Саратов, 28–29 октября 2021 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева, С.А. Семеновская. Саратов, 2021. 111 с. [Развитие 2021]
20. *Улуханов И.С.* Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 3–16.
21. *Черепанов М.В.* Очерк словообразовательной типологии русского глагола. Саратов, 2004. 606 с.

REFERENCES

1. Balashova L.V. Metafora v diahronii (na materiale russkogo jazyka XI–XX vekov) [Metaphor in diachrony (based on the material of the Russian language of the XI–XX centuries)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. 216 p. (In Russ.)
2. Barannikova L.I. O sootnoshenii sistemnogo I diahronicheskogo podxoda k jazyku (Iz istorii voprosa) [On the ratio of the systemic and diachronic approaches to language (from the history of the problem)]. Jazyk i obshestvo. Vyp. 11. Saratov, 1997, pp. 3–6.
3. Dinamika semantiko-slovoobrazovatelnyh podsistem russkogo jazyka: Kollektivnaja monografija / Pod. red. O.I. Dmitrievoj [Dynamics of semantic and word-formation subsystems of the Russian language: A collective monograph / Edited by O.I. Dmitrieva]. Saratov, Nauchnaja kniga, 2010. 370 p.
4. Dinamicheskije aspekty russkogo slovoobrazovanija / O.Y. Kryuchkova, L.V. Balashova, O.I. Dmitrieva i dr. / Pod. red. O.I. Dmitrievoj i O.Y. Kryuchkovoj [Dynamics aspect of Russian word-formation]. Saratov, Saratov State University Publlishing House, 2021. 228 p.
5. Dmitrieva O.I. Dinamicheskaja model russkoj vnutriglagolnoj prefiksacii / Pod. red. O.Ju. Kryuchkovoj [Dynamic model of Russian intraverbal prefix]. Saratov, State University Publlishing House, 2005. 224 p.
6. Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Ju. Dinamika slovoobrazovatelnyh protsessov: semantiko-kognitivnyj, zhanrovo-stilisticheskij, strukturnyj aspekty [Dynamics of word-formation processes: semantic-cognitive, genre-stylistic, structural aspects]. Saratov, Nauchnaja kniga, 2010. 364 p.
7. Dmitrieva O.I. VII Mezhdunarodnyj nauchnyj seminar «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka» [VII International scientific seminar «Development of the word-formation and lexical system of the Russian language»]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Filologija. Zhurnalistika*. 2020, Vyp. 2 (20), pp. 238–241.
8. Dmitrieva O.I. Aktualnye problemy sovremennoj derivatioogii v trudah nauchnogo seminara «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka» [Actual problems of modern derivatology in the proceedings of the scientific seminar «Development of the word-formation and lexical system of the Russian language»

dedicated to the memory of Professor E.P. Kadkalova. Saratov. October 27–28, 2016 // Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka / Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvyashonnogo pamyati professora E.P. Kadkalovoj (Saratov, 27–28 oktyabrya 2016 g.) / Otv. red. O.I. Dmitrieva, S.A. Semenovskaja. Saratov: Amirit, 2016, pp. 5–12.

9. Dmitrieva O.I. III Respublikanskij nauchnyj seminar «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka» [III Republican scientific seminar «Development of the word-formation and lexical system of the Russian language»]. Saratov. November 18–21, 2010 // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Filologija. Zhurnalistika*. 2010. Vol. 10, pp. 74–75.
10. Kadkalov Ju.G. Iz istorii otvlechennyh sushestvitelnyh: imena s suffiksom -uj-(-j) v russkom jazyke [From the history of abstract nouns: names with the suffix-uj-(-j) in Russian]. Saratov, Izdatelskij tsentr «Nauka», 2007. 120 p.
11. Kadkalova E.P. K izucheniju zakonov slovoproizvodstva: Agentivnye glagoly v russkom jazyke [To the study of the laws of word production: Agentive verbs in Russian]. Saratov, Izdatelskij tsentr «Nauka», 2007. 216 p.
12. Kadkalova E.P. Vyhod v teoriju slovoobrazovanija: k voprosy o sootnoshenii ponyatij slovoobrazovatelnaja proizvodnost i slovoobrazovatelnaja motivirovannost [Move to the theory of word formation: on the question of relationship between the concept of word-formation derivation and word-formation motivation]. Saratov: OOO «Bukva», 2015. 341 p.
13. Kryuchkova O.Y. Reduplikacija kak javlenie russkogo slovoobrazovanija [Reduplication as the aspect of Russian language]. Ed. L.I. Barannikovoj. Saratov, Saratov State University, 2000. 264 p.
14. Materialy vtorogo Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka», posvyashonnogo 80-letiju professora M.V. Cherepanova [Materials of the second scientific seminar «Development of the word-formation and lexical system of the Russian language» dedicated the 80th anniversary of Professor M.V. Cherepanov] // Predlozhenie i slovo. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov, Izdatelskij tsentr «Nauka», 2008. pp. 402–505.
15. Predlozhenie i slovo. Kniga 2. Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka» [Sentence and word. Book 2. Materials of the IV International scientific seminar. Saratov. October 14–16, 2010] / Otv. red. O.I. Dmitrieva. Saratov, Izdatelstvo Nauchnaja kniga, 2010. 328 p.
16. Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka / Materialy III respublikanskogo nauchnogo seminara [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language. Materials of the III republican scientific seminar]. Saratov. November 18–21, 2009. Saratov, Izdatelskij tsentr «Nauka», 2009. 300 p.
17. Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvyashonnogo pamyati professora E.P. Kadkalovoj [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language. Material of the VI International scientific seminar dedicated to the memory of Professor E.P. Kadkalova]. Saratov, October 27–28, 2016 / Otv. red. O.I. Dmitrieva, S.A. Semenovskaja. Saratov, Amirit, 2016. 273 p.
18. Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka. Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka», posvyashonnogo 110-letiju Saratovskogo gocudarstvennogo universiteta [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language. Material of the VII International scientific

seminar dedicated to the 110th anniversary of Saratov University]. November 1, 2019 / Otv. red. O.I. Dmitrieva. Saratov, Amirit, 2020. 152 p.
19. Razvitie slovoobrazovatelnoj i leksicheskoj sistemy russkogo yazyka Materialy VIII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language. Material of the VIII International scientific seminar]. Saratov, October 28–29, 2021 / Otv. red. O.I. Dmitrieva, S.A. Semenovskaja. Saratov, Amirit, 2021. 111 p.
20. Uluhanov I.S. Sostojanie I perspektivy izuchnija istoricheskogo slovoobrazovanija russkogo jazyka [The state and prospects of studying the historical word formation of the Russian language] // Issledovanija po istoricheskomu slovoobrazovaniju [Research on historical word formation]. Moscow, 1994, pp. 3–16.
21. Cherepanov M.V. Ocherk slovoobrazovatelnoj tipologii russkogo glagola [An essay on the word-formation typology of the Russian verb]. Saratov, 2004. 606 p.

Поступила в редакцию 20.06.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 17.03.2024

Received 20.06.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 17.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Ольга Ивановна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и медиаобразования Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; oidmitrieva55@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Dmitrieva — Prof. Dr., Head of the Department of Russian Philology and Media Education, Institute of Philology and Journalism, Chernyshevskij Saratov State University; oidmitrieva55@yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 188–201
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 188–201

СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ УСЛОЖНЕННЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ КАК МЕТОДИКА ИХ ИЗУЧЕНИЯ

О.Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; vpks@rambler.ru

Аннотация: Специфика суффиксального усложнения, имеющего выраженную динамическую природу, требует применения синхронно-диахронного подхода к его изучению. Синхронно-диахронное исследование усложненных формантов предполагает учет предшествующих исторических изменений при анализе синхронных состояний, изучение динамических процессов в словообразовательной и лексико-семантической подсистемах языка в определенные исторические периоды его развития.

Методика синхронно-диахронного анализа словообразовательных моделей с генетически усложненными словообразовательными аффиксами представлена на примере суффикса *–ниц(а)* с предметным значением. Синхронно-диахронный анализ производных слов с суффиксом *–ниц(а)* — изучение системных отношений имен существительных с суффиксом *–ниц(а)* в древнерусский, старорусский периоды — выявляет генетическую связь и историческое взаимодействие семантически близких в современном русском языке словообразовательных типов с суффиксом *–ниц(а)* и с суффиксом *–н(я)*, включающих производные слова со значением вместилища и помещения.

Суффикс *–ниц(а)* с предметным значением формируется в моделях суффиксального усложнения «*-н(я)* + *-иц(а)*» в группе nomina loci. В ходе исторического развития наблюдается расширение семантической сферы действия сложного форманта *–ниц(а)*, выход за пределы группы наименований помещений. Структурно-семантическое и функциональное становление нового сложного форманта поддерживалось как особенностями деривации nomina loci, так и аналогическим влиянием близких в структурном и семантическом отношениях лексических единиц. Результатом исторического развития суффикса *–ниц(а)* становится изменение его отношений с суффиксом *–н(я)* — переход от отношений мотивации к отношениям кодеривации, увеличение продуктивности нового сложного форманта, его победа в конкуренции с генетически родственным суффиксом *–н(я)*.

Ключевые слова: словообразование; русский язык; синхронно-диахронный анализ; имена существительные; суффиксальное усложнение; сложные суффиксы; предметное значение; суффикс *–ниц(а)*

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-13

© Крючкова О.Ю., 2024

Для цитирования: *Крючкова О.Ю.* Синхронно-диахронный анализ усложненных суффиксальных формантов как методика их изучения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 188–201.

SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC ANALYSIS OF COMPLEX SUFFIXAL FORMANTS AS A METHOD OF THEIR STUDY

O.Yu. Kryuchkova

Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; vpks@rambler.ru

Abstract: Particular characteristics of suffixal complication, which has an articulated dynamic nature, require the application of synchronous and diachronic approaches to their study. Synchronous and diachronic study of complex formants implies the consideration of the previous historical changes when analysing synchronous states, as well as the study of dynamic processes in the word-formational, lexical and semantic subsystems of a language in determinate historical stages of its development.

The method of synchronous and diachronic analysis of word-formation models with genetically complex word-formation affixes is presented by the example of the suffix *–nits(a)* with an object meaning. Synchronous and diachronic analysis of derived words with the suffix *–nits(a)*, which implies the study of systemic relations between the nouns with the suffix *–nits(a)* in the Old Russian in the different stages of its development, reveals a genetic connection and a historical interaction of the modern Russian word-formation types with the suffixes *–nits(a)* and *–n(ya)*, which are close semantically and include the derived words with the meaning of container and premises.

The suffix *–nits(a)* with an object meaning is formed in the suffixal complication models "*–n(ya)* + *–its(a)*" in the nomina loci group. During its historical development, an extension of the semantic scope of application of the complex formant *–nits(a)* is observed, and its meaning transcends the boundaries of the names of premises group. The structural and functional evolvement of a new complex formant is empowered both by the peculiarities of nomina loci derivation and by the analogous influence of structurally and semantically close lexical units. The historical development of the suffix *–nits(a)* results in the following changes in its relations with the suffix *–n(ya)*: the transition from the motivation relations to the relations of co-derivation, the increased productivity of the new complex formant, its prevalence in the competition with the genetically related suffix *–n(ya)*.

Keywords: word formation; the Russian language; synchronous and diachronic analysis; affixal complication; complex suffixes; denotation; suffix *–nits(a)*

For citation: Kryuchkova O.Yu. (2024) Synchronous and Diachronic Analysis of Complex Suffixal Formants as a Method of Their Study. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 188–201.

Образование новых, сложных по своему составу аффиксов — процесс, действующий на всех этапах языковой диахронии. А.И. Кузнецова пишет: «Процесс объединения суффиксов в устойчивые цепочки (функционирующие как единый, хотя и сложный по своему составу, суффикс) наблюдается не только в праславянский или древнерусский периоды, но и в настоящее время — в современном русском языке» [Кузнецова 1987: 98]. Факты подобных суффиксальных и аффиксальных наращений приведены в работах А. Мейе, А.Л. Дювернуа, Н.В. Крушевского, Ж.Ж. Варбот, В. Кипарского, В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, А.И. Кузнецовой, Л.И. Ройзензона, Е.А. Земской. К настоящему времени сделано немало наблюдений об условиях, стимулирующих формирование новых суффиксальных формантов на основе суффиксальных последовательностей, а проблема аффиксального усложнения осмыслена как одна из важнейших проблем морфемики и словообразования славянских языков, ср.: «Центральной проблемой развития аффиксальной системы славянских языков нам представляется проблема формирования и функционирования вторичных, усложненных по структуре, аффиксальных морфов (суффиксальных и префиксальных) на базе более простых, первичных морфов» [Лопатин, Улуханов 1988: 190] (обзор отмеченных в ряде работ факторов образования новых усложненных формантов, сформированных на основе объединения простых аффиксов, см. в [Крючкова 2022а]).

Специфика суффиксального усложнения как явления, имеющего выраженную динамическую природу, требует применения синхронно-диахронного подхода к его изучению: систематического и системного учета предшествующих исторических изменений при анализе синхронных состояний, изучения динамических процессов в словообразовательной и лексико-семантической подсистемах языка на каждом из этапов его развития. Синхронно-диахронный анализ фактов словообразования, в основе которого лежит «диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов», «исходит из системного статуса изменяющихся объектов», «относительная стабильность языковых фактов в определенный исторический период осмысляется как этап в постоянном развитии языка» [Николаев 2010: 8]. Таким образом, сущность синхронно-диахронного подхода заключается в системности диахронного анализа, внимании к разным видам лексических и деривационных отношений изучаемых единиц на всех этапах их языковой истории, в установлении корреляции между деривационными процессами и деривационными отношениями. Ср. также мнение Н.М. Шанского о том, что «в силу… динамичности словообразовательной системы» явления словообразования «можно глубоко и всесторонне познать

только с помощью комплексного — синхронно-диахронического — исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [Шанский 1977: 16]. И.С. Улуханов подчеркивает необходимость соотнесения данных современного русского словообразования с данными историческими: «Синхронное и историческое словообразование изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия и несоответствия синхронных связей и исторических процессов» [Улуханов 1992: 5]; при этом отмечает, что «исследования, в которых один и тот же материал… рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек зрения, весьма немногочисленны» [Улуханов 2005: 19].

В статье с позиций синхронно-диахронного подхода рассматривается словообразовательный тип предметных имен существительных с суффиксом *-ниц(а)* (ранее методика синхронно-диахронного анализа с привлечением данных русских народных говоров была апробирована нами на материале морфемного комплекса (бисуффиксального форманта) имен прилагательных *–овск(ий)* [Крючкова 2022b]).

В современном русском языке выделяются близкие по семантике суффиксальные словообразовательные типы, участвующие в деривации имен существительных со значениями вместилища и помещения: суффикс *–ниц(а)* продуктивен в группе существительных со значением вместилища — типа *сокровищница, хлебница, конфетница* (реже он используется в наименованиях помещений: *шампиньонница* ‘помещение для выращивания шампиньонов’), а суффикс *–н(я)* характеризуется как продуктивный в названиях помещений и непродуктивный в названиях вместилищ — *пекарня, токарня, конюшня, жаровня* [Русская грамматика 1980: 188–189].

В [Лопатин, Улуханов 2016: 411–413] суффикс *–ниц(а)* в значении ‘место, помещение, учреждение’ характеризуется как один из морфов в ряду суффиксальных вариантов, возглавляемых морфом *–иц(а).* Словообразовательный подтип с данным значением представлен примерами типа *теплица, темница* (устар. и книжн.)*, светлица* (устар.), *лечебница, грибница* (спец.) ‘теплица для выращивания грибов’, *сбруйница* ‘место для хранения сбруи, сбруйный сарай’, *житница* (устар.) ‘помещение для хранения жита, зерна’, *сенница* (обл.) ‘сенной сарай, сеновал’, *винница* (обл.) ‘винный завод’, *ветряница* (обл. и прост.) ‘специальное место на открытом воздухе, ветру для сушки белья, вяления рыбы и т. п.’, *зимница* (обл.) ‘помещение для зимнего содержания скота’, *летница* (обл.) ‘летнее, неотапливаемое помещение при доме’, *пожарница* (обл.) ‘пожарный сарай в деревне, место, оборудованное всем необходимым для тушения по-

жара', *конфетница* (устар.) 'кондитерская', *пивница* (устар.) 'погреб для хранения пива', *рыбница* (обл. и спец.) 'место для хранения выловленной рыбы; промысловое рыболовное судно'.

Названный словообразовательный подтип квалифицируется как подтип с «эпизодической продуктивностью», пополняемый в редких случаях новыми словами и окказиональными образованиями: *шампиньонница* (нов.) 'теплица для выращивания шампиньонов', *помойница* (окказ.) 'помойная яма, место для выливания помоев' [Лопатин, Улуханов 2016: 413]. Перечень приведенных в указанном словаре примеров свидетельствует о преобладании в составе подтипа функционально ограниченных лексических единиц (обл., прост., устар., книжн., спец.), а их семантизация — о неединственной интерпретации морфного состава большинства слов, равно возможном выделении как морфа *–иц(а)*, так и морфа *–ниц(а)*, или даже предпочтительном выделении последнего, усложненного морфа (в словаре, в соответствии с принятой в нем концепцией, в иллюстративной части словарной статьи не разграничиваются морфы одной морфемы, примеры записываются с ориентацией на основной морф словообразовательного типа, т. е. в рассматриваемом случае с выделением морфа *–иц(а)*: *сбруйн-иц-а*, *грибн-иц-а*, *житн-иц-а, рыбн-иц-а, шампиньонн-иц-а* и т. д.).

Таким образом, данные современного русского языка свидетельствуют о семантико-словообразовательной близости суффиксов *–н(я), -иц(а), -ниц(а).* Синхронно-диахронный анализ названных словообразовательных средств — простых суффиксов *–н(я), -иц(а)* и сложного суффиксального форманта *–ниц(а)* с предметным значением — выявляет их тесное историческое взаимодействие, генетическую связь.

Основной лексической средой формирования сложного суффиксального форманта *–ниц(а)* с предметным значением, по всей видимости, выступает группа nomina loci. В русском языке на протяжении всей письменной его истории образуются параллельные nomina loci с простым и усложненным суффиксальным формантом, т. е. производные существительные на *–ня* и *–ница*. Ср. в др.-русск. языке: *голубьня — голубьница, гридьня — гридьница, витальня — витальница, поварьня — поварьница, городьня — городьница*; в ст.-русск. языке: *книгохранильня — книгохранильница, колокольня — колокольница, кумирня — кумирница, магерня — магерница, мовня — мовница, мыльня — мыльница, парня — парница, пекарня — пекарница, судебня — судебница*; в совр. рус. яз.: *солеварня — солеварница*. Образования на *–ница*, дублирующие семантику имен на *–ня*, находятся в подобных случаях в отношениях множественной мотивации — как с первичнопроизводными именами на *–ня*, так и с их

производящими (*голубьня → голубьница* и *голубь → голубьница*), что создает благоприятные условия для формирования сложного форманта *–ниц(а)*.

Первоначально существительные на *–ница* являлись, очевидно, производными модели *–ьн(я)* + *–иц(а)*. Осложнение суффикса *–ьн(я)* вторичным суффиксом *–иц(а)* было связано, по-видимому, со старославянским влиянием. Суффикс *–иц(а)* использовался в старославянском языке при образовании слов со значениями ‘помещение’ и ‘вместилище’, ср. примеры из [Старославянский словарь 1994]: ***горьница*** ‘горница, верхнее помещение’ (ср. ***горьнь*** ‘верхний, горний’), ***житьница*** ‘амбар, житница’ (ср. ***житєнъ*** ‘хлебный’), ***гостиница*** ‘постоялый двор, гостиница’, ***кринница*** ‘кувшин’, ***ризьница*** (ср. ***риза, ризьно*** ‘верхняя одежда’), ***скринница*** ‘ларец, ящик’ (ср. ***скриня***), ***стьклѣница / стькльница*** ‘стеклянная чаша, сосуд’, ***тємьница*** ‘тюрьма, темница’ (ср. ***тьмьнъ*** ‘темный, неосвещенный, лишенный света’). Ср. выводы Р. Бошковича о дифференциации славянских языков в области суффиксального словопроизводства nomina loci: в ю.-сл. языках nomina loci образуются путем использования суффикса *–іса*, в в.-сл. и зап.-сл. языках — с помощью суффикса *–іа*, на основе которого возник суффикс *–n’a* [Бошкович 1984: 246 и след.]. Контаминация исконно русского и старославянского суффиксов в структуре одного и того же слова — нередкое явление в русском языке XI–XVII вв., ср., напр., образования с нанизыванием гетерогенных суффиксов: *младен-ич-ищь, писа-тел-ьникъ, хытр-остьство, мил-ост-ыня* (подробнее в [Крючкова 2000]).

В производных nomina loci суффиксальное усложнение дополнительно приобрело иное, семантическое содержание. Оно стало фактором продвижения словообразовательной семантики в сторону усиления ее обобщенности. Если суффикс *–н(я)* специализировался в дальнейшем в области предметных существительных именно на образовании nomina loci (ср. в совр. рус яз.: *маслобойня, кофейня, каменоломня, пекарня, мукомольня*), то суффикс *–ниц(а)* стал участвовать в деривации разнообразных по семантике предметных существительных: *хлебница, скребница, гробница, здравница, кузница, крапивница, смоковница, кадильница, бойница* и др. Именно эта широкая семантическая функция стала залогом устойчивости суффиксального усложнения и превращения суффиксальной последовательности в сложный формант. Возможность подобного «переосмысления» роли суффиксального усложнения обусловлена как внутренними особенностями словообразовательной модели nomina loci, так и внешним аналогическим воздействием смежных элементов словообразовательной и лексической системы.

Своеобразной чертой словообразовательной модели nomina loci искони была неоднозначность мотивационных отношений: наименования помещений могли образовываться как от глаголов, так и от имен существительных. В первом случае возникали так называемые одноаргументные дериваты, т. е. производные существительные с простым ономасиологическим признаком, выявляющимся в поверхностной структуре их пропозиции, во втором случае — двуаргументные дериваты, производные существительные со сложным ономасиологическим признаком, полностью выявляющимся в глубинной структуре пропозиции, лишь при лексической интерпретации деривата [Нещименко, Гайдукова 1994]. Ср. др.-русск. *витальня* (‘обитель’) ‘место, где обитают’, *поварьня* ‘место, где варят’ и *гридьня* ‘место, где гридь (устраивала приемы)’, *голубьня* ‘место, где (содержат) голубей’.

Неоднозначность ономасиологического признака nomina loci способствовала обобщению словообразовательного значения дериватов, нейтрализации унаследованных от исходного глагола акциональных компонентов и укреплению собственно номинативных предметных значений. Суффикс *–иц(а)*, будучи южнославянским заимствованием, оказался удобным средством выражения указанной эволюции. Ср. усиление семантики предметности, утрату связи с глагольной семантикой в словообразовательной цепи *городити* (‘создавать ограждение, ограду’) — *городъ* (‘ограда, крепостная стена, линия укреплений и т. д.’) — *городня* (1. ‘часть (пролет, звено) моста, городской или крепостной стены’; 2. ‘ограда, стена’) — *городница* (‘часть моста’) [СлРЯ XI–XVII вв.].

К внешним факторам, поддерживавшим устойчивость усложненного форманта *–ниц(а)* и обобщенность его словообразовательного значения, можно, вероятно, отнести влияние суффикса *–ник(ъ)*, постепенно проникающего из области словопроизводства имен лиц в область конкретно-предметной деривации. Суффикс *–ник(ъ)*, обладающий широкой неспециализированной предметной семантикой, мог образовывать конкретно-предметные существительные с разными значениями, в том числе и со значением ‘помещение’, ср. др.-русск. и ст.-русск. образования: *ароматникъ* ‘вместилище для пряностей’, *артосникъ* ‘блюдо для артоса — освящаемого хлеба’, *банникъ* ‘щетка’, *бумажникъ* ‘тюфяк, подстилка; сумка для бумаг’, *почерпальникъ* ‘ковш’, *жаровникъ* ‘предмет для жарения’, *голубникъ*, *конюшникъ*, *коровникъ*, *овчарникъ* — наименования помещений.

Nomina loci на *–ник(ъ)*, так же как и имена на *–ниц(а)*, соотносились с производными существительными на *–ня* (ср.: *конюшникъ — конюшня, коровникъ — коровня, овчарникъ — овчарня, голубникъ* и *голубница — голубня*). Все это: общность словообразовательной

базы, общая соотнесенность с именами на *–ня*, словообразовательная синонимия имен на *–никъ* и *–ница*, наличие алломорфа *–ниц–* у суффикса *–ник(ъ)* в основах, претерпевавших второе переходное смягчение, — способствовало, вероятно, аналогическому выравниванию словообразовательных отношений. Ср. дублетность существительных *голубьникъ* и *голубьница*, употребленных в одном и том же контексте: ***Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи и тако възгарахуся голубьницы*** (Лавр. лет., 59) [СлРЯ XI–XVII вв.]. Увеличение словопроизводственной активности суффикса *–ниц(а)* с предметным значением идет параллельно с увеличением продуктивности суффикса *–ник(ъ)* в сфере конкретно-предметных номинаций. Взаимодействие имен на *–ня* и *–ница*, аналогично взаимодействию имен на *–ня* и *–никъ*, переключалось из области мотивационных отношений в область отношений кодеривации, из области словообразовательного гипотаксиса в плоскость паратаксиса.

Фактором укрепления форманта *–ниц(а)* с общепредметной семантикой становится также аналогическое влияние звуковых последовательностей, не имеющих морфемного статуса, — со стороны функционирующих в древнерусский и старорусский периоды предметных существительных с суффиксом *–иц(а)*, образованных от основ с финалью *-н-* (*багряница, больница, ветреница* ‘флюгер’, *верхница* ‘верхняя одежда’, *волница* ‘шерстяная ткань’, *власеница, гостиница*), со стороны омофинальных существительных с непредметным значением (*вольница, грудница, гнетница* ‘болезнь’, *бесконница* ‘не имеющая конца’), омофинальных существительных неясной этимологии (*гусельница* ‘растение’, *волженица* ‘гриб волнушка’, *бляшница* ‘клоп’, *бретьяница* ‘амбар’, *гаковница* ‘ручное огнестрельное оружие’), омофинальных заимствований (*гафуница* ‘род пушки’).

Сложный суффиксальный формант *–ниц(а)* сформировался рано. Уже в древнерусском языке он функционирует в этом качестве, образуя производные с широкой предметной семантикой (***възглавьница*** ‘подушка’, ***ризьница*** ‘сокровищница’, ***колесьница*** ‘повозка’; корреляции на *–ня* здесь отсутствуют), выступая в роли средства, осложняющего менее продуктивные и более узкие по значению форманты *–л(о)* и *–ел(ь)* (*обитель — обительница*, *судохранило — судохранильница*).

В старорусском языке возникают немногочисленные параллельные образования на *–н(я)* и *–ниц(а)* (*гвоздильня — гвоздильница, кумирня — кумирница, лудильня — лудильница, парня — парница, судебня — судебница*), которые уже вряд ли могут быть рассмотрены как образования, находящиеся в мотивационных отношениях. В старорусском языке конкретно-предметные имена на *–ниц(а)* ста-

новятся более употребительными в сравнении с именами на *–ня*. Характерно, что многие имена на *–ня* проиллюстрированы в СлРЯ XI–XVII вв. только одним примером, в то время как однокорневые параллели на *–ница* сопровождены несколькими текстовыми иллюстрациями. Показателем большей употребительности имен с расширенным формантом является также их семантическое развитие. Старорусские существительные на *–ница* в отличие от первичнопроизводных имен на *–ня* чаще развивают вторичные значения; существительные же на *–ня*, впервые зафиксированные в памятниках старорусской письменности, как правило, однозначны, ср.: *книгохранильница* — 1) 'книгохранилище, библиотека', 2) 'шкаф, ларь, ящик для книг', *книгохранильня* 'то же, что *книгохранильница* (в знач. 1)'; *мовница* — 1) 'баня, мытье в бане', 2) 'прачка', *мовня* 'баня; мытье в бане'. Другим показателем большей актуальности и деривационной самостоятельности имен с усложненным формантом можно считать более высокую фонетическую вариативность таких существительных, например, *пекарница : пекальница, пекленица, пекляница, пекольница* (ср. *пекарня : пекольня*); *судьбьница : судьница* (ср. *судьбня*). О словообразовательной самостоятельности суффикса *–ниц(а)* свидетельствует также возможность словообразовательного эллипсиса (ср.: *судъ — судьница* при отсутствии существительного **судьня, жито — житьница*), широкое использование суффикса *–ниц(а)* в роли вторичного, поддерживающего другие, непродуктивные в области конкретно-предметных номинаций форманты (ср.: *жалоба* — 1. 'горе, печаль', 2. 'жалоба'; 'документ с изложением жалобы' — *жалобница* 'документ с изложением жалобы').

Продуктивность суффикса *–ниц(а)* в кругу словообразовательных средств, образующих конкретно-предметные наименования, и вытеснение этим суффиксом других, утрачивающих продуктивность формантов, прослеживается в моделях с троекратным нанизыванием предметных суффиксов, расположенных в порядке возрастания их продуктивности в старорусском языке. Ср.: *гвоздь — гвоздило* ('кузнечный инструмент') — *гвоздильня* ('то же') — *гвоздильница* ('то же'); *лудити — лудило* ('сосуд, в котором приготовляют полуду') — *лудильня* ('то же') — *лудильница* ('то же').

В старорусский период в группе nomina loci увеличивается количество производных на *–ня* и *–ница* со сложным ономасиологическим признаком (см. выше), регулярно выявляющимся в отсубстантивных моделях, ср.: *блиння* 'помещение, где (пекут и продают) блины', *кумирня, кумирница* 'место, где (находятся) кумиры'; *судебня, судебница* 'место, где (производится) суд' и под. Преобладание среди новообразований (хотя и незначительное) отсубстантивных

моделей — свидетельство усиления неспециализированного общепредметного словообразовательного значения.

Усиление обобщенности словообразовательного значения проявляется также в более активном употреблении суффикса *–ниц(а)* (а в условиях обратной словообразовательной соотнесенности и суффикса *-н(я)*) для образования существительных с другими (не nomina loci) предметными значениями. Ср.: *ароматница*, *артосница, бумажница, блистальница, блистаница* ‘лампада, светильник’, *водоточница* ‘водоем’, *возливальница* ‘чаша’, *аргишница* ‘проезжая, обозная дорога’ (от *аргиш* ‘обоз’), *белильница* ‘сосуд для белил’, *багорница* ‘канат, прикрепляемый к багру’, *божница* ‘полка’, *вапница* ‘ящик с красками’ (от *вапъ* ‘краска’), *висельница* ‘виселица’, *головница* ‘выступ, шишечка на нашивке’, *гроховница* ‘род пушки’, *оконница* ‘предмет, который (вставляется) в окно’ и др.; *лыжня, лыжница* ‘след от лыж, лыжня’, *набойня, набойница* ‘выдолбленная из осиновой колоды лодка с набитыми для увеличения высоты бортов досками (набоями)’, *подворотня, подворотница* ‘пространство между воротами и землей’; *пожня, пожница* ‘сенокосное угодье’, *приглавня, приглавница* ‘мозжечок, малый мозг’.

В современном русском языке продолжают существовать единичные параллели с простым и сложным суффиксальными формантами на *–ня* и *–ница*, соответствующие древней модели удвоения *–н(я)* + *–иц(а)*, но изменившие отношения словообразовательной мотивированности на отношения кодеривации. В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [Тихонов 1985] соотносительные производные на *–ня* и *–ница* (*гридня* и *гридница*, *солеварня* и *солеварница*, *сухарня* и *сухарница*) рассматриваются как компоненты парадигматических рядов, находящиеся на одной ступени производности.

Образования на *–ница* (в случаях указанного параллелизма), как правило, более употребительны, чем образования с суффиксом *–н(я)*, которые (независимо от времени их появления) в современном русском языке могут быть истолкованы как редериваты. На это указывают и словарные дефиниции, ср.: *гридня* ‘то же, что гридница’, *сухарня* ‘то же, что сухарница’. На большую распространенность существительных на *–ниц(а)* указывает, кроме того, их стабильная фиксация во всех важнейших словарях русского языка, тогда как существительные с суффиксом *–н(я)*, как правило, включаются лишь в отдельные толковые словари (см. [Сводный словарь 1991]). Исключение представляет существительное *солеварня*, более употребительное в сравнении со сложносуффиксальным образованием *солеварница*, что, возможно, связано с терминологическим характером его значения и закреплением суффикса *–н(я)* в сфере nomina loci

терминологического характера — в наименованиях производственных помещений и общественных учреждений (ср.: *маслобойня, кофейня, каменоломня, пекарня, мукомольня, токарня* и т. п.).

Таким образом, формирование и историческая судьба сложного суффикса *–ниц(а)* в кругу предметных имен существительных обусловлены целым комплексом системных факторов — структурно-семантическим потенциалом словообразовательных моделей, внешними аналогическими влияниями.

Синхронно-диахронное рассмотрение словообразовательных средств русского языка, проведенное в данном случае на примере суффикса *–ниц(а)*, является эффективным способом изучения словообразовательного инвентаря русского языка, раскрывает не только динамику его отдельных единиц, но и динамику системных отношений в лексических группах и моделях словообразовательной деривации, позволяет обнаружить взаимосвязь между основными компонентами предмета дериватологии — деривационными процессами и деривационными отношениями.

Синхронно-диахронный анализ сложного суффикса *–ниц(а)* подтверждает ранее высказанное положение о том, что на всех этапах языковой диахронии в различных словообразовательных подсистемах можно наблюдать действие и взаимодействие двух противоположно направленных тенденций: аффиксальная агглютинация, линейное соединение морфем в составе русского производного слова (в том числе с участием заимствованных аффиксов) постоянно сопровождается их фузионной спайкой (в [Крючкова 2019] эти процессы рассмотрены на примере суффиксальных композиций с усложняющим элементом *-к-*; см. также [Пацюкова 2014]). В результате появляются новые усложненные форманты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бошкович Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.
2. *Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.
3. *Крючкова О.Ю.* Суффиксальные последовательности с вторичным суффиксом -к- в русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. XVIII. М., 2019. С. 160–167.
4. *Крючкова О.Ю.* Суффиксальное усложнение в русском языке: вопросы, решения, перспективы изучения // Слово и текст в синхронии и диахронии. Волгоград, 2022a. С. 56–70.
5. *Крючкова О.Ю.* Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2022b. Т. 22, вып. 2. С. 128–133.

6. *Кузнецова А.И.* Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 97–106.
7. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 190–206.
8. *Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994. С. 93–126.
9. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Изд. 2-е, доп. М., 2010. 184 с.
10. *Пацюкова О.А.* Переразложение и закономерности развития протяженных аффиксов в русском языке: дис. … докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 365 с.
11. *Улуханов И.С.* Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 5–21.
12. *Улуханов И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М, 2005. 314 с.
13. *Шанский Н.М.* Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 9–16.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

14. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
15. Русская грамматика. Т.1. М., 1980.
16. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.
17. СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –.
18. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
19. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

REFERENCES

1. Boshkovich R. *Osnovy sravnitel'noj grammatiki slavjanskih jazykov. Fonetika i slovoobrazovanie* [The basics of comparative grammar of Slavic languages. Phonetics and word-formation]. Moscow, Vysshaja shk. Publ., 1984. 304 p. (In Russ.)
2. Kryuchkova O.Ju. Reduplikacija v aspekte jazykovoj tipologii [Reduplication in the context of linguistic typology]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2000, № 4, pp. 68–84. (In Russ.)
3. Kryuchkova O.Ju. Suffiksal'nye posledovatel'nosti s vtorichnym suffiksom -k- v russkom jazyke [Suffixal sequences with secondary suffix -k- in the Russian language]. *Russkij jazyk: istorija, dialekty, sovremennost'* [The Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2019, Vyp. XVIII, pp. 160–167. (In Russ.)
4. Kryuchkova O.Ju. Suffiksal'noe uslozhnenie v russkom jazyke: voprosy, reshenija, perspektivy izuchenija [Suffixal complication in the Russian language: problems, solutions, perspectives of study]. *Slovo i tekst v sinhronii i diahronii* [Word and text in synchrony and diachrony]. Volgograd, VolGU Publ., 2022a, pp. 56–70. (In Russ.)
5. Kryuchkova O.Ju. Rol' istoricheskih i dialektnyh dannyh v interpretacii javlenij sovremennogo slovoobrazovanija [The Role of Historical and Dialectal Data for Interpreting the Modern Word-Building Phenomena]. *Izvestija Saratovskogo univer-*

siteta. Serija Filologija. Zhurnalistika [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism]. 2022b, Vyp. 2 (22), pp. 128–133. (In Russ.) https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133.
6. Kuznecova A.I. Morfemnye bloki i ih rol' v morfemnoj i slovoobrazo-vatel'noj strukture slova [Morphemic blocks and their role in the morphemic and word-formation structure of a word]. *Morfemika: Principy i metody sistemnogo opisanija* [Morphemics: Principles and methods of system description]. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1987, pp. 97–106. (In Russ.)
7. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. Struktura slavjanskoj morfemy v sinhronnom i diahronicheskom aspektah [The structure of Slavic morpheme in synchronous and diachronic aspects]. *Slavjanskoe jazykoznanie. X Mezhdunarodnyj sjezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii* [Slavic linguistics. The 10th International Congress of Slavists. The papers of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 190–206. (In Russ.)
8. Neshhimenko G.P., Gajdukova Ju.Ju. K probleme sopostavitel'nogo izuchenija slavjanskogo imennogo slovoobrazovanija [On the problem of contrastive study of Slavic noun word-formation]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izuchenija slavjanskih jazykov* [Theoretical and methodological problems of contrastive study of the Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 93–126. (In Russ.)
9. Nikolaev G.A. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: Teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation: Theoretical Problems]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2010, Izd. 2-e, dop., 184 p. (In Russ.)
10. Pacjukova O.A. *Pererazlozhenie i zakonomernosti razvitija protjazhennyh affiksov v russkom jazyke: dis. … dokt. filol. nauk* [Rearrangement and regularities of extended affixes development in the Russian language]. Nizhnij Novgorod, 2014, 365 p. (In Russ.)
11. Uluhanov I. S. Motivaciya i proizvodnost' (o vozmozhnostyah sinhronno-diahronicheskogo opisaniya yazyka) [Motivation and derivation (on the possibilities of synchronic-diachronic description of language)]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 1992. № 2, pp. 5–21. (In Russ.)
12. Uluhanov I. S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 314 p. (In Russ.)
13. Shanskij N.M. Leksicheskaja derivacija v russkom jazyke [Lexical derivation in the Russian language]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1977, № 3, pp. 9–16. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

14. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016.
15. Russkaja grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., T.1, 1980.
16. Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. / Pod red. R.P. Rogozhnikovoj [The Russian vocabulary composite dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1991.
17. СлРЯ XI-XVII вв. — Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [The dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975 –.
18. Staroslavyanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) / Pod red. R.M. Cejtlin, R. Vecherki i E. Blagovoj [Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of X–XI centuries)]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1994.

19. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [The dictionary of Russian word-formation]. Moscow, Russkij jazyk Publ., T. 1–2, 1985.

Поступила в редакцию 20.06.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 17.03.2024

Received 20.06.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 17.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Крючкова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. каф. теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; vpks@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Kryuchkova — Prof. Dr., Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Chernyshevsky Saratov State University; vpks@rambler.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 202–211
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 202–211

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ: ОТ «НАРУШЕНИЯ» ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

С.А. Семеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; sv.seed77@gmail.com

Аннотация: Описание индивидуально-авторских неологизмов (окказиональных слов) демонстрирует динамику их научного осмысления: будучи поначалу воспринятыми как «нарушители» языковых стандартов, они со временем приобретают статус единиц речи, раскрывающих потенциал языковой словообразовательной подсистемы. В связи с этим канонические признаки окказионализмов нуждаются в переосмыслении.

Наиболее сложным является признак ненормативности авторского неологизма: ненормативным может считаться сам факт его возникновения или его несоответствие (структурное или семантическое) действующим в языке словообразовательным стандартам. Вопрос о нормативности/ненормативности окказионального слова в науке может решаться в рамках диахронического и синхронического подходов.

Исследование признака ненормативности авторского неологизма в наибольшей степени продуктивно, если оно проводится на основе словообразовательного гнезда, реализующегося в тексте: при таком подходе окказионализмы, кажущиеся по отдельности ненормативными, в совокупности нередко образуют стройную систему, вполне укладывающуюся в языковые словообразовательные стандарты.

В рамках научного восприятия авторского неологизма как реализованного потенциала словообразовательной системы актуально его отграничение от собственно неологизма — результата словообразования. Критерии отграничения неологизмов от окказиональных слов на практике работают не всегда четко, границы между ними зыбки: можно указать немало случаев, когда окказионализм начинает воспроизводиться и входит в лексический состав языка, что косвенно может свидетельствовать о восприятии его носителями языка как нормативной лексической единицы.

Изменение статуса окказионального слова в лингвистике, а также общее внимание к функционированию языка, отмечающееся в современном языкознании, привело к тому, что авторская неология стала изучаться в школе: учебная информация о ней есть в актуальных школьных учебниках и учебных пособиях по русскому языку.

© Семеновская С.А., 2024

Ключевые слова: авторский неологизм; окказиональное слово; неологизм; словообразовательная модель; словообразовательное гнездо; признак ненормативности окказионализма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-14

Для цитирования: *Семеновская С.А.* Динамика научного описания индивидуально-авторских неологизмов: от «нарушения» языковой системы к реализации ее потенциальных возможностей // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 202–211.

THE DYNAMICS OF SCIENTIFIC DESCRIPTION OF INDIVIDUALLY COINED AUTHOR'S NEOLOGISMS: FROM 'VIOLATING' THE LANGUAGE SYSTEM TO REALIZING ITS POTENTIAL

S.A. Semenovskaya

Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; sv.seed77@gmail.com

Abstract: The description of author's neologisms (occasional words) by linguistics demonstrates the dynamics of their scientific understanding: initially perceived as 'violators' of language standards, they eventually acquire the status of speech units that reveal the potential of the linguistic word-formation subsystem. In this regard, the canonical markers of occasionalisms need to be reconsidered.

The most complicated marker of the author's neologism is non-normativity: the very fact of its occurrence or inconsistency (structural or semantic) with the language word-formation standards could be considered non-normative. The question of the normativity/non-normativity of an occasional word in academia could be considered within the framework of diachronic and synchronic approaches.

The study of the non-normativity markers of author's neologism is most productive if carried out on the basis of a single semantic family realized in the text: within this approach occasional expressions that seem individually non-normative often form a coherent system that fits perfectly into linguistic word-formation standards.

Within the academic perception discourse author's neologism as a realized potential of the word-formation system should be distinguished from actual neologism — the result of word formation. In fact, the criteria for distinguishing neologisms from occasional words are not always clear, the boundaries are unsteady: there are many cases when an occasionalism starts to reproduce itself and enters the language vocabulary which might indirectly indicate that native speakers perceive it as a standard lexical unit.

The change in the status of an occasional word in linguistics as well as general attention to the functioning of language noted in modern linguistics led to the fact that the author's neology began to be studied at school: educational information about it is included in contemporary school Russian textbooks and workbooks.

Keywords: author's neologism; occasional word; neologism; word-formation model; single semantic family; marker of occasionalism non-normativity

For citiation: Semenovskaya S.A. (2024) The Dynamics of Scientific Description of Individually Coined Author's Neologisms: From 'Violating' the Language System to Realizing Its Potential. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 202–211.

С 1957 года, с момента публикации статьи Н.И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография», где впервые в русистике был употреблен термин «окказионализм», прошло более 60 лет. За это время изучение индивидуально-авторских неологизмов в лингвистике прошло путь от восприятия их как «нарушителей» языковой системы до признания, что они реализуют ее потенциальные возможности.

Яркой иллюстрацией к высказанному замечанию является содержание предисловий к выпускам словарных материалов «Новое в русской лексике», особенностью которых является, по словам Н.З. Котеловой, «…более широкий допуск включаемого материала по сравнению с толковыми словарями» [Новое в русской лексике 1977: 5], а также отказ авторского коллектива от оценивания данного материала с точки зрения нормативности и эстетических качеств. В уже упомянутом выпуске в предисловии к словарным материалам появляется наименование «новые слова разового употребления» [Новое в русской лексике 1977: 7]. В последнем же выпуске материалов дается следующее пояснение: «В словарь широко включаются также индивидуально-авторские, окказиональные слова и выражения: не являясь в строгом смысле слова неологизмами, такие слова, значения и сочетания очень ярко и наглядно демонстрируют узловые для лексико-семантической системы зоны неологизации и креативизации, продуктивность тех или иных словообразовательных моделей, производящих основ…» [Новое в русской лексике 2022: 4]. В продолжение заданного этими двумя выпусками отрезка времени мы можем наблюдать, как в текстах предисловий появляется термин «окказионализм», как расширяется трактовка этого понятия (авторы-составители отмечают наличие в собранном материале семантических окказионализмов, нестандартных сочетаний слов), как в качестве крупной зоны креативизации отмечается газетно-публицистическая речь и т. д. Приведенные факты свидетельствуют о том, что с развитием научных знаний о природе словотворчества авторский неологизм перестает рассматриваться сам по себе, как некое «случайное», «однократное» слово, а воспринимается как маркер общих тенденций в динамике развития словообразовательной и лексической систем русского языка.

Пересмотр статуса авторского неологизма в лингвистической науке сопровождается переосмыслением его признаков. Как извест-

но, традиционно уже окказиональное слово характеризуется через словообразовательную производность, принадлежность к речи, разовость употребления и невоспроизводимость, ненормативность, экспрессивность и номинативную факультативность, синхронно-диахронную диффузность, новизну и индивидуальную принадлежность [см. Лыков 1976]. Однако при наложении их на конкретный фактический материал неизбежно появляется много вопросов, связанных с условностью этих критериев, не говоря уже о том, что далеко не все авторские неологизмы обладают полным набором перечисленных признаков.

Анализ содержания научных работ разных лет, посвященных индивидуально-авторскому словообразованию, свидетельствует о том, что наиболее спорным и неоднозначным в лингвистической науке оказывается признак ненормативности окказионального слова. Уже в работах 60-х гг. высказываются мысли о его относительности. Так, Н.А. Янко-Триницкая пишет, что «…окказиональное для лексики может быть совсем не окказиональным для системы словообразования… и, наоборот, обычное для лексики, общеупотребительное может выпадать из системы словообразования» [Янко-Триницкая 1963: 94]. Примечательно также высказывание Эр. Ханпиры, который отмечал, что «появление в речи слова, формы слова или значения и т. д., неизвестных доселе языку, можно назвать нарушением правильности (соответствия норме), если признать, что репертуар слов, форм слов, значений — это составная часть понятия “норма”» [Ханпира 1966: 156]. Таким образом, в лингвистической науке закономерно возникает вопрос о том, что считать ненормативностью — сам факт появления авторского неологизма или нарушение правильности словообразовательной модели (структурное, семантическое, структурно-семантическое). Если принимать за основу второе определение, то приходится признать, что, с одной стороны, далеко не все окказионализмы ненормативны, а с другой, что внутри понятия «окказионализм» возможна определенная градация: от вполне «нормальных» с точки зрения словообразования слов к тем, которые созданы по действующим в языке моделям, но с некоторым расширением их рамок, и, наконец, к абсолютным окказионализмам, произведенным по нетипичным моделям и/или нетипичными способами словообразования.

Так, например, вполне нормативным можно назвать окказионализм *бросово*, представляющий собой наречие, образованное от прилагательного *бросовый* ‘негодный, низкого качества’ с помощью суффикса –о: *…двух сотен наших замечательно прекрасных, прекрасно не замечаемых, отменно* ***бросово*** *ценимых, но непревзойден-*

ных, вне сомнения, лучших сейчас во всех подлунных местах прозаиков… (В. Володин).

«Менее нормативным» можно назвать окказионализм *океаний* — притяжательное прилагательное, образованное от *океан + -ий*: *близость* ***океанья*** (Н. Слепакова). Новообразование семантически раздвигает рамки традиционной словообразовательной модели: в подобных случаях в языке в качестве непосредственно производящей единицы выступает одушевленное существительное — наименование животного или человека (ср., например, с *лисий, бабий* и под.), однако в приведенном примере на эту роль претендует неодушевленное существительное.

Как ненормативные можно, вероятно, квалифицировать окказионализмы, созданные междусловным наложением, например, *ковидиот (ковид + идиот): Осторожно,* ***ковидиоты****: в Европе нашли определение коронавирусным паникерам* (КП, 22.03.2020). И.С. Улуханов квалифицирует такой способ словообразования как прямой чистый окказиональный [см. Улуханов 2019], хотя стоит отметить высокую активность этого способа словообразования в художественных и публицистических текстах, что подчеркивается, например, в работах С.В. Ильясовой [Ильясова 2022: 184–193].

Вопрос о ненормативности авторского неологизма получает новое развитие при рассмотрении его в диахроническом и синхроническом аспекте. Первый подход отражен в уже упомянутых словарных материалах «Новое в русской лексике». Их авторы фиксируют немало случаев своеобразной «склеенности» морфем, возникающей оттого, что образование слова однократного применения показывается с опорой на действующую в языке (и зафиксированную в словарях) нормативную лексическую единицу. В результате отдельные позиции словообразовательной цепочки остаются незаполненными и в качестве форманта выступают окказиональные морфемы. Так, например, в выпуске за 1979 год авторский неологизм *одномоментно* рассматривается как результат сложения с суффиксацией: *одно… [< один] + момент +но*. Данная единица при диахроническом подходе к ее описанию обнаруживает определенную ненормативность, поскольку образуется посредством окказионального суффикса *–но*, «склеенного» из двух действующих в языке — *-н-* и *-о-*). Этот суффикс выделяется на основании того, что прилагательное *одномоментный* по состоянию на 1979 год не зафиксировано в словарях.

В русле синхронного подхода понятие окказионального рассматривается по-иному — с позиции словообразовательной мотивированности. И при таком подходе присвоения авторскому неологизму статуса «ненормативного» во многих случаях может и не произойти,

если при его анализе с позиции соответствия неким словообразовательным стандартам учитывать категорию потенциальности. Так, например, И.С. Улуханов отмечает, что «окказиональный суффикс следует постулировать в том случае, если в качестве мотивирующих слов рассматривать только узуальные слова, но не окказиональные и тем более не потенциально возможные, но не реализованные» [Улуханов 2019: 111], высказывается о возможности наличия лакун в словообразовательной цепочке и словообразовательном гнезде родственных слов. С этой точки зрения лексема *одномоментно*, зафиксированная в словарных материалах как окказионализм, вполне нормативна: наречие на *-о* образуется от прилагательных по столь продуктивной словообразовательной модели, что это прилагательное подразумевается, то есть выступает как потенциально возможное, но не реализованное в языке. К слову, такие потенциальные возможные «ячейки» словообразовательной цепочки и в самом деле способны реализовываться, что видно даже по приведенному нами примеру: прилагательное *одномоментный* сегодня зафиксировано, например, в электронном орфографическом ресурсе «Академос», а обращение к «Национальному корпусу русского языка» дает 82 примера употребления этого слова. И этот пример далеко не единственный.

При синхронном подходе к исследованию авторских неологизмов результативным является их рассмотрение в рамках не только (возможно, и не столько) словообразовательной цепочки, а словообразовательного гнезда родственных слов, функционирующего в тексте: его элементы в текстовой ткани могут не соблюдать последовательности словообразовательной цепочки, но в то же время быть речемыслительно связанными. Ю.Г. Кадькалов, анализируя примеры, в которых однокорневые слова представляют собой звенья «разорванной» словообразовательной цепи, отмечает, что они, тем не менее, сохраняют тесные смысловые и словообразовательные отношения [см. Кадькалов 2010: 97], и выделяет определенные типы разрывов словообразовательных гнезд в конкретных текстах, приводящие к возникновению именно текстовых словообразовательных цепочек. Хотя он исследует эти типы на материале узуальных слов, они ярко проявляют себя и при создании авторских неологизмов. Так, например, в словотворчестве довольно часто встречается пропуск прилагательного при наличии образованного от него абстрактного существительного и/или наречия на -о с качественным значением, например: *Весна поет так ниочемно*, / И в *ниочемности ее* / *Таится нечто*, что *огромно, / Как все земное бытие* (И. Северянин). Образование абстрактных существительных или наречий на *-о* от прилагательных осуществляется по высокопродуктивной, укоре-

ненной в сознании носителя языка модели, поэтому исходное прилагательное может не реализовываться в тексте, а оставаться лакунарным, но потенциально возможным.

Продуктивным является и исследование словообразовательных гнезд с авторскими неологизмами в рамках не отдельно взятого текста, а всего творчества автора: при таком подходе то, что кажется ненормативным в отдельно взятом контексте, является лишь одним компонентом словообразовательного гнезда, которое, с одной стороны, включает в себя авторские неологизмы, а с другой, в совокупности произведений этого автора, вполне вписывается в некую общую картину и соответствует компонентам «нормативного» словообразовательного гнезда, включающего узуальные слова. Такие случаи нередки в текстах авторов, склонных к активному словотворчеству. Так, в поэтических текстах И. Северянина мы находим однокоренные слова *грёзовый, грёзный, грёзовость, грёзность, грёзно, грёзово,* а также *грёзоломня, грёзосон, грёзэр, грёзэрка, грёзофарс. грёзонапев,* образующие словообразовательное гнездо с исходным словом *грёза.* Много примеров таких гнезд находим и в словотворчестве Велимира Хлебникова. Например, гнездо с исходным словом *плен (полон)* составляют авторские неологизмы *пленно, пленность, беспленный, полонеть, полонец.* Взятые поодиночке, приведенные примеры, вероятно, могут расцениваться как «неправильные», но, будучи компонентами словообразовательного гнезда, они воспринимаются корректными с точки зрения словообразовательных стандартов: новым в них является, по сути, лишь лексическое наполнение словообразовательной модели.

Определенным образом на пересмотр восприятия авторских неологизмов наукой влияет и их соотнесенность с собственно неологизмами. В теории основным критерием определения лексической единицы как неологизма является его новизна. Перестав восприниматься как новое слово, неологизм входит в активный лексический запас языка и со временем может устареть и выйти из употребления. Признаками же авторского неологизма являются, как отмечалось выше, его авторская принадлежность, постоянная новизна, синхронно-диахронная диффузность, что, учитывая его тесную связь с контекстом, на первый взгляд, не позволяет ему стать общеупотребительным словом. На практике же примеры подобного перехода довольно нередки: прогнозы ученых, квалифицирующих ту или иную лексическую единицу как слово однократного употребления, не всегда оправдываются. Так, например, в словарных материалах «Новое в русской лексике» как окказионализм оценивается слово *послевкусие.* Однако по состоянию на сегодняшний день слово зафиксировано в электронном орфографическом словаре

«Академос», «Национальный корпус русского языка» дает 70 примеров с этим словом, не говоря уже о том, что простое его введение в поисковую строку браузера выдает свыше 3 500 000 словоупотреблений. Подобные случаи свидетельствуют о зыбкости границ между собственно неологизмами и неологизмами авторскими и косвенно подтверждают мысль о том, что ненормативность вторых — относительное понятие. По словам Е.А. Земской, «…нет непроходимой грани между окказиональными словами и неологизмами… Особенно ярко отсутствие непроходимой границы доказывают случаи, когда окказиональные образования переходят в категорию обычных слов. Как правило, это происходит, когда какой-либо окказионализм в силу особой общественной актуальности своей семантики получает широкое распространение и "права гражданства" в русском языке» [Земская 2024: 249].

В заключение отметим, что своеобразным доказательством принятия индивидуально-авторских неологизмов как заслуживающего внимания речевого материала, не «нарушающего» языковую систему, а демонстрирующего ее возможности, является адаптация научной информации о них к специфике школьного обучения: информация об индивидуально-авторских неологизмах может быть почерпнута обучающимся почти из любой линии актуальных школьных учебников для основной школы. Учитывая, что в школьный курс русского языка в основном не попадают дискуссионные понятия и факты, появление на страницах школьного учебника сведений об авторских неологизмах можно считать подтверждением того, что с них в целом снят статус «нарушителей» системы языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 2024.
2. *Ильясова С.В.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. М., 2022.
3. *Кадькалов Ю.Г.* Словообразовательные и лексико-семантические отношения однокорневых слов в тексте // Предложение и Слово. Книга 2: Материалы IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», Саратов, 14–16 октября 2010 г. Саратов, 2010. С. 91–100.
4. *Лыков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
5. Новое в русской лексике. Словарные материалы–77 / Н.З. Котелова, В.П. Петушков и др.; под ред. Н.З. Котеловой. М., 1980.
6. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2021. Сост. Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина и др. / Отв. редакторы Н.В. Козловская, А.С. Павлова / Институт лингвистических исследований РАН. СПб, 2022.
7. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы языка и их лексическая реализация. М, 2019.

8. *Ханпира Эр.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 153–166.
9. *Янко-Триницкая Н.А.* Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963. С. 167–210.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 11.04.2023).
2. *Никульцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря Северянина. М.: Азбуковник, 2008.
3. Новое в русской лексике: словарные материалы. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/350 (дата обращения: 01.03.2023)
4. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». URL: https://orfo.ruslang.ru/ (дата обращения: 04.05.2023).
5. *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien — Moscau: Wiener Slawistischer Almanach, 1995.

REFERENCES

1. Zemskaya E.A. Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie [Modern Russian Language. Word Formation]. M.: Flinta, 2024.
2. Il'yasova S.V. Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Language Play in Communicative Space of Mass Media and Advertizing] / S.V. Il'yasova, L.P. Amiri. M.: Flinta, 2022.
3. Kad'kalov Yu.G. Slovoobrazovatel'nye i leksiko-semanticheskie otnosheniya odnokornevyh slov v tekste [Word-formation and lexical-semantic relations of cognate words in the text]. Predlozhenie i Slovo. Kniga 2. Saratov, Izdatel'stvo «Nauchnaya kniga», 2010. P. 91–100.
4. Lykov A.G. Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazional'noe slovo) [Modern Russian lexicology (Russian occasional word)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1976. 120 p.
5. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy–77 [New in Russian vocabulary. Vocabulary materials-77] / N.Z. Kotelova, V.P. Petushkov i dr.; pod red. N.Z. Kotelovoj. Moscow, Rus. yaz., 1980. 176 p.
6. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy–2021 [New in Russian vocabulary. Vocabulary materials-2021]. Sost. E.S. Gromenko, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina i dr. / Otv. redaktory N.V. Kozlovskaya, A.S. Pavlova. St. Petersburg, Institut lingvisticheskih issledovanij RAN, 2022. 318 p.
7. Uluhanov I.S. Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy yazyka i ih leksicheskaya realizaciya [Units of the word-formation system of the language and their lexical implementation]. Moscow, LKI, 2019. 224 p.
8. Hanpira Er. Ob okkazional'nom slove i okkazional'nom slovoobrazovanii [About the occasional word and occasional word formation. Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka. Moscow, 1966. P. 153–166.
9. Yanko-Trinickaya N.A. Zakonomernost' svyazej slovoobrazovatel'nogo i leksicheskogo znachenij v proizvodnyh slovah [The pattern of connections between word-formation and lexical meanings in derivative words] // Razvitie sovremennogo russkogo yazyka [Development of Russian Language]. Moscow, 1963. P. 167–210.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: ruscorpora.ru (accessed: 11.04.2023).
2. Nikul'ceva V.V. Slovar' neologizmov Igorya-Severyanina [The Dictionary of Igor Severyanin's Neologisms]. M.: Azbukovnik, 2008. 380 s.
3. Novoe v russkoj leksike: slovarnye materialy. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/350 (accessed: 01.03.2023)
4. Orfograficheskij akademicheskij resurs «AKADEMOS». URL: https://orfo.ruslang.ru/ (accessed: 04.05.2023).
5. Pertsova N. Slovar' neologizmov Velimira Hlebnikova [The Dictionary of Velimir Khlebnikov's Neologisms]. Wien, Moscau: Wiener Slawistischer Almanach, 1995.

Поступила в редакцию 20.06.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 17.03.2024

Received 20.06.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 17.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Семеновская Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и медиаобразования на базе МОУ «Гуманитарно-экономический лицей» Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; sv.seed77@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Semenovskaya — Assistant Professor, Department of Russian Philology and Media Education, Institute of Philology and Journalism, Chernyshevsky Saratov State University; sv.seed77@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 212–220
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 212–220

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И.А. БУНИНА

ОЧЕРК В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ЖАНРА

Д.В. Зайцев

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; d_zaiczev@mail.ru

***Аннотация*:** В статье исследуются очерковые тенденции в ранних рассказах И.А. Бунина («Танька», «Кастрюк», «На хуторе» и др.), а также рассматриваются синхронные и диахронные литературные контексты этих рассказов. Очерковое начало у молодого Бунина, очевидно, связано с традициями натуральной школы 1840-х гг.: писатель также редуцирует интригу и авторское присутствие, «фотографируя» часть жизни; не описывает никаких значимых событий, двигающих сюжет, и задействует минимальное количество художественных средств. В целом эти рассказы повествуют об одном дне героев — от утра до вечера — и предлагают особый социальный тип мелкого помещика, который мало чем по своему положению отличается от мужика. Однако для всех этих формальных приемов Бунин подбирает новые, еще не выработанные в русской традиции, но заметные в синхронной европейской модернистской практике мотивации: эстетизирующий взгляд, любование упадком, медитативные подробности, эффект случайности, особое настроение «философизма» — все это будто бы подталкивает к притчевому прочтению рассказов. В статье делается вывод, что в ранней бунинской прозе в очерковое повествование встраиваются импрессионистические, модернистские по своей природе элементы, которые в будущем творчестве — особенно эмигрантском — будут наиболее распространены и особенно значимы. Природу такого соединения можно искать не в прозаической традиции, а в поэтической. Классически ориентированный поэт Бунин уже в ранних своих прозаических произведениях пробует пойти по пути синтеза поэзии и прозы и применяет свой поэтический опыт в прозаических текстах. Так, обозначенная нами медитативность имеет, по всей видимости, элегические корни, а импрессионистичность и окказиональность — пейзажные.

***Ключевые слова*:** И.А. Бунин; раннее творчество; очерк; натуральная школа, модернизм

© Зайцев Д.В., 2024

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-15

***Для цитирования*:** *Зайцев Д.В.* Очерк в раннем творчестве И.А. Бунина: литературная генеалогия жанра // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2024. № 2. С. 212–220.

THE SKETCH STORY IN THE EARLY WORKS OF I.A. BUNIN: LITERARY GENEALOGY OF THE GENRE

Dmitrii Zaitsev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; d_zaiczev@mail.ru

***Abstract*:** The article delves into the sketch-like inclinations present in the early works of Ivan Bunin, while also examining the synchronous and diachronic literary contexts surrounding these narratives. The sketch-like aspect apparent in young Bunin's writing is evidently linked to the traditions of the naturalist school of the 1840s. In a similar vein, the author minimizes intrigue and authorial presence, instead 'capturing' fragments of life, abstaining from describing any substantial plot-driving events, and restraining the use of artistic devices. On the whole, these stories unfold over a single day in the lives of the characters — from dawn to dusk — portraying a distinct social archetype of a small-town landowner who, in many aspects, shares commonalities with the peasantry. However, amidst these formal techniques, Bunin introduces new motivations that were hitherto unexplored in Russian literary tradition but discernible within the contemporary European modernist practice. These include an aesthetic gaze, a fascination with decay, contemplative minutiae, the whims of chance, and a particular philosophical ambiance, all of which appear to guide the stories towards a parabolic interpretation. The article concludes that within Bunin's early prose, impressionistic and inherently modernist elements are seamlessly woven into the sketch-like narrative structure. This integration would subsequently gain greater prevalence and significance in his future works, particularly during his emigrant period. The essence of this amalgamation is not rooted in the realm of prose, but rather in the domain of poetry. Even within his early prose endeavors, Bunin, a poet with classical inclinations, attempts to synthesize the qualities of poetry and prose, drawing from his poetic background to enrich his prose compositions. Consequently, the contemplative quality we mentioned earlier is likely rooted in elegiac themes, whereas impressionism and occasional attributes bear resemblance to elements found within landscapes.

***Keywords*:** I.A. Bunin; early works; sketch story; naturalist school; modernism

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 "Ivan Bunin's early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)".

For citation: Zaitsev D. (2024). The Sketch Story in the Early Works of I.A. Bunin: Literary Genealogy of the Genre. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 212–220.

Неоднократно отмечалось, что первые прозаические опыты И.А. Бунина представляют собой «корреспонденции, в которых [автор] рассказывает “газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной, о полковых праздниках и дамском благотворительном кружке, о доме трудолюбия, где бедные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены под конец этой жизни выполнять идиотскую работу — трепать, например, мочало”» [Михайлов 1957: 128]. Действительно, черты бытового, газетного очерка в первых рассказах молодого писателя сильны. Так, большинство ранних бунинских текстов написаны на «злободневные» темы: «Центральное событие рассказа всегда иллюстрирует общественно-значимое явление: голод в центральных российских губерниях начала 1890-х гг. (“Танька”, “Вести с родины”); вынужденные (неурожаем и безземельем) переезды малороссийских крестьян: временно на заработки в соседние губернии или насовсем на окраины империи (“На чужой стороне”, “На край света”); низкий социальный статус / низкая оплата труда сельского учителя или корреспондента городской газеты (“Учитель”, “Без роду-племени”), толстовство и его восприятие интеллигенцией (“На даче”)» [Пономарев 2022: 185] и т. д. Кроме тематики, на газетный очерк ориентированы также стиль (репортажность, «поденщина», на которую жалуется герой рассказа «Без роду-племени») и композиция (соединение и отделение полноценных очерковых нарративов, как, например, в «Таньке») ранних бунинских рассказов.

Традиционно в исследовательской литературе черты бытового очерка у Бунина объясняются его работой в «Орловском вестнике» [Ярославская 2020], народническим кругом чтения писателя [Морозов 2022] или, в конце концов, его художественной незрелостью (см., напр.: [Крутикова 1983]). Все это по-своему верно, однако недостаточно для уяснения творческой эволюции писателя и обсуждения художественной целостности его творчества. Поэтому, основываясь на рассказах первой половины 1890-х гг., мы проанализируем литературные контексты и наметим генеалогию жанра очерка в раннем творчестве Бунина.

Русский очерк восходит к французскому физиологическому очерку 1830–1840-х гг., повествующему о повседневной жизни горо-

жан[1]. С подачи В.Г. Белинского именно этот «натуральный» очерк утвердился в русской литературе 1840-х гг. Для него характерно отсутствие интриги и авторской оценки, экономия художественных средств и минимизация психологизма. Беллетристы пытались сконцентрироваться на литературной социологии, вывести социальный — сословный и профессиональный — тип и тем самым обновить сферу изображаемого (подробнее см. [Манн 1989]).

Продолжателями этой линии в русской литературе были Д.В. Григорович («Деревня», 1846; «Антон-Горемыка», 1847) и И.С. Тургенев («Записки охотника», 1852). Если Григорович избирал путь резкой смены объекта «физиологического» анализа (не городской житель, а «мужик»), то Тургенев ставил перед собой в чем-то контрфизиологичную задачу: писателю важно не вывести единый тип «мужика», но показать индивидуальные и несоположимые судьбы крестьян. Во многом это удается благодаря усложнению нарративной рамки очерков: в «Записках охотника» повествователь уже не «наблюдатель частной жизни», а охотник, вступающий в особые отношения с крестьянами. Дальнейшие нарративные эксперименты Тургенева в его романах приведут к полной элиминации рассказчика и преодолению феномена (не)прозрачного сознания (подробнее см. [Вдовин 2024]).

Очерковое начало у Бунина, безусловно, связано с этой долгой традицией. Например, рассказ «Танька» (1893) состоит, в сущности, из двух натуральных очерков: первый описывает крестьянский быт и голод в деревне, а другой — барина. Бунин также редуцирует интригу и авторское присутствие, «фотографируя» часть жизни. О чем рассказы «Кастрюк» (1893) или «На хуторе» (1895)? Они не описывают никакого события и задействуют минимальное количество художественных средств. В целом эти рассказы повествуют об одном дне героев — от утра до вечера — и предлагают особый социальный тип мелкого помещика, который мало чем по своему положению отличается от мужика. Однако нам представляется, что для всех этих формальных приемов Бунин подбирает новые, еще не выработанные в русской традиции, но заметные в синхронной европейской модернистской практике мотивации.

Во-первых, редукция интриги для такого типа очерка перестает быть связана с какой-то целью, с желанием беллетриста сосредоточиться на социологии определенного явления. Бунинский рассказ использует эстетизирующий взгляд на мир:

> Жаворонки пели в теплом воздухе... Весело и важно кагакали грачи... Цвели цветы в траве около линии... Спутанный меринок, пофыркивая,

[1] Например, см.: [Французы, нарисованные ими самими 2014]. Подробнее о французском очерке см.: [Якимович 1963].

щипал подорожник, и дед чувствовал, как даже мерину хорошо и привольно на весеннем корму в это ясное утро. <…>

По дороге назад дед поболтал с пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши ноне корма будут! — сказал он.

— Хороши, — ответил подпасок и вдруг, с криком — назад смертные! — бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по пару. Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Один, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая ее, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия. [Бунин 1987: 21]

Рассказчик предлагает любоваться жизнью во всех ее проявлениях — и это составляет главное содержание произведения. Именно поэтому сюжет теряет свое значение: есть что-то важнее истории, она будет только отвлекать от красоты и обаяния мира. Писатель делает поворот от социологии к изучению устройства человеческого воображения.

Во-вторых, Бунин метафоризирует ограниченность и цикличность очерка. Это не просто рассказ об одном дне из жизни героя, но рассказ об одном из его последних дней:

В темном небе вспыхнула и прокатилась звезда. Он поднял кверху старческие грустные глаза и долго смотрел в небо. И от этой глубины, мягкой темноты звездной бесконечности ему стало легче. «Ну, так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в свое время высохнет и свалится лист вот с этого кустика...» Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звезды, казалось, сияли выше. Отчетливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травою... Он легко, свободно вздохнул полной грудью. Как живо чувствовал он свое кровное родство с этой безмолвной природой! [Бунин 1987: 37]

Человек в ранних рассказах Бунина находится в той точке, когда все кончено: дед Кастрюк, Капитон Иванович из «На хуторе», лесник Кукушка из одноименного рассказа «остались на стариковском положении» [Бунин 1987: 20]. Минимизируя и эстетизируя сюжет, Бунин добивается эффекта любования упадком и умиранием, а это — типичная черта декадентской поэтики.

В-третьих, бунинский нарратор подмечает в мире какие-то его мелкие черты и подробности. Например, «в кабинете Павла Антоныча был придвинут к лежанке стол, и на нем *тихо звенел самовар*» [Бунин 1987: 16], «Дед легонько поталкивал лаптями *под брюхо кобылы*» [Бунин 1987: 26], «Он свернул толстую папиросу из черного крепкого табаку и все сидел у окна, *поджав под себя одну ногу*» [Бунин 1987: 34] (выделено нами — *Д.З.*) и т. д. Можно вспомнить, что

в 1890 г. К.Н. Леонтьев в брошюре «О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль, веяние» обрушивался на автора «Войны и мира» и «Анны Карениной» за подобные «натуралистические» подробности:

> Нигде во всем перечисленном не коробит взыскательного ценителя ни то, что «Маня *зашагала* в раздумьи по комнате»; ни «Тпрру» — сказал кучер, *с видом знатока глядя на зад широко расставляющей ноги лошади*»… Ни что-нибудь вроде: «Потугин *потупился*, потом, *осклабясь*, *шагнул* вперед и молча ответил ей кивком головы!» *На всем этом*, — и русском, и не русском, и древнем, и новом, — одинаково *можно отдохнуть* после столь долголетнего «шагания», «фырканья», «сопенья», «всхлипыванья», «нервного наливания водки», «брызганья слюною» в гневе. [Леонтьев 1911: 14]

Для нас важно, что Леонтьев видит корни этих физиологических подробностей именно в натуральной школе[2]:

> Но и граф Толстой все-таки прав, я это понимаю. Он прав двояко: он прав потому, что чувствовал долго непобедимую потребность *так, а не иначе* наблюдать, так, а не иначе выражаться; он не мог перейти к простому и чистому стилю последних, народных рассказов, не насытившись предварительно всеми этими шишками и колючками натуральной школы, не превзойдя далеко других (например, Тургенева) даже и на этой почве грубоватой преизбыточности. Не отслуживши до пресыщения одному стилю, трудно, а быть может и невозможно, художнику вступить на новый путь. [Леонтьев 1911: 22]

У Бунина эти наблюдения, звуки и запахи приобретают медитативное значение, обеспечивают ощущение физического, почти физиологического контакта с реальностью. Для него также важен эффект ностальгии, сопровождающий эти наблюдения: услышав запах или звук, мы должны окунуться в стихию воспоминаний. Память и воображение как бы должны заместить сюжет, действия героев, их мысли. Для писателя важно читательское восприятие, и он искусно работает с эффектом нарушенных ожиданий: когда барин встречает Таньку, мы можем предполагать по предшествующему эпизоду жестокого обращения барина с мужиком, что с девочкой произойдет что-то ужасное; в рассказах «Кастрюк» или «На хуторе» мы ожидаем, что герои умрут в конце рассказа; в рассказе

[2] Отметим, что Леонтьев не проводит границы между натуральной школой и натурализмом второй половины XIX в., видя в прозе золаистов органичное продолжение очеркистики 1840-х гг.

«На даче» предполагаем, что Гриша совершит самоубийство или уйдет из дома[3].

Наконец, если физиологический очерк мотивирует свои границы исчерпанностью предмета, то у Бунина это не так. Если принимать расхожую метафору фотографии при обсуждении натурального очерка, то у Бунина возникает эффект случайности, будто объектив не направлен куда-то конкретно и схватывает «кусок жизни». Этот «кусок жизни» вследствие такой нарративной обработки провоцирует символическое толкование. Это уже переход к импрессионистской поэтике, которая вырабатывается в синхронной Бунину литературе[4].

Обозначенные нами стратегии работы Бунина с русской очерковой традицией — эстетизирующий взгляд, любование упадком, медитативные подробности, эффект случайности — создают особое настроение «философизма», будто бы подталкивают к притчевому прочтению. Однако само по себе соединение приемов газетного очерка и модернистского повествования выглядит необычно и требует объяснения. С одной стороны, эпоха, в которую молодой писатель входит в литературу, отмечена упадком журнала как литературной формы и переходом к более «быстрым» медиа вроде газеты, и в этом смысле обращение Бунина к очеркистике вполне современно. С другой стороны, модернистские элементы по своей сути не просто несвойственны жанру очерка, но противопоставлены ему (см. [Завельская 2009]). На наш взгляд, корни такого соединения можно искать не в прозаической традиции, а в поэтической. Классически ориентированный поэт Бунин уже в ранних своих прозаических произведениях пробует пойти по пути синтеза поэзии и прозы и применяет свой поэтический опыт в прозаических текстах. Так, обозначенная нами медитативность имеет, по всей видимости, элегические корни, а импрессионистичность и окказиональность — пейзажные.

Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению, раннее и позднее творчество Бунина не жестко противопоставлены друг другу, а обладают чертами единства и целостности. Во многих ранних произведениях заметны и значимы те сложные художественные решения, которые приведут к роману «Жизнь Арсеньева» (1927–1929, 1933) и позднеэмигрантским шедеврам (подробнее см. [Пономарев 2019]). Как мы показали на примере очерковых тенденций, уже в самых

[3] В сохранившемся автографе рассказа «На даче» представлен план будущего текста. Среди прочего там есть пункт «С утра Миша весел, потом апатичен, лежит, стреляет <?>» (ОГЛМТ. Ф. 4. № 8761 оф.).

[4] Схожие принципы в этом время декларировал также Э. Золя и писатели-натуралисты.

первых рассказах Бунин, соединяя привычный и популярный бытовой очерк с модернистским рассказом, идет по пути жанрового эксперимента и постепенного усложнения поэтики. Но очерк — лишь одна грань этого процесса, и она требует тщательного изучения. Другие же вовсе еще не обозначены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бунин И.А.* Собрание соч.: в 6 т. М., 1987. Т. 2.
2. *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М., 2024.
3. *Завельская Д.А.* Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 397–436.
4. *Крутикова Л.В.* Иван Бунин // История русской литературы: в 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 635–666.
5. *Леонтьев К.Н.* О романах гр. Л.Н. Толстого: Анализ, стиль, веяние (критический этюд). М.: [Б. и.], 1911.
6. *Манн Ю.В.* Натуральная школа // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 384–396.
7. *Михайлов О.Н.* Проза Бунина // Вопросы литературы. 1957. № 5. С. 128–155.
8. *Морозов С.Н.* Дебют Бунина-прозаика // Филологos. 2022. № 2. С. 68–74.
9. *Пономарев Е.Р.* Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.
10. *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М., 2019. (Серия «Академический Бунин»; вып. 2).
11. Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / сост., вступ. ст. и ред. пер. В. Мильчиной. М., 2014.
12. *Якимович Т.К.* Французский реалистический очерк. 1830–1848 гг. М., 1963.
13. *Ярославская К.К.* Бунин — сотрудник газеты «Орловский вестник» // Новый филологический вестник. 2020. № 4. С. 113–125.

REFERENCES

1. Bunin I.A. Sobranie soch.: v 6 t. [Collected Works]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1987, vol. 2. (In Russ.).
2. Vdovin A.V. Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'ianakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiiskoi imperii do otmeny krepostnogo prava [Riddle of the Sphinx-like People. Narratives about peasants and their sociocultural functions in the Russian Empire before the abolition of serfdom]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2024. (In Russ.)
3. Zavel'skaia D.A. Ocherk [Sketch]. In *Poetika russkoi literatury kontsa XIX — nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza.* Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2009, pp. 397–436. (In Russ.)
4. Krutikova L.V. Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In *Istoriia russkoi literatury: v* 4 *t.* Leningrad, *Nauka Publ.*, 1983, vol. 4, pp. 635–666. (In Russ.)
5. Leont'ev K.N. O romanakh gr. L.N. Tolstogo: Analiz, stil', veianie (kriticheskii etiud) [About the novels Leo Tolstoy: Analysis, style, trend (critical study)]. Moscow, [N. e.], 1911.
6. Mann Iu.V. Natural'naia shkola [Natural school]. In *Istoriia vsemirnoi literatury: v* 9 *t.* Mosow, *Nauka Publ.*, 1989, vol. 6, pp. 384–396. (In Russ.)

7. Mikhailov O.N. Proza Bunina [Bunin's prose]. *Voprosy literatury*, 1957, № 5, pp. 128–155. (In Russ.)
8. Morozov S.N. Debiut Bunina-prozaika [Bunin's debut as a prose writer]. *Filologos*, 2022, № 2, pp. 68–74. (In Russ.)
9. Ponomarev E.R. Zhanrovyi genezis i siuzhetologiia rannei prozy I.A. Bunina [Genre genesis and plot of Bunin's prose]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, № 4, pp. 178–193. (In Russ.)
10. Ponomarev E.R. Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda [Overcoming Modernism: Ivan Bunin's Works of the Emigrant Period]. Moscow, *Litfakt Publ.*, 2019. (In Russ.)
11. Mil'china V., editor. Frantsuzy, narisovannye imi samimi. Parizhanki [The French, painted by themselves. Parisians]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2014. (In Russ.)
12. Iakimovich T.K. Frantsuzskii realisticheskii ocherk. 1830–1848 gg. [French realistic sketch. 1830–1848]. Moscow, *USSR Academy of Sciences Publ.*, 1963. (In Russ.)
13. Iaroslavskaia K.K. Bunin — sotrudnik gazety "Orlovskii vestnik" [Bunin — an employee of the newspaper "Orlovsky Vestnik"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2020, № 4, pp. 113–125. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.08.2023
Принята к публикации 15.01.2024
Отредактирована 19.03.2024

Received 08.08.2023
Accepted 15.01.2024
Revised 19.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Зайцев Дмитрий Вадимович — младший научный сотрудник, аспирант Отдела русской литературы конца XIX — начала XX вв. ИМЛИ РАН; d_zaiczev@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii Zaitsev — Junior Researcher, PhD Student, Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries, Institute of World Literature; d_zaiczev@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 221–232

«ХРАМ СОЛНЦА» И.А. БУНИНА И «СИРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» С.С. КОНДУРУШКИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

М.С. Щавлинский

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского, Санкт-Петербург, Россия; maxim.shavlinsky@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена личным и творческим связям Бунина и ныне малоизвестного писателя Степана Семеновича Кондурушкина (1874–1919). Подробно описываются известные случаи коммуникации писателей: переписка, встречи, а также их отзывы о творчестве друг о друга. С 1898 по 1903 гг. Кондурушкин работал учителем на Ближнем Востоке по приглашению Императорского православного палестинского общества. С 1901–1902 гг. Кондурушкин начал писать первые публицистические и художественные тексты о Востоке. Бунин путешествовал на Восток в 1903, 1907, 1910–1911 и 1913 гг., а публиковать первые очерки будущей книги «Храм Солнца» начал с 1908 г. Оба автора внимательно читали произведения друг друга. В статье сравниваются двухтомный сборник рассказов Кондурушкина «Сирийские рассказы» (1908–1910) и книга Бунина «Храм Солнца» (1917). Оба автора говорят о Востоке словами священных текстов и моделируют определенное мифологическое пространство, где являются не просто наблюдателями, но и участниками процесса — переживают миф совместно с действующими героями, а также наделены способностью действовать внутри мифа. Кроме того, для обоих авторов характерна эксплуатация метафоры «Восток — могила», в рамках которой проблематика «времени» как категории нивелируется; все понимается как существующее исключительно в пространстве. История Востока после времени мифа для писателей не существует, Восток «похоронен» под плитами священных текстов. Отдельное внимание уделено репрезентации образа Моисея.

Ключевые слова: И.А. Бунин; С.С. Кондурушкин; «Храм Солнца»; «Сирийские рассказы»; Восток; библейское пространство; метафора; Моисей

Финансирование: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-16

© Щавлинский М.С., 2024

Для цитирования: *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232.

TEMPLE OF THE SUN BY I.A. BUNIN AND *SYRIAN STORIES* BY S.S. KONDURUSHKIN: INTERSECTION POINTS

Maksim Shavlinsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Vladimir Mayakovsky Central City Public Library, St. Petersburg, Russia; maxim.shavlinsky@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the personal and creative connections between Ivan Bunin and the forgotten writer Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919). Known cases of communication between writers are described in detail: correspondence, meetings, as well as their reviews of each other's work. From 1898 to 1903 Kondurushkin worked as a teacher in the Middle East at the invitation of the Imperial Orthodox Palestinian Society. In 1901–1902 Kondurushkin began to write the first journalistic and literary texts about the East. Bunin traveled to the East in 1903, 1907, 1910–1911 and 1913, to publish the first sketches of the future book *Temple of the Sun* — since 1908. Both authors carefully read each other's works. The article compares the two-volume collection of stories by Kondurushkin *Syrian Stories* (1908–1910) and Bunin's *Temple of the Sun* (1917). Both authors speak about the East in the words of sacred texts and model a certain mythological space, where they are not just observers, but also participants in the process — they experience the myth together with the acting heroes, and are also endowed with the ability to act within the myth. In addition, both authors are characterized by the exploitation of the metaphor 'East is the grave', in which the problem of 'time' as a category is leveled and reduced solely to understanding everything in the category of 'space'. The history of the East after the time of myth does not exist for the writers, and therefore the East is 'buried' under the slabs of sacred texts. Special attention is paid to the representation of the image of Moses.

Keywords: Ivan Bunin; Stepan Kondurushkin; *Temple of the Sun*; *Syrian Stories*; East; biblical space; metaphor; Moses

For citation: Shavlinsky M. (2024) *Temple of The Sun* by I.A. Bunin and *Syrian Stories* by S.S. Kondurushkin: Intersection Points. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 221–232.

Взаимоотношения писателей

В начале XX в. «литературные» поездки на Восток, в силу налаженной туристической деятельности пароходных товариществ (РОПиТ, Добровольный флот), становятся привычным делом. Бунин, Гумилев, Бальмонт, Белый и многие их современники оставили

большое количество травелогов [Анисимов, Щавлинский 2022]. Бунин отправился в первое восточное путешествие в 1903 г., затем ездил на Восток в 1907 г. и 1910–1911 гг. Первые очерки будущей книги «Храм Солнца» он начал публиковать с 1908 г. Травелог С.С. Кондурушкина[1] выгодно отличается на фоне других текстов, т. к. автор жил и работал в Сирии 5 лет (с 1898 по 1903 гг.) учителем, хорошо знал арабский язык, а также там сделал свои первые литературные шаги: в 1900 г. дебютировал в журнале «Русское Богатство» [Владимирова 2023: 25]. Оптика его впечатлений сильно изменена в силу ежедневных социально-бытовых практик «общения» с Востоком. Однако текст Кондурушкина и текст Бунина, на наш взгляд, имеют множество точек пересечения, что делает сравнение особенно интересным.

С творчеством Кондурушкина и, вероятно, с ним самим Бунин познакомился не позднее весны 1908 г. Так, известно, что 5 апреля Кондурушкин писал Бунину, предлагая сотрудничество: «Уж давно собирался я обратить Ваше внимание на классические арабские поэмы — Муалляки; до сих пор еще никто на русский язык стихами не переводил <…> Кажется мне, Вы могли бы это сделать, и русская литература могла бы обогатиться прекрасными произведениями арабского гения. В случае желания, я мог бы Вам указать прозаические русские переводы Муалляк, да к тому же один мой знакомый <…> изъявляет готовность сделать дословные переводы любой из семи арабских поэм» [Летопись 2011: 733]. Очевидно, что Бунин согласился и 21 апреля получил от Кондурушкина «брошюру Myallaku Имру-уль-Кайса» [Летопись 2011: 736] и сопроводительное письмо с необходимыми разъяснениями особенностей арабской поэзии. Писатели поддерживают переписку на протяжении всего года [Летопись, 2011: 747], видимо, иногда встречаются лично (во всяком случае, о личных встречах часто просит Кондурушкин [Летопись 2011: 747, 749, 754]).

В последующие годы общение между писателями продолжается. В январе 1909 г. Кондурушкин планирует поездку на Новую Землю [Чуваков 1994: 50–51] и просит у Бунина поручительства перед И.Д. Сытиным и Н.П. Рябушинским в расчете, что эта экспедиция заинтересует издателей, но, видимо, просит безрезультатно [Летопись 2011: 777]. В ноябре Кондурушкин поздравляет Бунина «с избранием <…> в члены Академии» [Летопись 2011: 838]. На этом взаимоотношения между писателями практически прекратились.

[1] Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919) — писатель, журналист, учитель. Подробнее о заре литературной карьеры Кондурушкина и его биографии до 1906 г. см.: [Щавлинский 2022]. О творчестве Кондурушкина в 1900–1910-е гг. см. также: [Владимирова 2023].

В 1912 г., 30 января (12 февраля) Кондурушкин писал Горькому: «Книга Бунина “Деревня” — во многом книга художника, но ее написал интеллигент, который говорит: “Мне такая жизнь не нравится”. Но ведь это же совсем в данном случае не важно, что не нравится вся жизнь, целиком. Не нравится — значит, непонятна, а непонятна — оставь ее в покое» [Горький 1988: 978]. В конце октября этого же года Кондурушкин публикует в петербургской газете «Речь» (№ 295) письмо «25-летний юбилей И.А. Бунина» [Кондурушкин 1912: 3], где, в частности, пишет: «Дорогой Иван Алексеевич! 28 октября в Москве чествуют вас <…> вы родились художником, от Господа Бога поэт. <…> Ваше творчество — созерцание и покой» [Летопись 2017: 303]. В конце своего открытого письма Кондурушкин говорит: «[мне] больше всего хотелось бы в этот день <…> посидеть с вами наедине часок, поговорить о чем придется и пожать руку. Мы так мало встречались» [Летопись 2017: 303]. Последний раз — и тоже не лично, а косвенно — писатели общались в марте 1918 г. «Ф.К. Сологуб и С.С. Кондурушкин обращаются в письме к Бунину от имени “Союза деятелей художественной литературы”, организованного в Петрограде» и просят высказаться о сложившейся исторической ситуации [Летопись 2017: 917]. Позднее, в 1919 г., Бунин уехал в Одессу (и в 1920 г. эмигрировал), а Кондурушкин умер в Омске.

Библейское пространство

В 1908–1910 гг. издательство «Знание» напечатало двухтомник рассказов Кондурушкина, первый том был озаглавлен «Сирийские рассказы». Известно, что Бунин прочитал первый том и попросил издательство «Знание» печатать пятый том своих сочинений так же, «как рассказы Кондурушкина» [Бунин 2007: 89]. Бунину понравилось оформление, верстка и качество бумаги. Кроме того, есть сходство в оформлении: и в книге Бунина 1909 года, и в «Сирийских рассказах» 1908 года присутствует одинаковое изображение, выполненное художником Е. Лансере [Щавлинский 2021: 943–944]. Вероятно, это было сделано по воле редакторов «Знания», а не по просьбе писателей.

Кроме того, в 25 выпуске сборников товарищества «Знание» были напечатаны «Моисей» Кондурушкина (позднее текст войдет во 2 том рассказов) и три сонета Бунина: «Караван», «Иерихон». «Бедуин», объединенные заглавием «Иудея». Критики положительно оценили выход сборника, в частности, В.В. Брусянин писал: «красивые акварели-сонеты Ив. Бунина — “Иудея” так хорошо дополняют содержание рассказа г. Кондурушкина <“Моисей”>, рисуя образ “Бедуина”, нового человека пустыни <…> такими красочными мазками» [Летопись 2011: 804]. (Позднее, в отдельной книге «Храм Солнца», все

три сонета опубликованы в той же последовательности с незначительными изменениями [Бунин 1917: 27–29]).

Тематически книги очень схожи в описании Востока. Оба автора используют одинаковые претексты. Главный претекст «Храма Солнца» — Библия. На нее повествователь ссылается чаще всего [Андреева 1998: 2]. Следующим источником, по количественному показателю, будет Коран. То же можно сказать и о «Сирийских рассказах» Кондурушкина. Приведем лишь несколько примеров. У Бунина: «повествует Библия» [Бунин 1917: 155]; «…которые Библия называла заоблачными…» [Бунин 1917: 162]; «…были начертаны над гробами слова Корана» [Бунин 1917: 46]; «“Лица их, — думаю я словами Корана, — похожи на яйца страуса, сохраненные в песке”»; «…только сурами Корана» [Бунин 1917: 56]. У Кондурушкина: «…проповедывать свободное понимание Библии...» [Кондурушкин 1908: 139]; «Развернул евангелие, нашел пятую главу от Матфея» [Кондурушкин 1910: 117]; «…бормоча в бороду первую главу из Корана» [Кондурушкин 1908: 64]; «…спускаться вниз и читать Коран» [Кондурушкин 1908: 195]; «…молча прочитали священные стихи Корана» [Кондурушкин 1908: 233].

Оба автора говорят о былом величии Востока, сравнивая его с днем сегодняшним, подчеркивают, что Восток измельчал, эксплуатируют метафору: «Восток — могила». Таким образом, история Востока после творившегося здесь библейского мифа просто вычеркнута (об этом ниже). Например, в очерке Кондурушкина «Хараба» говорится:

«Все напоминает о былом величии и славе древних строителей. А эти люди — точно звери в человеческих жилищах, — так мало соответствия между ними и прекрасными остатками древних строений. Хауран, — это кладбище греко-римской жизни. <…> все пришло в запустение. Ходишь иногда под темными сводами заброшенной крепости, и жутко станет, точно в гроб зашел. Скажешь слово, кашлянешь, — тысячи голосов отвечают тебе, камни дрожат, точно хотят приподняться и выпустить на волю своих мертвецов… Кажется, даже камни этих развалин не так мертвы и холодны, как все камни на земле, а унаследовали часть души своих давних жильцов…» [Кондурушкин 1908: 9–10].

В очерке Бунина «Море богов»: «Египет — могила в пустыне…» [Бунин 1917: 80]. В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Его в Иудее больше, чем травы. И вся Иудея — как эта могила, такая старая, что давно-давно пора забыть о погребенных в ней» [Бунин 1917: 123].

Можно предположить, что Бунин хочет показать, будто существует некоторое пространство, где время останавливается или

вообще исчезает. Пространство, где, иными словами, можно приобщиться к вечности: «Разве может забыть земля о том незабвенном утре две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу?» [Бунин 1917: 132]. Бунин в какой-то мере наследует традициям древнерусской литературы — как и любой летописец, показывает, что описываемое им — только часть из общей ткани истории, узлы которой непременно ведут к Библии.

Н.В. Пращерук полагает, что такой «“выход” из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти» [Пращерук 1999: 16], однако нам кажется, что этот эффект достигается постоянной апелляцией к Корану и Библии. Цитата, которой заканчивается бунинская «Пустыня дьявола»: «“Отойди от меня, Сатана”» [Бунин 1917: 152] — с одной стороны, указывает на претекст, а с другой стороны, фраза вполне может быть сказана героем и без кавычек, потому как пространство вокруг него именно в этот момент подлинно библейское. Интересно, что предшествует этому финалу «вписывание» лирического героя в те же обстоятельства: «И мне страшно глядеть на мою белую одежду, как бы фосфорящуюся от звездного блеска. Я сам себе кажусь призраком, ибо я весь в каком-то знойном, хрустально-звенящем полусне, который наводит на меня Дьявол Содома и Гоморры» [Бунин 1917: 151]. Ощущение присутствия дьявола, по Бунину, пронизывает это пространство даже спустя тысячи лет. Своеобразным указанием на библейское пространство заканчивается и последний очерк книги: «И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною. Я, читая о нем, видел и его, и светлый, неизреченно прекрасный Образ, доныне не покинувший его берегов» [Бунин 1917: 174]. Лирический герой достигает полной «синхронизации» между тем, что читает и видит, соединяя две этих реальности в одну[2].

Понимание пространства Востока как подлинно библейского характерно и для Кондурушкина. Только если Бунин в «Пустыне дьявола» медленно подводит нас к вхождению в это пространство и оставляет нас перед ним в самом конце очерка, «снимая кавычки» и позволяя читателю самостоятельно это пространство «увидеть» (вообразить), то Кондурушкин в «Моисее», можно сказать, с этого начинает: «Я кружил по скалистым, таинственным берегам Мертвого моря. И в душе моей возникали видения мглистого прошлого. / Днем, в сверкающей дали, видел я бесконечные толпы народа. То-

[2] О библейском в поэтике «Храма Солнца» см. также: [Пономарев 2021; Пронин 2001].

мимый голодом и жаждой идет он по раскаленной пустыне, идет — ищет обетованную землю, свободную родину. / Ночью слышал я голоса прошлой жизни, таинственные голоса из глубин веков. <...> / А ночью заснет резвое эхо. И в гулких видениях его зазвенят забытые звуки жизни далекой. Видит эхо — слышит, — движется по пустыне великий народ. <...> Так на каждом месте обжитой земли возникают в нашей душе видения прошлой жизни. Хранят в себе образы минувшего седые камни-старожилы, многодумные деревья. <...> Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Все это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мертвого моря. И море видело и слышало тебя. Но оно злобно молчит, роется все глубже и глубже в землю и дышит ядовитым дыханием в голубое небо» [Кондурушкин 1910: 3–4].

Если у Бунина погружение начинается со взгляда на пустыню, — именно взгляд заставляет работать память и вспоминать библейские стихи — то у Кондурушкина такую роль исполняет эхо. Лирический герой, находясь в море — водной пустыне — слышит зов, который переносит его в принципиально иное время и пространство — к Моисею в пустыню. Рассуждая о хронотопе в «Тени Птицы», Н.В. Пращерук писала: «во-первых, хронотоп, <…> в некотором смысле, обретает “самостоятельность”, выдвигаясь на первый план и становясь “главным героем” произведения; во-вторых, “отмененное время” закономерно оборачивается “выходом” во “вневременное пространство”, приводит к “опространствливанию” формы произведения в целом» [Пращерук 1998: 19]. Так Бунин и Кондурушкин преодолевают временную дистанцию и занимают позицию наблюдателей подлинной библейской истории, которая разворачивалась здесь тысячи лет назад и как бы проигрывается заново у них перед глазами.

Пустыня становится для Бунина своеобразным местом невозврата; здесь система восприятия пространства-времени изменяется и временной зазор, ранее отделявший повествователя от библейского пространства, нивелируется. Повествователь становится способным воочию наблюдать вновь открывшееся пространство и взаимодействовать с ним. Для Кондурушкина таким местом становится море. Любопытно, что топологически море и пустыня у авторов пересекаются. Бунин описывает пустыню через сравнение с морем: «пустыня, каменным волнистым морем падающая к Иордану» [Бунин 1917: 145], Кондурушкин от моря, где происходит зов эха, мысленно переносится к Моисею в пустыню. Подобную функцию моря мы можем наблюдать в еще одном рассказе Кондурушкина — «В сетях дьявола».

Кратко перескажем сюжет. Паломники плывут на Афон в надежде, что там они смогут обрести покой, избавиться от мирских забот и сохранить душу. Однако на корабле — в море! — между паломниками происходит интересный диалог. «Ведь теперь дьявол уже весь мир покорил; один Афон остался! Так сколько на Афоне этого дьявола, знаете ли вы?! Все заинтересовались <…> — Сколько, а ну? — раздавались вопросы. — То-то и есть… Мне один старец схимонах говорил. Здесь на Афоне столько демонов, сколько на всем свете нет» [Кондурушкин 1910: 112–113]. Позднее, прибыв на Афон, все оказываются в подлинно библейском пространстве: «На перекрестках всюду поставлены кресты. Это для напоминания каждому христианину, что здесь, в царстве дьявола, на перекрестках дорог сидят тысячи бесов и бросаются из-за кустов на прохожих и проезжающих» [Кондурушкин 1910: 148]. Более того, бесы несколько раз появляются на публике. Так, например, когда седой старец Назар спросил о. Харлампия, как быть с помещиками, которые в селе незаконно завладели землей, о. Харлампий ответил: «— Вот ведь как силен дьявол. И в церкви он тебя не оставил. Чай так и шептал тебе в ухо: “Спроси про землю, спроси про землю!” <…> отвечу я дьяволу, который тебе на ухо такие слова шептал. Только нужно прежде, чтобы он, окаянный, из сего святого места удалился. Именем Божьим приказываю тебе: сгинь, сатана! О. Харлампий подался всем своим старческим телом вперед, сделал гневное лицо и устремил глаза в одну точку на каменный пол. Все невольно и со страхом расступились, чтобы дать невидимому бесу дорогу» [Кондурушкин 1910: 156]. В финале рассказа дьявол подкрадывается и к монаху Алексею: «— Тфу ты, враг-то! Уже и подкрался нечистый!.. Молитвами святых отец, Господи помилуй нас… Уж и подкрался, — с укоризной повторил Алексей и дрыгнул в сторону беса ногой» [Кондурушкин 1910: 168].

Море становится местом, где обычное, повседневное пространство преобразуется в библейское. А Афон становится не только библейским, но дьявольским пространством, где «столько демонов, сколько на всем свете нет» [Кондурушкин 1910: 113], где находится «царство дьявола» [Кондурушкин 1910: 148] и где отец-настоятель монастыря напрямую обращается к сатане со словами: «сгинь, сатана!» [Кондурушкин 1910: 156]. (Сравни с бунинским «“Отойди от меня, Сатана”» [Бунин, 1917: 152].)

Моисей Бунина и «Моисей» Кондурушкина

Поскольку в «Храме Солнца» перед нами библейское пространство, очевидно, что его населяют библейские персонажи. Эти герои появляются от случая к случаю, тем не менее, мифологические

сюжеты, связанные с некоторыми из них, предстают перед нами во всей полноте. Одним из ярких примеров такого транзитного героя, который появляется в разных очерках, является Моисей. За счет нехитрой контаминации перед нами широкими штрихами описывается вся история Моисея:

«Только через двадцать веков после этого утра родился Моисей» [Бунин 1917: 109]; «Моисей, воспитавшийся там, основал на служении Изиде служение Иегове» (104); «тянет найти ту вершину, с которой показал Господь Моисею всю радость земли обетованной: “Взойди на гору сию, на гору Нево, что в земле Моавитской против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложись к народу твоему...”» (155); «опять слышишь слова Второзакония: “И полуденную страну, и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора увидал Моисей... И умер там, в земле Моавитской, по слову Господню, и погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его даже до сего дня...”» (156); «Далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною» (150).

Если Моисей Бунина представлен пунктиром (родился, был воспитан, испытал откровение, беседовал с Господом, получил от него задание, выполнил его и умер, место могилы стало священным), то Кондурушкин в «Моисее» подробно излагает историю скитаний Моисея и его спутников по пустыне [Кондурушкин 1910: 1–77]. Бунин отсылает читателя к претексту, в надежде на то, что все помнят миф о Моисее. Кондурушкин же, наоборот, пересоздает миф, вносит в него психологизм и новые детали. Классический религиозный сюжет дан через бинарную оппозицию *вера и сомнение*. Бунин даже не дает намека на центральную часть мифа о Моисее — скитания по пустыне, — тогда как Кондурушкин именно на этом сосредоточивает все внимание. В этом смысле оба текста, находясь в своеобразном диалоге, дополняют друг друга.

Интересным кажется мнимое противоречие между двумя последними фрагментами, посвященными Моисею, в книге «Храм Солнца»: Моисей <...> погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его даже до сего дня...”» (156); «Далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною» (150). Сначала подчеркивается, что никто не знает место погребения Моисея, но затем — в очерке «Пустыня дьявола», где, как мы описали выше, пространство пустыни осмысляется как библейское, — таинственность и загадочность «снимаются» за счет того, что повествователь, находясь в библейском пространстве, где действия разыгрываются прямо перед ним, имеет возможность

видеть перед собой не только таинственное место погребения, но и весь миф о Моисее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 1998.
2. *Анисимов К.В., Щавлинский М.С.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210.
3. *Бунин И.А.* Тень Птицы; Зодиакальный свет // Бунин И.А. [Собрание сочинений]: в 6 т. СПб., 1909. Т. 5. С. 129–233.
4. *Бунин И.А.* Храм Солнца. Пг., 1917.
5. *Владимирова С.М.* Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2023.
6. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизд. переписка. Литературное наследство. Т. 95 / Отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1988.
7. И.А. Бунин. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текстов и комм. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007.
8. *Кондурушкин С.С.* 25-летний юбилей И.А. Бунина // Речь. № 295. 1912. 27 окт. С. 3.
9. *Кондурушкин С.С.* Сирийские рассказы: в 2 т. СПб., 1908–1910.
10. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2017. Т. 1. 1870–1909. + Т. 2. 1910–1919.
11. *Пономарев Е.Р.* «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
12. *Пращерук Н.В.* Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999.
13. *Пронин А.А.* Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2001. С. 459–464.
14. *Чуваков В.Н.* Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. С. 50–51.
15. *Щавлинский М.С.* Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874–1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Международная конференция молодых исследователей (Москва, МГУ им.М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 15–17 октября 2020 г. и 18–20 марта 2021 г.): М., 2022. С. 100–113.
16. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М., 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; вып. 3).

REFERENCES

1. Andreeva S.L. *Bibleiskie reministsentsii kak faktor tekstoobrazovaniia (na materiale proizvedenii I.A. Bunina «Ten' ptitsy», «Okaiannye dni», «Missiia russkoi emigratsii»)* [Biblical reminiscences as a factor of text formation (based on the works of I.A. Bunin «Shadow of a Bird», «Cursed Days», «Mission of the Russian Emigration»)]: dissertation abstract PhD. Moscow, *MPGU Publ,* 1998. 16 p. (In Russ.)
2. Anisimov K.V., Shchavlinskii M.S. Istoriko-literaturnyi kontekst buninskogo traveloga «Khram Solntsa». Na fone kogo Bunin «vyshel v genii»? [Historical and literary context of Bunin's travelogue «Temple of the Sun». Against the background of whom Bunin «came out as a genius»?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*. 2022. No 80. P. 183–210. (In Russ.)
3. Bunin I.A. *Ten' Ptitsy; Zodiakal'nyi svet* [Shadow of The Bird; Zodiac Light]. [Collected Works]: in 6 vol. Vol. 5. St. Petersburg, *Znanie Publ.,* 1909. pp. 129–233. (In Russ.)
4. Bunin I.A. *Khram Solntsa* [Temple of the Sun]. Petrograd. *Zhizn' i znanie Publ.,* 1917. 174 p. (In Russ.)
5. Vladimirova S.M. *Khudozhestvennaia proza S.S. Kondurushkina* 1900–1910-*kh gg.: problematika, poetika, literaturnyi kontekst* [Fiction by S.S. Kondurushkin 1900–1910 s: Problematics, Poetics, Literary Context: PhD Thesis]: PhD Thesis. Saransk, *Ogarev Mordovia State University.* 2023. 215 p. (In Russ.)
6. Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizd. Perepiska [Gorky and Russian Journalism of the Early 20th Century: Unpublished Correspondence]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 95, ed. I.S. Zil'bershtein, N.I. Dikushina. Moscow, *Nauka Publ.,* 1988. 1079 p. (In Russ.)
7. Bunin I.A. *Pis'ma* 1905–1919 *godov* [I.A. Bunin. Letters 1905–1919], ed. O.N. Mikhailova; S.N. Morozov, R.D. Devisa, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi. Moscow: *IWL RAS Publ.,* 2007. 829 p. (In Russ.)
8. Kondurushkin S.S. 25-letnii iubilei I.A. Bunina [25th anniversary of I.A. Bunin]. *Rech'* [Speech]. №295. 1912. 27 Oct. pp. 3. (In Russ.)
9. Kondurushkin S.S. *Siriiskie rasskazy* [Syrian stories]: in 2 Vol. St. Petersburg, *Znanie Publ.,* 1908–1910. Vol. 1. 250 p. + 290 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the life and work of I.A. Bunin], ed. S.N. Morozov. Moscow, *IWL RAS Publ.,* 2011–2017. Vol. 1. 1870–1909. 943 p. + Vol. 2. 1910–1919. 1181 p. (In Russ.)
11. Ponomarev E.R. «Khram solntsa» ili «Ten' ptitsy»? Poetika «putevykh poem» I.A. Bunina [«Temple of the Sun» or «Shadow of the Bird»? The poetics of «travel poems» by I.A. Bunin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*. 2021. № 69. pp. 298–320. (In Russ.)
12. Prashcheruk N.V. *Khudozhestvennyi mir prozy I.A. Bunina: iazyk prostranstva* [The artistic world of I.A. Bunin: the language of space]. Ekaterinburg, *MUMTs «Razvivaiushchee obuchenie» Publ.,* 1999. 253 p. (In Russ.)
13. Pronin A.A. Evangel'skiy «sled» v tsikle putevykh rasskazov I.A. Bunina «Ten'ptitsy» i poema V.A. Zhukovskogo «Agasfer» [The Evangelical «trace» in I.A. Bunin's cycle of travel stories «Shadow of the Bird» and V.A. Zhukovsky's poem «Agasfer»]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov* [The Gospel text in the Russian literature of the XVIII–XX cent.]. Petrozavodsk: *PetrGU Publ.,* 2001, pp. 459–464. (In Russ.)
14. Chuvakov V.N. Kondurushkin Stepan Semenovich. *Russkie pisateli.* 1800–1917. *Biograficheskii slovar'.* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary.] *Moscow BRE Publ.,* 1994. pp. 50–51. (In Russ.)

15. Shavlinsky M.S. Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919): zhizn' i tvorchestvo. Materialy k biografii, 1874–1905 [Stepan Semenovich Kondurashkin (1874–1919): Life and Works. Materials for Biography, 1874—1905]. *Tekstologiia i istoriko-literaturnyi protsess: X i IX Mezhdunarodnaia konferentsiia molodykh issledovatelei* [Textology and the Historical and Literary Process: X and IX International Conference of Young Researchers] (Moscow, Lomonosow Moscow State Univ., Faculty of Philology, 15—17 Oct. 2020 and 18—20 March 2021). Moscow: *Common Place Publ.,* 2022, pp. 100–113. (In Russ.)
16. Shavlinsky M.S. «Khram Solntsa» I.A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka [«The Temple of the Sun» by I.A. Bunin — unfinished project of the development of the East]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [Ivan Bunin and his time: the contexts of fate — the history of creativity], ed. T.M. Dviniatina, S.N. Morozov. Moscow: *IWL RAS; Litfakt Publ.,* 2021, pp. 934–952. (Akademicheskii Bunin [Academic Bunin], Issue 3). (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.11.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 19.03.2024

Received 17.11.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 19.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Щавлинский Максим Станиславович — младший научный сотрудник, аспирант ИМЛИ РАН, Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века; библиограф 1 категории ЦГПБ им. В.В. Маяковского, Отдел управления библиографическими информационными службами; maxim.shavlinsky@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maksim S. Shavlinsky — Junior Researcher, post-graduate student, IWL RAS, Department of Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries; bibliographer of the 1st category, St. Petersburg State Budgetary Institution of Culture "Central City Public Library named after V.V. Mayakovsky", Department of Management of Bibliographic Information Services; maxim.shavlinsky@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 233–238
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 233–238

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «I ШИРОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, 27–28 НОЯБРЯ 2023)

А.И. Изотов, О.А. Остапчук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ostapczuk@yandex.ru, a.i.izotov@mail.ru

Аннотация: Представлен обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 27–28 ноября 2023 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова международной научной конференции «I Широковские чтения», посвященной памяти основательницы советской школы богемистики, почетного доктора Карлова университета в Праге и заслуженного профессора МГУ А.Г. Широковой. В конференции приняли участие более 50 исследователей из Москвы, Петербурга, Самары, Саратова, Перми, Пензы, Челябинска, Севастополя, Донецка, Минска, Баку, Брно, Будапешта, Белграда, Скопье.

***Ключевые слова*:** филология; лингвистика; славистика; богемистика; А.Г. Широкова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-17

Для цитирования: *Изотов А.И., Остапчук О.А.* Международная конференция «I Широковские чтения» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 233–238.

INTERNATIONAL CONFERENCE *SHIROKOVA READINGS* (LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, NOVEMBER 27–28, 2023)

Andrey I. Izotov, Oxana A. Ostapchuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ostapczuk@yandex.ru, a.i.izotov@mail.ru

Abstract: The review of reports presented at the international conference *1st Shirokova Readings*, held on November 27–28, 2023 on the basis of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, dedicated to the memory of the founder of the Soviet school of Bohemistics, Honorary Doctor of Charles University in Prague and Honored Professor of Moscow State University A.G. Shirokova,

© Изотов А.И., Остапчук О.А., 2024

is presented. The conference was attended by more than 50 researchers from Moscow, St. Petersburg, Samara, Saratov, Perm, Penza, Chelyabinsk, Sevastopol, Donetsk, Minsk, Baku, Brno, Budapest, Belgrade, Skopje.

Keywords: philology; linguistics; Slavic studies; Czech studies; Alexandra G. Shirokova

For citation: Izotov A.I., Ostapchuk O.A. (2024) International Conference *Shirokova Readings. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, p. 233–238.

Заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова и почетный доктор Карлова университета в Праге А.Г. Широкова принадлежала вместе с профессором С.Б. Бернштейном к поколению учеников А.М. Селищева, возродивших славистику в Московском университете. Приглашенная на воссоздаваемую в Московском университете кафедру славянской филологии в 1943 году в качестве преподавателя чешского языка, А.Г. Широкова фактически стала основательницей советской школы богемистики, подготовив двух докторов и 25 кандидатов филологических наук. В условиях почти полного отсутствия и каких-либо печатных учебных материалов по чешскому языку и традиции его преподавания в качестве языка живого общения (а не как источника примеров для исследований общелингвистического характера) А.Г. Широкова переводит с чешского языка «Грамматику чешского литературного языка» Фр. Травничека (перевод будет напечатан в 1950 году) и «Введение в историю чешского языка» О. Гуйера (перевод будет напечатан в 1953 году), параллельно преподавая чешский по собственным рукописным наработкам, которые в дальнейшем лягут в основу серии учебников и учебных пособий. Так, в 1952 году А.Г. Широкова опубликует «Очерк грамматики чешского языка», в 1961 году — полноценный учебник для вузов «Чешский язык» (его переработанный в монографический очерк текст А.Г. Широкова издаст в 1990 году в соавторстве со своей ученицей В.Ф. Васильевой и ведущим чехословацким богемистом А. Едличкой). Наконец, в 1973 и 1981 годах выйдет двухтомный «Учебник чешского языка», подготовленный А.Г. Широковой в соавторстве с пражскими лингвистами П. Адамецом и Й. Влчеком, а также с ведущим богемистом МГИМО Е.Р. Роговской (в написании второго тома — для старших курсов — примет участие также одна из первых учениц А.Г. Широковой Т.И. Константинова). Этот учебник, особенно его первая часть, окажется настолько удачен, что сегодня в Сети, помимо официального второго издания этой первой части в 1988 году (под слегка измененным названием «Чешский язык»), можно обнаружить отсылки на полдюжины изданий пиратских, некоторые из которых маскируются под издания старые, воспроизводя знакомую каждому богемисту синюю обложку, а не-

которые и не маскируются. Секрет успеха данного учебника, помимо многолетнего опыта преподавания и высочайшей квалификации его авторов, в последовательном сопоставительном принципе подачи учебного материала, и тут мы оказываемся у второй, после богемистики, сферы научных интересов А.Г. Широковой — синхронно-сопоставительного изучения современных славянских языков. А.Г. Широкова много лет плодотворнейшим образом разрабатывала теорию сопоставительных исследований близкородственных языков, итогом чего стала, в частности, коллективная монография «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков», написанная под ее руководством и опубликованная к ее юбилею в 1998 году. Наконец, не может не восхищать масштаб деятельности А.Г. Широковой как организатора науки. В течение двух десятилетий заведуя кафедрой славянской филологии, А.Г. Широкова проявила себя как достойный преемник С.Б. Бернштейна, поддерживая активные контакты с отечественными и с зарубежными славистами, организуя научные славистические конференции и публикации совместных сборников, всемерно способствуя международным академическим обменам, в том числе студенческим.

Стремление учеников и коллег А.Г. Широковой увековечить ее память и научные заслуги в сфере славистики стало одним из главных мотивов учреждения научных чтений ее имени. I Широковские чтения, в организации которых активное участие приняли сотрудники двух ведущих кафедр филологического факультета — кафедры русского языка и славянской филологии — прошли 27–28 ноября 2023 г. (программа опубликована на сайте кафедры славянской филологии: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/, а также научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»: https://slavverb.philol.msu.ru/konferentsii/[1]).

Ведущей темой конференции стало сравнительно-сопоставительное изучение славянских языков, которое занимает центральное место в научном наследии А.Г. Широковой. Подробно на разработанном ею подходе к изучению функциональной эквивалентности в славянских языках остановилась в своем докладе на пленарном заседании проф. Л.Б. Карпенко (Самарский университет). Было отмечено, что такой метод позволяет исследовать сходства и различия в способах выражения содержательных категорий в славянских языках, выявляя специфику их функционирования в конкретном

[1] Исследование реализуется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/.

языке, что проф. Л.Б. Карпенко продемонстрировала в ходе анализа особенностей грамматической концептуализации категории пространственности в русском языке на фоне болгарского.

В общей сложности в рамках конференции было прочитано 45 докладов, большинство из них по сопоставительной проблематике, при этом особое внимание было уделено сопоставлению грамматических (прежде всего глагольных) категорий. Так, в своем выступлении на пленарном заседании зав. кафедрой славянской филологии, проф. Н.Е. Ананьева затронула проблему сопоставительного описания двувидовых глаголов в польском и русском языках. Сопоставление их инвентаря в качественном и количественном аспектах сопровождалось выявлением грамматических условий проявления двувидовости. Особое внимание было уделено функционированию двувидовых глаголов в разных типах текстов на русском и польском языках, а также в соответствующих диалектных континуумах.

Текстовые функции видов в русском и чешском языках оказались в центре внимания ученицы А.Г. Широковой, проф. Е.В. Петрухиной, продемонстрировавшей в своем пленарном докладе перспективы, которые открывает применение дискурсивного метода при изучении прагматического потенциала глагольных форм. Так, проведенное ею исследование заголовков небольших новостных заметок позволило выявить функциональные различия в употреблении видов между русским и чешским языками, связанные с особенностями представления события.

Сопоставление функционирования глаголов было продолжено на материале сербского и русского языков представительницей Белградского университета (Сербия), проф. Биляной Марич. В своем пленарном докладе она представила анализ глаголов, вводящих прямую, косвенную и несобственно-прямую речь в русских и сербских текстах. В докладе была установлена связь между семантикой глаголов, вводящих чужую речь, и стилистической принадлежностью текста соответственно в русском и сербском языках.

Проблематика функционирования глагола была доминирующей также на одной из секций конференции, посвященной сопоставлению грамматических категорий в славянских языках. В рамках сопоставления с русским языком к анализу привлекался материал различных славянских языков: сербского (в докладе Д. Керкез об экспрессивных формах прошедшего времени), словенского (в докладе О.С. Плотниковой по аспектологии), польского (в докладе О.О. Лешковой о скрытых грамматических категориях). Коллегами были продемонстрированы также возможности, которые открывает для сопоставительных исследований материал параллельных

корпусов, что позволяет привлекать к анализу сразу несколько языков, как, например, польский, чешский, сербский, болгарский и немецкий переводы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в докладе А.Д. Подгорной о пассивных и имперсональных конструкциях. В свою очередь, Д.К. Полякову (РГГУ) обращение к чешско-русскому сегменту базы данных переводческих соответствий Treq позволило уточнить наблюдения А.Г. Широковой относительно межъязыковой эквивалентности глаголов, подвергшихся декатегоризации и делексикализации (типа *dívat se, hledět, myslet, prosit*).

В рамках конференции отдельные секции были посвящены также анализу грамматических и словообразовательных категорий в славянских языках в сопоставлении с неславянскими (О.Ю. Крючкова, Д.Ю. Ващенко и др.); функционально-стилистической стратификации славянских языков (В.А. Мишланов, Л.Л. Федорова и др.); сопоставительным исследованиям славянской лексики, ономастики и терминологии (И.А. Седакова, А.А. Индыченко), а также фразеологии (Н.Ю. Котова, В.Г. Кульпина, А.И. Францева), затрагивались и вопросы славянской этимологии (Ж.Ж. Варбот, М. Калезич). В особую секцию были выделены доклады, посвященные проблемам перевода, прежде всего на уровне лексики (М. Анчевски и др.). При этом особое внимание было уделено сфере неологии, вопросам заимствования лексики, в том числе глагольной, и процессу ее освоения в славянских языках, а также проблемам эквивалентности (К.В. Лифанов, С. Янурик). Отдельно были рассмотрены грамматические трансформации при переводе, анализировалось функционирование глаголов в переводных славянских нарративах разного времени (доклады А.В. Уржи, Т.В. Пентковской, Г.А. Филатовой, О.А. Остапчук, М.И. Хазановой).

Особо следует отметить присутствие на конференции проблематики, относящейся к анализу чешского языкового материала, представленной в докладах богемистов, в том числе учеников А.Г. Широковой — В.В. Белоусовой, Н.В. Воробьевой, А.И. Изотова, Н.Ю. Котовой. В них освещался широкий круг вопросов, связанных, в частности, с синсемантическими маркерами чешского разговорного дискурса, представленностью стратификации чешского языка в лингводидактике, функционированием ненормативных идиомов в чешском языковом пространстве и чешскими паремиями на фоне их русских соответствий.

В ходе конференции в общей сложности выступили с докладами и приняли участие в их обсуждении представители нескольких факультетов МГУ (включая филиалы в Баку и Севастополе), а также других московских (РГГУ, ПСТГУ, МГЛУ) и немосковских вузов (СПбГУ, университетов Саратова, Самары, Перми, Нижнего Новго-

рода, Донецка). Были заслушаны доклады ученых из ведущих славистических научных центров России (Институт славяноведения РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), а также центров зарубежных, в том числе из Сербской Академии наук и искусств, университетов в Скопье (Северная Македония), Белграде (Сербия), Будапеште (Венгрия). С записями заседаний конференции можно ознакомиться на канале кафедры славянской филологии (https://youtu.be/3hI2CmPOKpI).

Поступила в редакцию 19.12.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 20.03.2024

Received 19.12.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 20.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.i.izotov@mail.ru

Остапчук Оксана Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ostapczuk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Izotov — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; a.i.izotov@mail.ru

Oxana A. Ostapchuk — PhD. Associate Professor, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; ostapczuk@yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 239–246
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 239–246

МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКИЙ КУРС ЛЕКЦИЙ «СИСТЕМНЫЕ, ДИСКУРСИВНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; elena.petrukhina@gmail.com
Донецкий государственный университет, Донецк, Россия; v.terlkulov@donnu.ru

Аннотация: В статье описывается курс лекций «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке», проведенный в соответствии с Программой сотрудничества между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Донецким государственным университетом с сентября 2022-го по май 2023 года в дистанционном формате кафедрами русского языка филологических факультетов МГУ и ДонГУ для студентов двух университетов. Представлены предыстория и мотивы создания курса лекций, хроника его проведения с описанием тематики лекций и лингвистической проблематики. Отмечено, что в создании курса принимали активное участие в качестве лекторов представители не только вузов-организаторов, но и профессора из других университетов России. Приведены оценки курса студентами и лекторами.

Ключевые слова: программа сотрудничества; МГУ; ДонГУ; деривация; словообразование; морфология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-18

Для цитирования: *Петрухина Е.В., Теркулов В.И.* Межуниверситетский курс лекций «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 239–246.

INTER-UNIVERSITY LECTURE COURSE “SYSTEMIC, DISCURSIVE, AND COGNITIVE ASPECTS OF WORD-FORMATION AND MORPHOLOGICAL DERIVATION IN RUSSIAN”

E.V. Petrukhina, V.I. Terkulov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; elena.petrukhina@gmail.com
Donetsk State University, Donetsk, Russia; v.terlkulov@donnu.ru

© Петрухина Е.В., Теркулов В.И., 2024

The article describes the online course of lectures *Systemic, Discursive and Cognitive Aspects of Word-formation and Morphological Derivation in Russian Language*, held in accordance with the Program of Cooperation between Lomonosov Moscow State University and Donetsk State University. It was held in September 2022 — May 2023 by the Russian Language Departments of the Lomonosov Moscow State University and the Donetsk State University for students from the two universities. The prehistory and motives of the creation of the lecture course , a chronicle of its implementation with a description of the subjects of the lectures and linguistic problems are presented. It is noted that not only representatives of the organizing universities, but also professors from other Russian universities took an active part in the creation of the course as lecturers. The authors give the students' and lecturers' evaluations of the course.

Keywords: cooperation program; MSU; DonSU; derivation; word formation; morphology

For citation: Petrukhina E.V., Terkulov V.I. (2024) Inter-University Lecture Course "Systemic, Discursive, and Cognitive Aspects of Word-formation and Morphological Derivation in Russian". *Lomonosov Philology Journal, Series 9, Philology,* no. 2, pp. 239–246.

24 мая 2022 года в Москве ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий и ректор Донецкого национального университета (с 30 марта 2023 года переименованного в Донецкий государственный университет) профессор С.В. Беспалова подписали Соглашение о сотрудничестве между двумя университетами. Подписание состоялось на пленарном заседании конференции «Развитие комплексного сотрудничества в образовательной и научной сферах между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Донецким национальным университетом». Во время работы секции русской и зарубежной филологии были определены совместные мероприятия двух филологических факультетов, вошедшие в Программу сотрудничества МГУ имени М.В. Ломоносова и ДонГУ на 2022–2023 гг.

В соответствии с этой Программой кафедрами русского языка обоих вузов был создан дистанционный курс лекций (КПВ для МГУ и спецкурс для ДонГУ) «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке». По сути, было прочитано два курса лекций: в первом семестре читался курс «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной деривации», во втором — «Морфологическая деривация в русском языке: дискуссионные вопросы» (взаимосвязанность двух курсов по проблематике позволяет их здесь объединить). Прочитанный курс лекций является

сконцентрированным продолжением более чем шестилетнего сотрудничества кафедр русского языка МГУ и ДонГУ, координаторами которого являются профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ Е.В. Петрухина и заведующий кафедрой русского языка филологического факультета ДонГУ профессор В.И. Теркулов.

Предыстория выбора темы курса лекций такова. В мае 2016 года в Донецком национальном университете под руководством заведующего кафедрой русского языка профессора В.И. Теркулова была создана «Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации» (ЭЛИТА, в дальнейшем изложении также Лаборатория). Основная цель Лаборатории — создание комплекса словарей аббревиатур русского языка. Сейчас заканчивается работа над «Толковым словарем сложносокращенных слов русского языка» (далее обозначается как Словарь сложносокращенных слов), создаваемым по новым принципам, разработанным в Лаборатории: принципам синхронно-эквивалентностного подхода. Костяк лаборатории составили студенты-русисты набора 2014 года, некоторые из которых сейчас уже являются преподавателями ДонГУ. С 2017 г. студенты и аспиранты филологического факультета ДонГУ принимают активное участие в Международной студенческой конференции «Ломоносов» в МГУ в секции «Словообразование русского языка», которой с 2017 г. руководит проф. Е.В. Петрухина при поддержке других преподавателей кафедры русского языка и деканата. Многие студенты ДонГУ были награждены грамотами конференции «Ломоносов». В 2017 году главным редактором проф. М.Л. Ремневой и редколлегией «Вестника МГУ (Серия 9. Филология)» было принято беспрецедентное решение опубликовать подборку статей представителей лаборатории ЭЛИТА — проф. В.И. Теркулова и студентов третьего курса бакалавриата ДонГУ В.А. Рязановой, Е.А. Акулич и А.И. Бровца. В 2022 г. под руководством В.И. Теркулова и Е.В. Петрухиной был успешно проведен круглый стол «Итоги создания “Толкового словаря сложносокращенных слов”: 7 лет коллективной работы». Итоги таковы: объемный Словарь сложносокращенных слов подготовлен к печати и находится на редподготовке (на издание получен грант фонда «Русский мир»), в подготовке словаря приняли участие более 40 студентов ДонГУ, многие из которых теперь учатся в магистратуре и аспирантуре и даже стали преподавателями ДонГУ.

Итак, дистанционный курс лекций для студентов ДонГУ и МГУ, прочитанный в 2022–2023 уч. гг., был создан в соответствии с Программой сотрудничества между МГУ и ДонГУ и явился результатом многолетнего сотрудничества двух кафедр русского языка. Было

решено подготовить курс с широкой тематикой, в котором можно было бы представить, а также и обсудить наиболее актуальные научные проблемы русского словообразования и грамматики. Организатор и основной лектор данного курса лекций — профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ Е.В. Петрухина. Важно отметить, что в подготовке и реализации данного курса лекций принимали активное участие в качестве лекторов представители не только вузов-организаторов, но и профессора из Нижегородского, Саратовского, Тамбовского, Белгородского университетов, а также Московского педагогического университета.

Основное внимание в курсе было уделено актуальным и дискуссионным вопросам словообразовательной (1-й семестр) и морфологической (2-й семестр) деривации, что позволило дополнить и углубить базовые лекции по словообразованию и морфологии, читаемые для студентов 2-го курса в обоих университетах. На лекциях каждый раз в среднем присутствовало более тридцати участников, в основном студенты, аспиранты и преподаватели ДонГУ, а также студенты и преподаватели МГУ и приглашенные профессора других университетов.

В рамках вводного онлайн-занятия, состоявшегося 20 сентября 2022 г., Е.В. Петрухина обозначила проблематику курса лекций; было проанализировано широкое понимание деривации как создания в языке любых вторичных единиц на базе других, принимаемых за исходные, при помощи определенных правил и операций; охарактеризованы семантическая, словообразовательная, морфологическая и синтаксическая деривация. В.И. Теркулов представил результаты работы упомянутой выше Лаборатории, рассказал о подготовке к выходу Словаря сложносокращенных слов и дальнейших планах Лаборатории. На следующих двух лекциях (лектор — Е.В. Петрухина) были рассмотрены особенности словообразовательной деривации в русском языке на славянском фоне. Живое обсуждение вызвали вопросы аббревиации в сопоставительном аспекте: донецкие филологи отметили отличия в образовании русских, польских и чешских сложносокращенных слов. В.И. Теркулов прокомментировал словообразовательные особенности русских аббревиатур, которые нашли отражение в «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка».

На лекции 11 октября заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ННГУ) имени Н.И. Лобачевского профессор Т.Б. Радбиль рассказал о результатах когнитивного анализа заимствований на словообразовательном уровне. Лектор показал, как русский язык, заимствуя лексические

единицы, осваивает их, в частности при помощи присоединения к заимствованным именам диминутивных аффиксов. По мнению Т.Б. Радбиля, выражение эмпатии является частотной реализацией прагматического и семантического освоения заимствований. На следующих двух лекциях рассматривались результаты когнитивных и дискурсивных аспектов изучения словообразования в российской лингвистике (лектор Е.В. Петрухина); семантические, ономасиологические и когнитивные параметры словообразовательной мотивации (В.И. Теркулов и Е.В. Петрухина), динамические процессы в системе словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке (преп. Е.В. Скачкова, МГУ).

Лекции 1 и 8 ноября были посвящены динамическим аспектам русского словообразования в синхронии и диахронии. Заведующий кафедрой русской филологии и медиаобразования Саратовского национального исследовательского государственного университета (СГУ) имени Н.Г. Чернышевского профессор О.И. Дмитриева рассказала о синхронно-диахронном анализе словообразовательных процессов и семантико-словообразовательных подсистем русского языка. Были представлены динамические модели аффиксации, показывающие изменение и конкуренцию значений аффиксов в разные периоды существования языка. Заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики института филологии и журналистики СГУ имени Н.Г. Чернышевского профессор О.И. Крючкова говорила о словообразовательной специфике русского языка как о результате разноуровневых динамических процессов в диахронии. 15 и 22 ноября прошли занятия, посвященные обсуждению результатов изучения аббревиации на кафедре русского языка ДонГУ. В.И. Теркулов рассказал об универбализации, компрессии и смежных с ними явлениях. Лектор представил модели сложных слов, большинство из которых стали объектом описания в создаваемом на кафедре Словаре сложносокращенных слов. Преподаватели кафедры русского языка ДонГУ В.А. Рязанова и А.И. Бровец представили обзор толковых словарей аббревиатур, описали особенности словаря, создаваемого Лабораторией (ЭЛИТА), и дали развернутое обоснование синхронного подхода к аббревиации.

29 ноября лекцию «Концептуальная деривация в процессах формирования значений и развития ЯКМ» прочитал профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (ТГУ), почетный президент Российской ассоциации лингвистов-когнитологов Н.Н. Болдырев, который показал, как процессы концептуальной деривации (получения нового знания на базе уже существующего и представленного в языке), лежащие в основе формирования вторичных структур, определяют развитие языковой

картины мира. 6 декабря заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ профессор Л.В. Рацибурская представила когнитивные и дискурсивные аспекты изучения словообразовательных неологизмов в публицистическом дискурсе, их роль в экспрессивизации текста. На следующей лекции профессор Московского государственного педагогического университета (МГПУ) Н.А. Николина и Е.В. Петрухина рассмотрели когнитивные и дискурсивные аспекты словообразовательной неологии в современном художественном дискурсе.

20 декабря состоялся завершающий семинар первого семестра, который был посвящен обсуждению научных достижений молодого поколения исследователей — студентов ДонГУ и МГУ. ДонГУ представили студенты Т. Кириченко и А. Лашко. Т. Кириченко рассказала об особенностях образования и функционирования в русском языке сложносокращенных онимов, а доклад А. Лашко был посвящен методике определения системы значений аббреконструктов и дешифровальных стимулов. Студентка 4-го курса филологического факультета МГУ М. Де Пой рассказала об исследовании глагольных неологизмов в неформальной онлайн-коммуникации, о номинациях действий пользователей Интернета. Представленные доклады вызвали живую дискуссию среди слушателей.

Работа спецкурса возобновилась в начале второго семестра — в 2023 г. Эта его часть была посвящена морфологической деривации. 21 февраля Е.В. Петрухина представила проблематику курса лекций во 2-м семестре, обосновав необходимость выделения морфологических деривационных категорий. Профессор кафедры русского языка ТГУ А.Л. Шарандин рассмотрел статус модификационного словообразования с точки зрения разных подходов к разграничению словообразовательных и грамматических деривационных процессов. 28 февраля В.И. Теркулов рассказал о различии грамматической и словообразовательной транспозиции. О.Ю. Крючкова описала особенности родового оформления диминутивно-оценочных дериватов в истории русского языка. 7 марта на семинаре прошло обсуждение соотношения коррелятивности номинаций лица по биологическому полу и категории рода. Лекторами выступили преподаватель кафедры русского языка ДонГУ А.И. Бровец и студентка 5-го курса вечернего отделения МГУ С.Е. Шабатина.

В лекциях 14, 21 и 28 марта Е.В. Петрухина описала типологию морфологических категорий, рассмотрев соотношение словоизменительных и деривационных категорий. Была представлена трактовка глагольного вида и залога как морфологических деривационных категорий. Были рассмотрены особенности русского вида на славянском фоне, а также аспектуальный грамматико-словообра-

зовательный комплекс в современном русском языке. Занятие 4 апреля было полностью посвящено историческим аспектам морфологического словообразования. О.И. Дмитриева и О.Ю. Крючкова рассмотрели вопросы о роли суффиксации и префиксации в истории формирования видовых корреляций и аспектуальных значений в русском языке. 11 апреля в совместной лекции профессора Белгородского государственного исследовательского университета Н.А. Бесединой и Е.В. Петрухиной обсуждались когнитивные основы морфологии. 25 апреля Н.А. Николина и Е.В. Петрухина рассмотрели употребление и функции неузуальных морфологических форм в современной поэзии. 16 мая на лекции доцентов кафедр русского языка ДонГУ и МГУ Н.П. Курмакаевой и Н.К. Онипенко обсуждались проблемы деривации в синтаксисе, прежде всего с точки зрения интерпретации системных связей между членами предложений и моделями предложений.

Спецкурс вызвал большой интерес у студентов, он обсуждался в социальных сетях (ВКонтакте) среди студентов и аспирантов ДонГУ. Например, Алина (4-й курс) написала: «*Много интересного и неожиданного. Очень понравились лекции Петрухиной, Шарандина, Теркулова*». Дарья, аспирант: «*Впечатляют саратовские лекции. Мне они очень помогли. Мои семантические поля нуждаются в историческом обосновании*». Богдан, 2-й курс: «*Хотелось бы поработать в ЭЛИТА. Очень интересно все это*».

Свое мнение о спецкурсе высказала проф. СГУ имени Н.Г. Чернышевского О.И. Дмитриева: «Спецкурс позволил не только донести до студенческой аудитории глубокую и системно организованную информацию по проблемам словообразовательной, морфологической, синтаксической деривации, но и стал по сути своеобразным семинаром для преподавателей-лекторов. Возможность длительного научного взаимодействия с коллегами, работающими в близких и смежных областях, — это очень большая удача. Еженедельно встречаться на одной онлайн-площадке с учеными из Москвы, Донецка, Нижнего Новгорода, Тамбова и других городов нашей страны — интересный и полезный опыт. Не могу не выразить самой искренней признательности организаторам спецкурса профессору МГУ Е.В. Петрухиной и профессору Донецкого университета В.И. Теркулову за то, что стали центром этого взаимодействия. Общаясь с коллегами, каждый мог по-новому оценить результаты и перспективы собственного исследования, опыт других ученых, получая при этом несомненное удовольствие от живого и очень человечного общения. Внушает оптимизм интерес, который проявляли к лекциям слушатели спецкурса — студенты и аспиранты. Их собственные сообщения, сделанные на итоговых занятиях, об-

наружили научную состоятельность и самостоятельность молодых исследователей. Хочется пожелать им больших успехов в изучении языка и новых открытий на этом пути».

В соответствии с Программой сотрудничества между МГУ и ДонГУ, организаторами и участниками курса было решено создать по его материалам коллективную монографию, план которой 10 мая 2023 г. был обсужден и одобрен на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ. Было также высказано предложение в следующем году продолжить (возможно, в формате научного семинара) уникальный опыт научно-учебного сотрудничества, позволившего дать возможность студентам ДонГУ и МГУ познакомиться с новейшими достижениями российской русистики и славистики.

Поступила в редакцию 12.09.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 21.03.2024

Received 12.09.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 21.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Петрухина Елена Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elena.petrukhina@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета ДонГУ; v.terlkulov@donnu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena Petrukhina — Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elena.petrukhina@gmail.com

Vyacheslav Terkulov — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Philological Faculty, Donetsk State University; v.terlkulov@donnu.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 247–254
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 247–254

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОТ ТЕКСТА ДО ИГРЫ…»: РАЗГОВОР О СЕГОДНЯШНЕМ И ВЕЧНОМ. РЕПОРТАЖ

И.В. Монисова, М.С. Руденко, Л. Чжан, Ц. Лю

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; monisova2008@yandex.ru; liza_rudenko_1996@mail.ru; zllsaryy@gmail.com; Нанькайский университет, Тяньцзинь, КНР; jingling94@yandex.ru

Аннотация: Неизменное внимание к драматургии на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса связано с научным наследием ее бывшего заведующего, доктора филологических наук, профессора Б.С. Бугрова (1936–2002). Он возвращал из забвения пьесы русских символистов, издавал Л. Андреева-драматурга, исследовал современную драму, направлял на этот путь своих учеников. Круглый стол, обзору которого посвящен материал, собрал коллег, научные интересы которых так или иначе с театром и драмой соприкасаются. Обсуждались проблемы театрально-драматургического языка и синтеза искусств; инновации в драме и театре XX и XXI веков; репрезентативные тексты современных драматургов; адаптации пьес для театра и кино, а также недраматургического материала для сцены; рецепции русской драматургии за пределами России; вклад Б.С. Бугрова в изучение драматургии XX века.

Ключевые слова: драматургия и театр; Б.С. Бугров; инновации в драме и театре XX–XXI вв; адаптации пьес; инсценировки прозы; рецепция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-19

Для цитирования: *Монисова И.В., Руденко М.С., Чжан Л., Лю Ц.* Круглый стол «От текста до игры…»: разговор о сегодняшнем и вечном. Репортаж // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 247–254.

ROUND TABLE “FROM TEXT TO GAME...”: TALK ABOUT TODAY AND ETERNAL. REPORTAGE

Irina Monisova, Maria Rudenko, L. Zhang, Liu J.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; monisova2008@yandex.ru, liza_rudenko_1996@mail.ru; zllsaryy@gmail.com; Nankai University, Tianjin, China; jingling94@yandex.ru

Abstract: The constant attention to dramaturgy at the Department of History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process is associated with the scholarly heritage of its former head, Doctor of Philology, Professor B.S. Bugrov

© Монисова И.В., Руденко М.С., Л. Чжан, Ц. Лю, 2024

(1936–2002). He brought the plays of Russian symbolists back from oblivion, published the plays by L. Andreev, explored modern drama, and directed his students along this path. The round table, reviewed in this article, brought together colleagues whose academic interests were in one way or another connected to the theater and drama. The problems of theatrical and dramatic language and the synthesis of arts; innovations in drama and theater of the 20th and 21st centuries; representative texts by contemporary playwrights; adaptations of plays for theater and cinema, as well as non-dramatic material for the stage; reception of Russian drama outside Russia; contribution of B.S. Bugrov to the study of dramaturgy of the 20th century were discussed.

Keywords: drama and theater; B.S. Bugrov, innovations in drama and theater of the 20th–21st centuries; adaptations of plays; staging of prose; reception

For citation: Monisova I.V., Rudenko M.S., L. Zhang, J. Liu. (2024) Round Table "From Text to Game...": Talk about Today and Eternal. Reportage. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 247–254.

2 марта 2023 года на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса прошел круглый стол по проблемам драматургии и театра «От текста до игры…», посвященный памяти доктора филологических наук, профессора, исследователя драмы XX века Бориса Семеновича Бугрова (1936–2002). Борис Семенович недолго смог простоять у штурвала: подвело здоровье — однако он, безусловно, был из тех, кто определил стиль работы и лицо кафедры, сыграл определенную роль в жизни и профессиональной деятельности каждого из нас — преподавателей, учеников, коллег. Символично, что важнейшим предметом его исследований была драматургия русских символистов, к концу XX века почти забытая; он поднимал этот затонувший остров и руководил кафедрой в период радикального обновления жизни страны.

Было решено сосредоточиться все же не на траурной дате, а на теме драмы и театра — любимом предмете Бориса Семеновича, человека увлеченного, жизнелюбивого, пытливого, мобильного, который, пока был в силах, посещал театр, по воспоминаниям его вдовы, не реже двух раз в неделю, был в курсе всех театральных новинок, общался с драматургами и театральными деятелями, писал и о пьесах русских символистов, и о творчестве Леонида Андреева (в том числе драматурга), и о самых заметных процессах и значимых текстах драматургии современной. Драма как текст, ее связь с эпохой и реализация на сцене, язык театра, творчество режиссера и актера — вот круг проблем, которые неизменно занимали Бориса Семеновича и которые обсуждались на его спецкурсах и спецсеминарах. Поэтому для названия круглого стола мы взяли осколок цитаты из статьи Г. Шпета «Театр как искусство» (1922), в которой глубоко

прорабатывается проблема природы театра и специфики его взаимодействия с литературным текстом, и посвятили первую часть круглого стола собственно профессиональному разговору. Участники обсуждали проблемы театрально-драматургического языка и синтеза искусств; инновации в драме и театре XX и XXI веков; репрезентативные тексты современных драматургов; адаптации пьес для театра и кино, а также недраматургического материала для сцены; рецепцию русской драматургии за пределами России; вклад Б.С. Бугрова в изучение драматургии XX века.

Тема Серебряного века как театра и практика жизнетворчества его представителей обсуждались в докладе **М.С. Руденко «Театральная страница в жизни А. Блока в воспоминаниях В. Веригиной».** Воспоминания актрисы и педагога Валентины Петровны Веригиной посвящены прежде всего театру Серебряного века — МХТ, театру Комиссаржевской, началу режиссерского пути Мейерхольда. Веригина «изнутри» знает театральный мир, анализирует методики работы с актером Станиславского, Немировича-Данченко, педагогов студии МХТ и, конечно же, Мейерхольда. Именно его образ оказывается в «Воспоминаниях» центральным, и именно он является причиной обнародования мемуаров, законченных в конце 1920-х — начале 1930-х годов, лишь перед смертью их автора, в 1970-е. Важнейшей страницей книги являются точные, подробные и глубоко поэтичные воспоминания о Блоке прежде всего 1906–1908 гг., двух театральных сезонов, вершиной которых стала постановка «Балаганчика» на сцене театра Комиссаржевской. Веригина находит удивительные слова для описания волшебной обстановки и сценического действа, и театрального закулисья, ставшего подлинной творческой лабораторией как для режиссера и актеров, так и для поэта. Вечера, на которых, по желанию Комиссаржевской, присутствовали художники, писатели и актеры, были воплощением символистского принципа синтеза искусств и жизнетворчества. Особое место среди этих вечеров занимал «вечер бумажных дам», вдохновивший непременного участника этих встреч, создателя музыки к «Балаганчику» и другим постановкам театра Комиссаржевской, М. Кузмина, на создание повести «Картонный домик». Вечера проходили подчас в комнатах, украшенных театральными художниками декорациями для спектаклей, в маскарадных костюмах.

Театральное волшебство выходило за стены театра — и вот уже по ночным улицам заснеженного Петербурга сквозят, как легкие тени, «Северные Бауты» — юные, прекрасные актрисы, сопровождаемые поэтами. Завязавшиеся теплые и доверительные отношения между Веригиной и Блоком позволяют ей увидеть «веселого двойника» трагического поэта, услышать его шутки и веселый смех.

Именно от Веригиной мы узнаём подробности «метельного романа» Блока и Волоховой, в котором поэзии было больше, чем земной страсти, во всяком случае, со стороны актрисы. Это особенно важно, если учесть, что сама Волохова оставила всего несколько страничек предельно сдержанных, даже сухих воспоминаний об этих днях. Высокое, романтическое чувство вдохновило Блока на «Снежную маску», «Фаину», драму «Песня Судьбы». Воспоминания Веригиной — драгоценное свидетельство об эпохе, великом поэте и «театральном жаре».

Театральной визуализации нередко подвергаются и произведения эпические, лиро-эпические, собственно лирические, публицистические. Один из самых ранних опытов подобного рода — спектакль В.И. Немировича-Данченко «Братья Карамазовы» (сезон 1910/11 г.), где были найдены новаторские приемы для презентации крупной эпической формы на сцене. С тех пор прошло больше ста лет, и можно с уверенностью сказать, что за это время инсценирование стало неотъемлемой частью постановочной практики. Культовые спектакли «Послушайте» по стихам Маяковского и «Десять дней, которые потрясли мир» по книге Дж. Рида на Таганке, «Черный монах» Камы Гинкаса в МТЮЗе, цикл «Звезда» в Гоголь-Центре, посвященный поэтам Серебряного века… Как происходит работа с литературным текстом при его инсценировке? Что способствует и что препятствует переводу на сценический язык произведений, созданных не в поле театральной эстетики? Какой трансформации подвергаются при этом разные его пласты? Эти и другие проблемы обсудили в докладе «**Творчество Е. Замятина на современной сцене (на примере постановки рассказа “Чрево” в МХТ им. Чехова)» Н.З. Кольцова** и **Чжан Линьлинь.** Режиссер Андрей Гончаров обратился не к драматургии, а к прозе Замятина, что и привлекло внимание авторов доклада, задавшихся вопросом, насколько «сценичны» произведения писателя и в какой степени удалось режиссеру передать особенности замятинской поэтики. Несомненной удачей спектакля стала повышенная метафоричность едва ли не каждой сцены: «интегральный» (в терминах Замятина) образ чрева вбирает в себя мотивы плотской любви, рождения, ненасытной утробы, но также и земного лона, смерти, погребения. Карнавальное начало, присутствующее в рассказе, на сцене не просто усилено, но и дополнено за счет музыкального сопровождения (в том числе и с помощью вполне современного звукоряда, органично вписанного в контекст действа), а также балаганной эстетики. «Крестьянский хоррор», или «крестьянский мюзикл», А. Гончарова оказался смелой и тонкой интерпретацией не только раннего рассказа Замятина, но и всего его творчества в целом: ключевые для замятинской про-

зы сказовое начало, техника лейтмотивного построения текста и даже излюбленные образы-символы (Евы, яблока и пр.) получили убедительное сценическое воплощение. Знакомство с удачной современной сценической версией замятинского текста заставляет задуматься над вопросом, какие еще произведения писателя (помимо тех, что создавались для сцены) могли бы привлечь внимание режиссеров. В докладе высказано предположение, что в романе «Мы» преобладает скорее живописная эстетика; сопротивляется переносу на сцену и подтекст романа, или язык математической символики. Противостояние арифметики и высшей математики, составляющее нерв романа, сложно передать языком театральной эстетики. А в малой прозе писателя скрывается немалый драматургический и кинематографический потенциал (не случайно сам писатель на основе «английских» произведений создал пьесу «Общество почетных звонарей»).

Выступление **О.С. Октябрьской** было посвящено не собственно театру, но родственному виду искусства — цирку. С давних пор между ними происходит взаимопроникновение: обмен приемами, персонажами, сюжетами. Цирковые клоуны и отдельные номера отсылают к народному театру, театральные режиссеры, а нередко и драматурги используют приемы циркизации как действенную форму условного театра. Мир цирка в восприятии наивного зрителя, а также цирковое закулисье с удовольствием описывает и детская литература — причем по-разному в разные исторические периоды. Этому и был посвящен доклад «**Феномен цирка в русской детской прозе конца XIX — начала XXI вв.».** В нем исследуются основные тенденции развития цирковой темы и принципы ее воплощения в прозе для детей за длительный период ее существования. Выявляются значимые закономерности литературы о цирке конца XIX века — тогда тема актуализируется и становится самостоятельной в творчестве Куприна, Григоровича и других. Мир цирка предстает в реалистических произведениях для детей и подростков как страшное и жестокое закулисье. В самом начале XX века цирковой локус расширяется, а писатели сосредотачиваются на проблемах дидактико-социальных, при этом исследуя воздействие цирка на зрителя и читателя (Чехов, Куприн и др.). Послереволюционная литература о цирке смещает акцент с социальной проблематики на эстетическую, говорит о возможностях человека-артиста. Изменяется и форма произведений — буффонадность и театральность становятся маркером произведений о цирке, а доверительность своеобразного диалога с читателем-ребенком возрастает за счет прихода в литературу профессионалов-дрессировщиков, делящихся с адресатом секретами мастерства. Этот эффект достигается

и обращением писателей к образному, живому, оригинальному языку сказочно-театральной условности (В. Дуров, Ю. Олеша и др.). Во второй половине XX и начале XXI вв. обозначается поворот от изображения собственно цирковых реалий к миру героя-ребенка и художественному решению актуальных для адресата проблем посредством использования цирковых приемов и моделей (Л. Давыдычев, Н. Дурова, Ю. Куклачёв, Н. Носов, В. Драгунский, Д. Сабитова, Т. Крюкова).

Разговор на круглом столе касался разного рода переводов, в том числе перевода русской драмы на иностранный язык и в пространство иной культуры. Это интересный и сложный процесс, результат которого — возникновение неожиданных перекличек, аналогий, диалога культур, в том числе и на театральных подмостках. Об одном таком эпизоде русско-китайского сотворчества через время рассказала стажер из Нанькайского университета (КНР) **Цзинлин Лю.** В докладе **«Пьеса “Клоп” В. Маяковского / Мэн Цзинхуэя на современной китайской сцене»** поднимается проблема влияния Маяковского на творчество современного китайского режиссера и драматурга Мэн Цзинхуэя. Поклонник Маяковского и Мейерхольда, один из немногих китайских режиссеров-авангардистов, автор ремейков пьесы «Клоп», этот яркий театральный деятель демонстрирует путь развития авангардного театра в Китае с опорой на зарубежный, в том числе и российский опыт. Предмет анализа в докладе — материал трех постановок пьесы-ремейка «Клоп» в Китае с 2000 по 2017 год, которые отражают, во-первых, поиски соответствий между историческими периодами советской и китайской истории и интересные попытки «пересадить» сатирическую пьесу советского классика на китайскую почву; во-вторых, наследование современным мастером сцены многих новаторских идей Маяковского — Мейерхольда (принципов игры, разных форм устранения «четвертой стены»), самого новаторского духа творчества. В-третьих, принципиальные трансформации, которым подвергается текст ремейка в постановках разных лет, отсылают к идее Маяковского, высказанной им в предисловии к «Мистерии-буфф», о пьесе как открытой системе, которая должна изменяться, варьироваться по мере отражения перемен в жизни общества. В пьесах и постановках китайского автора отмечен и полемический потенциал: сцены будущего во второй части ремейка приобретают остро антиутопическое звучание, усиливающееся от первой постановки 2000 года к третьей, 2017 года. Мэн Цзинхуэй, ориентируясь на Маяковского в целом ряде идей и формальных приемов, переосмысливает и даже деконструирует его базовые идеи, создавая в своей пьесе-ремейке иную временную и национально-культурную локацию.

От Серебряного века, которого коснулся первый докладчик, мы постепенно подошли к самой животрепещущей современности и одной из важных категорий современной философии и эстетики — концепту Другого. Аспирантка кафедры **А.Л. Нечаева** в докладе **«Сцена как зеркало мира: Другой в современной вербатимной пьесе»** размышляла о тех темах и образах, в которые претворяется этот концепт в драматических текстах и постановках последних лет, причем был выбран материал, созданный в технике вербатим, ставшей новым словом в развитии документального театра и драмы, в том числе в России.

Диапазон тем докладов и их заинтересованное обсуждение убедили участников и гостей круглого стола в актуальности и богатстве театрально-драматургической проблематики сегодня, а также в том, что труд Б.С. Бугрова, посвятившего свою научную деятельность изучению этих проблем, восстановлению памяти о забытых страницах истории театра и драмы, продолжен современными исследователями — его коллегами, учениками и представителями молодого поколения кафедры.

Поступила в редакцию 12.09.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 21.03.2024

Received 12.09.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 21.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Монисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; monisova2008@yandex.ru

Руденко Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; liza_rudenko_1996@mail.ru

Чжан Линьлинь — аспирантка кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zllsaryy@gmail.com

Цзинлин Лю — докторант филологического факультета Нанькайского университета; jingling94@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina Monisova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; monisova2008@yandex.ru

Maria Rudenko — PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; liza_rudenko_1996@mail.ru

Zhang Linlin — PhD Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zllsaryy@gmail.com

Liu Jingling — PhD Student, Department of Russian Literature and Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Nankai University, China; jingling94@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *ВИНОКУРОВА И.* НИНА БЕРБЕРОВА: ИЗВЕСТНАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ. СПб.: Academic Studies Press, Библиороссика, 2023. 680 с.

Д.А. Стрижкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; strizhkova.2003@mail.ru

Аннотация: В рецензии анализируется книга И. Винокуровой о жизни и творчестве Н. Берберовой, известной писательницы-эмигрантки. Рассматривается, какими источниками и подходами пользуется исследовательница, какие акценты расставляет при составлении книги и, наконец, какие открытия делает в изучении наследия Берберовой, среди которых — подробный рассказ об американском периоде жизни Берберовой, ее преподавательской деятельности и истории литературного успеха в старости.

Ключевые слова: Н. Берберова; литература русского зарубежья; биография; «Курсив мой»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-20

Для цитирования: *Стрижкова Д.А.* Рецензия на книгу: *Винокурова И.* Нина Берберова: известная и неизвестная. СПб.: Academic Studies Press, Библиороссика, 2023. 680 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 255–260.

REVIEW OF THE BOOK: IRINA VINOKUROVA. NINA BERBEROVA: KNOWN AND UNKNOWN. ST. PETERSBURG: Academic Studies Press, Bibliorossika, 2023. 680 p.

D. Strizhkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; strizhkova.2003@mail.ru

Abstract: The review analyzes a book written by I. Vinokurova about the life and work of N. Berberova, a famous emigrant author. It addresses the sources and the approaches used by the researcher, what points she stresses, and, finally, what discoveries she makes in regards to Berberova's heritage. Among the latter is a detailed story about the American period of Berberova's life, her teaching activities and a story of literary success in her old age.

© Стрижкова Д.А., 2024

Keywords: N. Berberova; Russian émigré literature; biography; *The Italics Are Mine*

For citation: Strizhkova D. (2024) Review of the Book: Vinokurova I. Nina Berberova: Known and Unknown. St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika, 2023. 680 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 255–260.

Весной 2023 года вышла книга Ирины Винокуровой «Нина Берберова: известная и неизвестная» о русской писательнице-эмигрантке, прославленной своими мемуарами «Курсив мой». Исследовательница лично знала Берберову и много лет работала с ее архивами. В основу нового исследования лег цикл статей Винокуровой о жизни и творчестве Берберовой, публиковавшийся в последние годы. Заявленная как первая биография Берберовой, книга получила широкий резонанс среди академического сообщества и уже вышла вторым изданием.

Из-за существования первоисточника — «Курсива» — перед биографом писательницы стоял вызов: с одной стороны, необходимо было дополнить автобиографию, то есть добавить и уточнить факты, раскрыть ряд умолчаний, которые были сделаны в мемуарах, а с другой стороны — рассказать о том, что было после «Курсива», — о последних годах жизни Берберовой. В 2015 году в интервью Ивану Толстому Винокурова призналась, что хотела создать традиционную биографию, но потом отошла от этой мысли. Действительно, рецензируемая книга — это не повествование о судьбе Берберовой от рождения до смерти, но биографические очерки. Получается, что биографией новую книгу можно назвать не на уровне реализации, а лишь на уровне идеи. В работе опущены не только детство Берберовой и описание ее жизни в Петрограде, когда писательница только входила в литературные круги, но и ранние годы эмиграции, когда Берберова делала первые шаги в писательстве. Винокурова первой подробно написала о жизни Берберовой в Америке, куда писательница эмигрировала в 1950 году. При этом нельзя сказать, что книга посвящена только жизни Берберовой в США. Композиция монографии устроена так, что в начале последовательно проанализированы некоторые ключевые события жизни Берберовой с 1930-х годов и до самой смерти, а далее следуют отдельные сюжеты: рассказывается и о задумке и создании главного произведения — «Курсива», и о популярности, которая пришла к Берберовой с выходом мемуаров, и о взаимоотношениях писательницы с разными людьми, с которыми она встречалась во Франции и Америке. Это и Набоков, и Юбер Ниссен, основатель издательства *Actes Sud*, близкий друг, оставивший ценные записи о Берберовой в своем дневнике, а после смерти писательницы ставший владельцем авторских

прав на все ее тексты. Это и эмигранты третьей волны: Иосиф Бродский, Ефим Эткинд, Сергей Довлатов. Наконец, это ученики и знакомые Берберовой.

Перед читателями предстает не мифологизированный образ идеальной и сильной женщины, созданный в «Курсиве», а образ большой писательницы своего времени с ее провалами, хитростями и секретами. Рассмотренные Винокуровой эпизоды жизни писательницы наглядно демонстрируют, как Берберова намеренно, терпеливо и последовательно добивалась славы, как бывала навязчива, а порой холодна в переписке с разными людьми, как оказывалась беспринципна в вопросах независимости, материальной и внутренней свободы, как увлекалась делами, темами, книгами, людьми и как теряла к ним интерес. Однако из-за хронологической непоследовательности в изложении и разных, зачастую не связанных между собой сюжетов единая концепция книги не складывается. Винокурова мастерски справляется с главной задачей исследования — раскрыть умолчания и тайны жизни Берберовой, но, работая в традиционной историко-литературной парадигме, избегает рассматривать социально-литературные стратегии писательницы, из-за чего, возможно, и не получается создать цельный портрет Берберовой и до конца понять, что привело ее к успеху, почему ее звали на разные интервью и вручали почетные премии и награды, какие факторы (критика, перевод, институты или личные знакомства) повлияли на ее творческую траекторию.

Берберова всегда трепетно относилась как к чужим архивам (сохранила бумаги Владислава Ходасевича, интересовалась наследием Льва Лунца и Галины Кузнецовой), так и к своему. Главный источник выпущенной книги — это собрание писем, дневников и записных книжек Берберовой; большинство материалов было отредактировано и оставлено самой писательницей в Йельском университете. Проделанная Винокуровой работа основывается не только на сравнении архивных источников, но и на их тщательной сортировке: исследовательница анализирует материал так, чтобы можно было понять, что все-таки Берберова, работая со своим архивом, хотела утаить от потомков. С какой регулярностью Берберова отвечает на письма, как она их подписывает, на что жалуется, а чему рада — ответы на эти и другие вопросы помогают выяснить отношение Берберовой к разным темам и личностям. Более того, источником для интерпретации тех или иных фактов иногда становятся не только существующие, но и уничтоженные документы. Так, важна и интересна сожженная переписка с «очень близкой подругой» Берберовой Миной Журно, которая, как показывает Винокурова, стала причиной развода со вторым мужем писательницы Николаем Макеевым. По-

мимо наследия самой Берберовой, среди источников книги — воспоминания знакомых Берберовой и их корреспонденция с писательницей. Более того, в книге представлена обширная и на настоящее время самая полная библиография исследований о Берберовой и ее произведениях, включающая старые и совсем недавние научные работы русских, английских и французских исследователей.

Само творчество Берберовой в книге остается на заднем плане и служит лишь подспорьем для объяснения биографических эпизодов. Исследовательница рассматривает, как уход от Ходасевича лег в основу сюжета романа «Без заката», реконструирует историю дружбы Берберовой с Журно, а параллельно рассказывает историю создания пьесы «Маленькая девочка». Взаимоотношения с Луи Фишером разворачиваются на фоне подготовки и сбора материала для биографии «Железная женщина», посвященной Муре Будберг. Наконец, рассказ о дружеских и не очень отношениях с Набоковым сопровождается сравнением Берберовой с Ниной, главной героиней хрестоматийного рассказа «Весна в Фиальте».

Степень влияния некоторых людей на писательницу, однако, остается не совсем понятной. Так, например, хотя Винокурова впервые освещает насыщенную личную жизнь Берберовой, которая в сознании потомков навсегда осталась «женой Ходасевича», в книге не очень четко проводится граница между любовью, романом, мимолетным увлечением и желанием понравиться. Действительно ли Луи Фишер и Роберт Оппенгеймер были возлюбленными Берберовой? Третий брак Берберовой был фиктивным, но насколько человек, с которым она жила, повлиял на нее? Кем для Берберовой был Анатолий Рубинштейн? Представляется, что исследовательнице не вполне удается сохранять баланс: Фишеру или Набокову в жизни писательницы посвящены целые главы, а Рубинштейну — только сноска.

Еще одним существенным недостатком исследования видится перенос фокуса внимания с Берберовой на других выдающихся личностей. В книге более чем подробно рассказывается биография Фишера, описывается его работа журналистом в СССР, излишне много страниц уделяется перемещениям Набокова по Европе. Вопрос — действительно ли выбранные Винокуровой герои были так важны для самой писательницы? — останется открытым до тех пор, пока не появятся новые исследования о Берберовой и полное комментированное собрание ее писем.

Несмотря на разрозненность сюжетов книги, которые посвящены одновременно интимной, бытовой и профессиональной сторонам жизни Берберовой, многие интерпретации Винокуровой увлекательны и убедительны. Например, удачно показано, что образ Симоны де Бовуар в «Курсиве» был позаимствован Берберовой из

нескольких томов автобиографии француженки. Обоснованно доказано, что треугольник Берберова — Журно — Макеев лег в основу «Маленькой девочки». Вместе с тем, не все гипотезы и догадки кажутся правдоподобными. Так, ряд вопросов вызывает идея, что Берберова — прототип героини в рассказе Набокова. Действительно ли у Берберовой и Набокова были чувства друг к другу? Почему типичный сюжет о разрушении семейной пары напоминает союз Берберовой и Ходасевича? Не проявляется ли тут желание исследовательницы во что бы то ни стало увязать в историко-литературном нарративе две знаковых фигуры эмиграции, потому что так будет «красивее»? Подобные домысливания и натянутые реконструкции неоднократно встречаются в книге.

Однако в ряде спорных вопросов Винокурова проявляет взвешенность и придерживается академической нейтральности. Самое яркое тому подтверждение — рассмотренный Винокуровой случай, когда Берберову в послевоенный период обвиняли в коллаборационизме и симпатиях к фашизму. Здесь Винокурова подходит к делу с огромной тщательностью, собирая практически все данные о критике и обвинениях Берберовой и обращаясь к новому источнику — к обнаруженной самой исследовательницей редакции стихотворения «Шекспиру». В конце тридцатых годов Берберова, как и многие эмигранты, возлагала надежды на гитлеровцев, однако впоследствии считала обвинения в коллаборационизме одной из самых темных сторон своей биографии.

Книга Винокуровой заслуживает особого внимания по ряду причин. Во-первых, несмотря на множество диссертаций, посвященных в той или иной мере «Курсиву», ни в одной работе так и не были воссозданы замысел, история создания, история перевода, а затем продолжительная рецепция автобиографии Берберовой. Во-вторых, в исследовании впервые рассказано о профессорской деятельности Берберовой. Как показывает Винокурова, благодаря преподаванию писательница привлекла внимание многих зарубежных исследователей-славистов к творчеству Андрея Белого, Владислава Ходасевича и Льва Лунца. Однако преподавательская деятельность в рамках биографических очерков представлена не полностью (так, лишь вкратце описаны взаимоотношения Берберовой с некоторыми ее аспирантами[1]). Отдельный интерес представляют хранящиеся

[1] Например, так и не раскрыта история о том, как Берберова сначала вписала в свое завещания, а потом вычеркнула из него своих студентов Вирджинию Бенетт и Кэрол Аншютц. В то же время взаимодействие с другими студентами и исследователями, писавшими Берберовой (Джон Малмстад, Джеральд Янечек, Томас Байер, Филипп Радли, Ричард Сильвестр, Роберт Хьюз), описаны даже с излишней подробностью.

в американских архивах материалы лекций, которые Берберова читала в лучших университетах США. Они дают возможность понять, например, насколько взгляды Берберовой на литературные события, описанные в «Курсиве», отличались от того, что писательница преподавала в аудиториях. Однако Винокурова не анализирует педагогическую деятельность Берберовой в этом аспекте и ограничивается лишь рассмотрением взаимоотношений писательницы со студентами.

Фундаментальное исследование Винокуровой, впервые рассматривающее многие аспекты жизни и творчества Берберовой, тем не менее не является исчерпывающим, оставляет вопросы, а значит, дает возможность для дальнейших филологических и исторических изысканий.

Поступила в редакцию 22.05.2023
Принята к публикации 29.08.2023
Отредактирована 31.10.2023

Received 22.05.2023
Accepted 29.08.2023
Revised 31.10.2023

ОБ АВТОРЕ

Стрижкова Дарья Алексеевна — студентка образовательной программы «Филология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; strizhkova.2003@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Darya Strizhkova — student, Faculty of Philology, National Research University Higher School of Economics; strizhkova.2003@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 261–265
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 261–265

NUOVA POESIA ITALIANA DAL 1980 A OGGI / НОВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ С 1980-ГО ДО НАШИХ ДНЕЙ. М.: Типография «Левко», 2023. 295 с.

Е.М. Белавина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kat-belavina@yandex.ru

Аннотация: В 2023 г. в Москве силами Итальянского Института культуры было опубликовано уникальное некоммерческое издание: самая обширная двуязычная антология итальянской поэзии новейшего периода. В книгу вошли подборки 17 поэтов, выступления этих авторов можно было услышать в рамках Недели итальянской культуры в мае 2021 г., проведенной в Библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино. В книгу вошли подборки текстов, опубликованных в 1985–2022 гг. в переводах Е. Солоновича, В. Казарцевой и коллектива Института Итальянской культуры. Предисловие Д. Рицци, директора ИИК, дает целостное представление о книге и процессе ее создания. Статья авторитетного итальянского ученого А. Африбо «Черты и лица новой итальянской поэзии» (в переводе А. Ямпольской) помогает читателю ориентироваться в разнообразии представленных поэтических голосов.

Ключевые слова: итальянская поэзия; современная поэзия; художественный перевод; литературная рецепция; Итальянский Институт культуры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-21

Для цитирования: *Белавина Е.М.* Nuova poesia italiana dal 1980 a oggi / Новая итальянская поэзия с 1980-го до наших дней. М.: Типография «Левко», 2023. 295 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 261–265.

NUOVA POESIA ITALIANA DAL 1980 A OGGI. NEW ITALIAN POETRY FROM 1980 TO THE PRESENT DAY. Moscow, 2023. 295 p.

Ekaterina Belavina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kat-belavina@yandex.ru

Abstract: In 2023, a unique non-commercial edition was published in Moscow by the Italian Institute of Culture: the most extensive bilingual anthology of Italian poetry of the recent period. The book includes selections by 17 poets, and their performances could be heard during the Italian Culture Week in May 2021, held at the Rudomino Library of Foreign Literature. The book includes selections of texts published in 1985–2022 in translations by E. Solonovich, V. Kazartseva and the staff

© Белавина Е.М., 2024

of the Institute of Italian Culture. The foreword by D. Rizzi, Director of the IIC, gives a holistic view of the book and the process of its creation. The article by the influential Italian scholar A. Afribo *Traits and Faces of New Italian Poetry* (translated by A. Yampolskaya) helps the reader to navigate the variety of poetic voices presented.

Keywords: Italian poetry; modern poetry; poetic translation; literary reception; Italian Institute of Culture

For citation: Belavina E.M. (2024) Nuova oesia italiana dal 1980 a oggi / New Italian Poetry from 1980 to the Present Day. Moscow, 2023. 295 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 261–265.

Во время пандемии в Библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино была проведена серия встреч с итальянскими поэтами: поэзия уместна при любых обстоятельствах. Мероприятия проходили в онлайн-формате при участии директора Итальянского Института культуры в Москве Даниэлы Рицци и специалистов по итальянской литературе Андреа Африбо и Стефано Страццабоско. Результатом этих вдохновляющих поэтических чтений и бесед стала опубликованная два года спустя антология итальянской поэзии последних сорока лет. Это некоммерческое издание по-своему уникально: получилась самая обширная двуязычная антология итальянской поэзии новейшего периода.

В книге представлены новые значительные поэтические подборки семнадцати поэтов, с некоторыми из которых российский читатель уже был знаком по публикациям на страницах журнала «Иностранная литература» (например, Валерио Магрелли, Вивиан Ламарк, Стефано Даль Бьянко, Антонелла Анедда в переводе Солоновича, Массимо Джецци в переводе Ямпольской) и журнала «Интерпоэзия» (Патриция Вальдуга в переводе С. Шаталова), а другие — например, Г. Бортолотти, Ф. Манчинелли, Итало Теста, Стефано Каррай — впервые зазвучали на русском языке.

Благодаря предисловию Д. Рицци, перед читателем раскрывается развитие проекта, принципы, которые легли в основу работы переводческой команды. Важное отличие книги от большинства переводных публикаций состоит в том, что, помимо известных переводчиков (Солонович, Казарцева), работа выполнялась в переводческом семинаре, то есть авторство переводного текста коллективно. Это очень интересная практика, важная не только для историков литературы, специалистов по переводу и культурному трансферу, но и для социологов, поскольку привычное понятие «автор», его статус и ценность, меняются на протяжении истории. Фигура переводчика, зачастую остававшаяся в тени в литературном процессе, а в последние десятилетия привлекшая к себе большой

интерес со стороны научного сообщества, вновь оказывается поставлена под вопрос. Этот принципиальный момент позволяет увидеть особую роль перевода как процесса: перевод — это общность. Перевод — это не только общественный договор между четырьмя полюсами литературного процесса: читателем — издателем — переводчиком — автором (автор при этом звено факультативное, он может не знать языка принимающей культуры или просто быть слишком отдаленным во времени, чтобы влиять на процесс). Перевод — это трансформационный процесс не только лексико-семантический, не только в языковом материале, но и процесс, трансформирующий сознание участников, способных создать текст, который при чтении произведет впечатление на читателя. Основной корпус текстов составляют верлибры, перевод которых при кажущейся простоте формы — это всегда танец на невидимом канате: без заметной опоры на традиционную эвфонию.

Вступительная статья литературоведа, профессора Падуанского университета Андреа Афабио дает прекрасный обзор тенденций современной итальянской поэзии, ставит акцент на том, что в этой книге представлена не история, а одна из возможных историй поэтического письма Италии с 1980 года по сегодняшний день (с. 16). Антология — это букет, сознательный эстетический выбор, но в данном случае составители стремились представить разнообразие голосов.

В истории художественного перевода в России есть стремление сохранять рифму и даже перелагать в стихотворную форму прозаический оригинал (импульс, сохраняющийся, вероятно, со времен слов похвалы Пушкина Тредиаковскому за любовь его к Фенелонову эпосу и самый выбор стиха). Перевод поэтической формы, отказавшейся от зримых и слышимых законов традиционной версификации, представляет нелегкую задачу, и авторы антологии счастливо избегают риска «впасть в подстрочник».

Большой интерес для исследования представляет поэтика Патриции Вальдуги (р. 1953). В 80-е гг. она обращается к строгой форме — сонету. Надо заметить, что попытки возвращения традиционных форм версификации наблюдались и в других странах Европы, например, М. Уэльбек во Франции обращался к силлабике в ранних поэтических сборниках. Вальдуга опирается на традиционные рифмы, привлекая современную лексику, обыгрывая традицию для передачи нюансов душевных движений: “E bella notte è questa che nel cuore // si fa per me armature interiore / e mi scalda del caldo suo calore // perché mi chiuda questo dentro il cuore” (с. 80).

Переводчики сохраняют форму сонета — 14 строк, графически разделенных на катрены и терцеты, — но с рифмовкой происходит нечто совершенно не запрограммированное оригиналом:

Лишь та прекрасна ночь, что держит все сло-
ва взаперти, на привязи у сердца,
взамен дает одно простое средство:
жар пережить как Дар, как радость бегства. (с. 81)

Словоразделы и границы стиха конфликтуют не только с синтаксисом, но и со словоразделами, на стыке слов позволяя услышать свежее созвучие. Перевод — это приключение текста в воображении переводчика, читателя, в принимающей культуре.

Поэтический язык современных итальянских поэтов обладает огромным стилистическим диапазоном: обилие англицизмов, свойственное обыденному языку, проникло и в поэтический, но Стефано Страццасоско (1964) использует сеньяль, язык поэзии трубадуров. Переклички между русской и итальянской поэзией можно найти в эпиграфах из Мандельштама, Шаламова, Бродского.

Для описания характера современного поэтического дискурса Африбо использует медицинскую метафору: «Ключевым понятием теперь является *контаминация*. Новая поэзия смешивается, сливается с другими текстовыми “жанрами”: романом, театром, газетной статьей, эссе, политическим выступлением» (с. 23–24).

На обложке читателя встречают колонны венецианской церкви Сан-Никола-да-Толентино; визуальная метафора напоминает и о «ряде живых колонн», к которым прислушивается человек, проходя по жизни, и об историческом моменте, когда монахи-театинцы заботились о больных во время эпидемии чумы 1528 г. Визуальный образ отвечает историческим эхом на отправной момент проекта во время пандемии. Поэтическое послание обретает амбивалентность: болезнь и лекарство, опасность и исцеление.

Книга безусловно будет интересна и полезна изучающим итальянский язык и культуру, специалистам по вопросам переводческих практик, а также всем, кто интересуется современной поэзией.

Поступила в редакцию 20.12.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 21.03.2024

Received 20.12.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 21.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kat-belavina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kat-belavina@ yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 266–271
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 266–271

ЮБИЛЕИ

СКРОМНЫЙ ТРУЖЕНИК НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: К ЮБИЛЕЮ Л.П. ЮДИНОЙ

А.В. Величко, Л.В. Красильникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; all_velichko@mail.ru, likras@mail.ru

Аннотация: Л.П. Юдина, заслуженный преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, отмечает в этом году 95-летний юбилей. В данной статье рассматривается ее профессиональная деятельность и научные интересы, а также вклад Лии Павловны в становление специальности «Русский язык как иностранный».

Ключевые слова: Л.П. Юдина; русский язык как иностранный; студенты-филологи; виды глаголов; глаголы движения; лингводидактика; филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; кафедра русского языка для иностранных студентов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-22

Для цитирования: *Величко А.В., Красильникова Л.В.* Скромный труженик на ниве просвещения и образования: к юбилею Л.П. Юдиной // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 266–271.

A MODEST WORKER IN THE FIELD OF ENLIGHTENMENT AND EDUCATION: TO THE ANNIVERSARY OF L.P. YUDINA

A.V. Velichko, L.V. Krasilnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; all_velichko@mail.ru, likras@mail.ru

Abstract: L.P. Yudina, an honored lecturer at Lomonosov Moscow State University, celebrates 95th jubilee this year. This article explores her professional activities and academic interests, as well as Liya Pavlovna's contribution to the formation of the specialty "Russian as a Foreign Language".

Keywords: L.P. Yudina, Russian as a Foreign Language; students of Philology; verb aspects; verbs of movement; Linguodidactics; Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University; Department of Russian Language for Foreign Students

© Величко А.В., Красильникова Л.В., 2024

For citation: Velichko A.V., Krasilnikova L.V. (2024) A Modest Worker in the Field of Enlightenment and Education: To the Anniversary of L.P. Yudina. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 266–271.

5 февраля 2024 года мы отметили славный юбилей нашей дорогой и уважаемой коллеги — Лии Павловны Юдиной.

Начало долгой и плодотворной исследовательской и педагогической деятельности Лии Павловны пришлось на период становления прикладной лингвистической дисциплины «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного». В связи с возросшим в мире интересом к русскому языку в 1951 году на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова была создана первая в СССР кафедра русского языка для иностранных учащихся. И в 1952 г. тогда еще юной выпускнице филологического факультета Л.П. Юдиной (Яцковской) была предложена должность преподавателя русского языка иностранным учащимся.

Таким образом, вся жизнь Лии Павловны Юдиной оказалась связана с филологическим факультетом МГУ и преподаванием русского языка как иностранного.

Ее ученики из разных стран, ставшие после окончания учебы преподавателями или лингвистами-исследователями у себя на родине, во многом способствовали дальнейшему росту интереса в мире к русскому языку, а значит, и к истории, и к культуре России.

Л.П. Юдина вместе с другими преподавателями кафедры стояла у истоков новой дисциплины, прекрасно осознавая, что это особое, пока еще не разработанное направление русистики, и поэтому практические занятия должны непременно поддерживаться научно-исследовательской работой. Отсюда и такая впечатляющая многогранность деятельности Лии Павловны, в чем отразилось своеобразие самой дисциплины. Так, параллельно с преподаванием Л.П. Юдина занялась исследованием специфики русского языка, используя полученные разработки не только на занятиях с иностранными учащимися, но и для написания статей, пособий и других учебных материалов. Лия Павловна одна из первых приняла участие в создании национально ориентированных учебных пособий, в частности для поляков и испанцев [Всеволодова, Юдина 1963; Лобанова, Степанова, Юдина 1973].

Л.П. Юдина в основном занималась грамматикой, в частности глубоко исследовала такую сложную лексико-грамматическую тему, как глаголы движения и их функционирование в русской речи. И хотя многие исследователи обращались к данной проблеме, именно Лия Павловна наиболее полно и всесторонне исследовала ее в аспекте РКИ, посвятив ей ряд пособий, в том числе написанные

в соавторстве с Г.А. Битехтиной [Битехтина, Юдина 2019; Юдина 2014].

Другая не менее важная лингводидактическая тема, входящая в круг интересов Лии Павловны, — это виды глагола в русском языке, особая тема, которая с трудом усваивается учащимися разных национальностей. Особенности употребления глаголов совершенного и несовершенного вида изложены ею в объемной главе в «Книге о грамматике», выдержавшей несколько изданий [Книга о грамматике 2004, 2004, 2018], а также в учебном пособии [Юдина 2021].

Еще одно научно-методическое направление, которым всегда серьезно занималась Лия Павловна, — это работа с текстом, в первую очередь — с научным текстом на занятиях по языку специальности. Итогом ее работы стали написанные в соавторстве пособия «Русский язык в текстах о филологии» [Величко, Юдина 2023] и «Пособие по обучению монологической речи студентов-филологов» [Величко, Лебедева, Юдина 1988]. Цель пособий — обучить иностранных студентов различным видам работы с текстом по специальности, то есть по филологии: составлению разных видов плана, написанию тезисов, аннотации, разного вида рефератов, рецензии и т. д.

Оценивая вклад Л.П. Юдиной в работу кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ, следует подчеркнуть, что, скромная труженица на ниве просвещения и образования, она не только много работала, выполняя свои непосредственные обязанности, но и постоянно помогала молодым коллегам, тем, кто только начинал преподавательскую деятельность в области РКИ.

Лия Павловна — удивительно отзывчивый, надежный человек. Отметим также, что она никогда не заботилась о собственной карьере, не стремилась к написанию и защите диссертации, хотя, безусловно, могла бы это сделать, учитывая тот высокий уровень научной разработки проблематики, которой она занималась.

Необходимо сказать еще об одном виде деятельности Л.П. Юдиной. Она долгое время руководила сектором иностранных студентов-филологов на кафедре филологического факультета и очень много сделала для повышения эффективности обучения инофонов. Ею были подготовлены учебные программы по русскому языку для студентов 1–5 курсов, содержание которых учитывалось при разработке более поздних программ [Программа 2019]. Под ее руководством создавались типовые контрольные работы, а также зачетные и экзаменационные материалы.

Именно Лия Павловна подбирала, готовила тексты и учебные материалы по развитию речи — даже не думая об их публикации! —

к разговорным темам, которые в итоге составили текстотеку для практического курса русского языка.

И напоследок следует сказать о том, что Лия Павловна настолько всегда была увлечена филологией, что сумела привить эту любовь и членам своей семьи — ее дочь и одна из внучек стали филологами: дочь работала учителем английского языка в школе, а Алина Сергеевна Бодрова — известный исследователь и преподаватель истории русской литературы.

Мы можем по праву сказать, что Лия Павловна Юдина — это золотой фонд нашей специальности. Не случайно она имеет почетное звание «Заслуженный преподаватель Московского университета»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битехтина Г.А., Юдина Л.П.* Глаголы движения: устные упражнения с комментариями: учебное пособие / 2-е изд. М., 2019. 134 с.
2. *Величко А.В., Юдина Л.П.* Русский язык в текстах о филологии. М.: Русский язык. Курсы. 2023, 4-е изд. 256 с.
3. *Величко А.В., Лебедева Н.В., Юдина Л.П.* Обучение монологической речи студентов-филологов. Пособие / Под ред. А.В. Величко; М.: Изд-во Московского университета, 1988. 154 с.
4. *Всеволодова М.В., Юдина Л.П.* Учебник русского языка для поляков (1-й год обучения). М.: Изд-во МГУ, 1963, 400 с.
5. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П. и др. / Под ред. А.В. Величко; Санкт-Петербург: Златоуст, 2018. 752 с.
6. Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный», Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П. / Под ред. А.В. Величко; М.: Изд. Московского университета, 2004. 688 с.
7. Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учебное пособие. Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П. / Под ред. А.В. Величко. 2-е изд. М.: Изд. Московского университета, 2004. 816 с.
8. *Лобанова Н.А., Степанова Л.В., Юдина Л.П.* Практическое пособие по русскому языку для иностранцев. Под ред. Юдиной Л.П. / L.P.Yudina. Ejercicios practicos de lengua rusa para extranjeros. Barcelona: Editorial Ariel. Esplugues de Llobregat. Barcelona, 1973. 189 с.
9. Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: Практический курс. Величко А.В., Красильникова Л.В., Маркова В.А., Чаплыгина Т.Е., Юдина Л.П. / Под ред. Л.В. Красильниковой, В.А. Марковой; Изд. 2-е; М.: Изд. «Перо», 2019. 104 с.
10. *Юдина Л.П.* Виды глагола и их употребление: Комментарии. Упражнения: учебное пособие; М.: Русский язык. Курсы, 2021. 160 с.
11. *Юдина Л.П.* Идти или ходить? Глаголы движения в речи. 3-е ; М: Русский язык. Курсы, 2014. 200 с.

REFERENCES

1. Bitekhtina G.A., Yudina L.P. Glagoly dvizheniya: ustnye uprazhneniya s kommentariyami: uchebnoe posobie [Verbs of Movement: Oral Exercises with Comments]. 2nd ed., Moscow, Flinta Publ., 2019. 134 p.

2. Velichko A.V., Yudina L.P. Russkij yazyk v tekstah o filologii [The Russian Language in Texts about Philology]. Moscow, Russkij yazyk. Kursy Publ., 2023, 4th ed. 256 p.
3. Velichko A.V., Lebedeva N.V., Yudina L.P. Obuchenie monologicheskoj rechi studentov-filologov. Posobie [Teaching Monologue Speech to Students of Philology. Study Guide]. Ed. by A.V. Velichko, Moscow, MSU Publishing House, 1988. 154 p.
4. Vsevolodova M.V., Yudina L.P. Uchebnik russkogo yazyka dlya polyakov (1-yj god obucheniya) [Russian Language Textbook for Poles]. Moscow, MSU Publishing House, 1963. 400 p.
5. Kniga o grammatike. Dlya prepodavatelej russkogo yazyka kak inostrannogo. [A Grammar Book. For Teachers of Russian as a Foreign Language]. Velichko A.V., Krasilnikova L.V., Yudina L.P. and others Ed. by A.V. Velichko, St-Petersburg, Zlatoust Publ., 2018. 752 p.
6. Kniga o grammatike: Materialy k kursu «Russkij yazyk kak inostrannyj» [A Grammar Book. For Teachers of Russian as a Foreign language]. Velichko A.V., Krasilnikova L.V., Yudina L.P. Ed. by A.V. Velichko, Moscow, MSU Publishing House, 2004. 688 p.
7. Kniga o grammatike: Russkij yazyk kak inostrannyj: Uchebnoe posobie. [A Grammar Book. For Teachers of Russian as a Foreign language]. Velichko A.V., Krasilnikova L.V., Yudina L.P Ed. by A.V. Velichko. 2nd ed., Moscow, MSU Publishing House, 2004. 816 p.
8. Lobanova N.A., Stepanova L.V., Yudina L.P. Prakticheskoe posobie po russkomu yazyku dlya inostrancev [Practical Guide to the Russian Language for Foreigners]. Ed. by Yudina L.P. / L.P. Yudina. Ejercicios practicos de lengua rusa para extranjeros. Barcelona, Editorial Ariel. Esplugues de Llobregat. 1973. 189 p.
9. Programma po russkomu yazyku dlya inostrannyh studentov-filologov: Prakticheskij kurs. [Russian Language Program for Foreign Philology Students: Practical Course]. Velichko A.V., Krasilnikova L.V., Markova V.A., Chaplygina T.E., Yudina L.P. Ed. by L.V. Krasilnikova, V.A. Markova; 2nd ed.; Moscow, Pero Publ., 2019. 104 p.
10. Yudina L. P. Vidy glagola i ih upotreblenie: Kommentarii. Uprazhneniya: uchebnoe posobie [Verb Aspects and Their Use]. Moscow, Russkij yazyk. Kursy Publ, 2021. 160 p.
11. Yudina L.P. Idti ili hodit'? Glagoly dvizheniya v rechi [Verbs of Movement in Speech]. 3d ed. Moscow, Russkij yazyk. Kursy Publ., 2014. 200 p.

Поступила в редакцию 08.11.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 21.03.2024

Received 08.11.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 21.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Величко Алла Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; all_velichko@mail.ru

Красильникова Лидия Васильевна — доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; likras@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alla Velichko — Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; all_velichko@mail.ru

Lidia Krasilnikova — Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; likras@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 272–275
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 272–275

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ВЕРИЖНИКОВА

Н.И. Кикило

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; kikilo@bitandpin.com

Аннотация: Текст посвящен 60-летнему юбилею доцента кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, почетного доктора Университета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье Елены Владимировны Верижниковой.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; македонский язык; юбилей; Е.В. Верижникова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-23

Для цитирования: *Кикило Н.И.* Елена Владимировна Верижникова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 272–275.

ELENA VERIZHNIKOVA

Natalia Kikilo

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kikilo@bitandpin.com

Abstract: The text is dedicated to the 60th anniversary of Elena Vladimirovna Verizhnikova, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, and Honorary Doctor of Ss. Cyril and Methodius University in Skopje.

Keywords: Lomonosov Moscow State University; Macedonian language; anniversary; E. Verizhnikova

For citation: Kikilo N. (2024) Elena Verizhnikova. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 272–275.

4 сентября 2023 г. исполняется 60 лет кандидату филологических наук, доценту кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, почетному доктору Университета имени свв. Кирилла и Мефодия в г. Скопье Верижниковой Елене Владимировне. Елена Владимировна родилась в г. Орле, в 1980 году поступила на славянское отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. С первых лет учебы в уни-

© Кикило Н.И., 2024

верситете ее профессиональная жизнь была связана с македонским языком и македонской культурой. В 1997 году под руководством проф. д.ф.н. Р.П. Усиковой она защитила кандидатскую диссертацию «Категориальный статус и функционирование глагольных форм с компонентом *ќе* в современном македонском литературном языке». С 1997 по 2000 гг. Елена Владимировна работала приглашенным преподавателем русского языка на филологическом факультете имени Блаже Конеского в Университете г. Скопье. Благодаря ее преподавательскому таланту и творческой энергии пополнились ряды специалистов-русистов в Македонии.

Настоящим призванием Елены Владимировны можно назвать наведение мостов между Россией и Македонией. С 2002 по 2006 гг. она работала на дипломатической службе в должности атташе по культуре в Посольстве РФ в Республике Македония. Но неподдельный интерес и любовь к предмету исследования — македонскому языку — не позволили поменять профессиональный путь и вернули на родную кафедру в Московский университет.

Елена Владимировна является крупным специалистом по южнославянским языкам, в частности, в ее работах по грамматической семантике доказывается уникальность темпоральной системы македонского языка на общеславянском фоне. Также сфера ее научных интересов лежит в области лексикологии, переводоведения и лексикографии. Елена Владимировна является соавтором изданного в г. Скопье трехтомного македонско-русского словаря (1997) под ред. Р.П. Усиковой, а также изданного в г. Москве однотомного (2003), который до сих пор остается актуальным помощником в изучении македонского языка не только для филологов-специалистов, но и всех интересующихся. Елене Владимировне принадлежит авторство более 30 курсов лекций и семинаров, посвященных македонистике, теории языковых контактов, балканистике, методике преподавания славянских языков, практике перевода. Будучи практикующим переводчиком, в 2013 г. Елена Владимировна в соавторстве с к.ф.н. Н.В. Боронниковой выпускает пособие «Теория и практика перевода (на материале македонского кинотекста)». Больше 20 лет работая на кафедре славянской филологии, Елена Владимировна вместе со своим научным руководителем и коллегой, профессором Риной Павловной Усиковой, выпустила не одно поколение российских македонистов, которые вошли в профессию в качестве славистов, переводчиков, преподавателей. Чуткость, способность выявлять сильные стороны в учениках и искреннее желание раскрывать их потенциал делает Елену Владимировну прекрасным научным руководителем, наставником, ментором, чей опыт помогает найти себя в профессиональной жизни. Благодаря ей

специализация «Македонистика» и сегодня успешно сохраняется в стенах филологического факультета Московского университета.

Выдающийся вклад Елены Владимировны в изучение и популяризацию македонского языка и культуры отмечен высокими наградами: медалью за заслуги перед Македонией (2014), врученной в стенах Московского университета президентом Республики Македонии Г. Ивановым, а также медалью имени Блаже Конеского (2021), врученной Македонской академией наук и искусств.

От всей души коллеги и ученики поздравляют Елену Владимировну с юбилеем, желают ей вдохновения на новые научные открытия, еще долгих лет плодотворной работы, крепкого здоровья, радости и счастья в семье!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Усикова Р.П., Шанова З.К., Поварницина М.А., Верижникова Е.В.* Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Под ред. Р.П. Усиковой. т. I (А–М). Скопје, 1997.
2. *Усикова Р.П., Шанова З.К., Поварницина М.А., Верижникова Е.В.* Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Под ред. Р.П. Усиковой. т. II (Н–П). Скопје, 1997.
3. *Усикова Р.П., Шанова З.К., Поварницина М.А., Верижникова Е.В.* Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Под ред. Р.П. Усиковой. т. III (Р–Ш). Скопје, 1997.
4. *Усикова Р.П., Шанова З.К., Верижникова Е.В., Поварницина М.А.* Македонско-русский словарь. Под общей редакцией Р.П. Усиковой и Е.В. Верижниковой. М., 2003.
5. *Боронникова Н.В., Верижникова Е.В.* Теория и практика перевода (на материале македонского кинотекста): учеб.-метод. пособие. Пермь, 2013.

REFERENCES

1. Usikova R.P., Shanova Z.K., Povarnicina M.A., Verizhnikova E.V. Makedonsko-ruski rechnik. Makedonsko-russkij slovar' [Macedonian-Russian Dictionary]. Ed. R.P. Usikova. Vol. I (A–M). Skopje, 1997.
2. Usikova R.P., Shanova Z.K., Povarnicina M.A., Verizhnikova E.V. Makedonsko-ruski rechnik. Makedonsko-russkij slovar' [Macedonian-Russian Dictionary]. Ed. R.P. Usikova. Vol. II (N–P). Skopje, 1997.
3. Usikova R.P., Shanova Z.K., Povarnicina M.A., Verizhnikova E.V. Makedonsko-ruski rechnik. Makedonsko-russkij slovar' [Macedonian-Russian Dictionary]. Ed. R.P. Usikova. Vol. III (R–Sh). Skopje, 1997.
4. Usikova R.P., SHanova Z.K., Verizhnikova E.V., Povarnicina M.A. Makedonsko-russkij slovar' [Macedonian-Russian Dictionary]. Ed. R.P. Usikova, E.V. Verizhnikova. Moscow, Astrel Publ., 2003.
5. Boronnikova N.V., Verizhnikova E.V. Teoriya i praktika perevoda (na materiale makedonskogo kinoteksta): ucheb.-metod. posobie [Theory and Practice of Translation (Based on Macedonian Cinematographic Text): a textbook]. Perm, PGNIU, 2013.

Поступила в редакцию 08.11.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 21.03.2024

Received 08.11.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 21.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Кикило Наталья Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН; kikilo@bitandpin.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalya Kikilo — PhD in Philology, Research Fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; kikilo@bitandpin.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 276–280
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 2, pp. 276–280

ПАМЯТИ…

РОЛЬФ-ДИТЕР КЛЮГЕ 26.6.1937–13.3.2024

В.Б. Катаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kataev2003@yandex.ru

Аннотация: Ушел из жизни Рольф-Дитер Клюге (1937–2024), выдающийся немецкий славист, известный литературовед, председатель Германского Чеховского общества, почетный профессор Московского университета. Рольф-Дитер Клюге был организатором большого международного Чеховского конгресса в Баденвейлере в конце 1980-х гг. Его деятельность способствовала тому, что кафедра, которой он руководил в Тюбингенском университете, стала важным славистическим центром. Рольф-Дитер Клюге стоял у истоков организации в Баденвейлере первого Чеховского музея за пределами России. Рольф-Дитер Клюге способствовал упрочению связей между Тюбингенским университетом и Московским государственным университетом. В середине 90-х совместно с автором статьи были подготовлены и проведены два тюбингенско-московских студенческо-аспирантских семинара. Наследие Р.-Д. Клюге включает труды о Чехове, Тургеневе, Достоевском и др. Его удивительно широкий творческий кругозор и энергия привлекали и вдохновляли коллег и учеников.

***Ключевые слова*:** Рольф-Дитер Клюге; Чехов; чеховедение; Тюбингенский университет, академические связи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-24

***Для цитирования*:** *Катаев В.Б.* Рольф-Дитер Клюге 26.6.1937–13.3.2024 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 276–280.

ROLF-DIETER KLUGE 26.6.1937–13.3.2024

V.B. Kataev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kataev2003@yandex.ru.

Abstract: Rolf-Dieter Kluge (1937-2024), a prominent German Slavist, famous literary scholar, Chairman of the German Chekhov Society, Honorary Professor of Moscow University, has passed away. Rolf-Dieter Kluge was the organiser of the great international Chekhov Congress in Badenweiler at the end of the 1980s. His work helped to make his department at the University of Tübingen an important Slavic centre. Rolf-Dieter Kluge was behind the organisation of the first Chekhov Museum

© Катаев В.Б., 2024

outside Russia in Badenweiler. Rolf-Dieter Kluge helped to strengthen the ties between the University of Tübingen and Moscow State University. In the mid-1990s, two joint Tübingen-Moscow student-postgraduate seminars were organised together with the author of this article. R.-D. Kluge's legacy includes works on Chekhov, Turgenev, Dostoevsky and others. His remarkably broad creative outlook and energy attracted and inspired colleagues and students.

***Keywords*:** Rolf-Dieter Kluge; Chekhov; Chekhov Studies; University of Tübingen; academic relations

***For citation*:** Kataev V.B. (2024) Rolf-Dieter Kluge 26.6.1937–13.3.2024. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 276–280.

13 марта 2024 г. скончался видный немецкий литературовед, председатель Германского Чеховского общества, почетный профессор Московского университета Рольф-Дитер Клюге.

С Рольфом-Дитером Клюге я поначалу был знаком заочно — узнал о нем как об организаторе большого международного Чеховского конгресса в Баденвейлере в конце 80-х, после которого был издан солидный том докладов. Участвовать в том конгрессе мне не довелось, а наша личная встреча произошла весной 1990 года в Париже, на конференции, посвященной Чехову. Первые контакты ограничились чисто профессиональными краткими разговорами. Нас обоих интересовало творчество великого русского писателя, и немецкий коллега предложил сразу интригующую тему: сопоставление с чеховской драматургией пьес мэтра европейского театра абсурда Беккета.

Это был старт, а дальше в моей жизни начался период, длившийся более четверти века, когда Рольф-Дитер Клюге стал для меня не только близким по духу исследователем русской литературы, одним из ведущих авторитетов западной русистики, — в нем я обрел друга, с которым связаны и общие университетские и научные проекты, и семейные посиделки, и задушевные встречи и беседы… И проходили они в Москве и Тюбингене, в Липецке и на берегу Байкала, в Варшаве и Регенсбурге, в Петербурге и Байройте, в Баден-Бадене и Мелихове, в Констанце и, конечно, в Баденвейлере…

Время — начало девяностых годов — благоприятствовало установлению и налаживанию разнообразных связей между университетами и учеными. Но чтобы это действительно работало, нужны были незаурядные личности, обладающие широким творческим кругозором, темпераментом организаторов, да и просто харизмой, привлекающей сотрудников и признаваемой в научном сообществе. И всем этим в полной мере обладал Рольф-Дитер Клюге. Именно он стал вдохновителем и двигателем всего, что сделало его кафедру в Тюбингенском университете важным славистическим центром; ему

принадлежит заслуга организации в Баденвейлере первого Чеховского музея за пределами родины писателя; именно он, благодаря организации и проведению международных Чеховских конгрессов, придал Баденвейлеру статус центра мировой чеховистики. Наконец, результатом его энергии и упорства стало упрочение связей между одним из старейших европейских университетов, Тюбингенским, и главным российским университетом, Московским. Звание почетного профессора Московского университета — одна из многих научных наград, которыми он был по праву увенчан.

Помню, как уже в первых с ним разговорах меня приятно удивила и даже поразила широта его интересов и познаний в избранной им на всю жизнь области — русской литературе. Он читал наизусть стихи любимых им русских поэтов: Лермонтова («Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами…») или Блока («…Умрешь — начнешь опять сначала…»). И мог, с лукавой усмешкой, процитировать из старославянских виршей Симеона Полоцкого или торжественных од Ломоносова. Его книга о Тургеневе — это свидетельство его любви к, может быть, самому европейскому из русских писателей и глубокого проникновения в его творчество. Русская литература в его книгах, его курсах лекций представала в тесных связях с литературами других стран и народов, как часть всемирной литературы.

И все-таки главным из русских писателей, которому были посвящены дела и труды Клюге — ученого, преподавателя, организатора науки, — на многие десятилетия стал Антон Павлович Чехов. Наверное, какие-то из тех качеств, которые прочно связаны с личностью этого писателя — а ведь в этом замечательном человеке и художнике всегда жили деятельные, преобразующие начала, — были особенно близки Клюге. Иначе трудно объяснить те многообразие и значимость его свершений, которые связаны с увековечением на немецкой земле памяти о русском писателе.

От него первого я услышал фразу: «Изучение Чехова стало отраслью мирового литературоведения». И он имел полное право так говорить: действительно, вышедшие под его редакцией итоговые тома баденвейлерских конференций собрали под своими обложками, наверное, самое значительное, что было написано о Чехове за последние годы во всех странах. Притягательный Баденвейлер приобрел во многом новый облик с созданием в нем литературного Чеховского салона, с регулярным проведением памятных литературных и художественных встреч. А в созданном по инициативе Клюге Германском Чеховском обществе он по праву занимал пост почетного председателя.

Клюге всегда окружали верные ученики и последователи: он умел передать свои увлеченность и энергию тем, с кем рука об руку мог

осуществить свои масштабные предприятия. Работа со студентами и аспирантами — еще одна сфера проявления его таланта. Мне повезло: в середине 90-х мы провели два совместных тюбингенско-московских студенческо-аспирантских семинара. Замысел был таков: участники семинара с той и другой стороны выбирали различные аспекты одной общей темы. В первый раз это была тема «Чехов и Германия», через пару лет, с развитием успеха, — «Рихард Вагнер и русская культура». Поначалу, осенью, проходил общий сбор в Тюбингене, потом, после обсуждения докладов и их доработки, весной — заключительная встреча в Москве. По итогам семинаров были изданы сборники докладов, весьма разнообразных и получивших положительные отклики в печати. Но главной, с моей точки зрения, была возможность общения, встречи, подаренная (во многом по инициативе Клюге) молодым людям, только вступающим в науку и формировавшимся в совершенно различных обществах и школах. Знакомство с немецким университетом, со старинным городом и его окрестностями, организованная гостеприимным хозяином незабываемая поездка в Байройт и встреча там с внучатым племянником великого Вагнера — все это создавало нужную атмосферу. Московские и тюбингенские сверстники быстро находили общий язык, завязывались дружеские связи, во многом сохраняемые и поныне. И когда появилась возможность отплатить немецким друзьям совместной поездкой в Санкт-Петербург, посетить там музей Римского-Корсакова и Мариинский театр, — это выглядело как закономерный итог блестящего педагогического проекта.

Впечатления от повседневной немецкой культуры были бы совсем не полны без радушного дома Клюге в Нойштеттене. Приветливый, всегда готовый к остроумной шутке или к вдумчивому собеседованию хозяин и, конечно, душа этого семейного гнезда Инге Клюге. Верная спутница в многочисленных странствиях Рольфа-Дитера, она всегда придавала особый шарм всем встречам, застольям, разговорам за полночь с гостями их дома.

Рольф-Дитер рассказывал, как в детстве он и отдаленно не предполагал, в каком направлении будет складываться его жизненный и профессиональный путь. Русский язык он стал изучать в гимназии скорее как орудие игры, как таинственный код в общении с товарищами. Но оказалось, что он вступил в поле мощного притяжения. Все более раскрывавший ему свои богатства язык, созданная на нем литература увлекали, появилась возможность заниматься с хорошими учителями, упорная и напряженная творческая работа — так постепенно формировался будущий первоклассный специалист в области изучения русской литературы.

Чаша его бытия (если использовать образ из стихов любимого им Лермонтова) была наполнена славными делами и достижениями. Память о них навсегда останется с нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kluge, R.-D.* F.M. Dostojevski. Darmstadt: wbg Academic, [2021].
2. *Kluge, R.-D.* Turgenjew — der russische Europäer. Turgenev — der Russische Europäer Veranstaltung. Baden-Baden; Heidelberg: Mattes Verlag, 2016.
3. *Kluge, R.-D.* Anton P. Čechov. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2005, Sonderausg.
4. *Kluge, R.-D.* Berthold Auerbach und die russische Literatur. Tübingen: Slavisches Seminar der Univ., 2005.

REFERENCES

1. Kluge, R.-D. *F.M. Dostojevski*. Darmstadt : wbg Academic, [2021]
2. Kluge, R.-D. *Turgenjew — der russische Europäer.* Turgenev — der Russische Europäer Veranstaltung. Baden-Baden; Heidelberg: Mattes Verlag, 2016.
3. Kluge, R.-D. *Anton P. Čechov*. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2005, Sonderausg.
4. Kluge, R.-D. *Berthold Auerbach und die russische Literatur.* Tübingen: Slavisches Seminar der Univ., 2005.

Поступила в редакцию 22.03.2024
Принята к публикации 29.03.2024
Отредактирована 05.04.2024

Received 22.03.2024
Accepted 29.03.2024
Revised 05.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Катаев Владимир Борисович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kataev2003@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Kataev — Prof. Dr., Chairman, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kataev2003@yandex.ru

ISSN 0130-0075
ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2024. № 2. 1–280.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.